Рохинтон
Мистри

XX век
The BEST

Дела семейные

[роман]

Дела семейные
Рохинтон Мистри

Аннотация
Рохинтон Мистри. Дела семейные
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Глава 18
Глава 19
Глава 20

Эпилог. Пять лет спустя
Что говорил Заратустра?

Аннотация

Роман «Дела семейные» вошел в шорт-лист Букеровской премии за 2002 год!

Всю свою жизнь профессор литературы из Бомбея Нариман Вакиль посвятил другим. Ученикам, в которых снова и снова вкладывал душу. Женщине, на которой женился поневоле, из чувства долга, в действительности любя другую. Родной дочери и детям жены от первого брака, между которыми никогда не делал разницы, а потом и внукам.

Теперь профессор Вакиль стар, болен и нуждается в уходе. Однако необходимость объединиться вокруг него лишь распаляет костер разногласий, которые терзают младшие поколения семьи…

Эта история трех поколений одной семьи из Бомбея поднимает самые важные проблемы, актуальные для человека любой национальной и религиозной принадлежности, – проблемы детей и родителей, религии и человечности.

Рохинтон Мистри
Дела семейные

© Rohinton Mistry, 2002
© Перевод. М. Салганик, наследники, 2022
© Издание на русском языке AST Publishers, 2022

* * *

Глава 1

Луч предвечернего солнца брызнул в изножье кровати Наримана и разбудил его. Он проснулся, взглянул на часы. Скоро шесть. Посмотрел на ноги, пригретые солнцем. Искореженные и скрюченные пальцы, с возрастом ставшие похожими на птичью лапу, наслаждались теплом. Глаза опять закрылись.

Мало-помалу солнечный луч уходил в сторону, вызывая у Наримана смутное ощущение, что его бросают. Снова посмотрел на часы: уже седьмой. С трудом поднялся — пора собираться на вечернюю прогулку. Пока умывался и полоскал рот, за плеском воды послышались голоса падчерицы и пасынка.

— Папа, пожалуйста, не выходи на улицу, мы тебя умоляем, — сказал Джал за дверью ванной и сморщился от звука собственного голоса, потому что он отдался громовым раскатом в ушах.

Джал поспешно подстроил слуховой аппарат. Аппарат у него старой модели: металлическая коробочка, размером со спичечную, крепится к нагрудному карману, оттуда тянется проводок к

наушнику. Джал без особой охоты приобрел аппарат четыре года назад, когда ему исполнилось сорок пять, но так и не привык к его капризам. «Чуть получше», — сказал он себе и продолжил вслух:

— Неужели тебе трудно выполнить нашу просьбу? Прошу тебя, оставайся дома. Ради твоего же блага.

— Почему мы должны кричать через дверь? — возмутилась Куми. — Открой ты ее, Джал!

Куми на два года моложе брата, тон ее бранчлив, в противовес его увещевательному. Она сухопара, как брат, но крепче его; она в мать, однако ей недостает округлостей для смягчения острых углов и линий. Когда она подрастала, родня невесело вздыхала, глядя на нее, и приговаривала: отцовская любовь, как солнца свет и свежая вода, без них не расцветает девичья краса, а отчим — совсем не то. Однажды по неосторожности кто-то сказал это при ней. Слова больно обожгли ее, она убежала к себе плакать по умершему отцу.

Джал подергал дверную ручку — заперто. Поскреб в густых курчавых волосах и осторожно постучался. Ответа не последовало.

В дело вступила Куми.

— Сколько можно повторять, папа! Не запирай дверь! Как мы тебя вытащим, если ты упадешь или сознание потеряешь? Живи по правилам!

Нариман смыл с рук мыльную пену и потянулся за полотенцем. Куми ошиблась в выборе профессии, думал он. Ей бы стать директрисой школы, требовать соблюдения правил от подневольных учениц, отравляя им жизнь. Вместо этого она его донимает правилами, регулирующими все стороны его скукожившейся жизни. Кроме запрета запирать двери, он обязан объявлять о намерении посетить клозет. По утрам должен оставаться в постели, пока она не придет за ним. Ванна — не чаще двух раз в неделю, при этом Куми выступает в роли хореографа, руководя каждым его движением, а Джал выполняет обязанности помощника режиссера, страхуя безопасность отчима. Существует еще целый свод правил в отношении питания, одежды, зубных протезов, включения проигрывателя… И в минуты доброжелательства Нариман соглашается с тем, что неустанно твердят брат с сестрой: все ради его же блага.

Он утирает лицо под тарахтение дверной ручки.

— Папа, ты в порядке? Я вызову слесаря снять

все дверные замки — предупреждаю тебя!

Трясущиеся руки не сразу сумели повесить полотенце обратно на сушилку. Он открыл дверь.

— Хэлло, вы меня ждете?

— С ума можно сойти! У меня чуть сердце не выскочило — то ли ты сознание потерял, то ли еще что!

— Ничего, ничего, с папой все в порядке, — успокаивает сестру Джал. — Это самое главное.

Нариман с улыбкой вышел из ванной и подтянул брюки. С ремнем труднее, дрожащие пальцы не попадают стерженьком в пряжку. Засмотрелся на косой луч между кроватью и окном, залюбовался галактиками пляшущих пылинок, совершающих свои небесные движения по загадочным орбитам. Гул машин за окном, как всегда, усилился к вечеру. Отчего это уличный шум больше не раздражает его, подумал он…

— Что ты размечтался, папа, ты лучше нас послушай, — говорит Куми.

Нариману казалось, что в окно вливается благодатный запах земли, омытой дождем; он почти ощущал его на вкус. Выглянул в окно. Да, капает. Но это не дождь, а тоненькая струйка воды из соседского цветочного ящика.

— Даже с моими здоровыми ногами рискованно

ходить по улице, — продолжил Джал ежевечернее выступление по поводу прогулок отчима. — А хулиганство на бомбейских улицах? Легче наткнуться на золотой самородок под ногами, чем встретить обыкновенную вежливость. Какое удовольствие ты находишь в этих прогулках? Ничего хорошего.

Носки. Нариман решил надеть носки и подошел к комоду. Роясь в неглубоком ящике, он ответил, не поднимая головы:

— Совершенно верно, Джал. Но есть много источников удовольствия. Канавы, рытвины, уличное движение не могут затмить жизненные радости.

Рука, трепещущая как птичье крыло, все шарила в ящике. Но задача оказалась не по силам, и он сунул в туфли босые ноги.

— Туфли на босу ногу? — возмутилась Куми. — Выйдешь на улицу в таком виде, как дикарь из деревни? И посмотри, как у тебя руки дрожат, ты даже шнурки не можешь завязать.

— Верно, и ты могла бы помочь.

— С радостью, если бы ты по делу собирался: к доктору или в храм огня за маму помолиться. А глупостям я потакать не стану. Чтобы человек с болезнью Паркинсона проделывал то, что ты

себе позволяешь!

— Я же не в Непал собираюсь по горам лазить. Хочу немного пройтись по переулку, вот и все.

Смягчаясь, Куми опускается на колени завязать ему шнурки, что она делает каждый вечер.

— Начало августа, — ворчит она, — муссон в разгаре, а тебе гулять приспичило.

Он подошел к окну и показал на небо:

— Дождь перестал, смотри.

— Ты просто упрямый ребенок, вот ты кто, — жаловалась Куми. — Наказать бы тебя, как ребенка. Оставить без обеда за непослушание, а?

«С твоей стряпней это не наказание, а подарок», — подумал он.

— Нет, ты слышал, Джал?! Чем он старше становится, тем бессовестнее!

Нариман понял, что произнес это вслух.

— Должен признаться, Джал, твоя сестра меня пугает. Она читает мои мысли.

Но слуховой аппарат опять подвел его пасынка, усилив громкий голос Куми, который перекрыл отчимово бормотание, и Джал услышал лишь неясный гул. Подстроив аппарат, Джал вернулся к тому последнему, что дошло до его слуха.

— Я согласен, папа, есть множество источников удовольствия. Наш разум содержит в себе столь-

ко миров, что радости от них хватит на целую вечность. Плюс у тебя есть книги, есть проигрыватель, радио есть. Зачем вообще выходить из квартиры? Тут как в раю. Этому дому не случайно дали название «Шато фелисити» — здесь и вправду можно блаженствовать. Я бы с радостью отгородился от этого ада за стенами и всю жизнь провел бы дома.

— Не смог бы, — возразил Нариман. — Ад обладает способностью проникать даже через небесные мембраны. «О небеса, я в небесах», — тихонько замурлыкал Нариман, но смолк, чувствуя нарастающее раздражение Куми. — Достаточно вспомнить, что творилось после разгрома мечети Бабри[1].

— Ты прав, — поежился Джал, — временами ад всюду проникает.

Чуть не десяток лет прошел с тех пор, как индусские фанатики, распаленные соответствующей пропагандой, разгромили эту мечеть, еще в шестнадцатом веке построенную на руинах индусского храма. Эхо события раскатилось по всей Индии кровавыми индусско-мусульмански-

---

[1] Примечания: 1

Подробнее об этом, а также о других упомянутых в романе политических событиях и историко-культурных фактах см. в статье «Что говорил Заратустра?» в конце книги.

ми стычками, а в Бомбее вылилось в страшные погромы мусульманских кварталов…

— Чего ты соглашаешься с его глупым примером? — возмутилась Куми. — Погромы были на улицах, а не в домах!

— Я думаю, папа имеет в виду эту семью парсов, двух стариков, мужа и жену, которые погибли у себя же в спальне.

— Ты ведь тоже помнишь эту историю, Куми, — вздохнул Нариман, — когда озверелые толпы подожгли дом, потому что кто-то сказал, что там мусульмане прячутся?

— Я все помню, у меня память получше твоей! Несчастным не повезло, стали жертвой недоразумения! Часто бывает, чтобы из-за мечети в Айодхье здесь, в Бомбее, начал зверствовать народ? Редчайший случай!

— Справедливо, — согласился Нариман. — Счет в нашу пользу.

— А взять прошлую неделю? В Фироз-Баге избили и ограбили старуху в ее собственной квартире, — не к месту припомнил Джал. — Бедняжка лежит в «Парси дженерал», и неизвестно, выживет ли.

— Ты на чьей стороне? — взорвалась Куми. — Хочешь доказать, что папа может спокойно

гулять по вечерам? Что мир не превратился в опасное место?

— Конечно, превратился, — ответил за пасынка Нариман. — В особенности внутри дома.

Куми, стиснув кулаки, выскочила из комнаты. Он подышал на очки и медленно протер стекла носовым платком. Его меркнущее зрение, неудобные зубные протезы, трясущиеся конечности, согбенная спина и шаркающая походка были почти готовы к совершению вечернего ритуала.

Нариман Вакиль вышел из «Шато фелисити» с зонтиком, который служил ему тростью. После затхлой пустоты квартиры бурление жизни было как воздух для изголодавшихся легких.

Он шел к переулку, где на углу торговали овощами. Корзины и ящики, полные зелени, бобов, фруктов и корнеплодов, преображали угол в сад. Французские бобы, сладкий картофель, цветная капуста, кориандр, зеленые перчики, помидоры цвели под уличными фонарями, вознося сумеркам свои краски и благоухание. Он останавливался, склоняясь, чтобы коснуться их. Пальцы так и тянуло к чувственным луковицам и лоснящимся помидорам; фиолетовые баклажаны и сладострастная морковь были неотразимы. Зеленщики-сабзивалы знали, что он не поку-

патель, но это их не смущало, а ему нравилось думать, что они понимают, зачем он приходит. На подмостках у цветочного ларька двое мужчин сидели, поджав ноги, как музыканты, их пальцы выбирали, подбирали, складывали и связывали, сплетая в гирлянды, ноготки, жасмин, лилии и розы, играя цветочную мелодию. Нариман представлял себе дальнейший путь их произведений, которые будут упрашивать богов в храме, чтить фотографии чьих-то предков, украшать волосы жен, матерей и дочерей.

Прилавок с бхел-пури[2] выглядел рельефным пейзажем с золотистыми пирамидами сева, снежными горками мумры, холмиками лепешек-пури, а в долинах между ними поблескивали озерца зеленых, коричневых и красных соусов-чатни в алюминиевых мисках.

Продавец бананов разгуливал со своим товаром. Он шагал, вытянув руку, по плечо увешанную тяжелыми кистями бананов, — цирковой номер жонглера и силача.

Для Наримана все это было цирковой магией, упоительным магическим действом.

…В канун семьдесят девятого дня рождения он

---

[2] Примечания: 2

Бхел-пури — хрустящая индийская закуска, готовится из риса и овощей.

вернулся домой, хромая, со ссадинами на локте и предплечье. Упал, переходя через дорогу напротив «Шато фелисити».

Дверь открыла Куми.

— Боже мой, — взвизгнула она, — Джал, беги сюда, папа весь в крови!

— Где кровь? — изумился Нариман.

Кровь поцарапанной руки немного запачкала рубашку.

— Это? Это называется «весь в крови»? — Нариману стало смешно.

— Как ты можешь смеяться, папа? — упрекнул его Джал. — Мы с ума сходим из-за твоих травм!

— Не преувеличивай. На что-то наступил и слегка подвернул ногу, вот и все.

Куми смочила ватку «Деттолом» и принялась обрабатывать ссадины. Рука Наримана дернулась от жгучего прикосновения антисептика. Куми вздрогнула, как от боли.

— Прости, папа. — Она подула на руку. — Так лучше?

Он кивнул. Ловкие пальцы Куми обтирали ссадины, осторожно заклеивали их пластырем.

— Бога надо благодарить, что все обошлось, — говорила она, убирая аптечку, — ты же понимаешь, чем это могло кончиться. А если бы ты упал

прямо на улице, на проезжей части?

— Ох! — Джал закрыл лицо руками. — Даже подумать страшно.

— Одно ясно, — продолжала Куми, — больше ты на улицу не пойдешь.

— Согласен, — подхватил Джал.

— Не будьте идиотами, вы двое.

— А как насчет тебя, папа? — взвилась Куми. — Завтра тебе исполняется семьдесят девять лет, а ты ведешь себя совершенно безответственно. Не думаешь о Джале и обо мне, не ценишь, что мы для тебя делаем.

Нариман сидел, стараясь сохранять гордое спокойствие. Но руки его так и плясали, сколько он ни пытался удержать их на коленях. И ноги дергались все сильней, заставляя подпрыгивать колени. И еще он никак не мог вспомнить, принял ли лекарства после обеда.

— Выслушайте меня, — сказал он, устав ожидать, пока успокоятся конечности. — В молодости меня контролировали родители и погубили те годы. По их милости я женился на вашей матери и погубил свою зрелость. Теперь вы хотите истерзать мою старость. Я этого не допущу.

— Ложь! — вспыхнула Куми. — Это ты погубил мамину жизнь и нашу с Джалом тоже! Я не по-

терплю ни одного дурного слова о маме!

— Ты только не расстраивайся, — пытался утихомирить сестру Джал, яростно поглаживая ручку кресла. — Я уверен, что сегодняшний случай послужит папе предостережением.

— И он поймет? — Куми злобно смотрела на отчима. — Или опять выйдет на улицу и переломает себе кости, на мою голову?

— Нет, нет, он будет хорошо вести себя. Будет сидеть дома, читать, отдыхать, слушать музыку и…

— Я хочу это от него услышать!

Нариман сохранял спокойствие, занятый полезным делом: он уже расстегнул пояс и перешел к развязыванию шнурков.

— Если ты не желаешь слушаться нас, можешь спросить, что твоя дочь об этом думает, когда она завтра придет, — предложила Куми. — Твоя плоть и кровь, не то что мы с Джалом, второй сорт.

— Вот это ты совершенно напрасно.

— Слушай, — вздохнул Джал, — Роксана с семьей придет на папин день рождения. Давайте не будем завтра ссориться.

— При чем тут ссора? — возразила Куми. — Просто обсудим все серьезно, как взрослые люди.

Джал и Куми безоглядно полюбили Роксану с момента ее появления на свет, хоть и приходи-

лась она им не родной, а сводной сестрой. Джалу тогда было четырнадцать, Куми — двенадцать, поэтому у них не возникло ощущения, что с рождением малышки они оказались на втором плане, они не терзались ревностью, завистью или даже ненавистью — теми сложными чувствами, которые новорожденные нередко вызывают у братьев и сестер, близких к ним по возрасту.

Или, может быть, Джал и Куми обрадовались появлению Роксаны, потому что она заполнила пустоту, оставленную смертью отца, умершего четырьмя годами раньше? Дети редко видели отца здоровым. В короткие промежутки, когда он не был прикован к постели из-за больных легких, он был так слаб, что нуждался в постоянном уходе и помощи. Хронический плеврит оказался предвестием более серьезной легочной болезни, страшная аббревиатура которой никогда не произносилась ни в семье, ни среди друзей. Вода в легких — так говорили о недуге Палонджи.

Сам Палонджи, чтобы облегчить близким бремя тревоги, превратил в шутку это кодовое название своей болезни. Когда Джал, который рос большим шалуном, выкидывал очередной фортель, то причиной считалась вода в его голове. «Уши затыкай, когда моешь голову», — поддразнивал его

отец. Неумелые руки свидетельствовали о воде в пальцах. А когда маленькая Куми плакала, отец говорил: «Моя прелестная дочурка не плачет, у нее просто вода в глазах». И Куми улыбалась.

Отвага Палонджи Контрактора и его решимость не допускать уныния в семье были героическими, но конец, когда он наступил, надломил Джала и Куми. Три года спустя мать вторично вышла замуж. Дети холодно приняли чужака и никак не могли преодолеть неловкость в общении с ним. Они упрямо звали Наримана Вакиля «новым папой».

Нариман болезненно реагировал на это обращение — всякий раз, когда дети называли его так, они будто камушек ему в лицо бросали.

Поначалу он пытался отшутиться:

— И все — просто «новый папа»? А почему не более длинный титул? Как насчет «новенького улучшенного папы»?

Однако выбор прилагательных оказался неудачным: Джал ледяным тоном заметил, что никто не может быть лучше их настоящего папы. Матери потребовалось немало времени, чтобы убедить детей, что ей было бы приятнее, если бы они отказались от этого «нового». Джал и Куми согласились; они быстро взрослели, слишком

быстро. Дети сообщили матери, что готовы называть отчима, как она пожелает. «Он же все равно не станет им папой, как его ни зови», — сказали дети.

А Нариман задумался над тем, во что он ввязался, женившись на Ясмин Контрактор. Они не по любви соединили свои жизни — это был брак по сватовству. Ясмин пошла на этот шаг ради уверенности в будущем, ради сына и дочери.

А он, оглядываясь назад, на бесплодную пустошь их жизней, в отчаянии спрашивал себя, как он мог быть таким безвольным недоумком, чтобы дать этому свершиться.

Но через год после женитьбы в их жизнь вошло маленькое чудо. Родилась Роксана. Безмерность любви и нежности, излившаяся на ребенка, не могла не согреть их всех. Любовь к маленькой Роксане вызволила их из трясины враждебности, на некоторое время отвела беду.

* * *

Время близилось к шести, пора одеваться к праздничному обеду. Нариман так ждал этого вечера и прихода Роксаны с семьей. Одеваясь, он погружался в ту счастливую пору жизни, когда у него родилась дочь.

Опять полил дождь, которого не было почти целый день. Новая сорочка, подарок Джала и Куми, дожидалась на комоде. Он вынул ее из целлофановой упаковки и поморщился от прикосновения перекрахмаленной ткани. Воротник, без сомнения, весь вечер будет натирать шею. Чего только не приходится терпеть в день рождения! В комоде лежат прекрасные рубашки, такие мягкие и удобные — они переживут его.

Пока он возился с тугими новыми петлями и пуговицами, где-то в доме застучал молоток, перекрывая барабанную дробь дождя. Дела нет никому до проблем старых и немощных — иначе не стали бы упаковывать рубашки в непроницаемые пластиковые оболочки, втыкая острые булавки в самые неподходящие места, плотно загоняя картонные вставки под воротник.

Он улыбнулся, думая про Роксану, ее мужа и двух сыновей. Мог ли он представить, любуясь крохотной девчушкой, что придет время, когда у нее будут собственные дети. Неужели это изумляет всех отцов?

А что было бы, останься она подольше малышкой? Может быть, подольше продлился бы и тот единственный период семейной жизни, когда он был действительно счастлив. Нам требуется

невозможное, чтобы не быть несчастными. Но мир не так устроен. Семейное счастье оказалось коротким. Слишком коротким.

Вспомнил, как Джал взял малышку на руки и как обрадовался, когда она ухватила его за палец.

— Какая у нее сила, папа!

Куми сразу потребовала сестричку себе на руки.

— Смотри, она пузырики пускает, — восторженно вопила Куми, — совсем как из моей трубочки!

Куми только что купили на ярмарке набор с трубочкой для выдувания пузырей.

Но даже восторженной любви Джала и Куми пришел конец, когда Роксана вышла замуж и переехала жить в квартиру, которую он устроил за умопомрачительную взятку. Вот тогда ему впервые была брошена в лицо фраза о «плоти и крови», обвинение в пристрастности.

Если бы сохранилась хоть детская близость, еще не отравленная «плотью-кровью», — ибо в ту пору это не имело никакого смысла для троих детей, — если бы сохранилась хоть она как утешение, как нечто спасенное при крушении семьи! Но ему отказано и в этом. Естественно. Только к мерзкому концу могло привести такое

мерзкое начало.

А что было началом? Тот день, когда он встретил дорогую свою Люси, женщину, на которой и должен был жениться? Но то был отнюдь не мерзкий день, а прекраснейшее из утр. Или позднее, когда он бросил Люси? Или когда согласился жениться на Ясмин? Или воскресный вечер, когда его родители и их друзья впервые изложили ему свой план, от которого он должен бы прийти в бешенство, взорваться, затопать ногами, сказать им, чтобы своими делами занимались, послать их к чертовой матери?

Тридцать шесть лет прошло. А он все помнит тот воскресный вечер, еженедельный сбор родительского круга. Вот в этой самой гостиной, все с той же мебелью, той же краской на стенах и с эхом голосов того воскресного вечера. Большое было ликование, когда родители объявили, что их единственный сын, долгие годы отказывавшийся порвать связь с этой гоанкой, ни в какую не соглашавшийся познакомиться с приличной девушкой из парсов, слышать не желавший о достойном браке, что их бесценный Нариман внял наконец голосу разума и дал согласие жениться. Он сидел в одиночестве на балконе, где было слышно каждое их слово. Как всегда, пер-

вым откликнулся Соли Бамбот, старейший друг родителей, адвокат, понемногу отходивший от дел, но все еще весьма влиятельный.

— Нари — троекратное ура! — возгласил он.

— Гип-гип-гип ура! — подхватили остальные.

По воскресеньям у них регулярно собиралось десять человек, считая и родителей.

— Нет, только девять, — поправился он, — потому что жена мистера Бурди, Ширин, год назад скоропостижно умерла.

По окончании траура мистер Бурди возвратился на воскресные сборища, где, по оценке Наримана, с незаурядным прилежанием исполнял роль вдовца. Отведав вкусную пакору или какой-то особый чатни, он обязательно вздыхал:

— С каким удовольствием ела бы это моя Ширин…

Посмеявшись забавному анекдоту, неизменно замечал:

— У моей Ширин было классное чувство юмора — она всегда первая смеялась удачной шутке!

Однако вдовство не вполне отвечало его характеру, и через несколько месяцев он перешел к амплуа жизнелюбивого холостяка. Компания согласилась со сменой роли и неявно поддержала мистера Бурди, перестав упоминать имя

Ширин во время воскресных встреч. «К вопросу о любви, верности и памяти», — думал Нариман. Провозгласив по призыву Соли троекратное ура, компания перешла к индивидуальным поздравлениям родителей Наримана.

— Поздравляю, Марзи, — обратился мистер Котвал к отцу. — Одиннадцать лет ты боролся — и победил.

— Лучше поздно, чем никогда, — вступил и мистер Бурди. — Но удача любит удачливых. Помни — плоды терпения сладки, и все хорошо, что хорошо кончается.

— Достаточно, мистер Пословица, оставь и нам немножко.

Слушая с балкона этот комментарий, Нариман передвинул стул, чтобы наблюдать за комментаторами, оставаясь невидимым. Теперь выступала миссис Унвала, которая всегда верила, что в конечном счете мальчик сделает правильный выбор; ее муж Дара энергично кивал, поддерживая жену. Супруги всегда выступали командой, мужа в компании звали Безмолвный Партнер. Соли вышел на балкон, и Нариман немедленно уткнулся в книгу.

— Нари! Ты что сидишь тут в одиночестве? Присоединяйся к нам, глупенький!

— Попозже, дядя Соли. Хочу дочитать главу.

— Нет-нет, Нари, ты нужен нам сейчас, — настаивал Соли, отнимая книгу. — Куда спешить, слова не исчезнут со страницы.

Он потянул Наримана за руку в гостиную. Они хлопали его по плечам, жали руку, обнимали, а он ежился, сожалея, что остался дома. С другой стороны, ему неминуемо пришлось бы вынести все это. Он услышал, как тетя Наргеш, жена дяди Соли, спрашивает у его матери:

— Скажи мне, Джеру, он это искренне? Он действительно расстался с этой Люси Браганца?

— О да, — ответила мать. — Он дал нам слово.

Теперь миссис Котвал кинулась к нему через всю гостиную и, ущипнув за щеку, прощебетала:

— Когда непослушный мальчик становится наконец хорошим мальчиком, это двойная радость!

Ему хотелось напомнить миссис Котвал, что мальчику уже сорок два. Потом его поманила к себе тетя Наргеш. Она всегда говорила тише всех, и шум в гостиной заглушал ее голос. Она похлопала по дивану, приглашая его сесть рядом, взяла его за руку — ее собственная рука носила следы ожога, в молодости полученного на кухне, — и прошептала:

— Нет большего счастья, чем исполнить родительскую волю. Ты помни об этом, Нари.

Ее голос доносился до него будто издалека, и не было у него ни воли, ни сил, чтобы спорить. Он вспоминал, как на прошлой неделе они с Люси сидели на Брич-Кенди и смотрели на отлив. Мальчишки тащили сетку по мелководью между камней в поисках добычи, забытой безразличными волнами. Мальчишки шлепали по воде и орали, а он думал о том, как они с Люси одиннадцать лет бились, пытаясь создать себе отдельный мир. «Кокон, — говорила Люси. — Нам нужен кокон, в котором можно укрыться, а когда обе семьи забудут про наше существование, мы выйдем на свет как две сверкающие бабочки и вместе улетим…» Воспоминание на миг ослабило его решимость — правильно ли он поступает? Да. Правильно. Они были загнаны в угол своими семьями. Измучены постоянной нервотрепкой. Он напомнил себе, как безнадежно их положение. Дошло до того, что чуть не каждый вечер у них с Люси вспыхивали ссоры, для которых всякий раз находился повод. Какой смысл быть дальше вместе, позволять, чтобы любовь гибла в бесполезных перебранках? Дети возбужденно визжали, обнаружив в неводе улов, а Люси в

последний раз пыталась убедить его: надо все послать к черту, вырваться из удушливого мира семейной тирании, бежать от чувства вины, от шантажа, на котором специализируются родители. Могут же они начать совместную жизнь, только они двое — и больше никого. Изо всех сил стараясь сохранить решимость, он ответил, что это уже сто раз обсуждалось, что семьи все равно затравят их, найдут способ. Единственный выход — побыстрей все кончить. «Хорошо, — сказала она, — больше нет смысла разговаривать». И ушла. Он остался сидеть у моря. А теперь, когда родители и их друзья, попивая скотч с содовой, обсуждают его будущее, ему кажется, будто он подслушивает разговоры посторонних. Они увлеченно играли в «конференцию круглого стола» — так они это назвали, — планируя его женатую жизнь с таким смаком, как обсуждали бы партию в вист или дружескую попойку.

— Есть одна проблема, — говорил мистер Бурди. — Мы, конечно, заперли конюшню и не дали вырваться коню, но теперь нужно искать кобылку.

— О чем он? — не поняла тетя Наргеш.

— Мистер Пословица считает, что жених готов, но надо найти ему невесту.

— А вы не думаете, — робко спросила она, — что брак по любви был бы лучше сватовства?

— Безусловно, — ответил его отец. — Думаешь, мы против? Но дело в том, что наш Нари, похоже, не влюбляется в девушек-парси. Значит, мы сами должны подобрать ему подходящую невесту.

— И будет это непросто, помяните мое слово, — вмешался мистер Котвал. — Можете искать не в одном Бомбее. Можете искать невесту от Калькутты до Карачи. Но как только семья невесты начнет наводить справки, сразу выяснится, что у Нари была связь с феранги, с иноверкой.

— Этого не скрыть, — согласилась миссис Унвала, — так что придется идти на компромисс.

— Не сомневаюсь, что Нари найдет прелестную жену. — Мать проявляла лояльность к сыну. — Лучшую из лучших.

— А я думаю, что про лучших лучше забыть, — возразил мистер Бурди. — Что посеешь, то и пожнешь. Нельзя пахать стерню сегодня, а назавтра ожидать урожай.

Посмеялись. Шутки становились все вольнее. Соли высказался насчет феранги, которые подтирают задницы бумагой, не понимая, что вода гигиеничней. Отрешенность, с которой Нариман слушал все это, испарилась.

— Как мне всех вас жалко, — сказал он, не скрывая отвращения. — Вы дожили до старости, не нажив мудрости.

Он резко отодвинул стул, царапнув им о пол, и вернулся на балкон. Взялся за книгу, глядя на страницу невидящими глазами. С моря дул легкий бриз. Из гостиной доносились голоса родителей, они извинялись за выходку сына: бедный мальчик не в себе, он же совсем недавно порвал с этой… Он пришел в ярость от того, с какой уверенностью они судят о его чувствах.

— Прекрасный принц не оценил нашего юмора, — говорил мистер Бурди, — но зачем же оскорблять нас?

— По-моему, это он из какой-то книги, — предположил мистер Котвал.

— Большая моя ошибка, — сказал отец. — Книги. Слишком много книг. Нари набрался современных идей. А находить равновесие между традицией и современностью так и не научился.

— Со временем все придет в норму, — успокоил его Соли. — Не волнуйся и не спеши — шаг за шагом.

— Вот именно, — подхватил мистер Бурди, — поспешишь — людей насмешишь. Тише едешь, дальше будешь.

Но вопреки собственным советам друзья семьи быстро нашли ему пару.

— Тебя познакомят с Ясмин Контрактор, она вдова, двое детей, — сообщили Нариману. — И это лучшее, на что ты можешь рассчитывать, мистер, с твоим-то прошлым.

Или вдова, объяснили они, или женщина с дефектом. Выбор за ним.

— Что значит с дефектом? — полюбопытствовал он.

— Ну, скажем, косоглазая, или глухая, или одна нога короче другой, а может быть, просто болезненная — слабые легкие или проблемы в департаменте деторождения, — шутливо отвечали они. — Мало ли кто попадется. Если он предпочитает такую, они наведут справки и составят список. — Никто не спорит, ты жених видный и образованный. Твой недостаток — твое прошлое, потерянные годы, из-за которых ты перешагнул за сорок. Но ты не волнуйся, мы все учли — ее характер, положение ее семьи, как она готовит и дом ведет. Мы считаем, что вдова будет хорошей женой.

Как инвалид, на каждом шагу опекаемый врачами и сестрами милосердия, он безвольно прошел весь процесс, подавляя сомнения и

дурные предчувствия, внушая себе, что традиционный путь — лучше всего. Он стал мужем Ясмин Контрактор и официально усыновил ее детей — Джала и Куми. Но за ними сохранялась фамилия отца. «Менять детям фамилию, — сказала его новая жена, — все равно что историю переписывать». Сравнение импонировало его академической душе, и он согласился.

«И это, пожалуй, была моя первая ошибка», — думал Нариман, продолжая бороться с пуговицами на подаренной ко дню рождения рубашке. Как реагировали Джал и Куми в детстве на фамилию, которую не носили остальные члены семьи? Обижались? Чувствовали себя обойденными? Надо было подумать, как они это воспримут, прежде чем соглашаться с Ясмин. Он был обязан постараться заменить детям умершего отца, дать им нормальное детство, которого у них никогда не было, водить их на экскурсии, устраивать пикники, игры, стараться подружиться с ними — и, возможно, все обернулось бы по-другому. Но тогда он не владел искусством видеть мир детскими глазами, по-детски воспринимать его. Теперь это куда легче.

Так и не совладав с пуговицами, он отложил рубашку и направился в клозет. В животе угро-

жающе урчало. Бредя по длинному коридору в конец квартиры, пытался припомнить, что съел.

Каждый шаг требовал напряженной сосредоточенности, дрожащая рука искала опору у стены, по всей длине увешанной большими портретами. Его предки — строгие лица и жесткие линии губ — хмурились в потемневших рамах, сверху вниз наблюдая за его частыми проходами в клозет. Он нередко тревожился, поспеет ли вовремя. Но эта несчастливая квартира хотя бы оправдывала мрачность семейных портретов. Ему чудилось, что лица на фамильных изображениях делались все угрюмей с каждым днем.

Он запер дверь на задвижку и сел с благодарностью за то, что в единственном выжившем клозете есть стульчак. В двух других приходилось присаживаться на корточки, чего бы он никак не сумел.

С другого конца коридора, от его комнаты, донесся голос Куми, которая просила папу поторопиться, поскольку Роксана с семьей должны вот-вот подойти. Потом он услышал в коридоре ее шаги, приближающиеся к клозету. Она подергала ручку.

— Кто там?

— Я.

— Можно бы по вони догадаться.

Вернувшись к себе, он застал ее в комнате. Где-то в доме продолжал стучать молоток.

— Ты нарушил правило, папа. Пошел в клозет без предупреждения.

— Извини. Забыл.

— Мне нужно по-маленькому, я бы сбегала первая. А теперь придется нюхать твой запах. — Она помолчала. — Хорошо, одевайся. Они придут с минуты на минуту, и я окажусь виноватой, что ты еще не готов.

Он протянул ей новую рубашку. Рука дрожала так, что рубашка развевалась как флаг.

— Пуговицы не застегиваются.

Рубашка была с длинными рукавами, Куми помогла ему надеть ее. Он спросил, откуда этот непрерывный стук.

— Это Эдуль Мунши внизу. Откуда еще. У нас в доме только один маньяк «умелые руки».

Куми застегнула манжеты и взялась за пуговицы на груди, когда в дверь позвонили. Нариман просиял: наконец-то! Роксана, Йезад, Мурад и Джехангир — все пришли! Нетерпеливые пальцы схватились за пуговицы.

Куми оттолкнула его руку, поспешно застегнула рубашку на груди, не стала возиться с

оставшимися пуговицами, торопясь закончить последние приготовления на кухне.

— Семейство Ченой всегда является минута в минуту, — ворчала она, — даже в проливной дождь!

Глава 2

Джал пропустил гостей в квартиру и побежал с зонтиками и плащами в ванную, чтобы с них не натекло перед дверью. Возвратился с тряпкой, подтер пол в коридоре. Гости старательно вытерли ноги о коврик, и Джал повел их в гостиную.

— В самый ливень попали!

— Ну да! А эти два безобразника выскочили из дому с непокрытыми головами, — пожаловалась Роксана. — Ты только посмотри на их волосы, просто вода течет. Ты не дашь мне полотенце, Джал?

— Конечно!

Рассаживая гостей по истертым диванам и креслам, он без нужды переставил парочку кофейных столиков, схватился за диванные подушки, которые тут же водворил на прежние места, включил настольную лампу и встревоженно осведомился, не бьет ли свет в глаза.

— Ничуть, — заверил его Йезад.

Обычная хлопотливость Джала маскировала его радость от встречи. Он поспешно извинился, объявив, что должен помочь Куми на кухне.

— Полотенце, Джал, — напомнила Роксана. — Пока эти шайтанята не простудились.

— Ох, извини!

Понесся за полотенцами, через минуту вернулся, продолжая извиняться за промедление.

Роксана набросила полотенце на голову Джехангира и так энергично терла, что у того плечи ходили. Он решил усилить эффект и задергал руками и бедрами в дикой пляске.

— Стой спокойно, клоун, — одернула его мать.

Она взъерошила сыну волосы, проверяя, сухие ли.

— Так. Твоя очередь, Мурад.

— Я сам, — воспротивился Мурад, отстаивая суверенитет, обретенный вместе с недавним тринадцатилетием.

Мать передала ему полотенце, достала из сумочки гребень. Джехангир терпеливо ждал, пока Роксана причесывала его и делала пробор слева.

— Теперь ты хоть на бандита не похож.

Мурад взял у матери гребень и подошел к застекленной горке у противоположной стены. Смотрясь в стекло, он тщательно причесал волосы на собственный лад, без пробора.

Роксана спрятала гребень и предупредила сыновей, чтобы они хорошо вели себя, не надоедали

тете и дяде. Йезад добавил и свое предостережение, пробормотав при этом, что никому не известно, как им не надоедать, самый верный способ: ничего не говорить и ничего не делать.

— Изображайте статуи, — посоветовал он.

Мурад и Джехангир рассмеялись.

— Я серьезно. Лучшая статуя получит приз.

— А какой приз?

— А сюрприз!

Оба немедленно застыли, стараясь не моргать и следя, кто первый не выдержит. Однако вскоре статуя-Мурад ожила и стала разгуливать по гостиной. Сначала Мурад выглянул в окно из-за гардин, потом решил раздвинуть их. Но потянул за обе сразу — и гардины обрушились вместе с карнизом.

— Ну, видишь, что ты натворил? Сейчас же сядь на место, — прикрикнула мать, изображая суровость, которая ей никогда не удавалась. — Ты старше Джехангира и должен подавать ему хороший пример!

Мурад подобрал с пола карниз и начал нанизывать на него гардинные кольца. Надев одну гардину, он обнаружил, что вторая соскользнула с другого конца карниза.

— Слышал, что мама сказала? — вмешался

Йезад. — Брось!

— Я хочу сделать, как раньше было, чтобы тетя не сердилась.

Йезад приподнялся на диване, будто собираясь встать на ноги.

— Я кому сказал сесть!

Заметив вспышку гнева в отцовских глазах, Джехангир напрягся, надеясь, что брат не ослушается приказа. Вспыльчивость отца братьям была хорошо известна. Мурад надул губы и плюхнулся на стул. Отец мгновенно сменил гнев на милость.

— Будем надеяться, тетя не убьет нас.

Роксана не сомневалась, что Куми сразу прибежит на шум. Но та не показалась — вместо нее в дверях появился Нариман, в новенькой рубашке, неровно заправленной в брюки.

— С днем рождения, дедушка! — хором закричали мальчики.

Опережая брата, Джехангир соскользнул с дивана и ринулся к Нариману, который медленно шаркал к своему креслу.

— Стой! — перехватила его Роксана. — Ты так дедушку с ног собьешь, дай ему сесть.

Роксане показалось, что отец сильнее волочит ноги, чем при их прошлой встрече, и, конечно,

он совсем ссутулился. Доктор предупреждал, что симптомы паркинсонизма будут усиливаться по мере прогрессирования болезни. Что за слова они употребляют, подумала тогда Роксана, прогрессировать! Прогресс…

Опускаясь в кресло, Нариман не удержал равновесие и тяжело рухнул на сиденье. И улыбнулся, видя тревогу на их лицах.

Джехангир обнимал и целовал деда, легонько тиская его подбородок, будто резиновый на ощупь, как ююба, весь в редких щетинках, твердых как сахарные крупинки. Дед смеялся и наклонял голову для следующей части ритуала — поглаживания по лысине.

Ритуал возник несколько лет назад, когда дед брал мальчиков за подбородки, а они отвечали ему тем же. Завороженные дедовой щетиной, они ощупывали все его лицо, приходя в полный восторг от гладкости и твердости блестящей лысины, которая так замечательно контрастировала с рыхлым подбородком.

Мурад, чувствуя, что ему уже не по возрасту детские игры со щетинистым дедовым подбородком, протянул деду руку. Нариман пожал ему руку и притянул к себе, чтобы обнять.

— Дедушка, покажи зубы! — попросил Дже-

хангир.

Нариман вытолкнул языком вставную челюсть на губу и сразу вернул ее на место.

— Еще!

— Не тормоши дедушку, — сказал Йезад. — С этим безобразником никакого сладу нет! Поздравляю, чиф, и желаю многих лет.

Он сердечно пожал Нариману руку и потрепал его по плечу.

Наконец пришел черед Роксаны. Она обняла отца, сказала, что он прекрасно выглядит, ее это так радует!

— Господь благослови тебя, папа, и дай нам Бог много, много лет праздновать твой день рождения!

— Как минимум до сотого, — сказал Йезад.

— Да, дедушка, — поддержал Мурад. — Ты должен выбить сотню. Как Сачин Тендулькар в матче против Австралии.

— Подумаешь, — фыркнул Джехангир, — остается всего двадцать один день рождения!

— С арифметикой у тебя все в порядке, — усмехнулся Нариман, — но у меня и так было слишком много дней рождения.

— Не говори так, папа, — попросила Роксана, и тень пробежала по ее лицу.

Она сидела на диване рядом с креслом отца.

Заглянувший в гостиную Джал подстроил свой слуховой аппарат, который особенно донимал его, когда разговаривали несколько человек.

— Что? Что такое? Кто говорил про сотейник?

— Про сотню, — поправила Роксана и пересказала брату то, что он не расслышал.

Джал улыбался и кивал. Но тут его позвала Куми, и он заспешил к ней на кухню.

— А у тебя сколько дней рождения до сотни? — спросил Нариман Джехангира. — Девяносто два?

— Нет, дедушка, так было в прошлом году. Теперь всего девяносто один.

— А у Мурада?

— Всего восемьдесят семь.

— Замечательно. Скоро вы будете молодыми людьми, у вас появятся девушки. Надеюсь, вы меня пригласите на свои свадьбы?

Настроение Наримана улучшалось с каждой минутой. Веселье, смех и молодость действовали как противоядие обволакивающей эту квартиру унылости, тем тягучим часам, когда ему казалось, что даже стены с потолками покрыты налетом тоски несчастливых десятилетий. Даже мебель из тика и розового дерева, громоздкие шкафы и кровати с балдахинами на четырех столбиках,

тяжеловесные остовы, ждущие пугающей кончины, опять выглядели уютно и приветливо. А длинный ряд фамильных портретов в коридоре — как комичны сейчас их кислые лица!!

— У Джала и Куми все хорошо? — шепнула Роксана.

— Обычный театр и фырк-фырк, ничего особенного. По большей части…

Он замолчал — в гостиную входила Куми с большим блюдом хрустящих картофельных ломтиков и громким «хэлло», обращенным ко всем собравшимся. Взгляд ее сразу упал на свалившиеся гардины, но негодование не успело излиться в слова — Роксана опередила ее:

— Видишь, что этот негодный мальчишка натворил! Ну ничего, он еще свое получит!

Куми осталось только проявить великодушие:

— Ничего страшного. Джал все приведет в порядок. Только бы бесстыжие зеваки в окна не начали заглядывать.

— Мы же на третьем этаже, тетя, — встрял Джехангир.

— Ты думаешь, зеваки лишь только по улицам бродят? Могут из окна напротив пялить глаза. Или даже в телескоп смотреть из во-он той высотки, что в миле отсюда.

— Кто там смотрит из высотки? — недоуменно вопросил Джал.

— Выключил бы ты свою машину, — посоветовала Куми, — все равно разговор ведь не о серьезном.

— Пускай слушает! — возмутилась Роксана. — Ему тоже хочется участвовать в разговоре.

— А кто будет платить за новые батарейки? Ты знаешь, почем они и как их жрет эта его коробочка?

— Аппарат — вещь необходимая, это как лекарство.

— Оттого, что вещь необходима, деньги на ее покупку чудом не появятся, — огрызнулась Куми. — Все дорого: лук, картошка, хлеб, масло, кухонный газ, — перечисляла Куми.

— Нужно составить бюджет на все расходы, — посоветовала Роксана. — Заведи отдельный конверт для каждой траты.

— Благодарю вас, я тоже проходила экономику домоводства в школе. Какой смысл в конвертах, когда в них нечего класть?

— Ты права. — Йезаду хотелось положить конец спору. — У всех одни и те же проблемы.

— Глупости! Вам же не приходится ухаживать за папой, а на это столько денег уходит!

Роксана открыла было рот, чтобы напомнить ей, что папа получает пенсию, но Йезад подал жене знак — дурацкий спор из-за батареек грозил перейти в полновесную ссору — и сменил тему:

— Скажи, Куми, что это за бесконечная стукотня?

— Это идиот Эдуль Мунши стучит, кто ж еще?

— Вот кто с радостью повесит гардины, — пошутил Йезад.

Джал изобразил ужас:

— Кто угодно, только не Эдуль. Если не хочешь, чтоб на нас потолок обрушился!

Все расхохотались. Эдуль Мунши, живший этажом ниже, считал себя талантливым мастером на все руки. Доказательством могла служить дверь в его квартиру — пластинка с именем хозяина прибита криво, крючок изнутри не попадет в скобку. Весь дом знал, что он владеет замечательным набором инструментов, и весь дом боялся его готовности прийти на помощь в случае поломки. Эдуль радостно предлагал соседям инструменты и себя в придачу. Он горел желанием поработать у соседей, потому что в собственной квартире ему больше не разрешалось ничего чинить. Миссис Мунши решила, что не может позволить мужу разрушить всю квартиру — должен быть предел.

— Интересно, кто тот несчастный, которого на этот раз подловил Эдуль на свои инструменты?

Снова раздался смех, и Нариман с удовлетворением обвел взглядом гостиную, радуясь, что ссоры удалось избежать.

— Не пора ли выпить? — спросил он.

— Пять минут можешь подождать? У меня готовы угли для лобана, и солнце уже село.

Она вышла из гостиной и вернулась в белом муслиновом покрывале, неся в руках серебряную кадильницу, источающую светлый дымок.

Роксана с наслаждением вдохнула запах ладана; для нее обряды и религия значили куда больше, чем для Йезада. После внезапной смерти матери воспитанием Роксаны занималась материнская родня — угрызения совести не позволили Нариману ни в чем противиться родственникам покойной жены. Они учили Роксану молиться, совершили ее навджоте — обряд посвящения в парсы, по праздникам водили в храм огня.

Позднее, в замужестве, ей очень недоставало соблюдения обрядов, но Йезад не верил в них, говорил, что ему достаточно посещения храма по большим праздникам, а ладан хорош только от москитов.

Серебряная кадильница в руках Куми, до-

ставшаяся ей от мамы, вызывала у Роксаны благоговейное чувство и воскрешала детские воспоминания. Она ждала своей очереди поклониться огню. Но Куми сначала поднесла кадильницу Йезаду, который сидел ближе. Тот ритуально сложил ладони перед грудью.

— Покрой голову, — шепнула мужу Роксана.

— Извини, — пробормотал он.

Он прикрыл одной рукой макушку, другой повел в сторону кадильницы, направляя дым на себя. Мурад и Джехангир ухмылялись, наблюдая за неумелыми движениями отца.

Обойдя всех, Куми двинулась вокруг гостиной. За ней лениво тянулась струйка дыма. Торжественность, с которой она совершала обряд, забавляла мальчиков.

— Ваша тетка очень благочестивая женщина, — пряча усмешку, заметил Йезад вслед удаляющейся Куми.

— Воистину, — сказал Нариман. — Она на прямой связи с Богом.

— Не надо, — попросила раздосадованная Роксана, которой так хотелось сохранить ощущение торжественности обряда, когда кажется, будто с запахом ладана по дому плывут ангелы-фаришты.

Куми сбросила муслиновое покрывало с головы на плечи и объявила, что теперь можно и выпить.

— Что будете пить, Мурад и Джехангир, фанту или севен-ап? А может быть, — она широко раскрыла глаза, показывая, что речь пойдет об особом лакомстве, — может, вам налить моего домашнего малинового шербета? Я лично собираюсь пить шербет.

Детям был отлично известен теткин шербет — розоватый переслащенный безвкусный напиток.

— Шербет потом, — ответил Мурад, — а сейчас мне фанту.

— Мне тоже, тетя! — подхватил Джехангир.

Джал вызвался заняться взрослой выпивкой и принялся смешивать скотч и содовую для Йезада, Наримана и себя. Роксана попросила налить ей отвергнутого малинового шербета, и Куми сразу просияла.

— Мученица, — шепнул Йезад жене, легко коснувшись губами мочки ее уха.

Нариман заметил и тихонько улыбнулся. Он радовался счастью дочери, ее отношениям с Йезадом. Он часто видел, как они обмениваются едва приметными, невидимыми миру сигналами нежности.

Но ее выбор напитка Нариман опротестовал.

— Шербет? В день моего рождения? Нет уж, выпей чего-нибудь покрепче.

— Не нужно, папа, спиртное сразу ударяет мне в голову, а потом меня ноги не держат.

— Чиф прав, Рокси, — поддержал тестя Йезад. — Сегодня особый день.

Мурад и Джехангир тоже подали голоса:

— Да, мама, сегодня такой день!

Детям случалось видеть маму чуть-чуть навеселе не чаще одного, ну двух раз в год, но им это очень нравилось, потому что тогда с маминого лица исчезало выражение вечной озабоченности.

Роксана со вздохом, будто берясь за трудное дело, согласилась выпить рому с фантой.

— Только, Джал, капельку рома и побольше фанты.

Она откинулась в кресле, предвкушая праздничное удовольствие.

Мурад, дожидаясь своей фанты, от нечего делать подошел к горке, которая занимала почетное место в гостиной. Джехангир немедленно потянулся за братом. Горка всегда притягивала детей, как магнит, а от строжайшего наказа тети и дяди ничего там не трогать ее притягательная

сила только возрастала.

Роксана с нарастающим беспокойством поглядывала на сыновей. Нариман повел рукой, будто желая успокоить дочь.

— Папа, ты себе не представляешь, на что способен Мурад. Такой чават растет, такой хитрюга! А младший ему подражает, когда они вместе. В одиночестве Джехангир может часами сидеть с книжкой или складывать головоломки.

Она легонько подтолкнула локтем мужа, чтобы тот следил за мальчиками.

— Боже сохрани, чтоб они что-то напортили в святилище.

«Святилище» было их тайным словечком для обозначения уймы безделушек, игрушек и стеклянных поделок, которыми была заполнена горка, благоговейно почитаемая Джалом и Куми. Среди чтимых святынь был клоун, который шевелил ушами, когда ему нажимали на живот, пушистая белая собачка с качающейся головой, крохотные модельки старинных автомобилей и работавший от батарейки Элвис Пресли, который беззвучно перебирал струны своей гитары. В былые времена Элвис пел «Деревянное сердце», но, как любил рассказывать гостям Джал, что-то в механизме сломалось в тот самый августовский

день, когда умер Король.

Когда приобреталась новая безделушка, ее с гордостью демонстрировали гостям, потом торжественно помещали за стекло. Как говорил Йезад, единственное, чего недоставало в ритуале, это курения благовоний, возложения цветов и пения молитвенных гимнов. Он отмахивался от объяснений Наримана, что причина тут в болезни отца Джала и Куми и в их тяжелом детстве. На свете много обездоленных детей, возражал Йезад, но не все, выросши, фанатично играют в игрушки.

Помимо игрушек на полках стояли серебряные кубки — школьные призы Джала и Куми. К кубкам прикреплены карточки с указанием, за что получены призы: Джал Палонджи Контрактор, третья премия, бег на трех ногах, 1954; Куми Палонджи Контрактор, вторая премия, бег с лимоном на ложке, 1956, и так далее. Они хранили не все призы: только полученные на тех соревнованиях, на которых присутствовал и подбадривал детей отец.

И две пары наручных часов, теперь уже слишком маленьких для их запястий, и два вечных пера — подарки отца к навджоте сына и дочери. А было это почти сорок лет назад. По совету семей-

ного жреца, дастурджи, с церемонией навджоте заспешили, когда стало ясно, что Палонджи осталось недолго. Дети не успели выучить все необходимые молитвы, но дастурджи заверил семью, что не станет обращать внимания на недочеты: лучше отцу присутствовать на церемонии, даже если посвящаемые помнят не все слова, дабы он спокойно умер, зная, что дети должным образом вошли в зороастрийскую общину.

Мураду надоело смотреть через стекло, и он решил открыть дверцу горки. Роксана тихонько подтолкнула Йезада, и тот предупредил сына, чтобы он ничего не трогал.

— Стекло пыльное, за ним ничего не видно.

Мурад окинул взглядом полки. Его не заинтересовали вазы, серебряные трофеи, пластмассовая гондола с гондольером, фирменный махараджа «Эр-Индии» на носу реактивного самолета, миниатюрная Эйфелева башня. Любопытство у него вызвали две ухмыляющиеся обезьянки в самом центре выставки.

У одной был барабан с палочками, другая держала в лапах бутылку с надписью «выпивка». У обеих сзади торчало по ключику. Мурад повернулся спиной к гостиной, чтобы не видно было, что он делает, и стал заводить барабанщика.

Сообщник Джехангир прикрывал брата.

Но предательская пружина выдала братьев. Куми знала ее звук, как мать — дыхание своего дитяти. Забыв про напитки, она бросилась к бесценной своей горке.

— Как не стыдно, Мурад, как не стыдно! — Она притворялась спокойной, но срывающийся голос выдавал ее чувства. — Я тебе тысячу раз говорила, не трогай горку!

— Немедленно поставь вещь на место, — сказала Роксана.

— Я же ничего не ломаю, — возразил Мурад, продолжая крутить ключик.

— Ты слышал, что сказала мама! — прикрикнул на сына Йезад.

— Дай обезьянку дяде Джалу, негодный мальчишка, — вышла из себя Куми. — Пусть он заведет ее.

— Я хочу сам!

Йезад поднялся на ноги. Мурад понял, что пора сдаваться. Но не успел — Куми влепила ему оплеуху.

Испугавшись, как бы Йезад не врезал и Мураду, и Куми, Роксана вскочила с дивана, оттолкнула сына в кресло, придержала руку мужа и резко бросила Куми, что если надо наказать ребенка,

то можно пожаловаться родителям! Благо они рядом!

— Я еще жаловаться должна? Вы тут расселись и спокойно смотрите, как он хулиганит! Если бы вы выполняли родительский долг, мне не пришлось бы на него руку поднимать!

— Шутишь?! — вспылил Йезад. — Если ребенок взял игрушку в руки, так это называется хулиганить?

— Давай, защищай его! Вот так дети и сбиваются с пути!

— Ты пойми, Мурад, дикра, — Джал морщился, прижимая палец к уху, — тут очень деликатный механизм.

Лишний поворот ключа — и пружина может сломаться. Тогда мой барабанщик будет молчать, как замолчал мой Элвис.

Он завел игрушку и поставил ее на стол. Лапки обезьянки заходили вверх-вниз, палочки легонько постукивали по барабану.

— Замечательно, правда? Я и вторую тебе заведу.

Вторая обезьянка подносила бутылку ко рту, опускала ее, подносила и опускала…

— Потрясающая парочка, я тебе скажу! На нее можно смотреть без конца.

Дети не проявляли ни малейшего интереса. Имто хотелось самостоятельно завести обезьянок, самим привести их в движение, а так…

— Неблагодарные дети, — проворчала Куми, — даже не смотрят…

— Хватит, Куми, — сказал Нариман. — Забудем.

Но кровь Куми уже кипела от обиды. Ничего она не забудет, заявила Куми, это он умеет так решать проблемы. Поэтому не стоит удивляться, что он и свою жизнь исковеркал, и другим не дал жить. Не стоит удивляться, что он бесстыдно крутил роман с этой Люси Браганца, погубил и мамину жизнь, и…

Нариман обвел взглядом присутствующих и вскинул руки жестом бессильного извинения. Роксана попыталась остановить сестру:

— Ну при чем тут эти дела, Куми? К чему вытаскивать их на свет божий? Да еще при детях. И я не понимаю, какое отношение имеют к этому обезьянки?

— Не вмешивайся в мой разговор с папой! Хочешь понять, так подумай немножко! Этот так называемый отец, он шесть жизней превратил в кошмар, и я никогда ему этого не прощу, особенно его постыдных отношений с любовницей

после женитьбы. Кем должна была быть эта женщина — ведьма, а не женщина, — чтобы пойти на такое? А если ей хотелось так закончить свою жизнь, то почему ей было не оказать им всем милость и не…

— Куми, — прервал ее Джал, — мы должны показать Рокси новую куклу, которую ты купила. Посмотри, Рокси. Японская кукла.

Джал добился лишь частичного успеха: Куми понизила голос, но продолжала бурчать. Послушные восторги Роксаны — прелестное кимоно, а какие цвета чудные, и вышивка настоящей золотой нитью — постепенно утихомирили Куми. Она даже привлекла внимание Роксаны к малюсенькому зонтику, который ей нравился даже больше, чем очаровательные крошечные туфельки.

Затем игрушки были возвращены в горку и заперты на ключ. Расплатившись за прегрешения детей, Роксана снова уселась рядом с отцом, тихо радуясь восстановлению мира.

Три скотча с содовой, две фанты, один ром с фантой и домашний шербет Куми были наконец разлиты по бокалам. Выпили за здоровье Наримана, после чего он предложил тост за четырех обезьянок.

— За четырех? — переспросил Джал.

— За двух обезьянок Куми и за двух обезьянок Рокси.

Они засмеялись, даже Куми улыбнулась за компанию. Нариман спросил мальчиков, как дела в школе после каникул.

— Как вам нравятся новые уроки?

— Они уже не новые, дедушка, — ответил Джехангир. — Учебный год давно начался: одиннадцатого июня. Почти два месяца назад.

— Так давно? — усмехнулся Нариман, вспоминая собственное детство, когда время вело себя так же разумно, а не проносилось равнодушно мимо, как теперь, когда дни и недели пролетают в мгновение ока. — А как ваши учителя?

— Нормально, — хором ответили оба.

— Расскажи дедушке, кем тебя назначила учительница, — подсказала сыну Роксана.

— Я — контролер домашних заданий. — Джехангир объяснил, что в классе три контролера, которым поручено проверять выполнение домашних заданий в классе.

— А если окажется, что кто-то не выполнил? — спросил Нариман.

— Я должен сказать мисс Альварес, и этому мальчику поставят ноль.

— И ты это делаешь?

— Конечно! — ответил Джехангир, а его мать изобразила на лице удивление вопросом.

— Ну, а если ты дружишь с этим мальчиком? Все равно скажешь учительнице?

— Мои друзья всегда выполняют домашние задания.

— Толковый ответ, — заметил Джал.

— Так чей же сын? — спросил Йезад, и все засмеялись.

— Если бы такую систему ввело правительство Индии, — сказал Джал, — богатые ученики вместо домашних заданий давали бы взятки учителям.

— А директор школы, — хихикнул Йезад, — грозился уволить учителей, если те не будут отстегивать ему процент.

— Не учи детей коррупции, — сказала Роксана.

— Коррупция носится в самом воздухе, которым мы дышим. Страна специализируется на превращении честных людей в жулье. Правильно, чиф?

— Ответ, к сожалению, да.

— Псу под хвост пошла страна. И не породистому псу, а шавкам.

— Может быть, коалиция БДП и Шив Сены исправит дело, — предположил Джал. — Мы должны дать им шанс.

Йезад засмеялся:

— А ядовитой змее ты тоже дал бы шанс, если бы нарвался на нее? Эти две партии и подначили индусских экстремистов на разрушение мечети Бабри Масджид.

— Да, но то было…

— А как насчет ненависти к меньшинствам, которую Шив Сена насаждает уже тридцать лет?

Он отхлебнул большой глоток виски.

— Пап, а ты знаешь, что Шив Сена устраивает концерт Майкла Джексона? — влез Мурад.

— Все знают, — ответил ему Джал. — В газетах было. И Шив Сена миллионы на этом загребет. Они добились освобождения от налогов, потому что это, видите ли, культурное событие национального значения.

— А как же! — откликнулся Йезад. — Майкл Джексон со своим сверкающим гульфиком и рукой на пахе жизненно необходим для нации. Удивительно, что лидер Шив Сена не объявил его врагом чего-то, даже врагом хорошего вкуса не объявил. Ведь этот придурок направо и налево раздает ярлыки «анти» — антито, антисе. Южане у нас — антибомбейцы, Валентинов день — антииндусская затея. Кинозвезды, если они родом из той части Пенджаба, которая после сорок седьмо-

го к Пакистану отошла, предатели родины.

— Боюсь, если у него живот начнет пучить от карелы, так он эту тыкву объявит антинациональным овощем, — хихикнул Нариман.

— Будем надеяться, что ему набедренная повязка в паху не натирает, а то как бы он все нижнее белье не запретил, — сказал Джал.

Йезад налил себе виски, разбавил содовой.

— Откровенно говоря, мне все равно, кто у нас в правительстве и что они там делают. Я больше не верю в спасителей нации. Каждый раз получаем спасителя с половинкой.

— Пап, а почему ты про все говоришь «с половинкой»? — спросил Джехангир.

— Потому что половинка — это самое главное.

Джехангир не понял, но все равно засмеялся. Ему нравилось слушать рассуждения отца.

— Давайте о другом поговорим, — предложила Роксана. — Скучно о политике.

— Ты права. Итак, чиф, что вы думаете о первенстве мира по крикету?

Нариман покачал головой:

— Я не одобряю эту новую разноцветную форму. Крикет — это белая фланель. А вырядиться как попугаи и обязательно закончить матч в один день — это не крикет.

— Хуже всего фанатизм, — вздохнул Йезад. — Каждая игра между Индией и Пакистаном как новая война в Кашмире.

— Я думала, мы больше о политике не говорим.

— Извини, Рокси. Чиф, так когда вы посмотрите, что вам подарили?

— Прямо сейчас!

Мальчики помчались в прихожую за подарком. Длинный узкий сверток был положен Нариману на колени, где он подрагивал в такт дрожанию его ног.

— Дедушка, можешь угадать, что это?

— Ружье? Меч?

Мальчики отрицательно качали головами.

— Длиннющая скалка для огромных лепешек?

— Опять не то, дедушка!

— Сдаюсь!

Роксана предложила дождаться Куми, но та крикнула из столовой, чтобы развернули без нее, ей некогда, она сейчас не может отвлекаться. Куми застучала посудой, напоминая о себе и о том, что она занята обедом, а не глупостями.

Видя, что отцу не справиться с оберткой, Роксана незаметно призвала на помощь Мурада. Отца она спросила, помогает ли новое лекарство.

— Сейчас гораздо лучше, смотри сама.

Нариман расставил трясущиеся пальцы.

— Как скала. Ну, почти как скала.

Из-под обрывков упаковки появилась трость.

— Какая красота! — Нариман провел рукой по отполированному дереву.

— Настоящий орех, чиф.

— Смотри, дедушка, мы надели на нее специальный резиновый наконечник, чтоб не скользила.

— Замечательно, — восхитился Нариман, передавая палку Джалу.

Джал тоже выразил восхищение подарком и для наглядности даже постучал тростью по полу.

Куми заглянула в гостиную — и застыла на пороге.

— Глазам своим не верю!

— В чем дело, цвет не тот? — забеспокоилась Роксана, зная суеверность сестры.

— Задумайтесь на минутку. Что вы дарите? И кому? Трость. Папе.

— Он любит ходить пешком, — ответил Йезад. — Палка ему пригодится.

— Мы не хотим, чтобы он ходил пешком! У него остеопороз, болезнь Паркинсона, пониженное давление — он просто ходячая медицинская энциклопедия!

— И ты хочешь поставить меня на полку. А я не собираюсь находиться круглые сутки в закрытом помещении.

— Согласен с вами, чиф. Так спятить можно.

— Ах, ты согласен? А что вчера случилось, тебе известно? Я не хотела говорить об этом в папин день рождения, но теперь скажу! Хотя нет. Пускай Джал расскажет. Скажи им, Джал.

Джал откашлялся, поправил слуховой аппарат и кротко сказал, что вчера с папой случилась беда.

— Глупости, я просто споткнулся и подвернул ногу, вот и все. — Нариман подтянул рукав, демонстрируя пластырь. — Вот она, чудовищная рана, которая напугала их.

Смех Йезада и улыбка облегчения на губах Роксаны сбили Куми с толку.

— Вы меня послушайте, — взмолилась она. — В следующий раз он может так легко не отделаться. Шутка ли, в его возрасте гулять одному!

— Так, может быть, вы с ним будете выходить? Прогулка всем пойдет на пользу, — предложила Роксана.

— Хочешь одним махом всех нас покалечить? А ты почему молчишь? — набросилась Куми на брата. — Всегда я должна спорить и оказываться

плохой?

— Это все слуховой аппарат, Джал из-за него не может участвовать в разговоре, — вступился Йезад. — Знаешь, Джал, современная техника творит чудеса, теперь есть более совершенные приспособления, такие миниатюрные, что их и не видно.

— Да брось ты, — оборвала его Куми, — если он с большим аппаратом не слышит, как ему маленький поможет?

— Сейчас улицы — гиблое место, — начал Джал. — Пешеходные дорожки разрыты, пешеходы вынуждены идти по проезжей части. Что ни день — десятки несчастных случаев. Мы уговариваем папу гулять по квартире, благо она такая большая. Свежим воздухом можно на балконе подышать. К чему рисковать жизнью и конечностями на этих убийственных тротуарах?

— Мне кажется, вы преувеличиваете, — сказал Йезад. — Я не спорю, ходить нужно с осторожностью и не полагаться на дорожную сигнализацию. Но мы все-таки в цивилизованном городе живем.

— Да? — съехидничала Куми. — Почему же ты хотел в Канаду уехать?

Об этом Йезад не любил вспоминать.

— Это когда было. И причина была не в уличном движении и не в плохих тротуарах.

В ответ Куми объявила, что раз так, раз они считают, что папины прогулки не опасны, то она лично больше не будет сопротивляться. Но если, боже упаси, с папой что-то случится, то они с Джалом доставят папу прямиком к месту жительства Ченоев.

— Чифу мы всегда рады, — согласился Йезад, — только не забудьте заодно прихватить одну из свободных комнат. Мы живем в двухкомнатной квартирке, а не в семикомнатном дворце, как вы.

— Смейся, смейся. А я серьезно. Другого выхода просто не будет, — заявила Куми. — На сиделку или медсестру денег нет, а о больнице для хроников не может быть и речи. Пускай Джал расскажет, как идут дела на бирже, маминых денег только-только хватает на самое необходимое. А папа все свои средства вложил в вашу квартиру — о чем вы прекрасно знаете.

— Но вы живете в таком чудном доме! — вздохнула Роксана. — Что ж вы вечно нам завидуете?

— Чудный дом? Дом с привидениями, который давно пришел в разор и запустение! Вы посмотрите на эти стены, их уже тридцать лет не красили.

Что мы будем делать, если потечет крыша или выйдет из строя последний клозет, я просто не знаю. Подумать только, ведь мы могли жить вместе, одной семьей — нет, вам потребовалось отделиться.

— Постой, — остановил ее Нариман, — Роксана ни при чем, это было мое решение.

— Почему мы вообще ворошим эту старую историю? — не выдержала Роксана. — Только потому, что тебе не понравился наш подарок папе?

— Подарок, трость эта, лишнее свидетельство того, какой ты стала невнимательной. Ты не была такой раньше, пока не вышла замуж и не уехала от нас. А теперь тебя совершенно не волнует, как мы тут — живем или умираем. И мне от этого больно!

Куми отвернулась, вытирая слезы. Роксана замерла, почувствовав себя преступницей.

— Не надо, Куми. — Она обняла сестру. — Куми, не говори глупости, я каждый день думаю о тебе, о Джале, о папе… Ну не плачь, Куми…

Она подвела сестру к дивану и усадила между собой и Йезадом. Куми, всхлипывая, пожаловалась, что никто и слова не сказал про рубашку, которую они с Джалом подарили папе.

— Отличная рубашка, — заверила ее Роксана.

— Они похвалили ее, как только вошли, — помог отец. — Ты была на кухне.

— Вот что, чиф, а как насчет головоломки вместо этой трости, а? Я уверен, что Джехангир с радостью подарит вам одну из своих. Или одну из своих книжек про приключения «Знаменитой пятерки».

— С одним условием — чтобы каждый вечер Куми и Джал читали мне по одному приключению.

— И будете вы «Знаменитая тройка»! — заключил Джехангир, рассмешив всех, включая Куми.

Куми пригласила к столу с обычными извинениями за скромность обеда: она старалась, как могла, но чего хочешь, того никогда нет в продаже, цены на рынке дикие, качественных продуктов не достать, все идет на экспорт и так трудно накрыть приличный стол.

— Запах фантастический! — потянул носом Йезад.

— Вкусно пахнет, — подтвердил Мурад, которому тетка указала на один из двух стульев в конце стола.

Джехангир попытался сесть поближе к деду, но Куми перехватила его и усадила рядом с братом.

Все расселись, но тут Нариман спросил, почему не выставлен фарфоровый сервиз. Куми схвати-

лась за голову.

— Каждый год, папа, ты задаешь мне этот вопрос. А если что-то разобьется или треснет?

— Она права, папа, — вступилась Роксана. — Мы у себя тоже не пользуемся дорогой посудой.

— Как бы то ни было, сегодня я хочу видеть хороший фарфор на столе.

Джехангир тихонечко повторил это выражение — «как бы то ни было», смакуя сочетание слов. Отец шепнул ему, что никто в семье не говорит по-английски так, как дед.

— Я тебя умоляю, папа. Пожалуйста! Если что-то из посуды треснет, мы не сможем найти замену! И пропал весь сервиз.

— Придется пойти на риск. Жизнь продолжается. Если посуда стоит без пользы под замком, она в конце концов в буфете побьется. И что толку? Лучше получить удовольствие от нее.

— Хорошо, — согласилась Куми, отпирая буфет и доставая тарелку. — Доволен? Ты будешь есть с этой тарелки.

— Выставь весь сервиз. Обеденные тарелки, сервировочные. Большое блюдо для риса, салатницы и соусники.

— Но все уже подано! Ты хочешь, чтобы я все переложила, а потом мыла в два раза больше

посуды? Извини, я не в силах.

— В таком случае вам придется обедать без меня.

Не обращая внимания на голоса протеста, он сделал попытку выйти из-за стола. Куми, чуть не плача, взывала к окружающим: вот, вот они, его капризы, вот что она вынуждена терпеть каждый день.

— На мой взгляд, чиф, на простых тарелках еда вкусней, — уговаривал Наримана Йезад. — Красивая посуда своей элегантностью отвлекает внимание от главного.

Джехангир и Мурад уверяли, что им достались красивые тарелки, и предлагали деду поменяться, соблазняя его картинками с Питером Пэном. Джал бормотал что-то о банановых листьях, есть с которых значит следовать прекрасной древней традиции. Роксана обещала отцу устроить для него обед, сервированный на ее лучшем фарфоре, если сейчас он возвратится за стол. Но Нариман был непреклонен.

— Все без толку, я сдаюсь, — наконец сказала Куми.

— Ничего, мы быстренько, — шептала ей Роксана, пока они доставали тонкую фарфоровую посуду, — а после обеда я помогу тебе все пере-

мыть.

Джала, Йезада и мальчиков прогнали из-за стола. Когда стол был заново накрыт, еда разложена по блюдам и салатницам английского «Ройял Доултона», всех снова пригласили обедать.

— Благодарю, Куми, — сказал Нариман. — Стол выглядит великолепно.

— Не стоит благодарности, — проворчала она сквозь зубы, подавая ему первому.

Он любил рыбьи головы, поэтому Куми старательно выудила для него парочку голов с блюда.

У Куми сердце екало, когда кто-то звякал посудой или со стуком ставил ее на стол. Хуже всего было видеть, как передают с рук на руки тяжелое блюдо с рисом.

— Осторожней, — взвизгнула она, когда Мурад выронил ложку, которая ударилась о край тарелки.

— Дхандар-патио[3] удался, — сказала Роксана, и Куми просияла от похвалы.

— Только очень острый, — заметил Джал.

— Дхандар-патио обязательно должен быть острым, иначе он не заслуживает названия патио, — возразил Йезад, утирая салфеткой лоб,

---

[3] Примечания: 3

Дхандар — персидский соус-суп из дала. Патио — морепродукты в остром соусе, часто креветки.

вспотевший от перца. — Не включить ли вентилятор? — предложил он.

— Не надо, папа может простудиться, — запротестовала Куми.

— В такую погоду? Скорей можно опасаться теплового удара, — ответил Нариман.

— Как угодно. Я не собираюсь спорить.

Куми поднялась из-за стола и повернула выключатель.

Лопасти потолочного вентилятора медленно пришли в движение, разгоняя застоявшийся воздух. Сидящие за столом облегченно вздохнули. Но на лопастях месяцами бездействовавшего вентилятора скопилась уйма пыли, и скоро под потолком закружились легкие серые облачка.

— Смотрите, — показал на них Мурад, первым заметивший нависшую угрозу.

— Скорей прикройте пищу! — закричала Куми, наклоняясь над своей тарелкой.

— Все в укрытие! — завопил Джехангир.

— Рассредоточиться! Ложись! — подхватил Мурад. — Прямо в грязь!

— На самом деле сейчас грязь ляжет на нас, — заметил Нариман. — Вы чего начитались? Ковбойских комиксов?

Следуя примеру Куми, все наклонились над та-

релками, загораживая их от пыли. Джал бросился к выключателю…

— Не двигайтесь, пока не осядет пыль, — посоветовала Роксана.

— Как вы, чиф?

— Все хорошо. Согбенность — моя естественная поза. И она дает мне возможность получше разглядеть содержимое моей тарелки. У этой рыбы довольно злобный взгляд.

— Может быть, ей пыль в глаза попала? — предположил Йезад, а Нариман напел «пыль в твоих глазах», от чего дети пришли в полный восторг.

Зато Куми разрыдалась.

— Доволен своим вентилятором? Погубил обед, на который я целый день убила!

Роксана сказала, что ничего не погублено, все замечательно, пыль заметили вовремя и сразу приняли меры, так что ничего не случилось.

— Мне так хочется еще рыбки, дхандар-патио на редкость вкусный. Скоро можно будет есть?

Оглядевшись по сторонам, Джал объявил, что пыль осела и воздух безопасен. Сидящие за столом распрямились и, чтобы утешить Куми, набросились на еду. Некоторое время в столовой слышался только стук ножей и вилок.

Тишину разорвал оглушительный вой элек-

троинструмента. Куми отшвырнула салфетку. Хорошего понемножку, когда стучат молотком — это одно, но дикое завывание, да еще в такую поздноту, невозможно терпеть!

Куми высунулась в окно:

— Мистер Мунши, прекратите этот шум! Хаэ, Эдуль Мунши! Сегодня папин день рождения, и мы обедаем. Имейте совесть и немедленно прекратите этот идиотский шум!

Инструмент замолк, она вернулась за стол и хмуро уставилась в тарелку. Джал сказал, что Манизе, жена Эдуля Мунши, очень славная женщина, и скорей всего это она заставила его остановиться.

— Воздадим каждому по заслугам, — возразил Нариман. — Куми умеет добиваться результатов.

Обед закончился спокойно. Ножи и вилки перестали стучать, все были сыты. Роксана попросила мальчиков отнести посуду на кухню, Джехангир бросился собирать тарелки со стола, опередив Мурада. Он понимал, что мама хочет быть поласковей с тетей Куми, а заодно старается показать, какие хорошие мальчики ее сыновья.

Нариман извинился — что-то застряло в зубных протезах. Джехангир проводил деда в ванную, чтобы посмотреть, как тот вынимает и чистит

вставные челюсти.

— Знаешь, дедушка, мне хотелось бы, чтобы и у меня вынимались зубы. Так легче чистить и щеткой всюду достать можно.

Нариман беззубо рассмеялся, понюхал, не пахнет ли от протеза, и вставил его на место.

На десерт подали фалоду, потом вышли на балкон. Дождь прошел, в воздухе пахло свежестью. Пересмеиваясь, помогали друг другу отряхнуть пыль с одежды; Джехангир воспользовался случаем, чтобы хорошенько треснуть Мурада по спине. Взрослые забыли о своих стычках. Эдуль Мунши, памятуя о позднем часе, совсем негромко постукивал своим молотком.

— Чало, пошли, нам пора, — сказала Роксана. — Завтра в школу.

— Как бы то ни было, давай побудем еще чуточку. — Джехангир был доволен, что сумел вставить фразу.

Дед со смехом взъерошил внуку волосы.

— Верно, посидим еще немного. Не спеши.

— Вы не знаете, что это за фрукт, — поднялся на ноги Йезад. — Его завтра с постели не поднимешь — ой, ай, голова болит, живот урчит, попка ноет.

— Мы скоро снова придем, — пообещала Роксана, целуя отца.

Нариман с тоской смотрел, как Джал несет из ванной просохшие зонтики и плащи.

Заперев на ночь двери, Куми сказала, что после каждого визита семейства Ченой у нее такое чувство, будто по дому ураган пронесся, настоящий смерч.

— Странно, — заметил Нариман, — а у меня такое чувство, будто свежий ветерок разогнал затхлый воздух.

— Никогда не упустишь случая поддеть меня, да?

— Да нет же, Куми, — устало сказал Джал, — папа не поддевает тебя. Это просто разница в оценке.

Они оказались одни на автобусной остановке, где в просевшем асфальте образовалась большая лужа. Кроме них — никого. Мокрая, глянцевито-черная дорога отражала свет уличного фонаря, под колесами машин поблескивала и шипела вода.

— Папа так мало говорил сегодня, — сказала Роксана.

— Но Куми он спуску не давал, — хихикнул Йезад и, понизив голос, прибавил, что доктор Тарапоре предупреждал об этом симптоме.

Джехангир спросил, кто такая Люси; мать объ-

яснила ему, что это давнишняя приятельница дедушки.

— Девушка его, — ухмыльнулся Мурад.

Мать сказала, чтобы он глупости не говорил. Но Джехангир не унимался, он хотел знать, почему тетя Куми так сердилась из-за Люси.

— Вырастешь, узнаешь.

— Тут нечего скрывать, — возразил Йезад, — раз спрашивает, так скажи ему.

Роксана неохотно рассказала, что дедушка хотел жениться на Люси, но не мог, потому что она была не из парсов. Тогда дедушка женился на маме дяди Джала и тети Куми.

— То есть на моей маме, потому что меня родила она.

Из ответа Джехангир все равно не понял, почему сердилась тетя, и спросил, есть ли закон, по которому запрещается жениться не на парсах. Есть, ответил отец, это закон мракобесия, а мама с раздражением сказала, что он сбивает ребенка с толку.

Тогда Йезад помог ей сменить тему и стал поддразнивать жену — если бы она не вышла за него замуж, то и сейчас играла бы с игрушками из родительского дома. Мальчики сразу принялись изображать заводных обезьянок, заводя друг

друга, механическими движениями отхлебывая из бутылки и стуча в барабан.

— Бедные Джал и Куми, — вздохнула Роксана, — так все это грустно.

— Почему? — спросил Джехангир.

— Потому, что ни у него, ни у нее нет семьи. Нет детей, как у нас.

— И в доме у них всегда тоска, — прибавил Мурад.

На остановку, пошатываясь, вышли двое и остановились позади Ченоев. Пересмеиваясь, громко перешучиваясь и дыша густым перегаром, они подталкивали друг друга, пока один не задел Роксану.

— Извиняюсь, извиняюсь и еще раз извиняюсь, — хихикнул он.

Йезад стал придвигаться к ним, загораживая жену и детей. Маневр был замечен и не понравился.

— Браток, я ж извинился перед твоей женой!

— Все нормально.

— Что ж бояться-то, пускай стоит рядом с нами!

— Да все нормально.

— Аре, приятель, мы неплохие люди. Ну, выпили капельку, зато нам теперь хорошо, даже

очень хорошо!

— Вот и хорошо, что хорошо.

— Не обращай внимания, — беззвучно, одними губами, произнесла Роксана.

— «Что там в блузке у нее…» — пропел один, нарочито похабно обращая свой вопрос к Роксане, которая сжалась в страхе перед реакцией Йезада.

— Ты только не обращай внимания, Йезад, — одними губами умоляла Роксана.

Мурад и Джехангир, до которых дошел смысл популярной песенки, стыдясь и труся, взяли ее за руки.

Их отец повернулся к пьяным и, не повышая голоса, сказал певцу «заткнись».

— Ты нам, браток, не угрожай, не порть нам настроение! В чем дело, песни на хинди тебе не нравятся?

— Эта не нравится. — Йезад старался говорить спокойно. — Или, может, хотите узнать, что там в кулаках у меня?

— Прекрати, Йезад!

— «Прекрати, Йезад», — пропищал один, и оба покатились со смеху. — Ты с нами, дядя, не заводись, мы из Шив Сены, мы ребята непобедимые!

К огромному облегчению Роксаны, к остановке,

тарахтя, подкатил автобус. Господи, сто тридцать второй, наш! Она потащила детей к ступенькам.

Пьяные остались на остановке. «Гудбай, — крикнул один вслед автобусу, — прекрати, Йезад!» Другой заверещал: «Прекрати, Йезад!» Оба опять покатились со смеху.

Когда Йезад взял билеты и уселся, Роксана укорила мужа за два выпитых скотча. Без них он бы себя так не повел. И детям не показал бы плохой пример, а теперь и они будут драться в школе.

— Папа и мы с Мурадом могли бы так вздрючить их! — заявил Джехангир.

— Вот, пожалуйста! А что я говорила? Разве можно было связываться с этой пьянью? Тем более с двумя сразу.

— Двое пьяных — это два полчеловека. А я, когда рассвирепею, у меня сил прибавляется! — И на ухо ей прибавил: — А когда в запале — длины…

— Йезад! — покраснела она.

— Да я бы обоих уложил моим любимым приемом карате! Помнишь, как я кирпичи раскалывал?

Конечно, помнила, хотя было это давно, еще до того, как они поженились. Однажды поздно вечером гуляли возле Висячих садов, шли мимо заброшенной строительной площадки со сторо-

жем, дремавшим в уголке. Вдруг Йезад заметил груду кирпичей и сказал:

— Хочешь, фокус покажу?

Он поставил на ребро два кирпича, положил на них третий и расколол его одним ударом. Она не поверила, сказала, что он ее дурачит, наверняка выбрал треснутый кирпич.

— О'кей, — сказал он, — выбери сама.

Она выбрала — он и этот разбил.

Роксана улыбнулась, вспоминая тот случай.

— Тогда ты молодой был. Сейчас у тебя рука уже не та.

— Достаточно твердая у меня рука, чтобы им шеи переломать!

Мурад сказал, что никогда не видел, как папа раскалывает кирпич надвое. Джехангир потребовал, чтобы папа показал, как это делается.

— Прямо в автобусе? Откуда здесь кирпичи? — с досадой спросила Роксана, а мужу повторила:

— Нельзя обращать внимания на уличную пьянь.

— Есть вещи, на которые нельзя не обращать внимания! Пожалуй, Джал прав — Бомбей превратился в дикие джунгли.

— Тебе надо опять попробовать в Канаду уехать, папа, — сказал Джехангир.

— Нет. Им там не нужен продавец спортивных товаров. Подрастешь, попробуй сам. Учись полезным вещам — компьютерам, менеджменту, и тебя примут с распростертыми объятиями. Не как твой отец — история, литература, философия.

Автобус подъезжал к мосту Сандхерст, откуда сворачивал на Хьюз-роуд, и мальчики прилипли к окну — сейчас покажется дом, в котором вырос отец.

— Вот он, мой дом! — закричал Джехангир, завидев «Джехангир-палас».

Всем стало смешно.

Братья, не отрываясь, всматривались в окна квартиры на первом этаже, где провел детство и юность их отец. Мальчикам хотелось заглянуть в комнаты, будто внутренность квартиры рассказала бы им об отце и его жизни, когда он еще не был папой. Но окна были темны, а там, где горел свет, шторы скрывали секреты дома.

— Мы можем когда-нибудь зайти в квартиру?

Отец покачал головой.

— Вы же знаете, что квартиру продали. Там теперь живут чужие люди.

Автобус завершил поворот, мальчики молча следили глазами за исчезающим из вида «Джехангир-паласом». Некоторое время ехали в

грустном молчании. Прервал его Джехангир:

— А я бы хотел, чтобы ты там остался и после женитьбы на маме. Тогда и мы с Мурадом сейчас тоже жили бы в этом доме.

— Тебе не нравится жить в «Приятной вилле»? В таком славном доме?

— Этот лучше. Тут двор с оградой, мы бы играли там.

— Это верно, — задумчиво произнес Йезад, вспоминая детство, друзей, крикет во дворе. — Но в этой квартире для всех не хватило бы места.

— И я не нравилась папиным сестрам. Ни одной из трех, — добавила Роксана.

— Будет тебе, — запротестовал Йезад, но не стал останавливать жену, поскольку всегда считал, что от детей не должно быть секретов.

Йезад, как младший из четырех детей, был объектом неослабного обожания сестер. Сестры любили единственного брата любовью яростной и ревнивой, опекали его с почти маниакальной страстью. В детстве такая любовь казалась трогательной и забавной. Подростком Йезад взял на себя роль рыцаря и защитника сестер. Во сколько же драк он ввязывался в школе из-за трепотни мальчишек, если относил ее на счет сестер. Еще хуже было в колледже: на первом курсе Йезад

избил двух хулиганов, которые приставали к младшей из сестер.

Потом в студенческой компании Йезада стали появляться девушки, и страстная любовь сестер приобрела деспотический характер — предвестие грядущих бед. Немыслимо — невесть откуда взявшиеся, совершенно посторонние девицы смели претендовать на частицу внимания их брата. Реакция сестер приобретала все более широкий диапазон — от негодования и гнева до горьких попреков. И Йезаду все чаще приходилось делать выбор между миром в семье и вечером в дружеской компании.

— Нашу с папой помолвку они не могли пережить, — рассказывала Роксана, — со мной едва разговаривали, не участвовали ни в одном из свадебных обрядов. Я как будто ребенка отнимала у них. И они к любой бы так отнеслись, на ком бы папа ни женился. Разве нет, папа?

Она погладила руку Йезада, он кивнул.

— А может быть, если бы вы жили вместе, они стали бы лучше относиться к маме, — предположил Мурад.

Йезад покачал головой:

— Ты своих теток не знаешь. Годами шли бы ссоры и скандалы. Что дедушка приобрел для нас

квартиру, это был наилучший выход.

Джехангир сказал, что никогда не понимал, почему у них есть только дядя Джал и тетя Куми, а у других ребят полно дядей и теток.

— Мы никогда не ходим в гости к другим.

Тут Йезад объявил, что с детей хватит семейных историй — и так много узнали за один вечер: и про те вещи, которые огорчают тетю Куми, и про его сестер. Джехангир сказал, что, когда вырастет, напишет большую, толстую книгу — «Полная история семьи Ченой — Вакиль».

— Но условимся, что ты про нас будешь писать только хорошее, — сказала мама.

— Нет, — возразил Йезад, — условимся, что он напишет правду.

Глава 3

Ни стука в дверь, ни звонка, только глухой удар, от которого у Куми побежали мурашки. Она продолжала сидеть, уткнувшись в газету, но в голове у нее пронеслись все недавно читанные истории о грабежах среди бела дня, когда бандиты врывались в дома, убивали хозяев и выносили добро из квартир.

Дома были только она и Джал. Нариман воспользовался перерывом в дожде и пошел прогуляться. В последние две недели лило как из ведра, и ему не хотелось упустить ясный вечер.

Еще один удар, такой сильный, что его расслышал Джал.

— Подойти? — спросил он.

— У окна постой — на случай если придется звать на помощь.

Куми на цыпочках подкралась к двери — посмотреть в глазок. Если что-то подозрительное, сразу отойдет, пусть думают, что в квартире никого нет.

За дверью кричали на хинди, требовали поскорей открыть. Один голос, потом другой:

— Дарвазакхоло! Откройте двери, джальди, быстро! Кои хэ, есть кто дома?

Она отступила, собралась с духом и шагнула вперед. Холодея от страха, что сейчас наяву столкнется с тем, что видела в кошмарных снах, она приникла к глазку. И в тот же миг поняла, что сбывается другой кошмар, связанный с отчимом.

Двое мужчин, на их руках бессильным мертвым грузом повис Нариман. Один подхватил его под колени, другой продел руки под мышки Наримана, сплетя пальцы на груди отчима. Тот, что держит за ноги, босой ногой колотит в дверь — вот откуда глухой стук.

Он еле удержал равновесие, когда Куми рывком распахнула дверь. Палка — подарок на день рождения — ручкой зацеплена за рубаху, натягивает застежку на груди.

— Джал! Скорее сюда, Джал!

Мужчины тяжело дышат, пот заливает им лица. От них воняет, думает Куми. Она узнала их, они из магазина субсидированных продуктов, мускулы в наем, относят на дом покупателям мешки с зерном. «Не очень-то сильные, — думает Куми, — если так замучились с тощим стариком».

— Чего ждете? — истерически вопит Джал. — Чало, вносите его, нет, нахин. Не на пол, сюда,

диван, кеупар! Стойте, лучше в ту комнату, кладите на паланг, на кровать!

Джал ведет их в комнату Наримана.

— Только осторожно, тхик хэ, вот так хорошо.

Вчетвером сгрудились у кровати, смотрят на Наримана.

Он лежит с закрытыми глазами, трудно дышит.

— Что случилось?

— В кхадду свалился, в канаву, мы вытащили, — говорит тот, что с палкой, болтающейся на груди. Он так устал, что еле говорит. Утирает лицо подолом длинной рубахи.

— Трость. Джал, трость, — шепчет Куми.

Брат понимает ее тревогу — пот оставляет пятна на лаке — и отцепляет трость.

— Кхадду, канаву, телефонная компания выкопала, — говорит второй. — Старый сахиб ногу себе повредил.

— Лодыжку, — простонал Нариман, — боюсь, она сломана.

Общий вздох облегчения — он пришел в сознание. Услышав голос отчима, Куми вспоминает, что его следует отчитать:

— Мы каждый день предупреждали тебя об опасности, папа. Теперь ты доволен?

— Простите, — слабым голосом отзывается Нариман. — Я не нарочно.

— Эти люди ждут, — шепотом напоминает сестре Джал. — Им надо что-то дать.

Она спрашивает отчима — издалека ли грузчики несли его? Надо же рассчитать, сколько им положено, по расценкам магазина. Но Нариман в помраченном сознании, он не может точно сказать.

— Дай им приличный бакшиш, и пусть уходят, — настойчиво говорит Джал. — Они же не мешок пшеницы доставили, они папу спасли, из канавы вытащили.

Куми не согласна: она платит за работу — какая разница, папу они несли, или мешок риса, или мебель? Вес и расстояние — вот что имеет значение.

— Папа попал в беду, но это же не значит, что деньги на деревьях растут!

У нее есть идея получше: эти двое гхати могли бы отнести папу через дорогу к доктору Фиттеру.

— Ты помнишь, как он помог нам с мамой? Он тогда все сделал — и свидетельство о смерти, и другие вещи — от и до. Я уверена, он нам и с папой поможет.

— У тебя все в голове смешалось, Куми. Это бы-

ло тридцать с лишним лет назад. Доктор Фиттер уже старый человек, он давно оставил практику.

— Ну и что? Оставил практику, так у него вся медицина из головы вылетела? Пусть скажет нам, насколько это серьезно и нужно ли везти папу в больницу.

Долгие пререкания кончились на том, что Джал велел грузчикам ждать, пока он не наведет справки. Если доктор Фиттер согласится, так он может с тем же успехом осмотреть папу здесь, чтобы не мучить его перетаскиванием на руках через дорогу.

Доктор не узнал Джала и был явно недоволен тем, что его беспокоят в обеденное время. Однако, услышав имя Наримана Вакиля, сразу вспомнил давнишнюю историю и пригласил Джала войти.

— Как я могу забыть эту трагедию? — Доктор заколебался. — Такая беда для вас и ваших бедных маленьких сестренок…

— У нас беда с папой, — прервал его Джал, — он повредил себе лодыжку.

И изложил обстоятельства происшествия.

— Я по вечерам из окна наблюдаю за прогулками вашего отца. Он страдает паркинсонизмом, не так ли?

Джал кивнул.

— Н-да, — проворчал доктор. — По походке можно определить.

Помолчал и, сердясь, спросил:

— А вы что, совсем не соображаете? Как можно отпускать человека в его возрасте, в его состоянии на улицу одного? Ясно же, что в любую минуту мог упасть и разбиться.

— Мы говорили папе, но он нас не слушал, уверял, что прогулки доставляют ему удовольствие.

— Почему никто из вас не мог гулять с ним? Вести его под руку, поддерживать его?

Доктор сверлил его укоряющим взглядом. Джал опустил глаза на домашние туфли старого врача.

— Хорошо, а теперь, когда беда уже случилась, что вы от меня хотите?

— Если бы вы согласились осмотреть папу, — робко попросил Джал, — нет ли перелома…

— Осмотреть? Вы за кого меня принимаете, за супермена? Я и в молодости не обладал рентгеновским зрением, а уж сейчас точно нет.

— Конечно, доктор, но если вы хотя бы…

— Хотя бы что? Чем тратить время попусту, немедленно везите его в больницу! Он же наверняка мучается! Идите!

Доктор указал на дверь. Джал выскочил вон, довольный, что ноги унес.

Доктор Фиттер запер дверь и с ворчанием пошел на кухню жаловаться миссис Фиттер на нынешнее поколение парсов, на этих бестолковых, дрожащих идиотов, живое доказательство вырождения народа.

— Когда вспоминаешь наших праотцов, промышленников и кораблестроителей, которые заложили основы современной Индии, филантропов, которые дали нам, парсам, больницы, и школы, и библиотеки, и парки, какую славу они принесли нашей общине и всей стране. А этот болван не может за отцом присмотреть! Не может принять простое решение и отвезти старика в больницу на рентген.

— Да-да, — нетерпеливо отозвалась миссис Фиттер, — скажи мне лучше, Шапурджи, тебе яйцо подать вместе с кимой или отдельно?

— Отдельно. Надо ли удивляться, что общине предрекают гибель? Демографические данные говорят о том, что через пятьдесят лет мы вообще перестанем существовать. Может быть, оно и к лучшему. Что толку от общины бесхребетных слабаков? Только по названию парсы.

Он расхаживал между кухней и столовой, продолжая кипеть негодованием, пока миссис Фиттер не сказала, чтоб он садился за стол. Она

подала обед и щедро наполнила его тарелку. Аппетитно благоухающее рубленое мясо с пряностями, яйцо, поблескивающее круглым желтым глазом, сразу привели доктора в отличное расположение духа.

— Чему быть, того не миновать, — сказал он, принимаясь за еду. — А пока — ешь, пей и радуйся жизни. Потрясающе вкусная кима, Техми.

Отказ Фиттера прийти на помощь настолько возмутил Куми, что она даже не осознала серьезности ситуации, которой вполне проникся Джал.

— Почему ж он не пришел, если это настолько серьезно? Прежде чем в больницу мчаться, надо вызвать папиного доктора.

— Но Тарапоре тоже потребуется рентген. И потом нам придется платить и ему за визит, и за больницу.

Наконец решили ехать в «Парси Дженерал». Грузчики уложили Наримана, который снова впал в полузабытье, на заднее сиденье такси, Куми села с шофером. Нариман стонал от боли, когда машину встряхивало на дорожных выбоинах.

— Уже почти приехали, папа. — Куми перегнулась с переднего сиденья и взяла его за руку.

Нариман ухватился за ее пальцы, как перепу-

ганный ребенок. Она чуть было не отдернула руку, но, подавив импульс, успокоительно ответила на его движение. В стекло заднего обзора было видно второе такси, в котором ехали Джал и грузчики.

* * *

Изучив рентгеновский снимок, доктор Тарапоре проконсультировался со специалистом, поскольку перелом осложнялся наличием остеопороза и болезнью Паркинсона. Об операции не могло быть и речи. Левую ногу Наримана загипсовали от бедра до пальцев.

Ассистент, накладывавший гипс, носил очки, и по мере его работы стекла все сильнее забрызгивались белым. Он болтал без умолку, стараясь отвлечь старика от боли.

— Как это с вами случилось, сэр?

— Оскользнулся и свалился в канаву.

— У вас, видимо, сложности с бифокальными очками?

— Очки винить нельзя. Канава была не огорожена.

— Просто позор.

Ассистент — его звали Рангараджан — приостановил работу и проверил консистенцию гипса

в лотке.

— Да, тротуары превратились в серьезную опасность. Буквально на каждом шагу замечаешь препятствия, угрожающие жизни и здоровью публики.

Нариману пришло в голову, что ассистент нашел бы общий язык с Джалом и Куми: он явно разделял их тротуарофобию.

Мистер Рангараджан хохотнул:

— При наших постоянных тренировках мы все можем претендовать на золотые медали в соревнованиях по бегу с препятствиями. Любой бомбеец. Или теперь полагается говорить — любой мумбайкар?

Понизив голос, он продолжил в менее шутливом ключе:

— Сейчас не знаешь, где встретишься с фанатиком из Шив Сены или блюстителем новых порядков и ревнителем новых имен. Я слышал, что люди из Шив Сены сумели проникнуть в почтовые учреждения и предают огню все письма и открытки, адресованные в Бомбей вместо придуманного ими Мумбая.

Он начал разглаживать гипс, местами смачивая его водой для постепенного отвердения.

— Вы позволите задать вам вопрос, профессор

Вакиль?

Нариман кивнул. Он получал удовольствие от старомодных оборотов речи этого явно образованного южанина и радовался его словоохотливости.

Мистер Рангараджан хотел узнать, нет ли у профессора друзей или коллег за границей, которые могли бы помочь ему найти работу, поскольку он намерен эмигрировать. Он направил письма в целый ряд стран, в том числе в США, Канаду, Австралию, Англию и Новую Зеландию.

— Даже в Россию. Хотя после краха Советского Союза индийцев встречают там менее тепло, чем прежде. В былые времена между нашими странами существовала любовь — сколько новорожденных русских мальчиков получили имя Джавахарлал, скольких девочек назвали Индирами. Сомневаюсь, что нынче русские называют своих детей Нарасимха или Атал Бехари.

— Нынче они, вероятно, называют детей Пепси или Ренглер, — сказал Нариман.

Мистер Рангараджан засмеялся и вытер случайный шлепок гипса.

— Прошла эпоха, когда среди нас взрастали великие лидеры. У нас страшная засуха.

— Проблема всего мира, — ответил Нариман. —

Посмотрите на Соединенные Штаты, Англию, Канаду — везде у власти никчемушники.

— «Никчемушники», — повторил мистер Рангараджан. — Замечательно, профессор Вакиль, я должен запомнить это словечко. Но, на мой взгляд, это всего трагичней для нас. Цивилизация, насчитывающая пять тысячелетий, народ численностью в девятьсот миллионов не может создать одного великого лидера? Как мы сейчас нуждаемся в Махатме — в Великой Душе.

— Но получаем микроминидушонки.

Мистер Рангараджан понимающе улыбнулся. Выскребая остатки гипса из лотка, он возвратился к начальной теме, от которой отвлекся.

— Я работал в кувейтской больнице. Но после войны в Персидском заливе всех выставили вон. Джордж Буш нанес удар по иракцам и прикончил наши рабочие места. Теперь главная моя цель — уехать туда, где у меня будет перспектива. Лучше всего в Соединенные Штаты.

«А как насчет перспективы для его души, — подумал Нариман, — улучшится она в чужой стране?»

К тому времени как мистер Рангараджан закончил гипсовать ногу, его фартук и руки по самые локти были белы, как у пекаря. Наримана увезли

на каталке в мужскую палату.

Позже к нему снова зашел доктор.

— Как вы себя чувствуете, профессор Вакиль? — спросил он, нащупывая пульс.

— Запястье у меня в порядке. Проблема с лодыжкой.

Доктор Тарапоре улыбнулся, довольный: давно известная профессорская саркастичность не убыла, несмотря на страдания. Хороший признак. Доктор, которому недавно перевалило за сорок, был студентом Наримана Вакиля, задолго до того, как профессор стал его пациентом. Их свело принудительное кормление английским, курс которого сделали обязательным для студентов всех негуманитарных факультетов в первые два года обучения в колледже.

Однако вчерашняя встреча с профессором Вакилем на фоне голых больничных стен лишила Тарапоре покоя. И сегодня с самого утра его обуревали странные чувства — ностальгия, грусть, сожаление о потерянном времени, об упущенных возможностях, — и он не мог понять причину этих человеческих реакций.

И еще — в уме преуспевающего врача неотвязно звучали строки из «Сказания о Старом Мореходе». Сам изумившись, запутавшийся медик начал чи-

тать стихи, которые когда-то Нариман заставлял учить своих студентов:

Вот Старый Мореход. Из тьмы Вонзил он в Гостя взгляд. «Кто ты? Чего тебе, старик? Твои глаза горят!»[4]

Нариман нахмурился. Он впервые заметил, что у Тарапоре довольно длинные волосы — врачи обычно так не стригутся, это была бы нормальная прическа, если бы он в рекламе работал…

Появился палатный бой с погромыхивающей тележкой, которую он покатил между кроватями. Молоденький парнишка делал свое дело споро и динамично. Ставил вымытые утки под кровати с аккуратностью, свидетельствующей о желании навести порядок. Бой. Тех, что выполняют эту работу в женских палатах, называют нянечками. Айями. «Айя присматривает за детьми, — думал Нариман. — Собственно, так здесь и воспринимают стариков и больных».

Доктор Тарапоре сосчитал пульс, сделал пометку в истории болезни и продекламировал еще строку:

— «И держит цепкою рукой…»

— Извините, доктор. Зачем вы мне Кольриджа

---

[4] Примечания: 4
Перевод В. Левина.

читаете? Я бы куда охотней выслушал ваш прогноз по поводу моего перелома.

Доктор Тарапоре смутился, как школьник:

— Сам не знаю, сэр, почему мне вспомнились ваши лекции в колледже. Мне очень нравились ваши лекции, я до сих пор помню «Старого Морехода» и «Кристабель». И все рассказы Э. М. Форстера из «Небесного омнибуса», которые мы учили.

— Не морочьте мне голову. У меня болезнь Паркинсона, а не Альцгеймера, я тоже помню эти лекции: аудитория, в которую набились две с лишним сотни негуманитарных буянов, они шумят и свистят, стараются своими инфантильными выходками произвести впечатление на десяток девушек, затесавшихся среди парней.

Доктор покраснел:

— Это университетское начальство виновато: оценки по английскому не засчитывались в средний балл, только посещаемость. Поэтому ребятам было все равно. Но даю вам честное слово, сэр, я в этом хулиганстве не участвовал.

Нариман поднял бровь, и экс-студент исправился:

— Ну, может, свистнул разок или два. Без всякого энтузиазма.

Доктор почувствовал, что разболтался не в меру. Он взялся за фонендоскоп, потом измерил Нариману давление и сделал еще какие-то записи в истории болезни. Но на самом деле ему хотелось, чтобы старый профессор поговорил с ним о жизни.

Он сделал новый заход.

— Сэр, «Старый Мореход» напомнил мне о лучших годах моей жизни, о студенческих годах, — он замялся, — о молодости.

И сразу пожалел о сказанном.

«Чувствительная у доктора совесть, — подумал Нариман. — Четверть века прошло, а он все винит себя за безобразия аудитории. Или это просто его методика общения с больными?»

Ну что ж. Нариман счел за благо отказаться от сарказма.

— В каком году вы посещали мои лекции?

— На первом курсе, в шестьдесят девятом.

— Следовательно, вам сейчас лет сорок.

Доктор кивнул.

— И вы осмеливаетесь говорить о молодости, как будто она уже прошла?

— На самом деле, сэр, я чувствую себя старым, когда я…

— Ха. А как, по-вашему, я чувствую себя, когда

мои бывшие студенты говорят со мной о своей молодости? «Пусть Прошлое хоронит своих мертвецов», — процитировал Нариман, закрывая тему.

— «Действуй — действуй в живом Настоящем», — продолжил доктор Тарапоре, ожидая комплимента за опознанную цитату.

— Превосходно. Так давайте следовать совету Лонгфелло. Скажите, когда вы возвратите мне мою лодыжку?

Студент вернулся к действительности.

Доктор Тарапоре, возвращенный к постели пациента, постучал по твердому белому панцирю и изрек:

— Гипс прочный.

Нариман усмотрел в этом некую фривольность.

— Конечно, прочный — цемента здесь хватило бы на ремонт моей квартиры. Ваш гипсовальщик увлекся.

Доктор Тарапоре засмеялся:

— Предплюсна — одна из самых коварных групп костей. Особенно в вашем возрасте. Мы должны обеспечить ей достаточную поддержку, защитить плюсну и зафиксировать ногу в неподвижном состоянии. А ваш паркинсонизм

требует от нас особой осторожности. Через четыре недели сделаем еще один снимок, но выписать вас можно уже завтра.

Он пожал Нариману руку и вышел в коридор к Джалу и Куми, ожидавшим его наставлений по уходу за больным.

В последние два дня Джал практически не покидал больницу. И Куми находилась при отчиме с утра до ночи. Нариман был тронут, он уговаривал их пойти домой отдохнуть, поскольку их присутствие в больнице ничего не меняло.

— Ничего, папа, мы составим тебе компанию.

— Известили вы Роксану и Йезада? — спросил он.

— Мы решили пока не тревожить их, — ответила Куми.

Чтобы повеселить Наримана, брат с сестрой стали описывать ему визит Эдуля Мунши, тот краем уха услышал, что в доме произошел несчастный случай. Единственное, что он разобрал, были слова «Нариман Вакиль» и «сломал». Ему больше ничего не требовалось — он явился со своими инструментами и спросил, что нужно починить.

Нариман фыркнул.

— Постой, папа, послушай, что Куми ему ответила!

— Я говорю, конечно, Эдуль, мы будем очень благодарны за починку. Но дело в том, что придется ехать в «Парси Дженерал». Он изумился: «Почему в “Парси Дженерал”»? Я говорю, потому что папа в больнице. «Ну и что?» — говорит он. Я отвечаю, починять надо папину лодыжку!

— Видел бы ты его лицо, папа! — смеялся Джал.

— Я понятия не имел, что он такой отчаянный человек, — усмехнулся Нариман.

Принесли обед. Они помогли установить поднос на ножках. Поделили между собой пудинг с кремом, потому что Нариман отказался от сладкого, а к чему пропадать хорошей еде?.. Вынесли поднос с посудой за дверь, чтобы его забрали, и пожелали Нариману спокойной ночи.

Нариман был не против побыть в одиночестве. Палатный бой, который заступил в ночную смену, был немолод, значительно старше динамичного парнишки, что работал днем. «Ему, должно быть, за пятьдесят, никак не меньше, — прикинул Нариман. — Интересно, отчего у него руки дрожат, тоже от паркинсонизма или от чего-то другого?» Несовершенство рук искупалось совершенством его улыбки. «Улыбка просветления», — думал Нариман, так похожая на вольтеровскую в старости,

на том портрете, который украшает фронтиспис его экземпляра «Кандида».

«Как обретает человек такую просветленность, — размышлял он, — здесь, в мрачной палате, вынося судна и утки хромых, обездвиженных и больных? Или все это как раз и есть необходимое условие? Условие для понимания, что, стар или молод человек, богат или беден — всяк смраден с другого конца?»

Нариману хотелось заговорить с ним, но никак не мог решиться. Пожилой бой сам спросил, как он себя чувствует, не нужно ли чего, может, подушку поправить…

И улыбнулся — и Нариману показалось, что у них состоялся долгий и сердечный разговор.

На другой день в палату зашел мистер Рангараджан взглянуть на свою работу. В целом он остался доволен, но в двух местах ему хотелось добавить гипса.

— Лучше перестраховаться, чем потом раскаиваться.

Обеспокоенный изнуренным видом Наримана, он попытался развлечь больного рассказами из практики.

— Вы находитесь в первоклассной клинике, профессор Вакиль, можно сказать, в пятизвездоч-

ном отеле по сравнению с другими больницами. Когда я вернулся на родину после неожиданного отъезда из Кувейта, я нашел себе работу в государственной больнице в Индоре. Жуткое было место. Полно крыс — и никого это не волнует!

— Видимо, это было до вспышки чумы в Индоре?

— Совершенно верно. В мою бытность там произошло два страшных случая. Одному больному крысы отгрызли пальцы ног. И еще крысы загрызли новорожденного. Не до смерти загрызли, но младенец погиб.

Нариман затряс головой.

— Но крысы были не единственной проблемой, — продолжал Рангараджан. — Там лежал больной с полностью загипсованной ногой — даже больше, чем у вас. Он все жаловался на жжение под гипсом, которое просто с ума его сводило. Сутками кричал как безумный, звал на помощь. Но доктора считали, что он просто капризничает. И чем кончилось? Больной не выдержал и выбросился из окна. Когда с трупа сняли гипс, под ним обнаружили просто мясо, кишевшее клопами.

Наримана передернуло. Он был по-настоящему счастлив, когда Рангараджан закончил работу и

стал собирать инструменты.

Доктор Тарапоре зашел к Нариману накануне выписки. Стихов он больше не читал, зато еще раз переговорил с Джалом и Куми, подробно растолковав им все «да» и «нет» ухода за больным.

— Следите за тем, чтобы мой дорогой профессор не давал никакой нагрузки своей лодыжке — ни унции веса, полный покой в течение четырех недель.

— Мы проследим, доктор, — заверила его Куми. — Папа теперь будет вести себя хорошо. Он уже получил урок, правда, папа?

Нариман не удостоил ее ответом. Доктор Тарапоре улыбнулся и сказал, что молчание — знак согласия.

Вечером динамичный палатный бой попросил дать отзыв о его работе. Он предупредил, что нарушает больничные правила, поэтому, пожалуйста, все должно храниться в тайне.

Нариман написал на больничном бланке, добытом расторопным боем, что мистер Ядав — старательный работник, он проявляет заботу о пациентах и добросовестно выполняет свои обязанности; что ему было приятно познакомиться с таким человеком и он желает мистеру Ядаву успеха в его дальнейшей деятельности.

Он изучил написанную страницу, отметив вихляющийся почерк. Буквы от начала к концу уменьшались, он не мог контролировать их размер. Что-то новенькое — надо полагать, очередной симптом паркинсонизма.

Бой пришел в восторг, не прочитав ни слова. Он взял дрожащую руку благодетеля в свои и долго не выпускал ее.

Утром перед выпиской к Нариману заглянул пожелать удачи мистер Рангараджан. Но пожилой бой с ночной смены больше не показывался, и Нариман пожалел, что не узнал его имя. Ничего, он будет его помнить как инкарнацию Вольтера.

Потом пришло время отправляться домой. Джал сел с ним в машину «Скорой помощи». Машина остановилась у перекрестка недалеко от больничных ворот, пропуская колонну демонстрантов.

— Что за партия? — поинтересовался Нариман.

— Бог его знает. Отсюда не прочтешь лозунги. БДП, Народная партия, коммунисты, социалисты — все одно и то же. Ты хорошо спал ночью?

Нариман ответил неопределенным движением руки. Дождались конца колонны и поехали дальше.

Нариман ожидал увидеть распахнутую дверь и

Куми с подносом — цветы, киноварь и очищенный кокос. Но Джал отпер дверь своим ключом. Санитары внесли Наримана на носилках. Никакого ритуального подноса, никто не собирается совершать приветственный обряд.

— Куми нет дома?

— Она в храме огня. Молится за маму.

Конечно. Годовщина ее смерти. А он забыл.

— На обратном пути она должна купить для тебя судно, тазик и все остальное.

Нариман снисходительно относился к традициям парсов, связанным с днями рождения, навджоте, свадьбами, проводами в последний путь. Он никогда не придавал большого значения обрядам. Но отсутствие серебряного подноса болезненно задело его.

— Когда она вернется?

— Уже скоро. Тебе не нужно пока в клозет, да? Отдохни, а я поставлю тебе музыку.

С удовольствием лежа в собственной постели, Нариман подремывал под звуки шубертовского квинтета, пока его не разбудили приглушенные голоса.

— Стульчак? — спрашивал Джал.

Таксист со стуком поставил тяжелую ношу в передней. Куми упросила его поднять ящик в лифте,

но таксист был обозлен скудными чаевыми.

— Если б я хотел работать грузчиком-кули, я за рулем бы не сидел! — громко ворчал он, уходя.

— Спасибо, добрый человек, большое, большое спасибо, — говорила Куми, притворяясь, будто не слышит, и запирая за ним дверь. — Как папа?

— Спит. Но ты же должна была судно купить…

Она распаковала эмалированный тазик и поставила его рядом с деревянным ящиком на четырех коротких ножках.

— Я подумала, что стульчак лучше, чем судно.

— Как это — лучше? Доктор ясно сказал: месяц в постели. Нога не должна касаться пола.

— Слушай. Я пришла в магазин, стала выбирать судно и представила себе… ну, процедуру. Как это будет происходить — подложить судно папе, достать его, когда папа сделает свои дела, подмыть папу, вынести и вымыть судно… не заставляй меня описывать. Сам знаешь. До того неловко, неприлично.

И она решила, что стульчак будет пристойней. Папа будет садиться на стульчак прямо у кровати, ему будет легче оправляться.

— А нам останется только опорожнить горшок.

— Но доктор сказал, что, если мы не будем осторожны, так кости будут месяцами срастаться!

— Папе же не придется добираться до клозета, об этом и речи нет! Испробуем стульчак, посмотрим, как у папы получится.

Вдвоем они внесли стульчак в комнату отчима; он притворился, будто проснулся при их появлении.

— О, Куми, ты вернулась. Что это — новый ночной столик для меня?

— Нет, папа, — засмеялась Куми, — это стульчак, смотри, какой славный.

Куми подняла крышку.

— Мы подумали, стульчак будет удобней судна, — сказал Джал, — как тебе кажется?

— Мне удобней то, что удобней вам. Я и так обременяю вас.

— Мы справимся, папа, не волнуйся. Всего-то четыре недели.

И Джал придвинул стульчак к кровати.

— Хочешь сходить?

Нариман кивнул. Они подхватили его под мышки и усадили в постели. Дальше — самое сложное: помочь ему встать и сделать четверть оборота к стульчаку. Напомнив, чтобы он перенес вес на правую ногу, а левую держал на весу, они подняли его.

Поднимать вертикально почти мертвый груз

оказалось труднее, чем они думали. И как только Нариман оказался в стоячем положении, сломанная лодыжка опустилась на пол.

— Ногу не ставь на пол! — вскрикнул Джал.

— Не могу, гипс тяжелый.

Нариман еле сдержал стон, когда они понесли — потащили его. Они поняли, что ему больно: он резко втянул воздух и напрягся всем телом.

— Стоп! — вскрикнула Куми, когда он уже почти сидел. — Пижама!

Собрав все силы, Джал придержал его одной рукой, другой дернул за шнурок пижамных штанов. Ткань прилипла к телу, и Джалу пришлось упереться в отчима бедром, пока штаны не свалились к щиколоткам.

Усадив Наримана на стульчак, оба изнеможенно отступили. Глаза Наримана закрылись, на лбу выступил пот.

— Как ты, папа?

Он кивнул. Алюминиевый горшок зазвенел под струей, и они обменялись взглядами торжества и облегчения.

— Не спеши, папа, — сказал Джал. — Ты только не спеши. Сделай все, что надо. Номер один. Номер два. Все.

Нариман чувствовал тяжесть в кишечнике, но,

обессиленный болью, не мог натужиться.

— Все, — прошептал он.

Куми опустилась на колени и сдернула с него штаны. Чтобы уложить Наримана в постель, пришлось повторить процедуру в обратном порядке и с тем же трудом. Оба тяжело дышали, изо всех сил стараясь удерживать равновесие, но под конец чуть не свалились на кровать вместе с ним.

— Ну вот, все в порядке. — Джал распрямил спину. — Что нам нужно, так это разработать систему, метод, чтобы все шло гладко.

— Да, — прошептал Нариман, — нужно.

Отводя глаза, Куми расправила простыню под ягодицами отчима, накрыла его.

— Самая большая ошибка — надо было сначала снять штаны. Придется тебе, папа, месяц побыть нудистом, ладно?

Он едва слышал ее из-за боли. Куми с Джалом натужно посмеялись, желая приободрить его, Куми опустила крышку сиденья и потянула Джала из комнаты.

— А горшок? — спросил он.

— Попозже, он всего на четверть наполнился.

Когда дверь плотно закрылась за ними, Куми призналась, что шутки шутками, но ей неловко видеть Наримана голым.

— Почему? Он же старый человек, Куми.

— Не в этом дело. Мне было уже одиннадцать, когда он стал нашим отчимом. Другое дело, если бы я выросла с ним. С настоящим отцом. А так я чувствую, что смотрю на чужого голого мужчину.

— Не вижу разницы. — Джал сразу заподозрил, что Куми собирается свалить эти обязанности на него. — Ты видишь то, что видела бы у нашего отца.

Куми объявила, что разговор с ним бесполезен, Джал — мужчина и никогда не поймет ее чувств.

После таблетки боль перестала пульсировать в ноге. Нариман попытался заснуть, но что-то мешало. Не гипс, что-то другое, неуловимое, не поддающееся осознанию.

Он подвигал плечами, подвинул подушку, расправил ворот пижамной куртки. Встряхнул верхнюю простыню, чтобы она ровнее накрывала его. Холодок, пробежавший по обнаженным бедрам, и прикосновение простыни к ним открыли ему причину беспокойства — на нем не было штанов.

Только теперь он вспомнил, как Куми стаскивала с него штаны, когда его усаживали на стульчак. Странно лежать в постели в одной

пижамной куртке. Непривычно — будто верхний слой кожи пропал.

Он хотел позвать, попросить штаны. Но Куми разозлится. И на самом деле будет легче, если он будет лежать без штанов.

«Что мать, что дочь», — подумал он, вспоминая, как Ясмин отобрала у него пижаму. И пижаму, и многое другое.

Он переходил из комнаты в комнату, от шкафа к шкафу в поисках хоть какой-нибудь одежды. Ничего. Ясмин ничего не упустила из виду, все спрятала, пока он мылся в ванной; только полотенце вокруг бедер, а Ясмин остается глуха ко всем его просьбам.

— Поди сюда, Куми, и ты тоже, Джал! Куда мама спрятала мою одежду? — пытался он дознаться у детей, пока Ясмин на кухне стерилизовала бутылочку для Роксаны.

— Не знаю, — твердил Джал, а Куми приложила палец к губам, показывая свое отношение к расспросам отчима, а также предупреждая брата, чтобы тот держал язык за зубами.

«Ловкий ход сделала Ясмин», — думал он без обиды. Какое право имел он обижаться? Это он вел себя неразумно; она была образцом терпеливости и чуткости, вечер за вечером вынося этот

фарс. Потому что это должно было выглядеть фарсом в ее глазах и в глазах соседей по дому: вид Люси, стоящей на тротуаре, задрав голову и вперив взгляд в окно, за которым стоял он. А потом, когда угрызения совести гнали его вниз, еще наблюдать их вместе, без сомнения, производивших впечатление парочки, изнывающей от любви.

«Несчастная Ясмин», — думал он, рыская по квартире в поисках рубашки, трусов, хоть чего-то из одежды. И несчастная Люси с ее ежевечерними дежурствами в сумерках — чего ради?

Воспоминания возвратили его к тому времени, когда они расстались на Брич-Кенди. К тем четырем месяцам, пока он не женился на Ясмин и пока Люси не начала его разыскивать. Он был поглощен приготовлениями к свадьбе, ко все приближающейся жизни с новой семьей. Суета и толкотня в родительском доме, воскресные сборища, где его одолевали советами и подсказками, — все это помогало выбросить из головы мысли о Люси. Уже потом он сообразил, что Люси ничто не могло отвлечь от мыслей о нем — она потеряла почву под ногами. И уже после свадебных празднеств он узнал от общих знакомых, как плохи у Люси дела: она забросила диссертацию,

она сидит без работы, а живет по-прежнему в общежитии Ассоциации молодых христианок. Он расстроился, потому что надеялся, что Люси помирилась с родителями и вернулась в дом.

Месяца через три после женитьбы, выйдя из колледжа, он натолкнулся на Люси. Чисто случайно, думал он тогда.

Сначала в их разговоре ощущалась неловкость.

— Ну как ты?

— Все хорошо. Спасибо.

Потом Люси спросила:

— Хорошая была свадьба?

Он пробормотал, что, в общем, да, спасибо, и она задала следующий вопрос:

— И как семейная жизнь? Теперь ты удовлетворен?

Тут он слегка встревожился, ему хотелось успокоить ее, заверить, что у нее тоже все будет хорошо. Вместо этого он отшутился и поспешил уйти, чтобы не поддаться смятению.

С того дня Люси начала по-настоящему преследовать его. Ее невозможно было отговорить. Она звонила ему на работу и домой, она писала ему письма, иногда даже поджидала его у ворот колледжа. Он сказал ей, что все это не имеет

смысла, поскольку они давно решили, что лучше положить конец их отношениям.

— Ты так решил, — возразила Люси. — Я считала это ошибкой. И сейчас так считаю. Я знаю, что ты меня любишь. Признайся. Я знаю, что между нами сохранилось то, что еще можно восстановить.

— Пожалуйста, Люси, не будем наивны. Мы достаточно долго были наивными. Думали, что можем изменить родителей, что можем мир переделать. Ты говоришь вещи совершенно…

— О Нари, ты и сейчас не решаешься быть честным перед собой. — В голосе Люси звучала мольба.

— Прошу тебя. У меня сил больше нет возвращаться ко всему этому. И, Люси, пожалуйста, ради тебя самой и ради меня, перестань ходить за мной по пятам.

Он старался убедить ее, что желает ей только счастья. Но теперь на нем лежит ответственность, у него есть жена, двое детей. Что было раньше, тому уже не повториться.

Она смотрела на него, не отводя глаз, не двигаясь. И на миг он увидел перед собой ту женщину, которую знал прежде, женщину с живыми глазами. Он коснулся ее руки, повернулся и пошел

домой.

Но сказанное ею запало в душу. Он снова запутался в своих чувствах. Снова всплывали на поверхность сомнения по поводу решения на Брич-Кенди, глубоко зарытые под слоями разумных доводов. Может ли быть, что она права… Единственный выход — держаться от нее подальше.

Теперь, завидев Люси у ворот колледжа, он обходил здание и выскальзывал через заднюю калитку. Но к облегчению от того, что сумел избежать встречи с ней, неизменно примешивалось чувство тяжелой утраты.

А с какой чуткостью поддерживала его Ясмин в течение тех двухлетних преследований, как она советовала проявлять твердость, но без жестокости по отношению к бедной женщине, которой пришлось столько пережить. Ясмин даже репетировала с ним, что он должен сказать Люси при встрече: рассудительные слова, исполненные здравого смысла и строгости. Только он ни разу не произнес их: при виде Люси он сразу вспоминал, сколько боли уже причинил ей.

Потом начались вечерние приходы Люси. Поначалу Ясмин не видела в них ничего угрожающего, даже готова была мириться с неловкостью ситуа-

ции — ответ был прост.

— Не замечай ее, — говорила Ясмин. — На тротуаре полно народу — и она тоже там. Устанет ждать и пойдет домой.

Но Люси на тротуаре воскрешала прошлое с силой, которая ему всю душу переворачивала. Вцепившись обеими руками в оконную решетку, он ждал, а Ясмин спрашивала: тебе нехорошо? Что-то случилось?

— Нет, ничего, — бормотал он в ответ, не в силах объяснить, что вид Люси, неподвижно стоящей на тротуаре, запрокинув голову к его окну, высвобождает в нем поток воспоминаний о первых днях их любви. А это страшит его больше всего.

Сначала родители Люси запретили ей встречаться с ним. Потом братья Люси предупредили, что переломают все кости этому ее воздыхателю, если увидят их вместе. Вот тогда Люси и пригрозила семье, что убьет себя, если с Нариманом что-нибудь случится.

«Неужели она действительно могла бы покончить с собой?» — думал он. Но родители серьезно отнеслись к угрозе. Вскоре после этого ее практически заперли в доме.

И он помнит, как часами простаивал на улице, глядя на ее окно. Братья выходили к нему, метали

в него злобные взгляды, сквозь зубы осыпая его бранью. Он помнит, какое это было счастье — видеть лицо Люси. Весь тот сезон дождей держала она свое окно открытым, даже когда бешеный ливень хлестал прямо в него. И он не уходил, не искал укрытия от дождя, промокший до нитки, держал раскрытый зонт под углом, чтобы он не мешал им видеть друг друга.

Теперь каждое появление Люси напоминало ему, как необорима была его потребность видеть ее тогда, и он не мог сопротивляться ее взгляду более нескольких минут. Понимая всю непозволительность того, что делает, он спускался к ней.

Его реакция приводила Ясмин в недоумение. Она настойчиво повторяла, что, потакая потерявшей рассудок женщине, он только вредит ей. Долготерпение Ясмин терзало его, и их разговоры на эту тему приобретали неприятный привкус.

«Странно, — говорила она, — что профессор английского не в состоянии просто и ясно сформулировать свою мысль — или, может быть, ему нравится каждый вечер обмениваться томными взглядами с несчастной женщиной?»

В то утро, когда исчезла его одежда, негодование понемногу уступило место чувству облегчения. Своим поступком жена показала ему всю абсурд-

ность сложившейся ситуации; и дала ему время обдумать происходящее.

Он позвонил в колледж, сообщил, что нездоров, и отменил лекции. Дождавшись полудня, еще раз попросил жену дать ему одеться.

— Нет, — ответила Ясмин. — Получишь свою одежду к ужину.

— Ты что, хочешь, чтобы я обедал нагишом?

— Мне все равно.

За стол он сел, обмотанный влажным полотенцем, и молча съел омлет. Больше он к жене не обращался и остаток дня провел в постели с книгой.

В половине седьмого появилась Люси. Он подошел к окну, и они встретились взглядами. Постояв, он отошел в сторону и взялся за книгу. Через минуту захлопнул книгу и пошел к Ясмин.

— Я все понял, — заверил он жену, — обещаю, сегодня — последний раз. Я ей скажу, что больше не спущусь, даже если она сутки простоит под окнами.

Ясмин ответила, что насчет последнего раза она уже слышала, поэтому и решила действовать сама. И делает она это ради блага их всех.

В семь он, неодетый, двинулся к двери. Открыл, сделал шаг на площадку. Дети наблюдали за ним

с недоверчивым удивлением. Он видел, как Куми хихикнула и зашептала брату на ухо.

— Шагай, если хватит пороху, — чуть улыбнулась Ясмин. — Одежду я тебе не дам.

— Раз тебе так хочется…

Он начал спускаться по ступенькам. Ясмин побежала за ним.

— Ты что, окончательно спятил? Я знаю, до меня тебе дела нет, но что люди скажут? О детях ты подумал? О маленькой?

Он сосредоточенно спускался по лестнице. Вышел на улицу. Перешел через дорогу. Остановился рядом с Люси. Не здороваясь, сказал, что это их последняя встреча. Он не намерен помогать ей губить свою жизнь. Отныне он будет держаться подальше от нее. Но, произнося слова о необходимости самоуважения и достоинства, он понимал, что говорит банальности, которые не убеждают ни ее, ни его.

Люси подождала окончания речи и сказала:

— Мне нравится твой наряд, Нари.

Он невольно улыбнулся.

Ее глаза заискрились, и она сделала движение, будто собираясь сорвать полотенце. Он отскочил.

Люси посмеялась его испугу и протянула ему

руку. Он взял ее. Она крепко сжала его ладонь в своей.

Она безобразно ведет себя, продолжал он, хватит слоняться под его окнами. Да, своим стоянием под окном она напомнила ему о прошлом, но это не может тянуться бесконечно, это абсурд. Он повторил, что это последний раз, больше он не спустится к ней. На сей раз это будет так.

Люси слушала в молчании, лаская его руку.

Он замолчал. Осторожно высвободил руку.

— Прощай, Люси. Счастья тебе.

Он пошел обратно. Из окон первого этажа дети кричали ему:

— Эй, нарьял-панивала! Почем нарьял-пани, почем кокосовое молоко?

Он кивнул в ответ на их дразнилку — его полотенце и впрямь было похоже на короткое лунги, которое обматывали вокруг бедер продавцы кокосового молока на пляже. Дома Ясмин бросила ему ключи от шкафа.

— Прости меня, — сказал он. — У меня не было выбора. Но теперь — все.

— Да, — тихо ответила она, — теперь все.

Джал и Куми, сидевшие рядом с матерью, злобно таращились на него.

В тот день они четыре раза усаживали его на

стульчак и вымотались вконец. К вечеру Нариман погрузился в неспокойный сон, а они, радуясь передышке, уселись на балконе. Зажглись уличные огни. Джал сказал, что уже не молод и такие нагрузки ему не по силам.

— Моя грыжа и аппендикс и бог знает что еще есть внизу этого просто не выдержат.

— А как насчет меня? У меня всю спину разломило.

— Думаю, это большая ошибка с твоей стороны.

— Что?

— Стульчак. С судном было бы намного легче.

— Глупости. Мы одно неправильно сделали. Не надо было оставлять мочу в горшке.

За день комната Наримана пропахла мочой. После четвертого раза Куми, зажимая нос, отнесла горшок в клозет, опорожнила его, ополоснула водой и поставила в стульчак.

На балконе они не засиделись. Подошло время ужина. Они подложили еще одну подушку Нариману под спину, чтобы он мог сесть в постели.

— Слишком высоко, — пожаловался он, и Джал убрал подушку.

Нариман не решился сказать, что теперь слишком низко. Он почти ничего не съел — хотелось

поскорее снова лечь.

— Тебе не нравится?

— Очень вкусно, спасибо.

Куми поставила тазик на грудь Наримана, Джал стоял наготове с водой и мылом. Нариман пополоскал рот и горло, высморкался. По воде поплыли сгустки слизи; Куми отвернулась, придерживая рукой тазик. Мелкие брызги попали ей на пальцы.

— Господи! — отпрянула она.

Джал отложил мыло, поставил кувшин с водой и взялся за тазик. Куми побежала мыть руки.

«Сопли цвета морской воды. Сопли, забивающие нос», — подумал Нариман.

— Ты что-то сказал? — спросил Джал.

— Ничего.

«Точнее, нефритового цвета», — думал Нариман.

Готовясь лечь спать, Джал поставил на ночной столик Наримана медную сковородку и положил рядом ложку.

— Если что-нибудь понадобится, постучи. Мы проснемся.

Джал стукнул ложкой о сковороду для демонстрации, и Куми зажала уши.

— Хуже молотка Эдуля Мунши, — сказала

она. — Весь дом сбежится к твоей кровати.

Слабая попытка развеселить Наримана провалилась, как и все предыдущие. Зато — как по сигналу — в нижней квартире застучал молоток.

— Ни стыда ни совести! — взвилась Куми. — Больному человеку не даст отдохнуть!

— Я забыл про зубы, — сказал Нариман, выталкивая языком вставную челюсть.

Куми принесла из ванной стакан с водой и поднесла к его рту.

— Ты не сменила воду. — Он втянул челюсть.

— Завтра сменю. Никаких сил нет.

Он опустил протез в нечистую воду. Зубы с легким всплеском опустились на дно, безмолвно ухмыляясь.

Стук ложки о сковородку трижды поднимал их с постели ночью. Последний гонг позвал их, когда Нариману понадобилось освободить кишечник, чего они добивались от него весь день. Они усадили отчима на стульчак, и комната наполнилась вонью.

Джал открыл окно и включил потолочный вентилятор на «максимум». С комода в угол полетели рецепты и бумаги. Нариман вздрогнул от неожиданного сквозняка.

Они не подумали о том, как ему привести себя

в порядок. Поставили ведро с водой и кружку рядом со стульчаком в надежде, что он, как всегда, подмоется левой рукой.

Однако нормальная процедура подмывания оказалась непосильной. Скованный тяжелым гипсом и обессиленный, он не мог проделать ее, сидя на стульчаке.

— Ну хоть попробуй, — уговаривали они. Джал пожалел, что не догадались купить туалетную бумагу: папе было бы легче.

— Есть туалетная бумага, — вспомнила Куми, — я купила несколько рулонов в прошлом году, когда были перебои с водой. На счастье, нам не пришлось пользоваться бумагой.

Она побежала доставать бумагу из стенного шкафа в конце коридора.

Взяв туалетную бумагу, Нариман предпринял отважную попытку подтереться. Попытался повернуться на одной ягодице и чуть не свалился со стульчака.

— Нет, не получится, — выдохнул испугавшийся Джал.

Подхватив отчима под мышки, он приподнял его над сиденьем.

— Быстрей, мне его долго не удержать!

Сдерживая рвотный позыв, Куми несколько раз

мазнула бумагой.

— Готово.

Они начали укладывать его в постель. Нариман сжал зубы, у него опять потемнело в глазах от боли. Они видели слезы, когда желали ему спокойной ночи.

— Горшок, — напомнил Джал сестре.

— Твоя очередь. В прошлый раз я вылила его.

— В тот раз был номер один. Это не в счет. И стульчак — это твоя идея.

— И что? Если бы дерьмо было в судне, ты бы с радостью вынес его?

Схватив горшок, Джал понесся в клозет. Куми проследовала за ним туда и обратно, жалуясь, что всего один день, а она уже больше не может, и чем ссориться, надо выход искать.

— Завтра поищем, — раздраженно бросил Джал, ставя горшок на место. — Три часа ночи. Я просто мертвый.

— Ты не один поднимал его. Я в таком же состоянии.

Они не старались понизить голос. Вентилятор бешено крутился на максимальной скорости, заставляя трепыхаться простыню, свисающую по одну сторону кровати.

— Прежде чем вы уйдете…

— Что?

— … вы не могли бы переключить вентилятор?

Джал повернул регулятор на «минимум», и простыня успокоенно колыхнулась.

Глава 4

В семь утра звонок вторгся в сон Куми, и она обиженно рассталась с прелестным сновидением. Она танцевала в бальной зале отеля «Тадж», оркестр исполнял любимые старые мелодии: «Унеси меня на луну», «Чай для двоих» в латиноамериканском ритме, «Зеленая, зеленая трава родного дома». Скользя фокстротом в опытных руках партнера, она подняла глаза и увидела люстры, хрусталь, сверкающий, как драгоценные камни. Она обоняла запахи пирожных, сандвичей и кофе — в холле перед бальной залой уже накрывали столы. Но она так и не увидела лица своего партнера, только чувствовала на спине его умелую руку, которая вела ее в танце, не давая сбиться.

От звонка она застонала и повернулась на бок, отыскивая на простыне местечко попрохладней. Подождала, надеясь, что дверь откроет Джал. Но в квартире стояла тишина. Ее разорвал новый звонок.

Она резко встала с кровати под балдахином — сердце сильно стучало — и впустила прислугу,

которая приходила на три часа в день.

— Начни с моей комнаты, Пхула, — распорядилась она. — У меня голова болит, я еще посплю.

Пхула оставила сандалии у двери и босиком бесшумно двинулась в глубь затемненной квартиры. Ее присутствие не ощущалось и не замечалось. Оно повсюду бросалось в глаза, только когда она не приходила по болезни: в этих случаях Пхула давала о себе знать немытыми чашками и блюдцами, пылью на мебели и скомканными простынями на неубранных кроватях.

Куми улеглась. Пхула, сутулая и морщинистая, на вид старше своих пятидесяти трех, пришла из кухни с коротенькой метелкой. Она передвигалась быстрыми мелкими шажками, колени полусогнуты, подол ядовито-зеленого сари высоко подоткнут.

Пхула присела на корточки, и Куми услышала неровное перешептывание метелки с полом. Куми приоткрыла глаза. На миг ей почудилось, будто ее сон продолжается, но все изменилось, партнер по танцу превратился в зеленую тварь наподобие лягушки, которая движется по полу, скользя и покачиваясь.

Метелка зазвучала громче, она шуршала с присвистом, особенно под кроватью, где выказывала

особенное прилежание; Пхула даже пару раз головой стукнулась о край кровати. Куми понимала, что все старания предназначены для нее. Она была рада, когда Пхула перестала мести у нее и перешла в комнату Джала. Куми знала, что Джал не проснется, его похрапывание слышалось даже в ее комнате, он так и будет храпеть, пока Пхула убирает.

Куми возвратилась в мыслях к прерванному сну и к тем неясным чувствам, которые он вызвал. Ей вспомнились уроки танцев, на которые они с Джалом ходили в юности. За уроки платил папа… Он неизменно проявлял щедрость — как бы ни складывались отношения с мамой и Люси, детям папа ни в чем не отказывал. Иногда они брали с собой маленькую Рокси, ей нравилось сидеть в уголке и смотреть, как Куми и Джал учатся танцевать…

— Баи, — позвала с порога Пхула.

— Что такое, что? — Куми резко повернулась, кровать сочувственно скрипнула. — Я же сказала — закончишь работу, можешь идти!

— Работа не закончена, баи. Ее нельзя закончить.

Куми сбросила простыню и села, чтобы видеть прислугу, которая сошла с ума.

— Я не понимаю, что ты говоришь.

— Пойдемте, баи, сами увидите.

Из комнаты так и ударило зловонием, когда они открыли дверь. Нариман закрыл глаза, притворяясь спящим.

— Откуда такой запах? — прошептала Куми, обращая вопрос больше к себе, чем к Пхуле. — Джал ночью вынес горшок.

Неужели ее брат-лентяй по неряшливости оставил что-то смрадное за стульчаком? Зажав нос, она подняла крышку — горшок вымыт до сияния.

Нариман решил открыть глаза и все рассказать начистоту. И невольно улыбнулся — чистота и есть как раз то состояние, которого он больше всего желает в своих нынешних условиях.

— Прости, Куми, я думал, это газы, хотел выпустить… и…

— О господи!

Она вылетела из комнаты, сопровождаемая Пхулой, которая была явно довольна драматическим эффектом сделанного ею открытия.

— Видите, баи? Я в такой вонище работать не могу. Я же не мехтарани какая-нибудь, которой каста велит чистить сортиры и с дерьмом возиться.

— Да, Пхула, ты…

— Заплатите мне положенное, и я сразу уйду. Столько работы предлагают в соседних домах. И без вони, от которой у меня нос как помойка делается.

— Ладно, Пхула, не убирай сегодня, только перемой кастрюли и сковородки. На кухне не воняет.

— Баи, я лучше уйду. Приду за деньгами завтра.

Куми проводила Пхулу до выхода, безуспешно пытаясь смягчить ее. Закрывая за ней дверь, она не сомневалась, что открывается другая — дверь в кошмар житья без прислуги, и чувствовала себя раздавленной.

Отправилась будить Джала.

— Вставай, — трясла она его за плечо. — И посмотри, что папа натворил.

— Мне что, даже пару часов поспать не разрешается? — бормотал он, нащупывая ногой шлепанцы.

Куми, не отвечая, потащила его в комнату Наримана. Запах не требовал комментария. Джал прислонился к косяку. Плечи опущены, все безнадежно.

— Мало того, — Куми чуть не плакала, — он лежал в этом кошмаре и улыбался. Улыбался!

Ему смешно!

— Нет же, Куми, ты меня неправильно поняла, — взмолился Нариман и заспешил с объяснением нечаянного каламбура и своей улыбки.

Куми была непреклонна:

— Умоляю, хватит. Что я вижу, то вижу.

Джал пришел в такое же отчаяние, как сестра. Загаженная постель была последней соломинкой. «Мое Ватерлоо», — подумал он, но собственный каламбур не позабавил его; он был настолько подавлен, что даже не произнес его вслух. Попытки шутить остались в прошлом.

Чтобы привести постель в порядок, Наримана нужно было временно пересадить на стульчак, но он жаловался на сильную боль.

— Бог с ним, с запахом, и не так уж мокро. Прошу вас, оставьте меня на кровати.

— Невозможно, папа, — убеждал его Джал. — Только хуже будет. Матрас промокнет насквозь. И одному Богу известно, что с твоей кожей будет. Готова, Куми? Ну, раз, два, три…

Нариман тихонько застонал, как незакрытая дверь на ветру.

Они унесли перепачканные простыни и обозрели результат. Куми сказала, что такого бы не было, если бы она вспомнила про клеенку.

— У нас осталась клеенка. Мне надо было подстелить ее, как мама стелила ее в кроватку, когда Роксана была маленькая.

— Матрас надо поменять, — сказал Джал. — Возьмем для него матрас из маминой комнаты.

Матрас разложили на балконных перилах, помыли его, как сумели, и оставили на солнце. Джал продолжал бурчать — это же совершенно ясно, если бы не стульчак, так хоть этой мороки бы не было.

— При чем тут стульчак?

— Папе так больно садиться на него, что он предпочел выпустить газы в постели.

— Да не верю я ему. С газами могло немножко выйти. А тут смотри, что делается…

И Куми разрыдалась: ей этого не вынести, она ума не приложит, что ей делать, как обеспечить папе уход, а теперь, без Пхулы, на ее плечи полностью свалились и все домашние хлопоты. Папа прикован к постели, а с ним и до этого было очень трудно, чего ей только ни приходилось терпеть: унитаз вечно забрызган, в раковине грязь, эти его вставные зубы каждое утро и каждый вечер скалятся на нее.

— И никто ни разу не пришел мне на помощь, ни ты, ни Роксана, ни Йезад… А теперь… я просто

не знаю… такая безысходность…

Рыдания сестры напугали Джала. Опорой семьи всегда была она, это он мог рассыпаться на куски под ударом. Нужно немедленно восстановить порядок вещей.

— У тебя просто сил нет, Куми, — стал он успокаивать сестру. — Давай присядем вместе.

Он за руку подвел ее к дивану.

— Возникла новая ситуация, новая и для нас, и для папы. Но мы приспособимся к ней, и станет полегче.

Куми благодарно вслушивалась в слова утешения, они восстанавливали ее силы. Она согласилась завтра же отправить стульчак обратно в магазин.

— Взамен возьму у них судно.

Он посоветовал заехать по дороге к Ченоям и рассказать Роксане, что с отцом. Ее и Йезада необходимо поставить в известность, возможно, они смогут в чем-то помочь.

Это предложение Куми отвергла. Ничем они не помогут — будут только давать бесполезные советы и критиковать. Ей ни к чему налеты семейства Ченой — чтоб они проводили тут вечер за вечером и объясняли, как ухаживать за папой. Особенно этот Йезад. К тому же у нее и так нет

сил, а тут придется играть роль гостеприимной хозяйки, предлагать им чай и прохладительные напитки в перерывах между судном и тазиком.

* * *

Джал пропустил еще одно утро на бирже. Он молил Бога, чтобы папа потерпел до возвращения Куми. А когда она вернулась, приветствовал судно и утку, будто были они сосудами спасения.

Но оптимизм, вызванный к жизни новыми посудинами, иссяк сразу после их опробования. Больше не требовалось, ломая хребет, поднимать Наримана на стульчак, но все прочее осталось во всей своей отвратительности.

«Это смешно, — говорила Куми, — весь этот технический прогресс, все эти ученые и инженеры до сих пор не изобрели ничего менее мерзкого, чем судно.

— Кому нужны мобильные телефоны, Интернет и прочая ерунда? А как насчет высокотехничного приспособления, чтобы человек сделал номер два в кровати?

Пришлось приспосабливаться. Худо-бедно, но они справлялись с физиологическими функциями отчимова тела, переходя от отвращения к жалости, от жалости к ярости, от ярости снова

к отвращению. Они недоумевали и негодовали по поводу того, что человеческое тело из крови и костей, такое целесообразное, пока оно в добром здравии, может вдруг обернуться такой гадостью. Ни возраст Наримана, ни его хвори не подготовили их к этому. Иногда они воспринимали происходящее как личную обиду, как будто отчим нарочно низвел себя до нынешнего состояния назло им. К ночи атмосфера в квартире опять зарядилась напряженностью, сгустилась от высказанных и невысказанных упреков.

Они принесли на подносе ужин и подали ему вставные челюсти в стакане с водой.

— Можете сделать для меня одну вещь? — спросил Нариман.

— Мы делаем для тебя все, что можем, — ответила Куми.

— Конечно, — примирительно улыбнулся он. — Но от моих протезов пахнет. Я уже пять дней не чистил их.

Она выхватила стакан из его рук и, стискивая зубы, понесла в ванную. Вылила воду, следя, чтобы протезы не выпали из стакана, положила в стакан щепотку мыльного порошка, добавила чистой воды, поболтала, дважды ополоснула и вернулась к Нариману, довольная тем, что

выполнила задачу, избежав прикосновения к протезам.

Нариман с благодарностью вставил зубы. И передернулся, ощутив вкус мыла.

— Что не так? — спросил Джал.

— Все в порядке. Спасибо за чистые протезы. Кстати, а Роксана знает про меня?

— Как ты думаешь? — озлилась Куми. — Была у меня хоть одна свободная минутка с тех пор, как ты пошел и переломал себе кости? Прошу прощения, если не угодила вашей светлости обслуживанием.

— Не сердись, Куми, — взмолился Нариман, — извини, я не подумал.

Сон еще не пришел и не смягчил боль, но он ответил молчанием на «спокойной ночи, папа» из коридора. Рука заскользила у двери, нащупывая выключатель. Свет погас.

Благословенная темнота. Нариман поерзал — липкая кожа зудела, умоляя посыпать ее тальком. Он попытался почесать спину. После его возвращения из больницы ни Джалу, ни Куми не пришло в голову сменить ему белье. Или дать ему влажное полотенце, не говоря уж о том, чтобы обтереть губкой. Сделали бы, если попросить, но руки у них такие неловкие, что лучше не

рисковать.

Приподняв правое плечо, он дал потолочному вентилятору медленно обдуть спину. Он смотрел на окно, на стекла, освещенные уличными фонарями. Четкий рисунок прутьев оконной решетки странным образом давал успокоение. Старые друзья, он хорошо их изучил в те долгие часы, когда держался за них, стоя у окна в ожидании появления Люси. С них лупилась краска, иногда он ногтем сцарапывал чешуйки… как чешуйки перхоти в молодости, когда у него еще были волосы. Ногти. Пальцы. Платье Люси… Он прозвал это платье кларнетным, потому что в нем она выглядела узенькой как кларнет… Так он сказал ей… «Когда мы были юны… в дни нашей весны…»

«О прошлом тоскуя, мы вспомним о нашей весне, о, как вас люблю я, в то утро сказали вы мне… о прошлом тоскуя, мы вспомним о нашей весне…»

Он не то сам напевал, не то слышал слова песни… Их любимой песни, ставшей их с Люси песней с того воскресного вечера, когда они посмотрели «Большой вальс». Он вспомнил, как они пошли на последний сеанс в «Метро». В тот вечер он придумал название для ее желтого платья… а после картины сказал, что она красивей Милицы

Корьюс. Они дошли пешком до Куперидж-майдана, отыскали себе скамейку подальше от толпы, собравшейся слушать военный оркестр, громко игравший энергичные марши. Деревья и кустарник отгородили их с Люси от эстрады.

Его пальцы прошлись вверх и вниз по крупным желтым пуговицам, осторожно нажимая каждую. «Это я играю на кларнете», — сказал он. Люси засмеялась и поддразнила его, сказав, что он не те клапаны нажимает. Он воспринял это как вызов. Они целовались, его пальцы расстегнули пуговицы, скользнули под ткань, потом в лифчик, нащупывая соски. Люси часто задышала, и он шепнул ей в ухо, что нашел нужные клапаны. «Но одними пальцами не сыграешь, нужны губы, чтобы звучал кларнет, — сказал он, — дай я покажу». И начал расстегивать лифчик на спине. «Нет, — шептала Люси, — не здесь». Его губы прошлись по всему… Полный концерт на кларнете они тогда отложили…

Мимо дома промчалась «Скорая», завывая сиреной, осыпая стены комнаты хаотическими вспышками проблескового маячка. На миг оконная решетка высветилась как днем, потом фонарь внизу опять наполнил стекла привычным мягким сиянием.

Видимо, задул ветерок, потому что он услышал шуршание листвы. На стеклах играли тени. Ветки шевелились, как лапы какого-то ночного зверя.

Его вдруг охватила дрожь. Хорошо бы выключить вентилятор, но он не решался позвать на помощь и только поплотней завернулся в простыню. В очередной раз осознал он свою беспомощность. Что же будет дальше? Он в полной зависимости от них, а ему еще лежать и лежать… Им уже сейчас опротивела возня с ним, опротивел он и то, что он жив.

Неправда, это несправедливо по отношению к ним, они стараются, как могут. Он взглянул на часы. До рассвета далеко. На оконном стекле изменился рисунок, силуэты листьев образовали разверстую пасть. Он закрыл глаза, чувствуя, как подступающее рыдание сдавило горло. Не надо им слышать…

* * *

— Убивает меня такая жизнь, спина просто не выдерживает, — сказала Куми, присоединяясь на балконе к Джалу. — Не ляжем спать, пока не решим, что делать с папой.

— Согласен, — ответил Джал. — Давай наймем сиделку.

— Невозможно. Денег нет.

— Ты всегда так говоришь.

— Смотри сам. Проверь банковскую книжку. Больничный счет съел все дивиденды, которые мы скопили.

С улицы послышались крики, топот. Они перегнулись через перила — по улице бежали люди, их с криками преследовала целая толпа. Понять ничего нельзя было.

— Похоже, за ворами гонятся, — сказала Куми, — карманников, должно быть, ловят.

— А может, просто горластая молодежь дурака валяет, — возразил Джал.

Толпа пронеслась мимо, крики затихли, улица возвратилась к нормальной деловитости.

— Что за жизнь у меня, — вздохнула Куми, — дом и рынок, рынок и дом. Даже в храм сходить не могу.

— Не только ты. Моя работа тоже страдает.

— Ты это называешь работой? Крутишься по утрам на бирже и сплетни там собираешь — это работа?

— Если бы я не следил за маминими инвестициями, в доме и пайсы бы не осталось.

— А если бы ты нашел настоящую работу, в доме были бы деньги на сиделку. Или на санитара.

Вернулись к тому, с чего начали. В обиде и раздражении, не в силах трезво думать от усталости и безысходности, они тупо смотрели с балкона на нескончаемые потоки машин. Спор иссяк, они молча заключили перемирие.

— Я не хочу раздражаться, когда вижу, как папа, совершенно беспомощный, лежит в кровати, — сказала Куми, — но я его ненавижу и ничего с этим поделать не могу.

— Ты ненавидишь не его, — откликнулся Джал, напуганный силой этого слова. — Ты ненавидишь уход за ним. Но это наш долг, надо стараться выполнять его. Хоть и не родной отец, он всегда к нам хорошо относился, и мы не можем это забывать.

Проговорив до поздней ночи и ничего не придумав, они решили лечь спать. У двери отчима их остановил странный звук.

— Ты слышал?

— Не уверен.

Джал поправил слуховой аппарат и расслышал тихий плач. Они стояли под самой дверью и не могли ошибиться: он плакал.

— Что нам делать? — Глаза Куми наполнились слезами сочувствия.

— Зайти к нему, конечно.

Не зажигая света, они на цыпочках приблизились к кровати.

— Папа. — Куми нежно погладила его плечо. — Нам послышалось… Ты в порядке?

Нариман был рад, что в комнате темно. Он шевельнулся в ответ на прикосновение.

— Все хорошо.

— Болит? — спросил Джал. — Дать еще таблетку?

— Все в порядке. Вам нужно отдохнуть, ложитесь. — Он чмокнул, изображая поцелуй.

— Спокойной ночи, папа.

Они тоже поцеловали темноту и вышли, встревоженные новым поворотом событий.

Плач Наримана слышался несколько дней; иногда он всхлипывал во время послеобеденного сна, чаще по ночам. Было решено сообщить доктору.

* * *

Наримана удивил визит доктора Тарапоре, он усомнился в надобности тщательного осмотра.

— Мне казалось, я говорил вам в больнице, — соврал доктор, — что осмотрю вас через неделю после выписки. Чтоб удостовериться, что все идет как положено.

— И как?

— Все нормально. Лекарства снимают боль?

— Первые два дня были мучительными, — сказал Нариман, и Куми затаила дыхание — неужели пожалуется насчет стульчака? — Но это естественно, — продолжил Нариман, — тогда я принимал четыре таблетки обезболивающего в сутки. Сейчас мне достаточно одной таблетки перед сном.

— Отлично, — отозвался доктор. — Отлично.

Он не подавал вида, что обеспокоен переменой, которая произошла за неделю с профессором. Его состояние нельзя было объяснить переломом. Доктор Тарапоре провел беседу с Джалом и Куми — надо постараться поднять больному настроение.

— Депрессия — явление нередкое в период болезни, но у стариков она может принимать острую форму. Он не должен видеть, что вы встревожены его состоянием, будьте веселы и оптимистичны при нем, говорите с ним о хорошем, вспоминайте о приятном. Смех и веселое общение так же важны для него, как лекарства.

Доктор напомнил и о необходимости следить за состоянием спины, чтобы не допустить пролежней. Посоветовал ежедневно обтирать больного губкой или мокрым полотенцем, пользоваться

хорошим тальком, почаще переворачивать его, усаживать в постели, подкладывая подушки под плечи. Пролежни или изъязвление тканей будут мукой для профессора, предостерег доктор, и серьезной нагрузкой для тех, кто за ним ухаживает.

…Куми сказала, что доктору Тарапоре легко рассуждать о веселом общении, ему-то не предстоит убить всю жизнь на уход за лежачим больным.

— Приятные воспоминания ему нужны. А откуда им взяться теперь?

— Можно говорить про Рокси, вспоминать ее младенческие годы, — придумал Джал. — Папа был очень счастлив тогда. Мы все были счастливы, мама тоже.

— И сколько можно говорить об одном и том же?

Джал пожал плечами.

— Меня вот что беспокоит — как бы мы ему не навредили своим уходом. Мы же ничего не знаем. Ты слышала, что доктор сказал про гигиену. Это огромная ответственность.

— От которой свободны Роксана и Йезад. Это несправедливо, и я с самого начала это говорила.

— Но как раз ты и не желаешь, чтобы мы им сообщили.

— А что толку сообщать? Пока папа у нас, они все равно помогать не будут.

Джал покачал головой, не зная, что сказать.

— Вот я вечером накричала на папу, а потом мне так было стыдно! Мне иногда жуткие мысли в голову лезут от отчаяния. Дать ему снотворного, чтоб тихо было. Или какие-нибудь таблетки для запора. Чтоб хоть на несколько дней его заперло.

Джал потер родинку под правым ухом.

— Разве не говорится, что, когда Бог насылает напасти, Он дает нам силу и мудрость, чтобы справиться с ними?

Она ответила, что сила и мудрость достаются только тем, у кого смелость есть, кто может постоять за себя.

— А мы никогда не могли, разве не так?

— Ты что имеешь в виду?

— Подумай сам — почему нет денег нанять сиделку? Потому, что мы позволили папе потратить все его сбережения на Роксану. С этого и начались наши проблемы. Слава богу, что нам от мамы достались средства. — Куми опять пылала яростью. — Была бы мама жива, не допустила бы она такую несправедливость! Как же я всех их ненавижу!

— Не надо так, она же наша сестра. А эту кварти-

ру папа отдал нам. Теперь мы обязаны заботиться о нем.

— Ничем я папе не обязана! Он мои пеленки не менял, попку мне не мыл, и я тоже не обязана убирать его дерьмо!

— А как он мог? Тебе было одиннадцать лет, когда он женился на маме.

Джал не мог удержаться от смеха.

Куми слабо улыбнулась.

— Хорошо, все равно я не считаю, что обязана все это делать для него.

— Не в этом главная проблема. Даже если б мы с тобой превратились в парочку милосердных сестер наподобие Флоренс Найтингейл и обеспечили папе первоклассный уход, как насчет оптимизма и веселья? Их же в аптеке не купишь. А что, если он вправду умрет от депрессии?

Куми прижала палец к губам — у нее в голове формировалась идея.

— Папа всегда в хорошем настроении, когда общается с Рокси и с ее семьей. Папа и Йезад вечно перешучиваются и пересмеиваются.

— И что?

— А то, что он должен быть с ними, раз доктор назначил ему веселое общение.

— Глупости. Папа и Йезад прекрасно ладят.

Но это не значит, что Йезад согласится месяц держать тестя у себя в доме, в двух тесных комнатушках.

— А Роксана что? Тоже не согласится? Если доктор говорит, что это вопрос жизни или смерти, так не Йезаду решать, как быть.

Новая идея долго обсуждалась на разные лады, пока брат и сестра не убедили себя, что Роксана без звука примет отца и даже будет им благодарна за эту возможность.

— На самом деле, — заявила Куми, — она нас отругает за то, что мы целую неделю ничего ей не говорили.

* * *

Подавая отчиму чай и тосты на завтрак, Джал сказал, что возникла идея, которую надо бы обсудить.

— Хорошо бы тебе немного погостить в «Приятной вилле», чтобы скорей восстановить силы.

Нариман кивнул и сказал, что чай несладкий.

— Я целую ложку положила.

— Все равно несладкий.

Куми добавила сахару, напомнив ему, что сахар больше по талонам не дают.

— А при рыночных ценах приходится эконо-

мить.

— Так что ты думаешь об этой идее, папа? — спросил Джал.

— Я думаю, что у Рокси тебе будет веселее, — вступила Куми. — Йезад и дети составят тебе компанию. И ты сразу начнешь поправляться — счастливое расположение духа означает здоровое тело. Время пролетит незаметно.

Они с нетерпением ждали ответа.

— Приятно видеть, что улыбки возвращаются на ваши сумрачные лица, — произнес он наконец. — А то вы стали похожи на портреты в коридоре.

— Что делать, папа, — сказал Джал, — мы тревожимся за тебя, и тут уж не до улыбок. Тяжело ведь видеть, как ты страдаешь, а мы не в силах тебе помочь.

Последовало долгое молчание.

«Допустим, — думал Нариман, — я скажу «нет» и приведу убедительные доводы — они все равно могут поступать по-своему. Допустим, я скажу: я живу в своей квартире, я перевел ее на ваше имя, потому что не хотел делать различия между вами и Роксаной. Неужели теперь, когда я беспомощен, вы меня на улицу выбросите? Скорей всего, они посмеются и скажут, что я драматизи-

рую ситуацию».

— Мне все равно, где лежать. Но им будет трудно устроить меня в такой крохотной квартирке.

— Крохотной? По бомбейским меркам, у них огромная квартира! Ты сам знаешь, что в чаулах, в колониях, семьи по восемь, по десять человек живут в одной комнате!

Нариман еще раз всмотрелся в их напряженные лица.

— Если Роксана с Йезадом согласятся, я не возражаю. Сначала поговорите с ними.

— Что ты такое говоришь, папа? — возмутилась Куми. — Конечно, согласятся! Как, по-твоему, почему мы до сих пор не говорили Роксане о твоих переломах? Потому, что она захотела бы сама ухаживать за тобой — потребовала бы, чтобы тебя перевезли в «Приятную виллу». А мы хотели избавить ее от лишних хлопот.

Все было решено. Натужные шутки и преувеличенное внимание к мелочам помогали сохранять приличия, пока шли приготовления к переезду. Со шкафа был снят чемодан и аккуратно протерт от пыли. Куми подносила к кровати охапки белья и одежды и раскладывала на его одобрение.

Нариман, не глядя, говорил «да». «Она так оживилась, — думал он, — будто идут сборы на

отдых».

Джал осведомился, собирается ли он взять с собой книги и какие именно. Он ответил, что не знает.

— Хорошо, скажешь нам потом, мы же всегда можем подвезти все, что тебе нужно.

Джал упаковал в пластиковый пакет безопасную бритву Наримана, пасту для бритья и кисточку. Вручил пакет Куми, чтобы она уложила его в чемодан.

Куми уложила пакет под рубашки.

— Тебе бороду надо отпустить, папа, и не возиться с бритьем. Ты у нас философ, тебе нужно бороду носить.

— Верно, — согласился Джал, — сократовскую бороду.

Нариман улыбнулся. Как оба стараются.

— Ничего не забыли?

Нариман покачал головой. Была бы фотография Люси, попросил бы положить в чемодан. Но Ясмин сожгла все фотографии, все до единой. На раскаленных углях в той самой серебряной кадильнице, которую разжигала для вечерней молитвы.

Может быть, оно и к лучшему. Пришлось полагаться только на память. Образ Люси невозможно

сжечь.

* * *

На другое утро Куми дала ему дополнительную таблетку обезболивающего на дорогу. Она без конца проверяла, все ли собрано, не забыла ли чего.

— Джал, ты положил стакан, в котором папа держит протезы?

— Да неважно, — вмешался Нариман, — найдется у Роксаны стакан для моих тридцати двух.

— Если даже и забыли что-то, так мы отдельно привезем. — Джал испытывал неловкость от возбуждения сестры и старался унять ее.

— Лучше все проверить, а то Роксана еще скажет, что я плохо смотрю за тобой.

Куми побежала в ванную. Ненавистный стакан стоял на полочке. Она стряхнула с него капли воды и завернула стакан в оберточную бумагу.

— Ну вот, папа, теперь, кажется, все.

— «Скорая» подъехала, — возгласил Джал от окна.

«Бедные дети, — думал Нариман, — им трудно скрыть нетерпение». И он их не винил. Вина лежала на тех, кто тридцать шесть лет назад устраивал брак, на своевольных организаторах

трагедии. Он так и слышал голоса родителей после бракосочетания:

«Теперь твоя жизнь налажена, и мы можем умереть спокойно».

Что они и сделали годом позже. Прожили достаточно долго, чтобы выполнить свой долг, но не дожить до результатов содеянного ими.

Двое мужчин в мешковатых белых халатах и шлепающих кожаных сандалиях внесли носилки. Водитель дал Джалу на подпись квитанцию с графой «время прибытия» и уточнил адрес.

Санитары сдвинули Наримана на край кровати, подставили носилки. Они умело перекатили его на носилки, подоткнули простыню и посоветовали держать глаза закрытыми. Понесли носилки из спальни, осторожно пройдя дверь. Куми и Джал шли позади.

В коридоре Нариман открыл глаза и увидел мрачные портреты предков на стенах. Как странно они взирали на него — будто они живые, а он мертвец.

Носилки вздымались и опускались, как лодка, колеблемая волнами, и от этого казалось, будто предки кивают ему. Кивают, сходясь во мнениях относительно его судьбы, относительно его ухода из этой квартиры.

Он думал, не в последний ли раз видит знакомые лица. Захотелось попросить санитаров пронести его по всем комнатам, дать ему все рассмотреть и запомнить, прежде чем за ним закроется дверь.

Глава 5

Гамма, исполненная на легато, поплыла вверх с первого этажа «Приятной виллы». «Как сладостно может звучать обыкновенное до-ре-ми», — думала на третьем этаже Роксана, тихонько подпевая скрипке.

Октава закончилась, и она крикнула с кухни:

— Джехангир, собирайся. Вода согрелась!

Скрипка пропела мажорную гамму в другой тональности. Джехангир не обращал внимания на призывы матери: он сосредоточенно подыскивал верное место для фрагмента головоломки — в данную минуту это было важнее всего.

— Джехангир, вода закипает. И я тоже, предупреждаю.

— Сегодня не моя очередь.

— Без фокусов. Мурад мылся вчера. И побыстрей — вода впустую выкипает.

Тень пала на незавершенное озеро Комо. Он поднял глаза — рядом стоял отец.

— Ты не слышишь, что мама говорит? Немедленно иди, не заставляй ее кричать.

Роксана почувствовала нежность к мужу. Она

никогда не знала, чью сторону он примет — ее или детей.

Джехангир отложил головоломку, Йезад взялся за нее.

— Твой сын совершенно свихнулся. Так сосредоточился, будто ищет свое место в мире.

Йезад повертел синий кусочек, над которым бился Джехангир, попробовал приладить его к разным местам на озере Комо и сдался.

— Еще не время для этого кусочка. Сначала сложи побольше.

— Знаю, — откликнулся Джехангир, снимая свое полотенце с веревки, протянутой через всю комнату от его кровати до Мурадовой. В дождливые дни, когда стираное нельзя вешать на балконе, веревка превращается в ароматную завесу из мокрого белья.

Джехангиру больше нравится комната, поделенная на два отсека. Тогда можно притвориться, будто он — один из Знаменитой пятерки или из Пяти следопытов; у тех детей были свои комнаты, и жили они в Англии, где все красиво. Его воображение переносило комнату, разгороженную мокрым бельем, в сельскую местность Англии, в дом с прелестным садом, где поют малиновки и цветут розы, куда он мог возвратиться после

приключения или раскрытия тайны. «Как бы я хорошо подошел для той жизни», — думал Джехангир.

Школьная форма лежала в стопке одежды. Полотенце отсырело от влажного дыхания муссона. Спросили бы Джехангира, он бы сказал, что, чем мыться, лучше использовать время на головоломку, на тихие берега озера Комо, синее небо над ним…

Мурад тоже захотел искупаться, но Роксана сказала, что по утрам у нее и так хлопот полон рот, без этих новых глупостей.

— Сначала даже через день не хотел мыться. Теперь ему ежедневная ванна понадобилась.

— Твой мальчик растет, — сказал Йезад, — разумным становится. Радоваться надо, Рокси.

— Прошу употреблять правильное имя моей матери, а не название кинотеатра, — произнес Джехангир дедовым тоном, зная, что позабавит отца.

— Ты на него посмотри — дедушку передразнивает! Ну подожди, быть тебе в беде при следующей встрече с чифом!

Йезад взял в ладони лицо Роксаны:

— Я весь мир вижу в этих глазах. Лучше всякого кино.

Скрипка на первом этаже продолжала упражнения, солнечными зайчиками рассыпая мажорные гаммы. Джехангир и Мурад смеялись, им нравилось видеть родителей в хорошем настроении, потому что часто выпадали дни мрачные, с криками и ссорами.

— И «Парк юрского периода» тоже видишь в маминых глазах? — съехидничал Мурад.

— Ни парка, ни динозавров, — ответил отец. — Зато вижу «Любовь сияет множеством красок».

Ответ вызвал общее веселье, а Роксана объявила, что так можно все утро проболтать, что все три лодыря опоздают, если не поторопятся.

— Мурад, убери постель, завтрак почти готов.

Ворча, что все ребята уже посмотрели «Парк юрского периода», один он не видел, Мурад задвинул свой низенький топчан под диван, на котором спал Джехангир. Топчан исчез из виду с протестующим стоном. Стол, плотно придвинутый к стене, был вытащен на освободившееся пространство, вокруг стола как раз оставалось место для четырех стульев.

«Интересно, — думал Джехангир, — он когда-нибудь начнет относиться к мытью, как Мурад?» Ежедневное мытье горячей водой было привилегией отца, поскольку на работе он встречался с

клиентами. Он превратил его в ритуал: тщательно мылся с мылом, тальком и душистым маслом для волос. Он пользовался мягким и пушистым махровым полотенцем. Остальные утирались простыми, жесткими.

Джехангир однажды спросил у матери: почему так? Она сказала: папа много работает в «Бомбейском спорте», и работа там такая тяжелая, что она всегда старается побаловать его чем может. «Очень важно, — сказала мама, — чтобы папа по утрам выходил из дому, чувствуя себя тип-топ». Она часто спрашивала отца: «Ты доволен, Иездаа, все хорошо?» Мама задавала этот вопрос и Мураду, и ему тоже. Ей так хотелось, чтобы все были довольны, так важно было постоянно получать подтверждения от них. Поэтому он неизменно отвечал «да», даже если бывало совсем не весело.

Усомнившись в местоположении другого фрагмента, Джехангир опять прилип к головоломке.

— Могу уступить очередь Мураду, — попробовал он отбиться от матери. — Мне сегодня не надо мыться.

— Не надо? — Мать подняла его руку и понюхала под мышкой. — Как от козла пахнет.

— Подмышечный тест, — сказал отец, — и, судя по маминому лицу, ты его не прошел.

— Как бы то ни было, ты должна и Мурада понюхать, — заявил Джехангир, — посмотрим, от кого хуже пахнет.

— Пора тебе новое выражение выучить, — заметил отец. — Надо дедушку навестить.

— Сегодня твоя очередь мыться, и разговор окончен, — отрезала мать, — если Мурад хочет каждый день мыться, пусть поднимается пораньше, пока из крана еще вода течет. В шесть пусть поднимается, как я.

Джехангир украдкой нюхнул под мышкой и учуял обычный интересный запах. Вода уже кипела. Взяв прихватки, мать подняла кастрюлю с плиты.

— В сторонку, в сторонку, — повторяла она, как корабельная сирена в тумане, продвигаясь в клубах пара к ванной, где кипяток выливался в ведро, до половины наполненное холодной водой. Больше всего она боялась, как бы в утренней суматохе не толкнуть и не ошпарить кого-то из них. И ни за что не разрешала Йезаду браться за кастрюлю с кипятком, боже сохрани, если он обожжется и сляжет…

Она не позволяла себе закончить мысль.

— Мойся как следует, с мылом и — куда ты побежал?

— В клозет.

— Опять? Побыстрее, вода стынет! Иездаа, часы на кухне остановились.

— Можно я заведу, папа?

— Я тебе сто раз говорил, что это часы особые и очень хрупкие. Будешь заводить, когда постарше станешь.

Мурад ворчал себе под нос, что все откладывается на потом, когда он станет постарше, в результате столько должно накопиться у него дел, что никакого времени не хватит.

Недовольный узлом на своем галстуке, Джехангир снял галстук, расправил его и предпринял новую попытку. Попробовал завязать новым узлом, которому в школе научился, — выпуклым, «пирожковым», как его называли ребята.

— Перестань возиться с галстуком, садись есть! — прикрикнула Роксана. — Мытье, завтрак, форма — все ему надо говорить!

Проглотив половину тоста с маслом, он опять почувствовал неладное в желудке и попробовал незаметно выскользнуть из-за стола, чтобы избежать перекрестного допроса, который обязательно должен был начаться.

Но мать вела счет.

— Третий раз? Что с тобой? А брат твой семь раз

чихал, после того как встал с постели.

Он пожал плечами и отправился в клозет, слыша, как отец поддразнивает мать насчет ведения протокола результатов. Проходя мимо полок с припасами, Джехангир пробежался пальцами по глазированной поверхности трех керамических банок. В большой темно-коричневой, формой напоминающей амфору, хранился рис по талонам, цилиндрическая банка цвета охры была наполнена пшеницей по талонам; самая маленькая, красновато-коричневая пузатая коротышка, предназначалась для дорогого риса басмати, который готовили исключительно по праздникам и дням рождения.

Ему нравилось трогать эти банки, вбирать в пальцы прохладу их глазури. Холодноватые и гладкие в любое время года, они как три божка восседали в темноватом коридорчике. Когда поспевали манго, их клали в рис, где они гораздо лучше, чем в соломе, дозревали до золотого цвета. И рисинки шелковисто стекали по его нетерпеливым пальцам, когда он нащупывал плоды, проверяя, можно ли их уже есть.

Надо было трижды дернуть за цепочку, чтобы бачок разразился очистительным каскадом. Услышав, что он спустил воду, мать вышла в

коридор.

— Может быть, тебе лучше сегодня остаться дома? — нахмурилась она.

На обратном пути он не дотрагивался ни до банок, ни до чего другого. У мамы было строжайшее правило: после клозета полагалось немедленно вымыть руки, вымыть дважды и с мылом; только после этого руки могли принимать участие в жизни за пределами клозета.

Далекая скрипка теперь сплетала туман и грусть в минорные гаммы. Третий поход Джехангира в клозет сгустил облако тревоги на лице Роксаны. Все еще хмурясь, вернулась она к плите взбить пару яиц для мужа. Она уговаривала его отказаться от яиц или по крайней мере не есть их каждый день.

— Послушай меня, Йезад, вредно есть яйца каждый день. И в газетах пишут, и по телевизору без конца говорят про холестерин и сердечные болезни.

— Модные выдумки, Рокси. Мой отец и дед дожили один до восьмидесяти двух, другой до девяноста одного. До самого последнего дня оба ели яйца на завтрак.

И, копируя крикливого официанта из иранского ресторана, гортанно затараторил: «яичница,

болтунья, глазунья, омлет», выговаривая «омлет» как «амулет», от чего Мурад чуть чаем не захлебнулся со смеху.

Джехангир благодарно улыбнулся отцу. На прошлой неделе, когда мать точно так же упрашивала его отказаться от яиц, отец ответил по-другому: «Ну и хорошо, чем скорее умру от сердца, тем лучше. Сможешь выйти замуж за богатого».

В тот раз глаза Джехангира сразу наполнились слезами, папа с мамой, как всегда, поссорились из-за денег, потому что денег на все не хватало, и он ушел постоять один на балконе.

Обнюхал дважды помытые руки, чтобы убедиться, что от них пахнет мылом: мама иногда требовала доказательств. Но на сей раз проверка касалась не рук, а стула — все ли три раза был жидкий стул, со слизью или без?

Он ненавидел эти сортирные расспросы, стеснялся их — чувствовал себя младенцем в пеленках. Игнорировать их невозможно, мама не оставит его в покое, значит, надо отделаться быстрыми, краткими ответами.

— Жидкий во второй и третий раз, без слизи, — выпалил он и уселся за стол.

Мурад решил, что на его тосте маловато масла.

Он подошел к холодильнику за масленкой, которая должна стоять позади хлеба и молока. Открыл дверцу — сразу стал слышнее механический лязг и стук внутренностей холодильника.

— Ты что ищешь? — спросила Роксана.

— Масло.

— У тебя достаточно масла на тосте. Этой пачки нам должно хватить до воскресенья. И отойди от холодильника, пока не простудился.

— Оставь их в покое, Рокси, — вмешался Йезад. — Мальчишки все же, нельзя с ними все время сюсюкать. Может, имена им поменять: Сюсю и Сю?

Роксана ответила, что ему легко смеяться над ней, но если за детьми не следить, так бог знает что может случиться с Джехангиром при его слабом желудке и с Мурадом, у которого при малейшей простуде миндалины раздуваются, как воздушные шары. Уж не говоря о том, что именно она не спит ночами, когда детей рвет, когда они температурят и нужно класть компрессы на горячие лобики.

— Тебе никогда не приходилось маяться по ночам, я всегда стараюсь дать тебе хорошенько выспаться. И это я бьюсь, чтобы рассчитаться с доктором. Занялся бы сам семейным бюджетом,

так сразу узнал бы, как мало у нас денег и как трудно покупать и продукты, и лекарства.

Джехангир слушал в тоске. Так славно начинавшееся утро переходило в ссору. Вдруг, к его облегчению, отец нежно взял мать за руку.

— Ты права, Роксана, профилактика лучше лечения. Но наш Джехангла уже столько пропустил в этой четверти. Его проблемы с нижним этажом создадут ему проблемы на чердаке.

«Интересно, — подумал Джехангир, — придется сегодня идти в школу или нет?» Ему нравится, как его зовет отец — Джехангла, это лучше, чем мамино Джехангу, напоминающее детские дразнилки «гу-гу, га-га».

— Ну что, мошенник, что ты съел на этот раз?

— Ничего не съел, я в порядке.

Он знал, отец имеет в виду ту историю, когда он с ребятами из школы наелся запретных зеленых манго.

— Хочешь дома остаться? А то в школе тоже есть сортир.

Джехангир перестал жевать; прихлынувшая слюна понесла вон полупережеванный тост, грозя выбросить его на тарелку. Школьный сортир омерзителен, там воняет, как в общественных уборных на вокзалах. Мальчишки называли

сортир «болотом». Джехангир удивился, когда впервые услышал это слово. Посмотрел в отцовском словаре: оказалось, у слова несколько значений. «Жаргонное название сортира» — говорилось в словаре; «мокрая губкообразная почва». Он представил себе мокрую губкообразную почву, представил себе, как ступает на нее нога, и согласился: «болото» — правильное название для школьного сортира.

На вопрос отца вместо него ответила мать:

— Сегодня Джехангу рискованно есть школьный обед. Я ему сварю рисовый суп.

Любимое блюдо — отварная баранина и белый рис. Он настроился на приятный день: почитать в уюте большой родительской кровати, заняться головоломкой озера Комо, потом обед, после обеда немножко поспать и опять взяться за книжку.

— И что ты будешь делать дома? — поинтересовался отец.

— Будет отдыхать и кое-что из уроков поделает, — опять ответила мама.

— И «Знаменитую пятерку» почитаю, — добавил Джехангир.

Йезад только плечами пожал:

— Не могу понять, чего ради в школьной библиотеке до сих пор держат эту чушь!

— Детям нравится Инид Блайтон, — возразила мать. — От ее книжек нет вреда.

Йезад сказал, что такая литература наносит огромный вред — она воспитывает в детях безразличие к родным местам, учит их ненавидеть себя за то, что они такие, как есть, мешает понять, кто они на самом деле. Он сказал, что в детстве тоже читал эти книги и стремился стать маленьким англичанином, да еще того типа, которого и в Англии-то не существует.

* * *

«Скорая» с выключенной сиреной пробралась через затор, закупоривший переулок, и, фыркнув мотором, остановилась перед «Приятной виллой». Роксана как раз кончила загружать скороварку: зеленая фасоль к обеду в первом отделении, баранина для Джехангира — во втором и просто белый рис — в третьем. Закрепила тяжелую крышку и отправилась на балкон развешивать белье.

Четырехэтажная «Приятная вилла» поначалу действительно была приятной для жизни. Но закон о контролируемой арендной плате и твердое намерение домовладельца не тратить лишнего довели дом до состояния большей части жилых

помещений Бомбея: облупившаяся штукатурка, дырявые баки, обломанные водостоки. Дом, изначально окрашенный снаружи в персиковый цвет, теперь цветом больше всего напоминал подсохшую рвоту. Электропроводку почти начисто съели помоечные крысы. А балконные решетки кованого железа, некогда лучшее украшение дома, съедала ржавчина.

На балконе Роксана опять подумала про Йезада. Она помахала ему с балкона. Провожая на работу, они всегда целовались у двери, потом Роксана махала с балкона, и ее утренняя вспышка была забыта. Не забылась тревога по поводу уровня холестерина, нежелания Йезада проверить его или сократить потребление яиц.

Как дурное предзнаменование, внизу показалась машина «Скорой помощи», похожая на крупное белое животное. Она глянула вниз поверх тяжелой охапки мокрого белья. После трех пасмурных и дождливых дней сегодня выглянуло солнце. Внимательно прислушиваясь к звукам из кухни, где шипела скороварка, уже набирая хороший пар, она принялась вешать белье на веревку, прихватывая каждую вещь прищепкой.

Встряхивая вещь за вещью, радуясь водяной пыли, летящей с белья, с удовольствием пред-

ставляя себе, как будет пахнуть солнцем чистое белье, когда к вечеру она внесет его в дом. Ей вспомнилось, как Джехангир — года в четыре — обнимал ее, зарывался лицом в груду сухого белья и говорил: «Ты пахнешь как солнышко, мама».

Теперь он больше так не делает, не обнимает ее так порывисто. И Мурад тоже. Теперь оба ведут себя сдержанно, зная, когда полагается обнять маму. «Что же, растут», — печально подумала Роксана. Скороварка свистнула, выпустив клуб пара, Роксана бросилась на кухню.

Свисток, знаменующий середину утра, вторгся в упражнения соседки с первого этажа. Она уже покончила с гаммами, теперь Дейзи Ичапория разогревала пальцы на стремительных коротких пассажах, которые энергично перепрыгивали с балкона на балкон «Приятной виллы», пересекаясь в пути со свистками скороварки.

— Честный обмен, — сказала однажды Дейзи в ответ на извинения Роксаны за ежеутренние помехи. — Мой шум в обмен на ваш.

Дейзи была первой скрипкой Бомбейского симфонического оркестра.

— Но мне так нравится слушать, как вы упражняетесь! Прямо как концерт!

— Как мило с вашей стороны, — приняла Дейзи

комплимент и, в свою очередь, поделилась с Роксаной сведениями об опасностях скороварок, которые, как она уверяла, известны ей не с чужих слов. У Дейзи был немалый запас историй о взрывах и пожарах, о ланчах и обедах, взлетавших к потолку в опровержение законов земного тяготения. Дейзи со смаком рассказывала свои и чужие истории о стряпне, выходящей из-под контроля: о детонировавшем жарком, пославшем картофелины, как маленькие пушечные ядра, прямо в потолок, о кусочках мяса, рассыпавшихся шрапнелью; о креветочном карри, превратившемся в модернистскую живопись на кухонной стене, которую следовало бы взять в рамку, чтобы она приносила удовлетворение по меньшей мере четырем из пяти наших чувств. А сверхвысокие температуры скороварки делали невозможной очистку стен, поскольку пища приваривалась к штукатурке. И отодрать ее можно было только при помощи молотка и зубила, уверяла Дейзи.

Роксане были продемонстрированы пятна на кухонном потолке, которые, по словам Дейзи, были остатками свиного виндалу.

— И в тот же день, когда это случилось, я продала скороварку на металлолом, — сказала скрипачка.

Роксана внимательней прислушалась бы к предостережениям, не исходи они от скрипачки, по слухам, игравшей дома нагишом. На концерты БСО она, конечно, являлась одетой — в длинной черной юбке, в блузке с длинными рукавами, с ниткой жемчуга на шее, едва достававшей до ее бюста.

Весь дом знал, что Дейзи Ичапория мечтает войти в число мировых виртуозов. По «Приятной вилле» ходила шутка, что она играет нагишом в надежде соблазнить дьявола, чтобы он явился и наделил ее сатанинским владением скрипкой, тогда она бы играла как Паганини в юбке. Скрипачку соседки всерьез не воспринимали и за глаза звали Дейзи-простофиля.

Лично Роксана ни разу не видела, чтобы Дейзи обнажалась больше, чем до солидного бюстгальтера и удобных панталон такого покроя, что вместе они вполне могли сойти за блузку с юбкой. Сама скрипачка объясняла свое пристрастие к облегченному наряду тем, что ей жарко играть из-за страсти, которую она вкладывает в музыку, страсти, заставляющей ее так обильно потеть, что соленые выделения, капающие со лба, подбородка и шеи, могут испортить ценный инструмент.

Бывало, что Дейзи, увлекшись игрой, забывала задернуть шторы, когда наступали сумерки и зажигался свет. Тогда под ее окном собиралась кучка зевак поглазеть на баджавалу, на музыкантшу. Кончалось тем, что кто-то из соседей стучался в ее дверь, штора задергивалась, любители музыки расходились.

Рассеянность скрипачки не шла из ума Роксаны при обсуждении взрывоопасности скороварок. Ей, пожалуй, немного льстило ощущение опасности, придаваемой обыкновенной кастрюле рассказами Дейзи. Роксане нравилось чувствовать себя повелительницей, укрощающей демона пара. Было бы глупо чересчур серьезно воспринимать Дейзи.

Правда, совсем не обращать внимания на ее истории тоже неразумно, поэтому свисток скороварки отвлек Роксану от белой машины «Скорой помощи».

* * *

Новый приступ сомнений заставил Джала помедлить у подъезда. Что будет потом, когда папа вернется домой? Как сложатся отношения между ними? И между Роксаной и ними? Сколько обид в семье вызовет то, что придумали они с Куми…

Джал попытался переключиться на положительную сторону дела — по крайней мере, он теперь сможет ходить по утрам на биржу.

— Поторапливайся, — подтолкнула его Куми, — иди поговори с Рокси.

Он поднял глаза на балкон Ченоев, увидел сохнущее на веревке белье.

— У меня такое чувство, будто мы собираемся сделать что-то ужасное…

— Это потому, что мы с тобой чувствительные люди. Нам надо больше жить разумом и меньше чувствами. Разве наше решение — не наилучший выход для папы?

— Надеюсь. Но только ты пойдешь со мной. Я не хочу подниматься наверх один.

— Перестань нервничать. Йезад на работе, а она сразу согласится.

Уверенные слова противоречили тону, которым они произносились: Куми разделяла опасения Джала.

— А как же папа, если я поднимусь с тобой, он останется один с санитарами?

— Они что, украдут его?

На лифте висела грязная, пожелтевшая картонка: «ЛИФТ НЕ РАБОТАЕТ». Куми заворчала, что припомнить не может, когда он вообще работал,

это просто трагедия — папа потратил все свои сбережения на квартиру в разваливающемся доме.

— В любом случае носилки сюда не вошли бы, — сказал Джал, всматриваясь через решетку в запыленную, запаутиненную клетушку.

Подъем по лестнице дал им время отрепетировать порядок действий. Джал опишет события, начиная с падения на улице и кончая предостережением доктора. Сама она будет только дополнять, если он что-то забудет; свою козырную карту она пока придержит.

До последней площадки они добрались, еле дыша. Джал потянулся к звонку. Но Куми остановила его руку — дай немного отдышаться. Через минуту она кивнула, он позвонил, оба замерли в ожидании.

— Привет, — сказала Роксана, — какой сюрприз!

Нечто большее, чем сюрприз: ее охватила неясная тревога. Брат и сестра уже давным-давно перестали заходить просто так.

— Войти-то можно? — спросила Куми.

— Ну конечно! — Роксана отступила, открывая им путь. — Все в порядке? Как папа?

— Все хорошо. Хорошо.

Роксана извинилась: скороварка опять издала

свисток, подзывая ее. По пути на кухню она сказала уютно прикорнувшему в кровати Джехангиру, чтобы он встал и вышел поздороваться.

— Нужно обсудить очень важное дело, — начал Джал, когда все уселись.

— Так, может, лучше в присутствии Йезада?

— Было бы лучше, но дело срочное. Видишь ли, неделю назад папа упал на улице…

Роксана прижала руку к лицу, слушая рассказ про тот вечер, про грузчиков-гшти, которые подняли Наримана и принесли его домой, про такси и больницу, про рентген, про гипс на сломанной лодыжке. Роксана плакала, представляя себе, как мучился отец.

Куми обнимала ее, гладила по волосам, а Джал объяснял, что папа впал в депрессию и что, по мнению доктора Тарапоре, депрессия мешает его выздоровлению. Слезы Роксаны сменились негодованием.

— Почему мне сразу не сообщили? Мы бы все пришли и были бы рядом. Почему нужно было так долго ждать?

— Мы не хотели волновать тебя, — ответила Куми, — да и, честно говоря, у нас минуты свободной не было.

— Но самое страшное уже позади, — продол-

жал Джал, — мы здесь, а папа нуждается в твоей помощи. Давай сосредоточимся на главном.

— Конечно! Йезад, я и дети, мы будем каждый вечер с ним.

— Это ничего не даст, — покачала головой Куми. — Он будет счастлив, пока вы с ним, и опять впадет в депрессию после вашего ухода. Будет как на качелях, а это еще хуже.

— Он хуже всего чувствует себя по ночам, — добавил Джал. — После полуночи начинает плакать. Да так громко, что будит нас.

— Не плачь, — Куми поцеловала сестру, — есть очень простой выход из положения. Если папа побудет некоторое время у вас, в теплой семейной атмосфере, он скоро снова начнет улыбаться.

— Это было бы замечательно. — Роксана пальцами утерла глаза и обтерла руку об юбку. — Я была бы просто счастлива, если бы это было возможно.

— А почему нет?

— Что спрашивать? Ты же видишь, в какой тесноте мы живем.

— Я не сомневаюсь, что при желании можно найти место и для папы.

Роксана задумалась.

— Ты права. Давай посмотрим, где можно устро-

ить папу.

Указывая на немногочисленные предметы обстановки, загромождавшие маленькую комнату, Роксана объясняла их функции, будто они были загадочными музейными экспонатами.

— Диван, на котором вы сидите, — спальное место Джехангира. Под него мы днем задвигаем топчан Мурада. — Роксана показала, приподняв край покрывала. — Топчан удобный и низкий, на ночь выдвигается, днем убирается на место. Так, рядом кресло и чайный столик, их Мурад сдвигает, когда выдвигает топчан. Наш огромный обеденный стол на двоих, с четырьмя стульями. Перейдем в маленькую комнату, где спим мы с Йезадом?

Нервничая от неловкости, Джал пробормотал, что на самом деле нет в этом надобности, зачем им везде совать нос и все высматривать…

— Ну почему? Вы — члены семьи, вы помогаете, — возразила Роксана.

Обнаружив Джехангира в постели, они изумились, будто не рассчитывали на присутствие свидетеля.

— Ты не в школе? — воскликнула Куми.

— У него болит живот, — ответила Роксана.

Дядя и тетя потрепали Джехангира по плечу,

велели поскорей выздоравливать и есть поменьше манго.

Кроме двуспальной кровати в комнате были два шкафа и две стоячие вешалки для одежды. В угол был втиснут столик со стулом — здесь мальчики делали уроки. Роксана демонстрировала мебель, как гид достопримечательности.

— Есть предложения?

— Не нам предлагать перестановки в твоем доме, — извиняющимся тоном сказал Джал. — Ты сама должна решать.

— Ты так думаешь? Минутку, есть же еще кухня, ванная, клозет. И коридорчик — может, найдется местечко рядом с рисом, сахаром и керосином.

— Послушай, Роксана, может быть, хватит дурака валять? — спросила Куми.

— А как насчет вас двоих? Целую неделю вы скрываете от нас папино состояние. Потом вдруг заявляетесь в середине дня, когда Йезад на работе…

— Зачем тебе Йезад? Это твой дом, оплаченный деньгами твоего отца. А кроме того, Йезад уже дал разрешение.

— Что?!

— Помнишь папин день рождения? И трость, которую вы ему подарили? Я в тот самый день

сказала, что если с папой что-то случится во время его прогулок, так его прямо в «Приятную виллу» привезу. А Йезад раскрыл свой большой рот и ответил — пожалуйста, пусть гостит у нас! Ну и где же твое гостеприимство?

— И не стыдно тебе? Ты знаешь, что я все готова ради папы сделать! Но так вывернуть простую шутку…

— У тебя с Йезадом все шутки, — парировала Куми, — вы с ним большие мастера посмеяться и подурачиться!

— И как раз по этой причине папе нужно быть у вас, — взмолился Джал. — Йезадовы шутки сейчас — лучшее лекарство для папы!

— Не будет смешно, если эта депрессия его прикончит, — мрачно сказала Куми. — Доктор Тарапоре прямо сказал: стариков депрессия убивает быстрее, чем болезни или травмы. Папина гибель будет на вашей совести. На ваши головы падет она.

— Бога ради, не надо ссориться, — жалобно сказал Джал, — давайте спокойно все обсудим.

— Больше нечего обсуждать, благодарю вас, — для Куми настал миг бросить на стол козырную карту. — Нам осталось распорядиться, чтобы «Скорая» развернулась назад.

Роксана в смятении ринулась на балкон, перегнулась через перила и бросилась обратно.

— «Скорая»… неужели вы оставили там папу? Бросили одного в таком состоянии?

Джехангир прибежал на рыдания матери. На ходу заталкивая в штаны пижамный шнурок, он встал рядом с Роксаной, держа ее за руку и глядя на дядю и тетку укоряющим — как он надеялся — взглядом.

— Не перегибай палку, Рокси, — говорила Куми, — папе удобно в «Скорой», мы заплатили за первоклассную машину. Присядь на минутку.

Обливаясь слезами, Роксана оттолкнула сына и опрометью бросилась вниз по лестнице. За ней осторожно двинулся Джал, умоляя ее не мчаться с такой скоростью.

— Не хватало, чтобы еще ты сломала ногу! — кричала Куми.

Джехангир закрыл дверь и вышел на балкон. На третьем этаже, в квартире прямо напротив, зеленый попугай переступал в своей клетке с лапки на лапку, раскачиваясь из стороны в сторону как безумный. Джехангир посвистел попугаю и стал вглядываться в комнаты. Чужие квартиры всегда казались ему веселее и привлекательнее, чем собственная.

Посмотрел вниз на «Скорую». Вокруг уже собрались соседи, среди них и Вили Кардмастер с их этажа, которую отец звал Лотерейной королевой, потому что к ней бегали советоваться, на какие номера ставить.

Мама говорила, что эта подпольная лотерея — плохое дело, а женщина, которая не только сама играет в азартные игры, но еще и других вовлекает, — это вообще ужас! Мама недолюбливала тетю Вили.

Тут он увидел, что из подъезда выбежала мама, миновав толпу соседей, бросилась к «Скорой». Тетя Вили протянула было руку, но мама, не обращая внимания, рванула ручку задней двери и скрылась в машине.

Роксана стояла на коленях у носилок, держала отца за руку и гладила его по голове.

— Не волнуйся, дитя мое. У меня все хорошо.

Роксана склонилась поцеловать его и едва не отпрянула от острого запаха. «Как же они ухаживали за папой», — подумала она.

— Это не моя идея, — прошептал отец, — они обещали переговорить с тобой и с Йезадом, прежде чем везти меня.

— Я знаю, папа. — Роксана погладила его колючий подбородок и легонько сжала его пальцами.

Нариман улыбнулся:

— И ты туда же? Что вас всех тянет к моему подбородку?

Роксана опять потискала отцовский подбородок.

— Случается, что наши дети учат нас милым вещам.

Тем временем вокруг «Скорой» разворачивались другие события. Джал и Куми подошли к машине как раз в ту минуту, когда соседи заметили в подъезде незнакомца, который переписывал в книжечку висевший там список жильцов с указаниями номеров квартир.

Он так старался не привлекать к себе внимания, что возбудил подозрительность всех толпившихся во дворе. Будучи призван к ответу, незнакомец сказал, что работает на фирму, которая проводит исследование рынка, и улизнул.

«Все врет», — решили соседи, когда он исчез. Он не похож на социолога. Вили Кардмастер объявила, что, скорее всего, он был из Шив Сены, а фамилии записывал, чтобы установить, где проживают мусульманские семьи: Шив Сена точно знала, куда направлять погромщиков, когда в городе шли беспорядки из-за мечети Бабри Масджид. Видимо, готовятся к следующему

погрому.

— Чало, поехали, — нарочито громко обратилась Куми к водителю «Скорой», — здесь нет места для пациента. Разворачивай.

Роксана выпрыгнула из машины.

— Подождите! — крикнула она шоферу. — Поднимите, пожалуйста, больного на третий этаж.

— Уверена? — спросила Куми. — Решила, куда поместить папу?

— Поторапливайтесь! — прикрикнула Роксана на санитаров, которые мешкали, ожидая подтверждения от Куми.

Куми кивнула. Один санитар забрался в машину, другой ухватился за носилки у задней двери. Носилки вынесли. Нариман прикрыл рукой глаза от солнца.

— Извини за промедление, папа, — заговорил Джал. — Мы напугали Роксану, ведь новость была для нее полной неожиданностью.

— Она и должна была испугаться, — милостиво согласилась Куми, — хотя причин для беспокойства нет. Видишь, Рокси, папа в полном порядке.

Она приподняла простыню, демонстрируя загипсованную ногу Наримана. Соседи подошли поближе, сочувственно любопытствуя.

— Быстро наверх! — распорядился Джал. — А

то санитары уже засыпают. Смотрите не уроните носилки на лестнице. Уронят папу, так получится настоящий Шалтай-Болтай!

Хихикнул только он один. Джал жестикулировал, как регулировщик на перекрестке, руководя санитарами, которые наконец двинулись к парадному, шлепая тяжелыми сандалиями. Гулко зазвучали их шаги на каменной лестнице, отмечая шлепком каждую ступеньку.

Добравшись до первой площадки, санитары поняли, что носилки едва ли удастся развернуть. Они попробовали наклонить их, и Нариман с силой вцепился в края, чтобы не выпасть.

— Аре, осторожней! — вопил сзади Джал. — Вы что, хотите спустить пациента с лестницы?

Санитары огрызнулись, стали доказывать, что единственный способ — пронести носилки над перилами с помощью Джала и женщин. Роксана голосила, что это слишком опасно, и умоляла Куми увезти папу домой, обещая приходить через день и оставаться на ночь, чтобы Куми было полегче.

Наконец носилки были подняты повыше и пронесены над перилами. Маневр пришлось еще дважды повторить, но в конце концов их втащили на третий этаж. Джехангир ждал у дверей.

— Отойди в сторонку, дикра. Дай санитарам пройти, — сказала Куми.

— С дедушкой все в порядке?

— В полном порядке. — Она погладила его по голове. — Можешь сам спросить у дедушки. Он же может говорить. У него только лодыжка сломана. Так, Рокси, куда нести папу? Решай, пока санитары здесь, одни мы не справимся.

— Уложим папу на диван, где у нас Джехангир спит, ты согласен, Джехангир?

— Конечно!

Дедушка показался ему таким маленьким и жалким на носилках, что он просто возликовал, увидев его улыбку и услышав тихое «спасибо».

— Пожалуйста, дедушка.

— Мой чемодан и судно остались внизу, — напомнил Нариман, адресуясь ко всем сразу.

— Сию минуту принесу! — вызвалась Куми, которой сильно хотелось улизнуть.

Санитары с трудом уложили Наримана на диван — диван был у́же кровати, а в комнате не было места, чтобы вплотную придвинуть носилки и переложить пациента одним движением. Пришлось поставить носилки на пол и поднять Наримана на руках.

— Ох! — вскрикнул он.

Роксана непроизвольно зажала себе рот рукой.

Джал расплатился с санитарами и выпроводил их.

Придвинув стул к дивану, он уселся рядом с Нариманом и погладил его по руке.

— Ну, вот и все, папа. Надеюсь, мы тебя не замучили. Ты знаешь, Рокси, он у нас отважный солдат, за целую неделю ни разу не застонал.

— Не столь уж и отважный. Я достаточно настонался с этим стульчаком.

Роксана спросила, при чем тут стульчак, если папе не разрешено вставать с постели?

Запыхавшаяся Куми вошла в комнату с чемоданом и с завернутыми в газету судном и уткой, проклиная неработающий лифт.

— Ты что, думаешь, мы нарочно хотели помучить папу? — вспыхнула она. — Мы считали, что стульчак будет удобней для него.

— Оказалось, ошиблись, — разъяснил Джал. — Когда нет опыта, можно ошибиться.

Перед уходом они рассказали Роксане, как давать папе лекарства: от болезни Паркинсона, от остеопороза, от давления. Роксана хотела все записать, но Нариман остановил ее:

— Я все это знаю наизусть.

Куми отозвала сестру в сторонку и прошеп-

тала ей на ухо, чтобы она не очень полагалась на него.

— Он забывает и часто путает слова.

Прощались дружелюбно и весело, Джал пошутил, что через три недели надо будет устроить соревнования по бегу между папой и Джехангиром.

— И придется дать папе хороший гандикап, иначе у Джехангира не будет ни шанса.

Куми заявила, что им будет одиноко без него.

— Поскорее возвращайся, папа! — Она поцеловала его в щеку и помахала с порога.

* * *

Прежде всего нужно проветрить комнату, сказала Куми по возвращении в «Шато фелисити». Ей казалось, что запах пропитал всю квартиру, включая даже кухню.

— Ну что ты говоришь, — пытался урезонить ее Джал, — не так уж и пахнет.

— Возможно, ты и обоняние теряешь, а не только слух. Тебе надо обратиться к доктору.

Она распахнула окна и двери во всех семи комнатах, включила все потолочные вентиляторы, не страшась пыли. Пыль можно потом вытереть.

— Как странно, — сказала она часа через два, —

я все равно чувствую запах, даже в маминой комнате пахнет, хотя она так далеко.

— Скорей всего, запах у тебя в голове. Это чисто психологическое.

— Если я чувствую запах и он меня беспокоит, то какая разница, где он?

— Верно. Если он у тебя в голове, так ничто не поможет. Как кровь на руках леди Макбет, помнишь? Все благовония Аравии, все твое мытье и проветривание не сможет удалить его.

Куми ответила, что ее достаточно раздражает вонь, можно обойтись и без глупых комментариев.

— Заговорил как папа — так же мрачно и театрально. Лучше помоги мне с работой.

Остаток дня они провели за тщательной уборкой комнаты Наримана. Постельное белье нужно было замочить с мыльным порошком в одном ведре. Клеенку — в другом. Сняли шторы с окон. Все в комнате — ночной столик, комод, шкаф, оконные рамы, дверь, абажур и лампочка, — все было вымыто раствором «Деттола» и насухо вытерто.

Вечером Джал объявил, что с него хватит. Он уселся в полумраке гостиной; Куми продолжала мыть и тереть.

Около восьми Куми пришла спросить, устроит ли его яичница с картофелем на ужин. В гостиной было уже совсем темно.

— Я не голоден, поужинай одна.

Ей тоже не хотелось есть.

— Давай просто выпьем моего малинового шербета. Мы слишком устали, чтобы есть, а вот выпить холодненького…

Выходя из комнаты, она протянула руку к выключателю, но Джал попросил не зажигать свет.

Возвратившись с подносом, она услышала, как брат вздыхает в темноте. Поставила поднос на стол и зажгла настольную лампу.

— Джал? Что не так?

Он покачал головой.

Куми села напротив него и подала ему стакан.

— Выпей, это освежит тебя. Мы просто измотаны. Мне тоже не по себе.

Он снова покачал головой:

— Что мы наделали, Куми?

— Ничего. Ничего мы не наделали. Не будь слюнтяем.

Но ей было тошно. Она заставила себя отпить глоток.

— Так надо было. У нас не было выбора.

Слова не шли, и она выключила лампу.

Глава 6

Немного придя в себя после визита Джала и Куми и негодования, вызванного их поведением, Роксана стала с беспокойством думать, как отреагирует на события Йезад. Конечно, ему нравится общество папы и папино чувство юмора, но семейные встречи бывают не так уж часто и длятся недолго — никакого сравнения с напряжением, которого потребует трехнедельный уход за лежачим больным.

— Надеюсь, Йезад не будет возражать, — сказал Нариман.

— Конечно, нет.

«Господи, неужели папа действительно читает мои мысли, как уверял меня в детстве?» Она промокнула ему лицо влажным полотенцем и вытерла.

— Дедушка, от тебя пахнет, как от Мурада после крикета, — сказал Джехангир, морща нос.

— Не груби, — одернула его мать.

Нариман улыбнулся:

— Я проиграл вчистую. А может, взял мяч на ногу.

Роксана извинилась — мало воды, чтобы полностью обтереть его губкой, но завтра она соберет ведро.

— Говорил я тебе утром, чтобы ты не заставляла меня мыться, — сказал Джехангир.

— О, значит, ты знал, что дедушка приедет? Папа, этот мальчишка становится хитер не по годам. Как хорошо, что ты здесь, папа, хоть ты его усмиришь. Хватит смеяться, принеси тальк для дедушки.

Он примчался через минуту с жестянкой «Синтола». Мама осторожно сняла с дедушки грязную рубаху и судру. Кожа на его предплечьях и животе висела складками, а на груди образовала два мешочка, усохшие груди. Два маленьких надувных шарика, из которых вышел воздух. И волосы на них пучками белых ниток.

Роксана скомкала судру и отерла ею пот со спины и подмышек отца. Посыпала тальком из жестянки и быстренько растерла, сетуя на отсутствие воды. Потом выудила из чемодана свежую судру и рубашку, помогла Нариману надеть их.

— Спасибо. Теперь я свеж, как маргаритка-дейзи.

— Это ты еще не видел, как потеет наша маргаритка с первого этажа, когда на скрипке играет.

Роксана унесла пропотевшую одежду и бросила в завтрашнюю стирку.

— Пора обедать. Я приготовила легкий рисовый супчик для Джехангу, у него что-то с желудком, но вам вполне хватит на двоих.

Роксана наполнила тарелку для сына и позвала его к столу; отцу она налила суп в мисочку.

— Тебе, папа, удобней будет есть из такой. Я помогу тебе, если захочешь.

Он протянул руку за мисочкой и поставил ее себе на живот. Мисочка в васильках поднималась и опускалась в такт его дыханию.

— Колышется, как лодочка, — заметил Джехангир, — а твой живот делает волны для нее.

— Только бы ни у кого морская болезнь не началась, — сказал Нариман, едва не пролив суп с ложки, которую подносил ко рту.

— Что, Куми забыла дать тебе утром лекарство? — спросила Роксана.

— Я принял таблетку, — пробормотал Нариман. — Просто сильно устал сегодня. Завтра будет лучше.

Джехангир подошел к дивану. Постояв минутку, он заявил, что хочет кормить дедушку.

— Это не игра. Ешь свой суп, пока он не остыл.

Джехангир мгновенно выхлебал суп и вернулся

к деду.

— Теперь можно?

Нариман кивнул Роксане.

— Но я тебя предупреждаю — поаккуратней, — сказала она, подавая сыну мисочку, — дедушка только что надел чистую рубашку.

— Да, мам.

— И не заставляй его рот набивать, как ты сам делаешь!

— Да я знаю, мама, — нетерпеливо ответил Джехангир, — я знаю, дедушка жует медленно, я видел его зубы.

На балконе лежало неразвешенное белье. Роксана принялась встряхивать и вешать мокрые вещи, хмурясь от того, что они уже успели подсохнуть, поглядывая в комнату, проверяя, как ведет себя Джехангу. Балконная дверь служила рамой для жанровой картинки: девятилетний мальчик с удовольствием кормит с ложечки семидесятидевятилетнего старца.

Вдруг ее охватило странное чувство — нечто, подобное озарению. Отделенная завесой мокрого белья, держа в руках рубашку Йезада, она чувствовала, что наблюдает священное таинство; она желала бы удержать бесценный миг, ибо инстинктивно знала, что миг станет дорогим

воспоминанием, источником силы в тяжелые времена.

Джехангир зачерпнул очередную ложку супа и поднес к дедовым губам. Заметив прилипшую рисинку, Джехангир осторожно снял ее салфеткой, не дал упасть.

На мгновение Роксане открылся смысл всего, что есть в рождении, жизни и смерти. Мой сын, думала она, мой отец и пища, которую я сварила…

К горлу подступил горький ком. И — минуло, остались только слезы на глазах. Роксана вытерла глаза, улыбаясь и удивляясь, потому что не знала, когда явились слезы и отчего. Довольство на лице отца, понимание собственной значимости на лице Джехангу — и озорные искорки в глазах обоих.

— Осталось совсем немножко, дедушка. Давай самолетом.

— О'кей, но осторожно.

— Бигглз забирается в самолет, — начал Джехангир, поднимая ложку, — закрывает кабину.

Он изобразил включение двигателя, объявил, что колодки убраны и самолет готов к взлету. Ложка описала несколько кругов в миске, поднялась в воздух, качнулась и круто пошла на

снижение.

— Готовимся к посадке, дедушка.

Нариман широко раскрыл рот.

Ложка прицельно села, он сомкнул губы — пища была благополучно сгружена.

— Теперь последняя, — объявил Джехангир, выскребая со дна остатки, — готов?

На сей раз воздушная акробатика была еще сложнее.

— Открыть бомбовый люк!

Рис просыпался мимо рта Наримана на шею и воротник.

Роксана влетела с балкона с Йезадовой рубашкой в руках.

— Я же говорила тебе! Пять минут не можешь обойтись без выдумок!

— Моя вина, — хихикнул Нариман. — Плохо рот открыл.

— Не защищай этого мальчишку, папа, а то с ним совсем никакого сладу не будет. Будь с ним построже.

Роксана спросила, подать ли ему тазик, чтобы он прополоскал рот: он всегда ополаскивал протезы после еды. По тому, как он покачал головой, она поняла, что отец не хочет утруждать ее без крайней надобности.

— Что у нас теперь на повестке дня? — спросил он Джехангира. — Ты меня кормил, а я могу помочь тебе сделать уроки.

— Уроки не на повестке дня, — ответил Джехангир, наслаждаясь новым словечком. — На повестке дня большая мамина кровать, буду лежать и читать.

— Можешь читать здесь, почитаешь мне вслух, чтобы и я получил удовольствие.

Джехангир заколебался — вслух он читал дважды в год, на экзамене по чтению и декламации.

— Вообще-то я уже три главы прочитал. И тебе не понравится, это же детская книжка, Инид Блайтон.

— Ничего, можешь читать мне четвертую главу. Если покажется скучно, я скажу. Честное слово.

В четвертой главе Джехангир и Нариман узнали, что Джордж за плохое поведение, о котором говорилось в предыдущих главах, отправлена отцом в свою комнату, где теперь изнывает в одиночестве; хуже того, отец упрямо зовет ее Джорджиной («Она терпеть не может свое имя, потому что она сорванец», — на ходу пояснил деду Джехангир). Джулиан, Дик и Анна, которые приехали погостить на каникулы («Это кузены

Джордж», — пояснил Джехангир), считают, что дядя Квентин слишком сурово обошелся с бедной Джордж. А ей-то, бедняжке, каково — не пустили с ними на прогулку по берегу, а погода просто замечательная, море этим утром такое потрясающе голубое («Лазурное, — сказал дедушка, — небесно-голубое». — «Лазурное», — повторил Джехангир), Тимми, безостановочно виляя пышным хвостом, отлично проводит время, обследуя каждый камень и ракушку, в испуге облаивая каждого напуганного краба, чем очень смешит их всех, хотя не так уж и хочется смеяться без милой бедняжки Джордж, и…

Мама тихонько коснулась его плеча. Он поднял глаза от книги. Она приложила палец к губам и указала на диван: дедушка заснул.

Ее отец и ее сын еще спали, когда в половине четвертого она зажгла плиту, приготовила чай, засыпав заварку прямо в чайник с кипятком. Послеполуденный чай не удостаивался заварочного чайника и стеганого чехла, которыми она пользовалась по утрам. Она подумала о распорядке своего дня, сложившемся за годы, и ей пришло в голову, что это странно, ведь утро проходит в страшной спешке, неторопливый ритуал куда больше подошел бы для чая во второй половине

дня.

Но ради Йезада она тщательно накрывала стол к завтраку — он любил утренние часы. Любил завтрак — играет радио, в квартире и во всем доме суета, внизу на улице разносчики нараспев выкликают товары, с лету бросаются к покупателям, которые подзывают их хлопком в ладоши или громким шипом. Под настроение Йезад подражал ритмичным выкрикам и распевам продавцов, потом в этом соревновались и сыновья.

Роксана тоже прислушивалась к крикам разносчиков, выжидая время, чтобы спуститься вниз с кошельком. Кое-кто из соседей держал наготове корзину с веревкой; в корзину клали деньги, опускали ее на веревке из окна, потом втягивали наверх со сдачей, с картошкой, луком, бараниной, хлебом — кому что нужно. Роксана корзиной не пользовалась — ей не нравилось демонстрировать свои закупки соседям. Йезад шутил, что, наблюдая за этой корзинно-веревочной коммерцией, можно в любой день определить, кто что ест.

Йезад всегда шутит и дурачится по утрам, болтает с сыновьями, рассказывает им истории. Только вчера он рассказывал про старого мистера Энджинира, который всю жизнь прожил в их

доме и недавно умер.

— Ты помнишь его фокус с веревкой, Рокси?

Она улыбнулась, Джехангир с Мурадом клянчили, чтобы им тоже рассказали. Вода еще не нагрелась, и Йезад начал рассказ о том, что придумал старый Энджинир много лет назад, когда у него было туго с деньгами. Он каждое утро дожидался у своего окна на втором этаже появления торговца яйцами. Ему было известно, что с балкона третьего этажа спустят корзину, торговец уложит в нее свой хрупкий товар, и корзину медленно потянут наверх. Когда корзина проплывала мимо окна мистера Энджинира, проворная рука выхватывала яичко — к завтраку. Корзина добиралась до места назначения, и с верхнего балкона раздавался возмущенный крик:

«Эй, ты что же делаешь, дюжина — это двенадцать яиц, а не одиннадцать!»

Торговец упирался, клялся и божился, что отсчитал ровно двенадцать штук, но ему не верили, и бедняга отправлял наверх еще одно яйцо.

Но однажды утром злодейская рука была замечена. Энджинир был пойман с яичным, сострил Йезад.

Верхние жильцы, смущаясь, отправились выяснять отношения. Но мистер Энджинир и глазом

не моргнув спросил: «Да кто я такой, чтобы отказываться от того, что Бог посылает прямо в мое окно?»

Тут Джехангир и Мурад уже просто покатились со смеху. Они смеялись с восторгом и пониманием, а их отец завершал рассказ словами:

— С тех пор все в доме знают о знаменитом «Энджинировом фокусе с веревкой».

Мурад сказал, что это напоминает ему другую отцовскую историю: про царя по имени Сизиф и про его наказание в Аиде…

— Вот я и думаю, что мистер Энджинир похож на Сизифа.

— Это почему еще? — возмутился брат. — Мистеру Энджиниру не приходилось раз за разом толкать огромный камень в гору.

— Все равно, — стоял на своем Мурад, подыскивая объяснение, — каждый день корзина то вниз, то вверх, а у бедного мистера Энджинира нет денег, он прячется за окном, чтобы украсть яйцо… Тоже ведь ежедневная кара. Печально это.

— Я понимаю, что ты имеешь в виду, — сказал отец. — Если вдуматься, то каждый из нас по-своему Сизиф.

Наступила тишина. Все задумались. Потом Джехангир серьезно кивнул головой:

— Я понял. Это как домашнее задание. Каждый день делаешь домашнее задание, а на другой день задают новое, и так без конца.

Джехангир всех рассмешил.

— Но у истории про Энджинира есть хеппи-энд. Через несколько дней, после того как он попался, утром позвонили в дверь. Открывает — никого. Только бумажный пакет на полу, а внутри — яйцо. И это повторялось дважды в неделю до самой его кончины.

— Почему только два раза в неделю? — спросил Мурад. — Почему не каждый день по яйцу?

— Кто его знает, — пожал плечами Йезад.

Роксана, со значением взглянув на мужа, высказала предположение, что тайный благодетель не хотел, чтобы у старика повысился холестерин. Йезад сделал вид, что не слышит.

А мальчики начали составлять список вкусных вещей, которые им бы хотелось найти в корзине, проплывающей мимо окна: круглые, сдобные маффины с маслом, овсянка, копченая селедка, ячменные коржики, пироги с печенкой, мясо в горшочке, яблоки в тесте. Отец заметил, что если бы они разок попробовали безвкусную иностранную пищу, о которой знают из книг этой балды Блайтон, так поняли бы, какие потрясающие

блюда готовит их мать: и кари с рисом, и кхичрисаас, и плов с тыквой, и дхансак. Эх, нашлась бы индийская Блайтон и увлекла бы детей индийской реальностью!

Тут по радио объявили: время золотых хитов минувших лет… Зазвучал голос Энгельберта Хампердинка; Йезад и мальчики подхватили припев: «Только три словечка — я тебя люблю!» Роксана, улыбаясь, позволила дослушать песню, после чего отправила сыновей собираться в школу.

…Но то было вчера. «Как все сразу изменилось», — думала она, наливая себе чай и ставя чайник обратно на плиту. Попозже, часам к шести, она вскипятит воду, чтобы Йезад мог выпить чаю сразу как вернется. Вечерняя чашка чая совсем не походила на утреннюю. По вечерам она видела на лице мужа следы, оставленные очередным трудовым днем. К Роксаниной любви примешивалась обида за мужа, когда он рассказывал о капризах клиентов, которые считают, что могут безнаказанно хамить ему, потому что в их руках большие деньги, и в то же время обязательно закидывают удочку насчет отката при закупках крупных партий спортивного инвентаря для своих школ, или колледжей, или корпораций. А он вынужден, скрывая отвраще-

ние, тактично давать им понять, что владелец магазина, мистер Капур, против таких вещей…

Все еще раздраженный и расстроенный, садился он пить чай. Иногда пил прямо из чашки, чаще из блюдечка, всматриваясь в него как в непроницаемую глубь, скрывающую необходимые ему ответы. Она боялась обронить словечко — он мог вынести только тишину. И на свой лад понимала, каково быть на его месте, надрываться ради семьи, которую он так любит. Но оставалось ей только одно — ждать, когда наступит ночь и сон снова возродит его. Чтобы наутро он был опять полон оптимизма.

Она смотрела, как он возвращается к беличьему колесу, заранее зная, чем это кончится к вечеру, зная, что он тоже знает, но не сдается. И тогда муж виделся ей сильным и смелым, как Рустам или Сохраб, эпическим героем, чьи повседневные подвиги заслуживают быть воспетыми в его собственной «Шахнаме», в «Йезаднаме», и благодарила за него судьбу, Бога, фортуну — кто бы там ни заведовал делами мира…

Ее страшила мысль о том, как папино появление скажется на их утренних часах. Любой ценой должна она сохранить для Йезада их ритм. Она исполнилась решимости не допустить, чтобы

хоть на волосок изменился утренний распорядок, который приносит ему столько радости.

Роксана допивала вторую чашку, когда Джехангир и Нариман проснулись, разбуженные звонком Мурада. Она открыла сыну дверь, потрепала по плечу, не рискуя задерживать его в объятиях. Он зашвырнул под стол школьную сумку, прошел в большую комнату.

— Привет, дедушка, — сказал Мурад, будто увидеть деда на диване — дело совершенно нормальное.

— Ты не хочешь узнать, почему дедушка у нас?

Мурад выслушал рассказ матери, подумал и принял решение:

— Раз дедушка гостит у нас, так я буду спать на балконе, а Джехангир пусть спит на топчане.

— На балконе спать буду я, — объявил брат.

— Что такое? — спросил Нариман. — Оба хотите удрать из комнаты? Неужели от меня так плохо пахнет?

Братья возмутились — ничего подобного! Просто спать на балконе гораздо интереснее, можно смотреть на звезды и на облака.

— Решим, когда папа придет, — подвела итог Роксана.

Распаковав судно и утку, она тщательно об-

следовала их и понесла мыть. «У людей разные представления о чистоте», — подумала она, снова закипая яростью против Джала и Куми.

— Что за штуки? — заинтересовался Джехангир, когда мать вернулась и задвинула их под диван.

— Они нужны дедушке.

— Зачем?

— Вон то — бутылка для пи-пи, — показал Мурад, — а это — для другого.

Джехангир недоверчиво взглянул на мать.

— Правда, мам, зачем они?

— Мурад же сказал. Дедушка не может сам ходить в туалет.

Джехангир скорчил рожу — фу! — скорее для проформы, чем от подлинного отвращения.

В шесть тридцать у двери послышались шаги Йезада, и мальчики наперегонки бросились открывать.

— Папа, можно я сделаю навес и буду спать на балконе? — завопил Джехангир, даже не дав Мураду толком открыть дверь.

— Нет, папа, это моя идея. Можешь у мамы спросить!

Йезаду понравился взволнованный прием.

— Дайте сначала в дом войти! Сначала скажите

«привет» усталому отцу, а уж потом приставайте с требованиями!

— Привет, — сказали братья в унисон. — Можно я буду спать на балконе?

Йезад затворил дверь и задвинул засов.

— Рокси, что за безумный план пришел в головы твоих сынов?

Он шагнул в комнату:

— Хэлло? Это вы, чиф?

«Что такое, — думал он, — ясное дело, чиф в гости заглянул, но почему один? И почему он на диване лежит? Плохо себя почувствовал?»

Гипс на ноге, который мог бы объяснить причину, был скрыт простыней. Не желая выказать растерянность, Йезад с улыбкой подошел пожать тестю руку.

Дети продолжали спорить.

Раз дедушка занял его постель, так он и должен на балконе спать, доказывал Джехангир. Ничего подобного, стоял на своем Мурад, он старше и с ним все будет в порядке, а Джехангир может спросонок встать с постели и свалиться с балкона…

— Тихо, а то сейчас оба получите! — прикрикнула мать. — Балкон, балкон, балкон! Это что, главное? Я даже не успела рассказать папе про дедушку!

Она подошла к дивану, вытирая мокрые руки о юбку.

— Ты просто не поверишь, Йезад, когда услышишь, как ужасно повели себя Джал и Куми.

— Хотели как лучше, — мягко сказал Нариман, — не надо злиться на брата и сестру.

— Брата и сестру только по матери, если уж быть точным, папа!

— В детстве ты никогда так не думала, — невесело заметил Нариман.

— А они никогда так не вели себя!

— Можно попросить, чтобы мне наконец рассказали, в чем дело?

Роксана изложила события сегодняшнего утра и минувшей недели. Когда она закончила повествование, Йезад только головой покачал.

— Должен признаться, чиф, мне тоже кажется, что поступили они плохо. Мягко говоря. Прокрались сюда как воры, вас бросили в «Скорой», стали шантажировать Роксану.

— Они не справлялись с ситуацией, — сказал Нариман. — А это был выход. Если желаешь свалить свои заботы на других, то предварительное оповещение нежелательно. Советую вам обоим помнить это, когда вы захотите вернуть меня в «Шато фелисити».

— Не смешно, папа. Это просто непорядочно с их стороны.

— Интересно, как они себя поведут, если вы заявите, что хотите вернуться, — заметил Йезад. — В конце концов, это ваш дом. И вы должны топнуть ногой, просто чтобы посмотреть, что они сделают.

— Если бы я мог топать ногой, все было бы хорошо, — усмехнулся Нариман. — Как можно заставлять людей? Как можно обязать человека быть заботливым и внимательным? Или это есть в сердце, или этого нет вообще.

— И все же возмутительно — вытолкать вас из собственной комфортабельной квартиры в нашу тесноту.

Нариман покачал головой:

— Эта огромная квартира для меня гола и холодна, как гималайская пещера, а здесь я чувствую себя во дворце. Но вам будет тяжело со мной.

— Вы здесь — желанный гость. Это ведь тоже ваша квартира.

Нариман отвернулся.

— Очень прошу никогда так не говорить. Несмотря на мое сегодняшнее вторжение, квартира принадлежит тебе и Роксане. Ваш свадебный подарок. Едва ли уместно предполагать, что

пятнадцать лет спустя я вознамерился отнять у вас жилье.

Высокопарность ответа отрезвила Йезада, он понял, что обидел старика.

— Тысяча извинений, чиф, я неудачно выразился.

— Все устроится, папа, — добавила Роксана, — мы даже не заметим, как пролетят эти три недели.

— Безусловно! — поддержал жену Йезад. — А Мурад и Джехангир будут помогать матери справляться с добавочной нагрузкой. Обещаете, дети? И скоро чиф будет у нас как новенький.

Джехангир вытащил из-под топчана судно и утку.

— Смотри, папа, это дедушкина бутылка для пи-пи, а это ему для ка-ка.

— Не трогай эти вещи, — неожиданно вспылил Йезад, — и немедленно вымой руки!

Провожаемый встревоженными взглядами Роксаны и Наримана, Йезад вышел на балкон и простоял там, пока Роксана не объявила, что ужин на столе.

* * *

Джехангир, в качестве специалиста по кормлению деда, помог ему справиться со стручковой фасолью. Йезад отметил, что теперь у чифа не только частная лечебница, но и личный дворецкий — чего еще ему желать?

Нариман не понял, прозвучала ли нотка недовольства в словах Йезада или ему это почудилось?

— Я действительно счастлив, что у меня такая семья, — ответил он. — Компенсация за все, чего я лишен.

— Надо решить, кто где ляжет спать, — сказала Роксана.

Кухня исключается, рассуждала она, там и мыши есть, и тараканы, сколько она ни травит их. Спать в коридорчике между кухней и туалетом негигиенично. На полу у входной двери вечно появляется сырое пятно, которое непонятно откуда берется. Значит, остается балкон.

— Йиппи! — завопил Джехангир. — Класс! Я поставлю палатку и устрою в ней полночный пир!

— Отставить, — сказал Мурад, — балкон нужен командиру эскадрильи Биггльзуорту в качестве базы для проведения секретных операций.

— Единственное решение вопроса — балконом пользуетесь по очереди, — твердо сказал Йезад. — Дедушка проведет у нас три недели. Скажем, двадцать дней. Значит, по десять ночей на каждого.

Йезад подбросил монетку, чтобы определить, кто первый.

— Решка! — крикнул Мурад и выиграл.

Два тощих матраса с топчана расстались друг с другом: один остался для Джехангира, другой отправился на балкон.

— Надеюсь, польет сильный дождь, — размечтался Мурад, — тогда будет похоже на операцию Биггльза, когда его «харрикейн» разбился на Суматре в шторм.

— Вот глупый мальчишка, — укорила его мать. — Молись, чтобы не было дождя. Что мы будем делать, если намокнет матрас? Опять мне придется возиться с твоими лекарствами, на которые у нас и денег-то нет.

Йезад старался успокоить ее страхи: маловероятно, чтобы ночью пошел дождь, а завтра он попробует соорудить на балконе навес. Но Роксана не хотела рисковать.

— Начало сентября. Если Мурад расхворается, я не знаю, как справлюсь с ним и одновременно

с папой.

Роксана пригрозила, что сама ляжет на балконе, если он не будет стопроцентно защищен от дождя.

Мурад занервничал, чувствуя, что приключение может не состояться.

— Все в порядке, мама, — заверил он, — мы с папой придумаем для балкона плащ с капюшоном и галоши!

Порывшись на полках перед кухней, они обнаружили два небольших хлорвиниловых полотнища, достаточных, чтобы закрыть балконную решетку, но не нашли ничего для крыши.

— Спроси у Вили, — сказал Йезад Роксане, — может, у нее найдется брезент или что-то вроде того.

— Сходи сам. Я терпеть ее не могу, с этими вечными «дорогая», «милая» и с игрой на деньги.

Вили Кардмастер, или Лотерейная царица, как прозвал ее Йезад, женщина примерно его возраста, жила с матерью в соседней квартире. Она любила порассуждать о преимуществах своей незамужней жизни, уверяя, что ей и не нужен муж — будет целыми днями ныть и жаловаться, а по ночам спать не даст своими домогательствами. Хотя на мужчин томно поглядывала, будто

оценивая.

Жизнь Вили была заполнена домашними хлопотами и уходом за больной матерью, которая к старости ссохлась до размеров шестилетнего ребенка. Вили без особого труда поднимала мать на руки, когда нужно было перенести ее с кровати в ванную, устроить в креслице на балконе или посадить за обеденный стол. Вили так и носила ее на руках, как морщинистую куклу.

А время, которое удавалось высвободить, Вили целиком посвящала толкованию снов. Вили приписывала числовые значения предметам и событиям из сновидений, и на эти числа делала лотерейные ставки. Подпольная лотерея под названием «Кубышка» давно стала нитью, на которую низались минуты и часы ее дня. Вили постоянно просила друзей, знакомых, соседей, прислугу соседей рассказывать, что им приснилось; кто соглашался, с теми она делилась тайнами своих вычислений. Вили охотно делала ставки и за других, имея на этом скромную мазу. У нее был знакомый лавочник, который собирал ставки в «Кубышку», и Вили каждый день забегала к нему в лавку.

— Ах, Йезад-джи, — радостно встретила она гостя. Почтительную приставку «джи» она до-

бавляла к имени каждой особи мужского пола, независимо от возраста и положения.

— Извини за беспокойство, Вили.

— Что толку от соседей, если их даже побеспокоить нельзя? Заходите, дорогой, беспокойте сколько угодно!

Йезад последовал за духовитой фигурой, облаченной в халат. Это длинное широкое одеяние с пуговицами спереди прекрасно маскировало ее телеса. Она носила свой халат не снимая, от стирки до стирки, что означало дня три-четыре. Вили в нем и спала, и возилась на кухне, и ходила за покупками — правда, с существенным добавлением: при выходе из дому поверх халата наматывалось сари. И довольно необычным способом — оно держалось на талии с помощью полудюжины английских булавок, поскольку под ним не было нижней юбки, за пояс которой обыкновенно заправляют сари. Вили называла свой халат универсальным туалетом.

Йезад понял, отчего заигрывания Вили так удручают его, — кокетливые манеры никак не вязались с ее неряшливой внешностью. Не вдаваясь в подробности, он объяснил Вили, зачем пришел, но Вили утром видела «Скорую» и слышала скандал в соседней квартире.

— Понимаю, Йезад-джи, — подмигнула она, — семейные свары способны из самого сильного мужчины сделать беспомощного котенка. Пошли посмотрим, что у меня найдется.

Она пошла вперед, сочувственно ахая по поводу трудной ситуации, в которой оказался Нариман. «Трагическая жизнь», — говорила она, припоминая гадкие подробности этой жизни. Осведомленность Вили не удивила Йезада: в общине парсов давнишний скандал получил широкую известность и обсуждался он в том же ключе удовлетворения и сочувствия, в котором сейчас высказалась и Вили.

Она остановилась перед старым комодом, полным всяческого хлама.

— Будьте как дома, мой милый, поройтесь в ящиках.

Заметив замешательство Йезада, Вили сама опустилась на колени, выдвигая ящик за ящиком.

— Между прочим, у меня на сегодня есть надежный лотерейный номер. Такой сильный сон, с такими ясными числами — давно такого не видела.

— Удачи тебе, Вили, надеюсь, сорвешь куш.

Безразличие Йезада не остановило Вили; дра-

матически понизив голос, чтобы не ослабить мистическую силу сна, она почти набожно прошептала:

— Кошка мне приснилась. Кошка перед большим блюдцем молока.

— И вы с ней обсудили выигрышное число?

Она с жалостью посмотрела на него, продолжая выгребать барахло из ящиков.

— Смысл кошки и блюдца ясен без слов, Йезадджи.

— Значит, телепатически общались?

Вили покачала головой.

— Кошка сидела прямо и смотрела на меня. Ее голова и туловище образовали отчетливую восьмерку.

А слева — блюдце молока. Круглое как нуль. Значит, завтра выиграет восемьдесят.

Но Йезад вошел во вкус.

— Вили, а ты на каком языке видела сон? На английском или на гуджарати?

— Не знаю. А какая разница?

— Большая разница. Гуджаратская восьмерка, — он начертил цифру пальцем в воздухе, — совсем не похожа на кошку, сидящую прямо.

— Большой вы шутник, Йезад-джи, — засмеялась Вили, однако семя сомнения было заронено.

В комоде нашлись квадратные куски клеенки и даже кусок брезента четыре на шесть дюймов, слишком маленький — балкон не закроешь. И тут Йезад вытянул из нижнего ящика нечто кожистое, сложенное и упакованное в хозяйственную сумку.

— А это что?

— Старая скатерть. Для нашего семейного обеденного стола.

— Огромная, похоже.

— Она и есть огромная. Была. За столом с удобством размещалось шестнадцать человек.

Они взялись за скатерть — каждый со своего конца; слои слежавшейся клеенки разворачивались со звуком разрываемой ткани. Вместе с темно-зеленым рексином разворачивались и воспоминания Вили.

— Счастливые были времена, когда мы все садились за стол, покрытый этой клеенкой. Каждое воскресенье вся семья собиралась на дхансак. Папа-джи был прямо-таки фанатиком — в субботу можно было и кари с рисом подать, но чтобы в воскресенье на столе не было дхансака, так боже сохрани! Мама-джи и не пыталась. Все собирались к часу дня — дяди, тети, двоюродные братья и сестры, и такие начинались разговоры, будто

мы месяцами не видимся.

Йезад думал о том, что уже поздновато, а балкон так пока и не закрыт, но у него не хватало духу прервать Вили. Ее лицо светилось счастьем.

— Папа-джи всегда сажал меня по правую руку, а моего брата Дали — по левую. По воскресеньям поверх рексиновой скатерти стелилась другая, из бельгийского кружева. Папа-джи не разрешал ставить на нее вазы или безделушки, он говорил, что преступно закрывать ненужными вещами произведение искусства. Как прекрасны были те дни, Йезад-джи. Одну минуточку, сейчас я вам покажу…

Она вернулась с фотографией в рамке: семейство из четырех человек чопорно позирует по одну сторону длинного обеденного стола. Мать, отец, двое воспитанных детей; чистенький, тщательно причесанный мальчик в коротких штанишках и рубашке с галстуком, маленькая девочка с бантами, в платьице из розового органди.

— Мой седьмой день рождения пришелся на воскресенье. Особый день.

Она вздохнула:

— Почему, когда мы становимся взрослыми, счастливые дни вдруг остаются далеко позади?

У Йезада не нашлось ответа.

— И куда девался этот обеденный стол? — спросил он.

— Брат, когда женился, увез его на новую квартиру.

— Он тоже устраивает воскресные обеды в семейной традиции?

Вили скривила губы:

— Он погубил стол. Стол не проходил в дверь его квартиры. Брат позвал плотника переделать стол в секционный. Бог его знает, из каких джунглей привезли эту древесину, но за два года стол был съеден термитами.

Она провела рукой по скатерти и стала складывать ее. Йезад помогал, раздумывая о судьбе, которая превратила прелестную девочку в розовом органди, сидевшую по правую руку отца за воскресными обедами, в рехнувшуюся на сновидениях, помешанную на «Кубышке» женщину, от которой несет тухлятиной. Какая жестокая траектория пролегла от той точки до этой?

Вили не положила скатерть в сумку.

— По-моему, она достаточно большая, хватит, чтобы прикрыть весь балкон.

Йезад вздрогнул:

— Ты что, не хочешь сохранить такой важный

сувенир?

— Сувенир-фувенир, не верю я во все это! Большая скатерть без большого стола, без гостей, чтобы сидели, смеялись, болтали, — что толку в ней? Сделайте навес для балкона, а то как бы ребенок не простудился ночью.

— Спасибо тебе, Вили.

Она распихала барахло обратно по ящикам, со стуком задвигая один за другим.

— Знаете, Йезад-джи, вы ведь правы. Если сон приснился мне на гуджарати, так нужно применить другой метод: звучание слова. Значит, так: кошка будет «билари», — «бе» будет числом для билари. Ноль остается, и получается двадцать. Я и поставлю на двадцать. А вы, дорогой, ставьте и на двадцать, и на восемьдесят, так надежней. И выиграете достаточно, чтобы превратить балкон в настоящую паша, комнатку.

— Зачем нам, — сказал он, — пускай балкон остается балконом, его только временно нужно закрыть.

— Не имеет значения, — сказала Вили, провожая его к двери, — все временно, Йезад-джи. Жизнь — тоже штука временная.

— Ну что за женщина, — сказала Роксана, — ей обязательно нужно продержать мужчину как

можно дольше всеми этими своими «милый-дорогой».

А узнав, что Вили еще и фотографию показывала, спросила, что это за новое извращение, ей что, лотереи мало?

— Семейная фотография, на которой Вили семь лет, — объяснил Йезад, и Роксане стало неловко, а потом и стыдно за взятую скатерть, особенно после того, как муж пересказал печальные воспоминания Вили.

— Она неплохой человек. Со странностями, конечно. Знаешь, она вызвалась приносить тебе продукты из лавки. Она туда каждое утро ходит.

На балконе он развернул рексин, проделал по краю дырки в нужных местах, чувствуя укол совести при прокалывании каждой дырки. Завтра купит металлические глазки в скобяной лавке Боры, укрепит отверстия и натянет ткань туго, как брезент. На эту ночь он прикрепил рексин веревочками к балконным перилам.

Теперь за дело взялся Мурад, готовясь к ночлегу под тентом. Он взял игрушечный бинокль, компас и оружие: нож для разрезания бумаги и водяной пистолет. Хотел захватить с собой свечу и спички для освещения укрытия в мрачной чащобе суматранских джунглей, но мама не

разрешила.

— Мама права, — поддержал ее Йезад. — Не очень-то будет приятно, если ты спалишь «Приятную виллу».

— Ха-ха, очень смешно. Мама всегда воображает страшное.

— Кстати о воображении, чиф, что это за разговоры о депрессии? Плод воображения Джала и Куми? Не могу представить себе депрессию у такого философа, как вы.

— Депрессия — чушь, — ответил Нариман. — Я много думаю о прошлом, это правда. Но в моем возрасте прошлое занимает в мыслях больше места, чем сиюминутное. А процент будущего невелик.

— У тебя еще много лет для нас, папа.

— Любопытно, почему доктор Тарапоре решил, что это депрессия.

— Знахарь ошибся в диагнозе, наслушался болтовни Куми и Джала. Ему еще предстоит понять, что не все можно объяснить клинически. «У сердца есть свои резоны, о которых рассудок ничего не знает».

— Как замечательно, — откликнулась Роксана. — Шекспир?

— Паскаль.

Она повторила про себя: «У сердца есть свои резоны…»

Со своего топчана в разговоры взрослых внимательно вслушивался Джехангир, стараясь понять, что такое депрессия. То печальное чувство, которое приходит, когда несколько дней подряд льет дождь? Он с завистью смотрел, как Мурад устраивается на ночлег под навесом. И тут услышал, что дедушка робко просит утку.

— Сейчас принесу! — спрыгнул с топчана Джехангир.

Отец двумя яростными шагами пересек комнату и загородил ему путь.

— Что я тебе сказал насчет этой бутылки?

Джехангир застыл. Он испугался, что отец его ударит. Он сильней всего боялся отца, когда тот говорил пугающе спокойным голосом.

— Отвечай. Что я тебе сказал?

Он съежился:

— Чтоб я не трогал эти вещи.

— Почему же ты собрался сделать это?

— Я забыл, — еле слышно ответил он. — Я хотел помочь.

Гнев мгновенно исчез, и отцовская рука легла на его плечо.

— С этим не тебе помогать, Джехангла.

Отец легонько подтолкнул его к дивану. Джехангир смотрел, как мама достала бутылку для пи-пи. Она откинула простыню и засунула в нее дедушкину пипиську. Она была маленькая, не намного больше, чем у него. Зато яйца у дедушки были огромные. Как луковицы в шелухе, даже больше папиных, которые он много раз видел, когда, выходя из ванной, отец сбрасывал полотенце, чтобы одеться. Его собственные были похожи на шарики для игры. А у дедушки они такие большие и тяжелые, что ему, наверное, неудобно…

— Ложись, Джехангла, — сказал отец. — Не на все тебе надо смотреть. Спокойной ночи.

Потом мама принесла тазик, чтобы дедушка пополоскал рот на ночь. Дедушка сделал смешное движение челюстью, вынимая зубы. Они скользнули в стакан, на свое водное ложе, и Джехангир закрыл глаза.

* * *

Приблизив губы к уху Йезада, Роксана поблагодарила мужа за понимание.

Тот сказал, что лучше бы нанять айю из больницы: если Роксана будет одна надрываться, так это добром не кончится.

— Заставим Джала и Куми заплатить айе. Ска-

жи им, что это наше условие. Мы же приняли папу.

— После того, что они сделали, я ничего от них не приму. Видеть их не хочу эти три недели, пока папа не встанет на ноги.

Она заверила мужа, что справится, нужно только немного терпения и понимание. Рассказала, как пахло от папы, когда они его привезли.

— Всего-то и требовалось, что намочить салфетку, обтереть его и посыпать тальком. Но Джал и Куми даже не побеспокоились. И ты видишь щетину на бедном его лице — бритву они положили в его чемодан. Как будто он в состоянии самостоятельно побриться.

— Цирюльника позовем. Но учти — три недели. И никаких уверток от этих двух мерзавцев.

— О нет, я не допущу, чтобы они выжили папу из его собственного дома! Три недели — и все. Вот увидишь, я их призову к порядку.

Придвинувшись поближе, она обняла его и поцеловала в ухо, чуть прикусив мочку. Он вздохнул. Его пальцы потянулись к краешку ее ночной сорочки, подтягивая ткань к бедрам, которые она приподняла. Рука скользнула под мягкую ткань. Она шепнула: «Подожди немного, мальчики спят, а вот как папа…»

* * *

Нариман открыл глаза с желанием, чтобы его перестали преследовать огромные, скорбные глаза Люси. Повернув голову, он поискал знакомую оконную решетку, но вместо нее увидел топчан внука. Он не в «Шато фелисити». Этой ночью он должен лежать тихо, не давая воли воспоминаниям, чтобы не беспокоить Роксану с Йезадом и детей, спящих совсем рядом.

Одурманенный обезболивающим, он плыл на облаке, похожем на сон. В бормотании из соседней комнаты послышалось слово «айя»… и воспоминания сразу принялись мучить его. Люси нанялась работать айей в «Шато фелисити», сказала: «Хочу быть поближе к тебе. Работа не трудная, — заверила она его, — а так приятно жить и спать в одном доме с тобой».

Даже прежде чем она пошла в прислуги, сердечные муки изрезали морщинами ее лицо, обтянули его. Какой кошмар, думал он, что же она делает с собой и до какого абсурда доходит ее стремление отплатить ему, превратить его жизнь в ад — из-за того, что он отказался выходить к ней на улицу. Она нанялась в семью Арджани с первого этажа. Им было известно, кто

она такая, — они часто видели его и Люси вдвоем. Гестапо на первом этаже — была их с Люси шутка, когда они еще бывали вместе, потому что мистер и миссис Арджани постоянно торчали у окна, следя, кто приходит в дом или выходит из дома. Позднее супруги Арджани наблюдали за Люси, когда, как потерявшийся ребенок, она целыми вечерами простаивала перед домом, глядя вверх на его окно. Но он понимал, зачем они взяли Люси нянькой к своим внукам: это был акт возмездия. Много лет назад, примерно в то время, когда он познакомился с Люси, отец Наримана подал в суд на мистера Арджани за пасквиль, наносящий ему моральный ущерб. Теперь сводились старые счеты. Это было ясно. «Какой же монументальной тратой времени и сил было судебное разбирательство, — думал Нариман, вспоминая религиозную полемику, с которой началась вражда». Священнослужитель совершил церемонию навджоте для ребенка, мать которого была из парсов, а отец — иноверец. Событие вызвало споры, полемику и перебранки между реформистами и ортодоксами — такого рода споры вспыхивали в общине парсов с периодичностью эпидемий гриппа.

Отец Наримана, известный как большой мастер

писать письма в газеты, гневно осудил священника. Он писал, что для этого дастура, сбившегося с пути истинного, священная церемония инвеституры — вручения судры и кусти посвящаемому в парсы — имеет не большее значение, нежели повязывание обыкновеннейшего шнура, если судить по той лихости, с которой дастур проделывает ее с каждым и всяким. Что подобные ему ренегаты станут причиной погибели трехтысячелетней религии, что зороастрийство за всю свою славную историю выдержало множество ударов, но чего не смогли добиться арабские армии в 632 году нашей эры, то совершат такие священнослужители, как он, подрывающие чистоту этой единственной в своем роде и древней персидской общины, саму основу ее выживания. «Возможно, что невежество есть благо, — писал он, — однако у священнослужителей, творящих бесчинства, невежество совершенно иного рода — и оно яд для общины парсов».

Хотя напыщенность отцовской риторики казалась Нариману смешной, смысл приводил его в отчаяние. А «Джамшидова чаша» завела специальную рубрику, где печатались материалы полемики. Каждое утро за завтраком отец раскрывал газету и, усевшись поудобней, наслаждался

читательскими откликами «за» и «против», спровоцированными его письмом в редакцию. Его лицо сияло удовлетворением. Самые интересные места он зачитывал домочадцам вслух.

Отец неизменно находил способ соотнести полемику с Люси. Цитировал из газеты примеры, поясняющие, почему запретны браки с иноверцами. Выдержки из писем читателей выдавались за неопровержимые доводы в пользу запрещения связей между парсами и всеми прочими.

Нариман пробовал воспользоваться утренними дискуссиями. Уговаривал отца пригласить Люси на ланч или на чай, побеседовать с Люси, прежде чем выносить суждение о ней. Отец отказывался — «было бы несправедливо, — говорил он, — подавать надежды бедной девушке». Иногда мать робко замечала, что нужно бы понять, что она за человек. На это отец отвечал, что она может быть прекрасным человеком, может быть любезной и очаровательной, как королева английская, но его сыну она не пара — она не зороастрийка. И точка. До чего же наивно было с его стороны так долго надеяться, что отец изменит свою точку зрения или что пассивная позиция поможет избежать неприятностей, повысить их с Люси шансы. Он недооценивал запас отцовского упорства, меру

его готовности жертвовать семейным счастьем сына во имя принципа.

И тут в газете появилось уничижительное письмо мистера Арджани, и утренним удовольствиям отца пришел неожиданный конец. Выступление соседа по дому выглядело как предательский удар из собственного лагеря. И хотя вначале отец хотел ограничиться одним-единственным письмом в газету и отойти в сторону, игнорируя ропот невежественной толпы, теперь он снова взялся за перо и произвел второй залп.

Он назвал мистера Арджани отличным примером ума, не отвечающего норме, размышления которого никчемны, поскольку не способны объять даже простейшие доктрины веры, уже не говоря о высшем смысле навджоте. «Взгляды мистера Арджани, — писал он, — недостойны обсуждения». Мистер Арджани с энтузиазмом ринулся в бой. Перепалка становилась все ядовитей, пока не завершилась тем письмом, которое и привело стороны в суд. В письме мистер Вакиль был назван оголтелым расистом, который в своем маниакальном стремлении к чистоте зороастрийской общины не остановился бы и перед физическим уничтожением людей, вступающих в межрелигиозные браки, равно как и

их потомства.

Воскресная компания отца пришла к выводу, что настал час подавать в суд на Арджани с иском о восстановлении чести и достоинства. Было решено дать Арджани шанс взять обратно свои слова и извиниться. Тот отказался. Его защиту финансировала группа парсов-реформистов, и, хотя дело он проиграл, реформисты остались довольны широкой оглаской, которую в результате получили их воззрения. Отец созвал гостей отпраздновать победу. Воскресная компания презентовала ему страницу из «Джамшидовой чаши» — в рамке и под стеклом — с полным текстом извинений Арджани и его признанием своей ошибки. «Они ведут себя так, будто в крикет выиграли», — думал Нариман, наблюдая ликование. Постановление суда они рассматривали как подтверждение своих взглядов, а не формальное исполнение закона об ответственности за распространение клеветы. Рассмотрение дела в суде вызывало у Наримана смешанные чувства: ему бы не хотелось, чтобы отец проиграл, и в то же время он надеялся, что публичное разбирательство этих фанатических взглядов все же покажет отцу их истинную ценность.

Но искупления не произошло. И теперь, десять

лет спустя, когда его родителей уже нет в живых, он вынужден наблюдать, как Люси становится орудием нелепой мести в руках семейства Арджани. Сам Арджани хвастался изощренностью возмездия — нанял в прислуги девушку сына покойного Марзбана Вакиля! Разве это не прекрасно — каждый может следить за драматическими перипетиями отношений между профессором Вакилем и Люси. «Вершится поэтическое правосудие, — говорил он, — намного превосходящее все судебные вердикты».

Если бы Арджани хоть задумался над происходящим! Если бы до него дошло, что покойный отец, с его фанатическими взглядами, первый согласился бы с заклятым врагом, что Люси больше подходит роль прислуги, чем его невестки.

Но Люси зачем это сделала? Он спросил Люси, не из-за денег ли она пошла в прислуги? Он готов помочь ей, нет нужды так унижать себя, он подыщет ей хорошую работу…

Люси с улыбкой покачала головой:

— Разве тебе не понятно, почему я здесь? Ты — на третьем этаже, я — на первом, и меня это утешает.

Он предупредил ее, что это ничего не даст — они с тем же успехом могли бы жить в разных

городах, потому что он сдержит слово и больше не будет видеться с ней.

— Ты попусту растрачиваешь жизнь, ты надрываешься за гроши!

— Я даже не замечаю работы, — опять улыбнулась Люси, — а дети очень милые, все трое. Ты же знаешь, что я люблю детей. Помнишь, какие мы строили планы, Нари? Мы хотели иметь шестерых и даже имена им придумали…

— Прошу тебя, Люси, не терзай меня! — Он зашагал прочь, кипя злостью.

Но каждое утро, уходя на работу, он видел Люси, которая вела в школу трех маленьких Арджани. И слышал, как мистер Арджани кричит ей в окно, чтобы она сама несла их школьные сумки: книги слишком тяжелы для детских плечиков.

— Я не хочу, чтобы мои внуки выросли горбатыми! — кричал он.

Нариман видел, как Люси тащит три сумки с книгами. Прошло совсем немного времени, и однажды Нариман забрал тяжелые сумки у Люси и с тех пор начал провожать ее с детьми до школы.

В полдень Люси полагалось отнести в школу горячий завтрак для детей. В зависимости от расписания лекций Нариман старался прийти вовремя, чтобы помочь Люси с горячими завтра-

ками, с корзинкой для посуды, с термосами для охлажденных напитков. Мистер Арджани хвалился, что заполучил двух слуг за те же деньги.

Нариман ни на минуту не забывал, что сверху за всем этим наблюдает жена. Его мучила совесть, он знал, что совершает чудовищную несправедливость по отношению к Ясмин. Возвращаясь с работы, он неизменно находил Джала и Куми рядом с матерью — дети всячески старались утешить ее. На него дети не смотрели. И больше не подходили пожелать ему спокойной ночи, когда отправлялись спать.

А Ясмин спрашивала, чем она заслужила такое наказание. Почему он издевается над ней? Зачем женился на ней, если ему так дорога Люси?

— Я проявляю чисто человеческую заботу о Люси — стараюсь помочь ей покончить с этим безумием.

— Ты уверял, что все покончено, еще когда она до ночи пялилась в наши окна. Почему теперь я должна тебе верить?

— Прошу тебя, пойми, если я с ней не буду разговаривать, как я уговорю ее положить конец этой тягостной ситуации?

— Не послушает она тебя. Ты что, не видишь, как она делает из тебя дурака? И внушает тебе

чувство вины?

— Может, она и права, — сказал он и тут же пожалел о сказанном, потому что Ясмин потеряла терпение.

— Забудь обо мне. Мою жизнь ты уже искалечил. Подумай о себе, о том, какую репутацию это создает тебе в университете, и о том, как будут относиться люди к нашей маленькой Роксане. На нее падет позор отца.

— В моем поведении нет ничего позорного, — тихо сказал он. — Я считаю, что веду себя достойно с учетом обстоятельств.

— У тебя странные представления о достоинстве! Сначала ты женишься на мне, потом просто бросаешь. Теперь ты бегаешь за ней, как пес в запале. А о чем думает ее семья, почему допускает, чтобы она так унижала себя?

— Семья отказалась от нее, ты же знаешь.

Ясмин долго терпела унизительность своего положения, но потом предъявила мужу ультиматум: она заберет Роксану и уйдет из дому, если он не перестанет выступать в качестве ассистента айи. У него есть неделя на размышление.

— Кому от этого будет лучше? — пытался он урезонить ее. — И ты, и наш ребенок — вы окажетесь в трудном положении.

— И у тебя хватает наглости пугать меня трудностями? А сейчас что я имею? Покой и счастье?

Всю неделю он упрашивал ее не осложнять и без того тяжелую ситуацию. Она отвечала, что он пожалеет, что на свет родился, если не прислушается к ее словам. Хватит с нее, теперь она встанет на защиту своих прав, пускай не как жена, но как мать.

— Ну и уходи, — решился он, и впервые в его голосе прозвучала истерическая нота. — Но Роксана нужна мне, и ты ее у меня не отнимешь…

Роксана и Йезад стояли у двери, вглядываясь в темноту комнаты. Роксана ясно слышала, что папа позвал ее по имени.

— Наверное, приснилось что-то, — прошептал Йезад.

Они немного подождали и вернулись в постель, решив ничего не говорить ему утром. К чему? Он будет глупо чувствовать себя. Лучше подбадривать его. Что бы его ни тревожило, пройдет само по себе.

Глава 7

Электричка в 9.11 ушла, когда Йезад выходил на платформу. Хорошо, хоть удалось на 9.17 сесть — поезд двинулся, оставляя за собой бегущих людей.

Ухватившись за поручень над головой, он решил держаться поближе к выходу, иначе на Марин-Лайнз придется с боем продираться к двери. Но протиснулся к потолочному вентилятору, чтобы не так вспотеть самому и меньше чувствовать запах чужих подмышек.

Эти тактические маневры выполнялись инстинктивно. Действовал инстинкт выживания в городских джунглях, как они когда-то шутили в колледже: раскачиваешься не на древесных ветках, а на поездных или автобусных поручнях, если забрался внутрь, или на решетке, если повис снаружи. Тарзановские комиксы и романы Эдгара Райса Берроуза оказались куда полезней, чем могли предположить они и их преподаватели.

Кстати, стремление избавиться от перемещений по-тарзаньи побудило Йезада подать заявление об иммиграции в Канаду. Он жаждал

чистых городов с чистым воздухом, обилием воды, где в поездах всем есть место, где люди на автобусных остановках выстраиваются в очередь и говорят друг другу: «пожалуйста», «после вас», «спасибо». Мечтал не только о земле молока и меда, но и о земле дезодоранта и гигиенической косметики.

Однако его фантазии насчет новой жизни в новой стране быстро угасли. С Канадой было покончено. И он утешался тем, что отслеживал многочисленные проблемы страны чрезмерности и избыточности, как он теперь звал Канаду: безработица, дикая преступность, рост числа бездомных, языковые законы Квебека. Невелика разница между тем, что там, и тем, что тут: у нас в Бомбее нищие — у них люди замерзают до смерти на улицах Торонто; у нас битвы между высшими и низшими кастами — у них расизм и полицейские расстрелы; сепаратисты в Кашмире — сепаратисты в Квебеке; так спрашивается: к чему эмигрировать со сковородки в огонь?

Конечно, временами он сожалел, что ему отказали. «Этот иммиграционный чиновник, ублюдок расистский, никогда не забуду его имя! Если бы меня пустили, Джалу и Куми пришлось бы самим ухаживать за чифом — в Канаду больного на

«Скорой» не отвезешь».

Из трех недель постельного режима Наримана прошло десять дней. Можно считать, почти половина. Но Роксана из сил выбивается, стараясь справиться со всем, и еще делает вид, будто все нормально. Он вспомнил их утреннюю ссору, после которой Роксана задержала его, чтобы еще раз поцеловать перед уходом на работу. Они обнялись на лестничной площадке, предварительно оглянувшись на дверной глазок Вили — она прилипала к нему при малейшем шорохе. Ощущение опасности добавило сладости их поцелую. Роксана не знает, что с того времени, как Нариман оказался у них, Йезад каждый день опаздывает на работу. И хорошо, что не знает, а то у нее появился бы еще один повод тревожиться.

На Марин-Лайнз толпа жаждущих забраться в вагон столкнулась с лавиной жаждущих выйти. Он выбрался из людского месива, посмотрел на часы — девять тридцать, — промокнул лицо. Воздух липкий, как гигантская влажная губка. Сунув промокший платок в карман, приготовился к переходу через улицу.

Как менеджер «Бомбейского спорта», Йезад должен был являться на работу в девять тридцать, чтобы отпереть магазин, впустить Хусайна, кото-

рый подметал и мыл входные ступеньки, ставил чайник, вытирал пыль с застекленных стендов, где были выставлены крикетные биты, столбики крикетной калитки, футбольные мячи, ракетки для бадминтона и прочие образцы их товаров. Затем Хусайн отпирал замки на металлических жалюзи, которыми закрывали на ночь две большие витрины. Хусайн поднимал жалюзи, они ползли вверх, лязгая и громыхая; Хусайн брался за тряпку и быстро наводил блеск на зеркальные стекла. В десять магазин был готов к работе.

До магазина было восемь минут ходу, и Йезад ускорил шаг. Хусайн уже ждет: койка в Джогешвари, которую он снимает на двенадцать часов в сутки, должна быть свободна к семи утра, когда с ночной смены придет следующий съемщик. Так что сейчас Хусайн убивает время на ступеньках магазина, радуясь, что ему повезло больше, чем тем, кто снимает койку всего на восемь часов.

Йезад торопился не из-за Хусайна — тот с удовольствием посидит на ступеньках, жуя свой первый утренний бетель и наблюдая, как движется мимо него мир. Но владелец магазина иногда приходит пораньше, и Йезаду не хочется появиться позже хозяина и чувствовать себя как опоздавший школьник.

Вблизи «Бомбейского спорта» помещается книжный магазин, на его вывеске значится: «Джай Хинд. Учебники для школ и колледжей, справочники — наша специальность». Он тоже открывался в десять. Вилас Ране уже сидел на ступеньках, прислонившись к запертой двери; у него на коленях была наготове картонка с зажимом, рядом — стопка писчей бумаги. Вилас приветственно поднял руку.

Йезад на ходу помахал в ответ.

— Не спеши, мистер Капур еще не пришел.

— Слава богу!

Хусайн, завидев Йезада, поднялся с корточек и сделал салам. Йезад отпер ему дверь, бросил свой кейс на стул и вернулся к Виласу.

— Занят? Много писанины?

— Пока ничего, — ответил Вилас, показывая картонку с чистым листом.

Вилас работал продавцом в книжном магазине, но имел и вторую профессию. Он был писцом — писал письма для тех, кто сам не умел, кто поверял его внимательным ушам свои мысли, чувства, тревоги, раскрывал перед ним всю душу. Вилас за номинальную цену — три рупии страница — трансформировал все это в слова на бумаге. Клиент имел право выбрать один из трех языков:

хинди, маратхи или гуджарати. Клиентами Виласа были преимущественно наемные рабочие из отдаленных деревень, приехавшие в город в надежде заработать в доках или на стройках. Письмо, диктуемое писцу, было их единственным способом связи с семьями.

Иногда клиент из самых бедных замолкал буквально на полуслове, видя, что Вилас Ране исписал то количество страниц, на которое у клиента хватало денег. Если суть была уже изложена, Вилас заканчивал письмо. Но бывали случаи, когда клиент дрожащим от волнения голосом излагал нечто важное и вдруг давился словом, сообразив, что исчерпал свой лимит. Вилас тогда объявлял, что не в деньгах дело — заплатит сколько сможет, — главное, чтобы клиент высказался, облегчил свою душу, а перо Виласа превратит его излияния в ясное послание, которое тот сможет отнести на почту и проводить в дальний путь к своей семье.

— Никогда из тебя не выйдет хорошего бизнесмена, — корил его Йезад. — Ты думаешь, «Бомбейский спорт» выдержал бы, если бы Капур бесплатно раздавал крикетные биты?

— Что делать, я же человек, — отвечал Вилас. — Жестоко это — оборвать письмо, потому что нет

денег. Это как смерть: слова льются рекой, и вдруг — безмолвие, мысль не закончена, любовь не выражена, тревога не высказана. Как можно это допустить? Иногда клиенты приносят мне такие вот обрубленные письма из своих деревень. Я начинаю читать вслух. И вдруг на середине фразы — конец. Такая боль, что выдержать нельзя. Я так не могу.

Писцом Вилас Ране сделался по чистой случайности. В книжный магазин взяли нового уборщика, и как-то утром, вытирая пыль с полок и книжных стопок, он сказал Виласу:

— Ну не странная ли штука жизнь, Ране-джи? Я целые дни провожу среди книг, трогаю руками, вдыхаю запах, они мне даже снятся иногда. А прочитать ни единого словечка не могу.

Это замечание произвело на Виласа впечатление куда более глубокое, чем периодические официальные стенания и банальные разглагольствования насчет неграмотности в стране.

— А ты хотел бы научиться читать? — спросил он уборщика, которого звали Суреш.

— Нет-нет, — засмущался Суреш, — мой ум не готов учиться таким трудным вещам. Нет, я только хотел бы попросить вас написать письмо для меня.

После закрытия магазина они вдвоем уселись на ступеньках. Вилас полагал, что напишет абзац или два. Но между обращением: «Дорогие папа-джи и мама-джи» и заключительным: «Послушный вашей воле сын» он исписал пять страниц.

Через три недели пришел ответ — первое в жизни письмо, полученное Сурешем. Затаив дыхание, он следил, как его благодетель берет с витрины разрезальный нож сандалового дерева и вскрывает конверт.

— Всего одна страничка, — печально заметил Суреш.

— Не огорчайся, — утешил его Вилас. — Письмо — как духи, не обязательно вылить на себя целый флакон, достаточно и капельки, чтобы получить удовольствие. Так и слова — достанет и немногих.

Но Суреш был настроен скептически. Вилас начал разбирать каракули деревенского писца. Вначале шли пожелания успеха, доброго здравия и благоденствия, но дальше в письме описывалось, с какой радостью слушала семья письмо от Суреша: «Такое красивое письмо, — радовались родственники, — мы будто побывали вместе с тобой в городе, увидели, как ты живешь, съездили

с тобой на электричке в твой книжный магазин, посмотрели, как ты работаешь. В каждой строчке слышался твой голос, вот какой удивительной силой обладает слово».

Когда чтение закончилось, Суреш сиял от гордости.

— Всего одна страничка, — сказал Вилас, — а сколько радости она тебе доставила!

Суреш начал рассказывать соседям про удивительного писца, который донес его мысли и чувства до семьи в далекой деревне. Прошло совсем немного времени, и писание писем из дружеской услуги превратилось во вторую профессию Виласа, в работу по совместительству. Усевшись на ступеньках магазина «Джай Хинд», клиенты с завистливым восторгом следили за каллиграфическими упражнениями Виласа, как голодные наблюдают за пиршеством, безо всякой надежды быть приглашенными.

Время от времени Йезад уговаривал Виласа повысить расценки. Но Вилас не соглашался: выше цены — меньше писем, к тому же он постепенно начал рассматривать свое занятие как форму социальной работы. Если он не будет писать писем, клиенты вполне могут обратиться за помощью в ячейку Шив Сены, где их накачают гнусной

пропагандой индусского шовинизма, а то и завербуют, обучат методам политического убеждения при помощи камней и дубинок, искусству побеждать в дебатах, ломая оппонентам кости.

— Но, честно говоря, мне нравится писать письма. Меня это увлекает.

— Больше, чем твоя театральная труппа? — спросил Йезад, который не раз выслушивал восторженные рассказы Виласа про любительское театральное общество.

— С этим хобби покончено. В общество пришли новые люди, которым кажется, будто они все знают. Проводят семинары, организуют теоретические дискуссии — это не для меня.

А роль писца действительно давала ему удовлетворение — и чем дальше, тем больше. Перед Виласом раскрывались все стороны жизни его клиентов: рождение ребенка, семейная свара из-за денег, оставшаяся в деревне жена спуталась со старостой, умер больной отец, потому что до ближайшей больницы ехать двое суток по проселочной дороге, брат попал в аварию, но поправился и теперь снова дома.

И он, Вилас, записывая и прочитывая разворачивающуюся перед ним драму семейных дел, не имеющую конца трагикомедию жизни, сознавал,

что из совокупности писем складывается картина, видеть которую удостоен один он. Он давал переписке течь через сознание, отдельные эпизоды сами находили себе место — как цветные стеклышки в калейдоскопе. Случайные события, бесцельная жестокость, необъяснимая доброта, внезапная беда, нежданная щедрость… Вместе взятые, они образовывали некий узор, невидимый иначе. Если бы можно было читать письма всего человечества, составлять бесчисленные ответы за всех людей, он бы увидел мир глазами Бога — и смог бы его понять.

— Самое прекрасное, — говорил он Йезаду, — что у меня появляется такое множество готовых семей. Я участвую в их жизни — в роли дядюшки или дедушки, который все про всех знает. Ну разве это не замечательно?

— Мне хватает мороки с одной семьей. Если у тебя есть время, напиши письмо и за меня.

— Давай, — согласился Вилас. — А кому? Богу?

— Моему шурину и золовке. Эти сукины дети отравляют мне жизнь. Сидят вдвоем в огромной квартире, не зная, чем занять себя. Он убивает время на бирже, она — в храме огня. И не могут присмотреть за несчастным отцом. Вместо них надрывается моя жена. В доме негде повернуться,

старику каждую ночь снятся кошмары, от которых и мы просыпаемся.

— Терпение, — сказал Вилас, — в конце концов, осталось десять дней, потом тесть вернется к себе, а их жизнь вернется к норме.

— Большое спасибо за ценный совет, — фыркнул Йезад. — И откуда у тебя такая мудрость?

— От писания писем. Я пишу письма, следовательно, я существую.

— Ну разумеется. Увидимся, мсье Ране.

И Йезад двинулся обратно в магазин.

Стальные жалюзи все еще опущены, мусор не убран со ступенек. В магазине темно. Йезад включил свет. Пыль не стерта, чай не заварен.

— Хусайн! Ты где? Сахиб с минуты на минуту будет!

Хусайн сидел на полу в дальнем углу подсобки. Обхватив руками подтянутые к подбородку колени, смотрел в стену. Когда Йезад приблизился, он поднял голову и слабо улыбнулся.

— Давай, Хусайн, берись за дело!

Хусайн опять уставился в стену.

— Простите, сахиб, сегодня я никак…

Йезад вздохнул, глядя на небритого старика в рубашке и штанах цвета хаки. Воротник обтрепан, штаны истончились на коленях. Пора

выдать ему новую форму. Хотя какая это форма — просто Капур периодически покупал для Хусайна пару рубашек и две пары штанов.

Йезад заколебался, не зная, как ему быть: то ли поднять Хусайна на ноги, то ли дождаться мистера Капура. Хусайна взяли на работу в «Бомбейский спорт» три года назад, после погромов, связанных с мечетью Бабри Масджид. Тогда «Комитет единения» призвал представителей деловых кругов оказать помощь пострадавшим. Капур был в числе тех, кто откликнулся. Время от времени на Хусайна находило, и он впадал в депрессию: Капур осторожно и терпеливо помогал ему прийти в себя.

Иной раз бывало, что Хусайн раздражал Йезада своей бестолковостью, но Йезад терпел, помня, что тому пришлось пережить, — трущобный квартал Энтоп-Хилл, подожженный бесчинствующими фанатиками… Хусайн и его соседи-мусульмане видели, как спичками вспыхивают их дома… Хусайн метался в поисках жены и трех сыновей, не знал, где они… потом четыре пылающие фигуры выбежали из горящего дома, размахивая дымящимися руками, пытаясь сбить огонь… а погромщики плеснули на них керосином из канистр… на жену и детей Хусайна…

Йезада заколотило во мраке подсобки.

— Как насчет чая, Хусайн? — спросил он. — Ты же сегодня еще не пил чай?

— Чай, не чай, все равно, сахиб.

Почему в эти дни чернейшей депрессии Хусайн приходит на работу, чтобы сидеть, забившись в темный угол? — думал Йезад. Капур заверил его, что он не потеряет в зарплате, если не выйдет на работу, когда нездоров. Скорей всего потому, что как раз в этом состоянии Хусайн нуждается в обществе тех, кому может довериться.

Зазвонил телефон. Хусайн не шелохнулся в своем углу. Впрочем, он и в лучшие времена неохотно брал трубку, побаиваясь ее разверстой пасти. Инструмент пугал его своей способностью приносить бестелесные голоса. Хусайн и собственный голос направлял в трубку настороженно — кто его знает, где в конечном счете окажется его голос?

Йезад взял трубку на пятом звонке — звонил Капур.

— Алло, Йезад. Извините, вы с клиентом были заняты?

— Нет, с Хусайном. Он сегодня в подсобке засел.

— Аре, бедняга. Опять плохой день? О'кей, пусть

приходит в себя.

— А как быть со счетами, которые нужно доставить?

— Завтра, Йезад. Или послезавтра, не важно. — Капур торопился закончить разговор, но все-таки добавил: — Я буду попозже. Часа в три. Срочное дело — расскажу потом. Приглядывайте там за Хусайном, о'кей? Всего.

Йезад положил трубку, торопливо защелкал выключателями, зажигая свет, наспех привел в порядок витрины и стенды. На половину десятого назначена встреча. Нет в мире справедливости, думал он, менеджер должен заниматься уборкой.

Клиент появился, когда он поднимал стальные жалюзи. Мистер Мальпани из корпорации «Альянс» остановился перед дверью, взглянул на ручные часы, перевел взгляд на длинный металлический шест в руках Йезада.

— Доброе утро, мистер Ченой, вас можно поздравить с повышением? — Он посмеялся собственной шутке.

Йезад ответил вежливой улыбкой, подумав, что Мальпани все больше становится похож на мангуста. Хитрые глазки на остром личике оглядели магазин, будто высматривая, что тут

можно высмеять. Йезад провел его к своему столу, предложил стул и, извинившись, вышел помыть руки.

Когда он вернулся, мистер Мальпани просматривал бумаги на его столе и даже не счел нужным прервать свое занятие, пока Йезад не сел напротив него.

— Значит, вы все подготовили, мистер Ченой?

Йезад, кивнув, раскрыл папку и еще раз прошелся по готовому контракту. Терпеть он не мог этого человека, не выносил его с тех самых пор, как тот намекнул, в обычной своей елейной манере, что они оба могли бы малость подзаработать, если бы Йезад играл по правилам. Единственная причина, по которой Йезад не потерял контракт со спортивным клубом, — мистер Капур был дружен с исполнительным директором «Альянса».

— Вроде все нормально, — сказал Мальпани, — не считая пустяка.

Понимая, к чему тот ведет, Йезад сделал невинные глаза.

— Вы опять не предусмотрели молитву для желудка, — визгливо хохотнул мистер Мальпани. — Я вам всякий раз говорю, что нужно малость прибавить. Немножко для вашего желудка, немножко для моего — и все довольны. Никак

вы не научитесь делать дела по правилам.

Йезад улыбнулся, показывая, что понял шутку.

— Спасибо, что пришли, мистер Мальпани. С вами всегда приятно иметь дело.

Они обменялись рукопожатием, и Йезад проводил клиента до дверей. Ему захотелось еще раз вымыть руки. Первый посетитель — и такой неприятный осадок. Впрочем, этого нужно было ожидать, учитывая, с чего начался день. Что сначала не заладилось, то и потом не ладится. Йезад снова припомнил ссору…

Все эти десять дней Роксана просыпалась с мыслью о необходимости сохранить утренний распорядок мужа. Он это чувствовал. Она целовала его в затылок, поднималась с постели, запасалась водой на день и шла чистить зубы.

Затем наступала его очередь идти в ванную, пока она готовила чай, поднимала шторы в большой комнате, будила детей. Джехангира пришлось потрясти за плечо, зато Мурад проснулся сам и уже читал под своим навесом. Она спросила Наримана, нужно ли ему помочь.

— Не спеши, — ответил он, как обычно, — мне же не на поезд.

Она поставила чайник на стол, накрыла его стеганым чехлом. Наливая чай Йезаду, рассказа-

ла мужу, как застукала Мурада за чтением при утреннем свете.

Заметив, что отец неспокоен, Роксана снова спросила, не нужно ли ему… Нельзя же заставлять его ждать с переполненным мочевым пузырем, пока они совсем рядом будут пить чай, есть тосты и яичницу.

— Я подам тебе утку, — сказала она. — Не надо терпеть, папа. Это вредно.

После того как он сделал свое дело, Роксана задвинула утку под диван, потому что Джехангир еще не вышел из клозета.

— Негигиенично оставлять это здесь, — не выдержал Йезад.

Она оставила замечание без ответа, бросившись на кухню за горячей водой для Мурада, который уже пошел в ванную, сразу наполнила ведро заново, чтобы согреть воду для Йезада, приготовила тазик и полотенце для отца.

— Я мог бы отнести Мураду кипяток, — сказал Йезад. — Почему ты не даешь мне помочь?

— Если ты ошпаришься, кто будет зарплату в дом приносить?

Йезад наблюдал, как Роксана подает отцу полоскание. Нариман побулькал водой в горле, выплюнул — ниточка слюны повисла на губе, на-

тянулась, оборвалась и прилипла к подбородку.

Йезад отвернулся, чтобы не видеть. Проглотил еще кусок и отодвинул тарелку с недоеденным яйцом. Роксана скользнула мимо с тазиком и мокрым полотенцем, грязная вода плеснулась в тазике, вот-вот прольется. Йезад дернулся и откинулся назад на стуле.

— Сбавь темп. Танец без остановки — ты либо в Книгу рекордов Гиннесса попадешь, либо шею свернешь себе.

— Не волнуйся. Я в порядке.

— Как это «не волнуйся»? Ты в зеркало на себя смотрела?

— Нет времени на зеркала.

— Выбери минутку и посмотри на себя.

— Какое это имеет значение? Мое лицо уже давно не мое богатство.

Слова больно задели его, ему хотелось обнять ее, сказать, что она прелестна, как всегда. Но вместо этого он повернулся к Нариману:

— Ваша дочка обязательно должна оставить за собой последнее слово. Скажите ей, что вы думаете. Только скажите правду.

Нариман поежился:

— В каждой точке зрения есть своя истина.

— Пожалуйста, без дипломатии, скажите ей

правду. Посмотрите, как у нее щеки запали, просто жертва голода в Ориссе!

Нариман капитулировал и сказал то, что хотел слышать Йезад:

— Он прав, Роксана, нельзя так носиться. Я все время прошу тебя не бегать из-за меня.

— Ты считаешь, это справедливо, папа? — Роксана вручила отцу его вставные зубы. — Почему другие должны решать, как и когда делать то, что все равно приходится делать мне?

Она схватила что-то со стола и выскочила вон, подгоняя Мурада, который еще не вышел из ванной.

— Я ее огорчил, — сказал Нариман.

— Ей нужно было это услышать, она же убивает себя этой гонкой.

Йезад снова придвинул тарелку и принялся за остывшее яйцо. Окунул последний кусочек тоста в желток и нарезал ставший резиновым белок.

— Уже закончил, папа? — спросил Джехангир.

Йезад кивнул.

— Молодец, — добавил он, наблюдая как Джехангир собирает со стола тарелки, блюдца, чашки и несет на кухню.

— Замечательный ребенок. — Нариману хотелось снять напряженность.

— Мурад не хуже, — мгновенно отреагировал Йезад и сразу пожалел о сказанном. Он ненавидел себя за манеру задевать людей, которых любит.

Джехангир вернулся с кухни и открыл коробку с одной из своих головоломок. Он не пытался складывать картинку, просто брал кусочки наугад и водил пальцем по волнистым контурам.

— Ты что делаешь? — спросил отец.

— Ничего, — ответил он, не отрывая глаза от коробки.

— Одевайся. Хочешь, чтобы мама накричала на тебя? У нее и так дел много.

Джехангир продолжал рассеянно перебирать кусочки, пока Йезад не вырвал у него коробку и не захлопнул крышку.

— Не зли меня!

Джехангир поднял на него глаза, и отец увидел, что они полны слез.

— В чем дело, Джехангла?

Он любил, когда отец его так называл. Брата он всегда звал просто Мурадом. Иногда ему казалось, что это несправедливо. Должно и у брата быть какое-то особое имя, чтобы он тоже чувствовал себя особенным.

— Тебе нездоровится, Джехангла? — Отец притянул его к себе и пощупал лоб.

От отца пахло чаем. Джехангир покачал головой и потер глаз.

— Мама на кухне плачет.

— Ты знаешь почему?

— Я спросил, она не говорит.

— Иди, собирайся в школу. С мамой будет все хорошо, поверь мне.

Он потрепал сына по плечу и отправился на кухню.

Джехангир чутко прислушивался к тому, что происходит на кухне. Через минуту он услышал мамины рыдания, и у него задрожала нижняя губа. Он поднялся на ноги и сделал шаг…

— Оставь их наедине, — сказал дедушка.

Он натянул на себя простыню и подвинулся, освобождая мальчику место на диване.

— Сядь, расскажи мне, что случилось. — Дедушка взял его за руку.

— Мне хочется плакать, когда они ссорятся, — прошептал Джехангир. — Я хочу, чтобы они были веселые и друг другу улыбались.

— Им сейчас тяжело. Все будет хорошо, когда я уеду.

— Но они оба любят тебя. Почему же должно быть тяжело, если ты у нас?

— Любовь тут ни при чем. У каждого человека

своя жизнь, и бывает трудно, когда что-то вторгается в ее ход.

— Но ты такой тихий, дедушка, ты никуда не вторгаешься. — Он посмотрел на дедушкину руку с толстыми, как шнуры, венами, и почувствовал, как ее легкая дрожь передается и его руке. — Я буду по тебе скучать, когда ты вернешься к дяде Джалу и тете Куми.

— Мне тоже будет недоставать тебя. Но у нас с тобой есть еще десять дней. А потом ты будешь навещать меня. Договорились? А теперь тебе пора одеваться.

Джехангир соскользнул с дивана и потер дедов подбородок, который стал совсем колючим. По пути к вешалке он осторожно заглянул на кухню. Отец обнимал маму. У нее еще были слезы на глазах, но она уже улыбалась.

Он недоумевал: что за магическая сила заставляет взрослых переходить от криков к слезам, а потом к улыбкам? Впрочем, не важно, что это, — хорошо, что это есть. Джехангир пошел в маленькую комнату одеваться.

Войдя в магазин, мистер Капур первым делом справился о Хусайне.

— Он обедал?

Йезад покачал головой:

— Я ему чаю отнес. Глотка два сделал — и все.

— Несчастный человек. — Капур сделал удар слева в воображаемой теннисной игре. Он постоянно работал невидимой битой или ракеткой, вел футбольный мяч или хоккейную шайбу — особенно когда его ум был чем-то занят.

Он быстро прошел в подсобку, сквозь зубы понося на чем свет стоит ублюдков, погубивших жизнь Хусайна и тысяч ему подобных. Размахивая рукой, нанося удары справа, слева, отбивая головорезов, как теннисные мячи, он бурчал об адском огне, в котором гореть всей этой мрази!

— Ну, как ты, Хусайн-миян? — Он присел на корточки рядом с ним в темном углу, потрепал его по плечу. — Выпьем чайку? — И, взяв Хусайна под локоть, потянул его из подсобки в торговый зал, залитый светом послеполуденного солнца.

Йезад налил три чашки чаю и поставил на прилавок.

— Давай, Хусайн, все вместе выпьем чаю.

Тот поблагодарил и принял чашку. Капур болтал о происходящем на улице — ты только посмотри на цвет этой машины, а грузовик-то какой огромный, батюшки, смотри, кто идет, это из книжного магазина идут… Он развлекал Хусайна, как больного ребенка.

Йезад помогал ему, как мог. Он много раз видел, с какой мягкостью Капур старается заделать трещины в разбитой жизни Хусайна, и отзывчивость хозяина трогала его чуть не до слез.

Когда пятнадцать лет назад Йезад поступил на работу в «Бомбейский спорт», он сначала держался в рамках формальных отношений наемного служащего к нанимателю. Однако мистер Капур очень скоро переиначил отношения на свой лад. Он превратил Йезада в друга и наперсника, на которого можно поворчать, но вместе с которым можно поворчать и на других. Он настаивал, чтобы Йезад звал его просто по имени. Правда, тут дело кончилось компромиссом: в рабочие часы он был мистером Капуром, после закрытия магазина — Викрамом.

Помимо общего для них отвращения к Шив Сене с ее тупостью и узкомыслием, оба сокрушались по поводу состояния города, который медленно умирал, уничтожаемый властью бандитов и «крестных отцов» мафии, — выражаясь газетным языком, «неправедным альянсом политиков, криминалитета и полиции».

Викрам Капур прибыл в этот город в возрасте шести месяцев на маминых руках. Когда ему представлялась возможность рассказать о своей

жизни, он неизменно говорил Йезаду: «Моя семья была вынуждена все оставить и бежать из Пенджаба в 1947 году. Благодарить за это, конечно, надо отважных британцев, которые отказались от своей ответственности за Индию и бросили нас на произвол судьбы».

Иногда, слушая рассказы Капура о сорок седьмом годе, Йезад думал, что беженцы из Пенджаба, конечно, определенного возраста, похожи на индийских писателей, пишущих о тех временах, о кровавом разделе страны на Индию и Пакистан реалистические ли романы о набитых трупами поездах или романы в стиле магического реализма и полуночной неразберихи. И те, и другие не могут остановиться, когда начинают описывать ужасы раздела: резня и поджоги, изнасилования и увечья, нерожденные младенцы, вырванные из материнских утроб, гениталии, запихнутые во рты кастрированных.

Но такие мысли — никогда не произносимые вслух — неизменно сопровождались укорами Йезадовой совести. Он понимал, что они не могут остановиться, как евреи не могут не говорить о холокосте, не писать, не вспоминать, не видеть кошмарные сны о концлагерях, газовых камерах и печах, о зле, совершаемом обыкновенными

людьми, друзьями и соседями, о зле, которое и десятки лет спустя не поддается осмыслению. Что им еще остается, как не говорить об этом снова и снова?

— У нас не было выбора, — повторял Капур, — мы были вынуждены бежать. Так мы оказались в Бомбее. И Бомбей принял нас хорошо. Отец начал с самого начала, с нуля, и добился успеха. Единственный город на свете, где такое возможно.

А потому, утверждал Капур, он любит Бомбей особой любовью, куда более пылкой, чем те, кто родился и вырос в Бомбее.

Та же разница, что исповедовать религию по рождению или обратиться в нее. Для обращенного эта религия не данность. Обращенный сам выбрал себе религию. А потому сильнее верует в избранное им. «Так что вам, Йезад, никогда не понять моего чувства к Бомбею. Оно сродни чистой любви к прекрасной женщине, благодарности за то, что она есть, благоговению перед ее живым присутствием. Я часто думаю о Бомбее как о живом существе. Будь Бомбей действительно женщиной из плоти и крови, крови той же группы, что у меня, и с отрицательным резусом — я бы отдал всю кровь, до последней капли, чтобы спасти ей жизнь».

Йезаду частенько приходило в голову, что любовь его работодателя к Бомбею граничит с фанатизмом. Но он понимал, что к этой любви примешивается и тоска по навеки утраченному Пенджабу, по семейным корням. Бомбей как будто воплотил в себе и ту любовь.

Капур коллекционировал книги о городе, старинные фотографии, открытки и афиши, он делился с Йезадом малоизвестными фактами из истории и географии Бомбея, которые обнаруживал во время своих изысканий.

— Знаете, почему я сегодня припозднился? Сейчас увидите.

Он усадил Хусайна на крыльце магазина, чтобы он разглядывал улицу, а не прятался в темном чулане. Взмахивая воображаемой крикетной битой, Капур прошел за свой стол и сделал губами — пок! Удар битой по мячу! И эффектным жестом фокусника извлек из кейса две фотографии.

— Пришлось сломя голову лететь, чтобы перехватить фотографии из частной коллекции, прежде чем до нее дилеры доберутся! — Он пододвинул одну к Йезаду.

«Ничего себе, — подумал Йезад. — Классный способ вести дела — хозяин мчится покупать фотографии, уборщик периодически теряет

трудоспособность. Интересно, что бы стало с магазином, если бы не я?» Он всмотрелся в фотографию — на переднем плане купола деревьев, за ними ряд элегантных бунгало. Позади виден майдан на фоне густой листвы.

— Прелестное, похоже, местечко.

— Можете угадать, где это?

«Понятно, что это старый Бомбей», — думал Йезад, раз снимок попал в коллекцию босса. Он рассматривал фотографию, стараясь найти подсказку.

— Напоминает скорей какой-то европейский город, чем Бомбей.

Капур рассмеялся:

— А если я вам скажу, что это ваша бестолковая станция Марин-Лайнз, — поверите?

— Ну и снимок! Снимок с половинкой! Какого времени съемка?

— Приблизительно тридцатые годы. Вот это офицерские бунгало, сфотографированные незадолго до того, как их снесли, когда армия получила новый участок осушенной земли под военный городок в Колабе.

— Как же все переменилось — и всего за шестьдесят лет!

— Смотрите, — показал на фотографии Ка-

пур, — если вы идете по этой стороне улицы, то выходите к сонапурскому кладбищу и площадке для кремации. А вот здесь ваша станция. До сооружения насыпи приливная волна затапливала всю низину, где сейчас железнодорожные пути.

Теперь Йезад начал различать на старой фотографии очертания нынешней Марин-Лайнз, и это вызывало странное ощущение жизни в двух временны́х пластах, разделенных шестью десятилетиями. Однако ощущение было приятным, обнадеживающим.

Он осторожно положил фотографию на стол.

— Ценная, должно быть, штука.

— Нет ей цены. Прекрасные снимки моего Бомбея в детстве. Бесценно. Возраст невинности. Теперь посмотрите другой снимок.

Йезад наморщил лоб — перед ним было что-то смутно знакомое.

— Так, давайте выйдем, — предложил Капур.

На улице он указал на угловое здание кинотеатра «Метро» и поднес фотографию к самым глазам Йезада.

— Перекресток Дхоби-Талао! А «Метро» построили позднее!

— Верно! — просиял Капур.

Хусайн поднялся с крыльца, любопытствуя, чем

так возбужден хозяин. Капур обрадовался.

— Ао, иди сюда, Хусайн, декхо, смотри как интересно!

Но Хусайн не увидел ничего примечательного в поблекшей черно-белой фотографии. Желая угодить хозяину, он подержал ее в руках и возвратился на прежнее место.

Йезад переводил глаза со снимка на перекресток — скрещение шести дорог — и обратно на снимок, стараясь с помощью фотографии заставить кинотеатр исчезнуть.

— Что это за приземистые строения на снимке? — спросил он.

— Я тоже не знал, мне пришлось поработать в библиотеке Азиатского общества. Этот участок в 1936 году был приобретен корпорацией «Метро Голдвин», собственно, арендован на девяносто девять лет по цене в одну рупию за год. А то, что вы видите на снимке, это конюшни Королевских военно-воздушных сил.

— Зачем военно-воздушным силам конюшни?

— Лошадей держать.

— Очень смешно. О'кей, а лошади им зачем?

— Чтобы вывозить самолеты из ангаров, передвигать тяжелую технику — смешение высоких технологий с первобытными. Как это и сейчас

происходит: на прошлой неделе возле моего дома телефонная компания прокладывала современный оптико-волоконный кабель, при этом канаву рыли кирками и лопатами, а щебенку носили женщины с корзинами на головах.

Вернулись в магазин, и Капур переключился на настоящее. Он раскапывал не только прошлое Бомбея, он следил и за перипетиями в болоте современной политики, отслеживая все новости, каждую новую мерзость, учиняемую правительством, что, по его словам, доставляло ему просто физическую боль.

— Теперь эти сукины дети собираются прикрыть комиссию Шрикришны.

— Это какую же? Ту, что должна расследовать теракты с бомбами?

— И погромы, связанные с мечетью Бабри Масджид. Комиссия была уже готова обнародовать все: и участие Шив Сены в грабежах и поджогах, и роль полиции, которая помогала погромщикам и устранялась, когда они врывались в мусульманские кварталы.

— Не надо так волноваться, мистер Капур, у вас же давление, — предостерег его Йезад. — Вы помните, что доктор вам сказал?

Капур сделал глубокий вдох, чтобы успокоить-

ся, зато Хусайн пришел в дикое возбуждение.

— Это правда, сахиб, да, все чистая правда! — быстро заговорил он. — Полиция такая, такая — они все бадмаши, сволочи они!

— Да, Хусайн, во то сачч бат хэ, чистая правда, — согласился Капур, переходя на хинди, чтобы помочь Хусайну, который понимал английский через пень-колоду.

Хусайн тоже перешел на хинди, что сразу добавило ему красноречия.

— Сахиб, в этих погромах полицейские вели себя как гангстеры. В мусульманских кварталах они стреляли по ни в чем не повинным людям! Дома горят, народ выбегает тушить. А полицейские стреляют по ним, как по мишеням. Должны закон охранять, а они как раз больше всего народу поубивали! А бедная моя жена и дети… Я их даже узнать не смог…

Хусайн захлебнулся рыданиями.

— Позор, Хусайн, это был позор! — Капур так и дергался в кресле. — И что? Прошло больше трех лет, но справедливость так и не восторжествовала — Шив Сена проникла в полицию. А теперь Шив Сена управляет нами. Это теперь наше правительство!

Всхлипывая, Хусайн вызвался заварить свеже-

го горячего чаю, но Йезад сказал, что сам сделает чай. Капур знаком остановил его: пусть лучше Хусайн займется этим, он обычно успокаивается, пока заваривает чай, разливает по чашкам, подает на стол.

Скоро Хусайн вернулся с дымящимися чашками.

— Шукрш, спасибо, Хусайн-миян. Сам выпьешь? — спросил Капур. — Молодец!

Он обратился к Йезаду:

— Вы считаете, что глупо так возмущаться этими подонками? А вы, разве вас не возмущает это беззаконие?

— Я потомственный бомбеец. Родился и вырос в Бомбее, а это значит, что я вакцинирован против приступов возмущения.

Перед закрытием Йезад вручил Капуру наличную выручку за день, деньги, на которые не было ни накладных, ни чеков. Капур предложил задержаться и выпить.

— Ты как себя чувствуешь, Хусайн? Пиво лайега? Сходишь за пивком?

Хусайн согласно кивнул и получил деньги на пиво.

— Две бутылки «Кингфишера». Только джальди, сбегай быстренько, чтоб пиво не согрелось в

твоих руках!

Хусайн засмеялся, сказал, что руки у него холодные, и припустился на угол к пивному бару Мервани Ирани.

— Хочу сообщить, — сказал Йезад, — я утром закончил работу с контрактом «Альянса».

— Отлично! Пошли посидим в моем офисе.

Комнатка была крохотная, но с кондиционером, и Йезад всегда радовался прохладе, когда Капур приглашал его посидеть там. Капур прошел в угол к большому чемодану с твердой крышкой и, заслонив его собой, набрал код замка. Наличная выручка отправилась в чемодан. Этот ежедневный ритуал сначала настораживал Йезада, а Капур — с некоторой льстивостью — произнес маленькую речь о том, как он счастлив, что его новый сотрудник — парс.

— Парсы славятся честностью. Мне не нужно беспокоиться, не прилипнут ли наличные к подкладке ваших карманов. Ох, было бы в стране побольше таких общин, как ваша…

Йезад почувствовал себя неловко.

— Думаю, что в нашей общине тоже найдутся и жулики, и лодыри.

— Не надо скромничать, репутация парсов хорошо известна. А если даже это миф, то нет мифа

без истины, как нет дыма без огня.

Йезад, тогда еще новичок, тему дальше развивать не стал; его больше тревожили возможные последствия сокрытия денег от налогообложения. «Интересно, — думал он, — Капур отдает себе отчет, что хвалит меня за честность при совершении нечестного деяния? Конечно, хозяин оправдывал существование чемодана, именуя его своим «пенсионным планом», «нестандартной деловой практикой», навязываемой обществу абсурдными фискальными законами правительства».

Мистер Капур запер чемодан и выставил два стакана на стол в ожидании пива. Йезад продолжил рассказ о новом контракте — объем заказа, оценка чистой прибыли, — цифры он помнил наизусть. Ему хотелось произвести впечатление на Капура, чтобы затем перейти к вопросу о повышении своих комиссионных от сделки. Сейчас это было бы особенно кстати, с учетом расходов на Наримана.

Но Капур был не в настроении обсуждать дела.

— Мы об этом целыми днями говорим. Сейчас магазин закрыт.

Хусайн вернулся с бутылками, открыл их и стал осторожно наполнять стаканы, зная, что хозяину

не нравится пышная пена.

Капур улыбнулся, сделал большой глоток, долил пива в стакан. Убедившись, что бутылка еще на четверть полна, придвинул ее к Хусайну.

— Хочешь?

— Да, сахиб, — с охотой кивнул Хусайн.

— Выпей — и можешь идти домой. Я сам закрою магазин.

Хусайн мигом опорожнил бутылку.

— Хорошее пиво. — Он выразительно посмотрел на вторую.

— Еще? — спросил Йезад и тоже получил согласие.

— Слушай, ты не напейся, а то завтра на работу опоздаешь, — предупредил Капур.

— Аре, сахиб, — засмеялся Хусайн. — Тут младенцу не хватит опьянеть. А такому старому дураку, как я, полдюжины бутылок потребуется!

Он выпил еще, поблагодарил обоих и ушел.

Они посидели в молчании. Капур откинулся в кресле и забросил ноги на низкий шкафчик с папками.

— Хотел посоветоваться с вами по одному вопросу, — начал он.

— Слушаю.

— Вы знаете, как я отношусь к Бомбею. Я об этом

вечно говорю — о том, что значит для меня этот город, сколько он мне дал. Вы знаете историю нашей семьи.

— Конечно.

Капур глубоко вздохнул:

— Думаю выставить свою кандидатуру на следующих муниципальных выборах.

Йезад воззрился на него со смешанным чувством приязни и неудовольствия, которое тот нередко у него вызывал.

— Чего ради?

— Я же говорю, Бомбей для меня — все. Какой смысл жаловаться, что город погибает из-за жулья, если…

— Я хочу сказать, что это даст? Вы сами говорите, что политика — грязное дело и пачкает все, чего ни коснется.

— Больше это не может служить оправданием бездействию. — Капур сделал глоток и поставил стакан.

Если на ваших глазах пристают к женщине, которую вы любите, вы же не останетесь в сторонке, потому что вы один, а хулиганов много? Нет, вы встанете на ее защиту, возможно, вас изобьют в кровь, возможно, даже убьют, и одному Богу ведомо, поможет ли это ей. Но вы же все равно

вмешаетесь.

— Да, но это личное…

— То же самое. Мой возлюбленный Бомбей насилуют.

Йезад знал, что с Капуром бесполезно спорить, когда он начинает говорить о городе как о живом существе, да еще с надрывом.

— О'кей. Допустим, вы участвуете в выборах. От какой партии?

— Ни от какой. Независимый кандидат.

— И чего рассчитываете добиться?

— Я уже сказал: не имеет значения. Я не могу стоять в сторонке и смотреть, что выделывает эта бандитня.

— А как с «Бомбейским спортом»?

— Мое место можете занять вы. Вас знают все наши поставщики и клиенты. Я, естественно, позабочусь о соответствующем вознаграждении.

Эти слова сразу заставили Йезада с интересом отнестись к предложению хозяина. Прибавка помогла бы Роксане, не было бы такого безденежья в конце каждого месяца…

Он был почти готов поддержать эту безумную идею, но тут же устыдился своего корыстолюбия.

— Дело не в этом, — услышал он свой голос, — разве ваш долг не требует личного присмотра

за наследием вашего отца? Разве в вашей «Бхагавадгите» не говорится, что выполнение долга превыше всего?

— Неплохо, Йезад, — усмехнулся Капур. — Так в чем же мой долг? Как определить его? Дефиниции — последнее прибежище негодяев, но на самом деле я думаю, что отец одобрил бы мое решение.

Капур допил остатки пива.

— Напрасно я Хусайна отпустил домой, а то принес бы он нам еще пива.

— Выпейте мою долю, мне хватит.

— Точно?

— Если не возражаете против пива из моего стакана.

Мистер Капур придвинул свой стакан.

— Видите, как мы сидим вдвоем и делимся выпивкой? Именно так и жил народ в Бомбее. Именно поэтому Бомбей сумел пережить наводнения, эпидемии, нехватку воды, прорывы водостоков и канализации, проблемы демографического прессинга. В душе Бомбея есть место каждому, кто хочет сделать этот город своей родиной.

«Правильно, — думал Йезад, — четырнадцать миллионов жителей, половина живет в трущобах, ест и срет в условиях, в которых и животным

не положено жить. Славный способ дележки даров Бомбея. Но эти соображения не произведут никакого впечатления на Викрама Капура, воспарившего на крыльях поэзии».

— Вы понимаете, Йезад, Бомбей выживает, потому что он дает и берет. Это основа и уток особой текстуры его социальной ткани, дух терпимости, приятия, щедрости. В любой другой точке земного шара, в любом из так называемых цивилизованных мест типа Англии и Америки такие чудовищные условия жизни привели бы к революции.

«Что, может, и неплохо бы», — подумал Йезад.

— Отныне, — продолжал Капур, — в этом магазине будут отмечаться все религиозные праздники: Дивали, Рождество, Ид, ваш зороастрийский Навроз, Байсакхи, день рождения Будды, праздник бога Ганеши — все. Украсим витрины, лампочками напишем соответствующие поздравления. Мы будем мини-Бомбеем, примером для всего квартала. Я принял это решение после поразительного случая, свидетелем которого стал на прошлой неделе.

Он отпил пива, которое Йезад налил ему из своего стакана.

— На прошлой неделе я поставил машину око-

ло станции Гранд-роуд и купил себе перронный билет. Посмотреть на поезда и пассажиров. Просто в голову взбрело.

Он сделал еще глоток.

— Сам я в электричках никогда не езжу, но я вижу, как они переполнены, когда проезжаю вдоль железнодорожных путей. А с платформы я увидел нечто новое. Как раз отошел битком набитый поезд, и люди, бежавшие вслед, стали отставать. Все, кроме одного. Я следил за ним, потому что он добежал почти до конца платформы.

Вдруг вижу, он вскидывает руки. А из электрички протянулись руки и подхватили его. Господи, думаю, что они делают, его же потащит поездом, он погибнет! С платформы его подтянули, но ноги-то болтаются в воздухе! Я чуть не заорал, чтоб остановили поезд! Он ногами будто педали крутил на весу. Зацепился за какой-то выступ. Сорвался, опять нашел его.

Поезд идет, человек висит, жизнь его в чужих руках — буквально. И он отдался этим руках. Доверился. Тут еще руки высовываются и еще. Крепко держат. Это было чудо — человек вдруг оказался в безопасности. В полной безопасности. Настолько полной, что я было подумал, что переоценил риск. Но нет, он сначала рисковал

всерьез.

Я так и не ушел с платформы. Поезда приходят, уходят, а я все стою и смотрю. И тут до меня дошло, что не было никакого чуда. Так чуть не с каждой электричкой — руки тянутся за помощью, другие руки помогают, и все это так обыденно, нормальная часть посадки, что ли.

Кто протягивал руки, кто тянул руки навстречу? Индусы, мусульмане, неприкасаемые далиты, парсы, христиане? Никто не знает, никого это не волнует. Просто люди, которым на поезд надо. Я долго простоял на этой платформе, Йезад, и мои глаза были полны счастливых слез, ибо все говорило мне, что есть еще надежда для великого города.

Йезад кивал. Описанное Капуром он видел каждый божий день. По утрам и вечерам. Часть повседневной жизни. Однако Капур открыл ему новую сторону, которой он не замечал, и заставил задуматься: а что еще ускользает от его внимания?

— Теперь вам должно быть ясно, почему я решил действовать. Пока еще не поздно, — продолжал мистер Капур. — Прекрасный город на семи островах, эта драгоценность у Аравийского моря, эта земля, отвоеванная у воды, этот дар оке-

ана, обратившийся в почву под нашими ногами, это чудо космополитизма, где люди разных рас и вер живут бок о бок и плечом к плечу в мире и гармонии, этот алмаз многообразия, это щедрое божество, укрывающее бедных, и голодных, и ищущих приюта, этот Urbs Prima in Indis, любимый город чахнет — без преувеличения, — как больной в палате интенсивной терапии, Йезад, друг мой, доведенный до такого состояния мелкими, корыстными людишками, готовыми погубить его, потому что их грубость не может вынести его величия и благородства.

Йезад замер, восхищенный легкостью, с которой Капур на ходу переиначивал Шекспира. Нариман сумеет это оценить, надо обязательно пересказать ему вечером этот монолог.

— Браво! — Он протянул Капуру руку. — Если вы способны повторить это на хинди и на маратхи, то победа за вами.

— Значит, я могу рассчитывать на ваш голос?

— Я уже лет семь или восемь не хожу ни на какие выборы, что местные, что национальные. Но за вас я проголосую в числе первых — и несколько раз.

Оба засмеялись и пошли запирать магазин.

* * *

У мальчиков вошло в привычку по возвращении из школы проводить время у дедовой постели. Мурад выяснил, что в юности дедушка увлекался авиамоделированием. У них с дедушкой шли долгие разговоры о бипланах и монопланах времен Первой мировой войны. Сравнивали «фоккер Д-VII» и «спед», элегантный «сопвич-кэмел» и смертоносный «фоккер-айндеккер». Джехангир слушал во все уши.

— Мне кажется, что Биггльз больше всего любит «кэмел». Но он летает и на «спитфайрах», и на «харрикейнах». Были они в твоей коллекции?

— Нет, — отвечал Нариман. — Это самолеты Второй мировой. В отличие от меня, Биггльз вне возраста. К тому времени, когда в продаже появились модели из дерева бальза, я уже вырос и у меня больше не было времени для хобби.

Он сменил позу и хотел поправить подушку, но мальчики опередили его.

— Спасибо. Кстати о времени. Вам не пора садиться за уроки?

— Дедушка, но ты еще ничего не рассказал мне, — заныл Джехангир, — ты все время с Мурадом про самолеты разговаривал.

Нариману пришлось продолжить рассказ, начатый минувшим днем, о друге его детства Наузере, родители которого держали целый зоопарк птиц и собак. Хотя их квартира была не так уж велика — всего четыре комнаты, — они обожали животных, и у них жил золотой ретривер, пара шпицев и три сиднейских силки. У Джехангира блестели глаза, когда воображение рисовало ему эту квартиру.

— Еще там была большая клетка с неразлучниками и певчими зябликами, — рассказывал Нариман, — и попугай по имени Темураз. Но он жил в собственной отдельной клетке, забирался в нее на ночь. Днем он летал, где хотел.

— И не улетал?

— Нет, ему нравилось там жить, собаки его просто обожали, особенно золотой ретривер Клеопатра. Она позволяла Темуразу разгуливать по себе, сидеть у нее на спине, даже на голове. А иногда попугай усаживался между ее передних лап и пристраивал свой клюв к ее носу.

Джехангир выспрашивал подробности: какого цвета были птицы, что ели собаки и где они спали по ночам.

— А говорить Темураз умел?

— Темураз был серый африканский попугай и

отличался большим умом. Видишь ли, у Наузера была очень строгая мать, она следила, чтобы сын вовремя делал уроки. Так вот, попугай научился говорить голосом матери: «Наузер, пора садиться за уроки, Наузер!» Только он придет из школы, попугай сразу начинает твердить: «Наузер, пора садиться за уроки». Наузер грозился сделать маленький намордничек, чтобы заставить попугая замолчать.

Джехангир нервно хихикнул:

— Что, это он серьезно?

— Дурачился. Наузер очень любил все живое, даже улиток, которые появлялись в школьном саду в сезон дождей.

— А кошка у него была?

— Нет, кошки не было. Парсы не держат кошек в домах. Считается, что кошки приносят беду, потому что они терпеть не могут воду и никогда не купаются.

— Знакомая проблема, правда, Джехангу? — спросила вошедшая из кухни мать. — Может быть, ты в прошлой жизни кошкой был.

— Кошки вылизывают себя, и они чистые, — возразил Джехангир. — Я читал, что это очень гигиенично.

— Верно, — подтвердил Нариман. — Но вера

сильнее фактов. Возьми хоть нашу веру в пауков и петухов.

— Я никогда не слышал про это.

— Парсы не убивают пауков и не употребляют в пищу петухов — только кур. Ты должен это знать. Ты ведь знаешь про Заххака Злого.

— Не знаю.

— Конечно, знаешь, — вмешалась мать. — Я тебе рассказывала эту историю, когда ты учил молитвы для навджоте. Мы с тобой читали много историй из «Шахнаме» — про царя Джамшида, про Рустама и Сохраба. И про то, как охромел любимый конь царя Гуштаспа и наш пророк Заратустра провел рукой по его щеткам и бабкам и вылечил коня.

— Эти истории помню, а про Заххака нет.

— Знаешь, папа, мне кажется, он домогается, чтобы ты ему рассказал про Заххака.

— Нет же, я правда не знаю!

— Ну ладно, — начал Нариман. — В стародавние времена, тысячи лет назад, жил на свете злой царь по имени Заххак. Из его плеч росли две огромные змеи, страшные и смрадные, которых каждое утро надо было кормить мозгами двух юношей. Более девятисот лет правил Заххак, и причинил он народу неслыханные беды, день за

днем пожирая сильных юношей. Народ молился о спасении, но прошли целые века, прежде чем появился великий герой Фаридун, который бросил вызов Заххаку. Свирепый монстр некогда убил отца Фаридуна, и Фаридун должен был отомстить за его смерть. Противники сошлись в рукопашной схватке. То была страшная битва, которая длилась и длилась с переменным успехом: то казалось, будто верх берет Фаридун, то будто Заххак одолевает его. И все же Фаридун одержал победу и заковал Заххака в цепи невероятной прочности — их невозможно было ни пилой разрезать, ни молотком разбить. Тогда добрый ангел Сарош велел Фаридуну глубоко зарыть Заххака в гору Демавенд. Так была спасена вселенная.

— А при чем тут паук и петух?

— Они защищают нас в отсутствие Фаридуна. Злобный Заххак со своими змеями на плечах все еще жив и очень силен. По ночам он ярится, пытается вырваться на волю. Но рано поутру, прежде чем взойдет солнце, когда Заххак близок к тому, чтобы разорвать оковы, кричит петух, предупреждая мир, что зло может снова воцариться в нем. И тут добрый ангел Сарош сразу посылает паука оплести паутиной цепи Заххака. И мир опять в безопасности. Петух и паук каждый

день сохраняют для нас безопасность мира.

Джехангир понимающе кивнул:

— Если люди съедят всех петухов и убьют всех пауков, так некому будет помочь нам побороть зло.

— Вот именно. Мой друг Наузер очень любил эту историю. Он мог просиживать часами, наблюдая, как паук плетет паутину. Особенно когда после дождя выходит солнце — дождевые капельки, как драгоценности, сверкают на паутинных нитях.

Джехангир начал оглядывать потолок, стены и углы в поисках паутины. Ему хотелось самому увидеть, какой она может быть красивой.

Мурад расхохотался:

— Чокнутый у меня братец, дедушка. Он же теперь будет беспокоиться насчет Заххака и охранять пауков.

— Ничего я не чокнутый! Я знаю, что никакого Заххака нет, это просто сказка. Вроде как про Санта-Клауса.

— Они оба существуют, — объявил Мурад. — И Заххак тебя сцапает, если будешь на балконе спать!

— Это ты так говоришь, чтобы самому спать на балконе в мою очередь!

— Похоже, ты прав, Джехангир, — усмехнулся Нариман, — но если бы Заххак существовал, он тебя не стал бы трогать. Он бы занимался такими вещами, как эпидемии, голод, войны и циклоны.

В доме явно не было пауков. Джехангир потребовал, чтобы в следующий раз, когда мама обнаружит паутину, она показала бы ему.

— А когда твоя нога пройдет, дедушка, мы съездим к твоему другу посмотреть его животных и птиц?

— Но это очень давно было, Джехангир, и тех животных, — Нариман помедлил и печально махнул рукой, — их уже нет.

Заметив нежелание Джехангира принять факт смерти любимцев Наузера, Нариман продолжил с подчеркнутой честностью:

— Я помню, когда умерла Клеопатра. Это было всего за неделю до выпускных экзаменов, но я поехал вместе с Наузером и его родителями хоронить ее. У их знакомого был коттедж в Бандре, он разрешил похоронить ее за домом. Нам нужно было взять такси. День был дождливый, таксисты отказывались везти нас, а когда один согласился, он не позволил класть мертвую собаку на сиденье — только в багажник. Клеопатра была завернута в простыню. Мы с Наузером понесли ее. Простыня

промокла, забрызгалась грязью. Я тогда впервые увидел Наузера плачущим.

Скорбь шестидесятидвухлетней давности, похорон никогда им не виденной собаки дугой прошла над временем и коснулась мальчика. Изнывая от тоски, он спросил:

— Вы с Наузером сами копали яму?

— Нет, ее выкопал садовник. Под лимонным деревом. Мать Наузера захотела в последний раз посмотреть на Клеопатру, и Наузер развернул промокшую простыню. Я думаю, это была ошибка. Красивая золотистая шерсть свалялась и стала желтой и грязной. Мы быстро накрыли Клеопатру простыней и закопали ее.

Джехангир сидел задумчивый, локти уперев в колени, подбородок — в ладони, уставившись глазами в пол. У него кончились вопросы.

— Вот видишь, иметь собаку непросто, — сказала его мать. — С ней не только веселишься и играешь. Приходится быть готовым к печали, когда она умирает.

— Я все понимаю. — Джехангир снова обратился к деду: — Но твой друг мог завести новых животных, и мы могли бы съездить и посмотреть их.

Нариман покачал головой:

— Мой друг Наузер умер два года назад.

По лицу Джехангира пробежала тень.

— Сколько ему было лет?

— Семьдесят шесть.

Он сосчитал: дедушке — семьдесят девять, если бы его друг был жив, тому было бы семьдесят восемь. На год моложе дедушки. И уже умер.

Он почувствовал, как у него холодеют руки и слезы щиплют глаза. Арифметика угрожала дедушкиной жизни, и ему хотелось выбросить из головы жестокие числа. Он резко поднялся на ноги и вышел на балкон.

Роксана жестами показала отцу, что там происходит: провела пальцем от глаза вниз по щеке. Мурад изображал безучастность и взрослость.

Немного выждав, Нариман окликнул внука:

— Джехангир, а ты знаешь историю жизни Фаридуна после его победы над Заххаком?

— Нет.

— Она касается трех сыновей Фаридуна: Салима, Тура и Ираджа. Разве ты не хочешь дослушать до конца?

— Хочу, — ответил Джехангир, но остался на балконе, чтобы не появляться с мокрыми глазами.

Переведя взгляд на расплывающийся переулок,

он увидел, что к дому шагает отец.

Йезад воспользовался своим ключом. Разочарованный отсутствием Джехангира в дверях, он первым делом спросил Роксану, почему ее сын на балконе.

— Тише-тише, — шепнула Роксана, — Джехангир расстроится, если услышит. Он плачет, потому что папа рассказал ему печальную историю.

— Джехангла! Поди сюда, поговори со мной. Джехангир старательно вытер глаза и вошел со слабой улыбкой на лице.

Йезад взял его за руку.

— Что за история, чиф? Зачем вы доводите моего сына до слез? Когда я рассказываю истории, все смеются.

Йезад шутливо отчитывал Наримана, однако в его тоне слышалось раздражение, к которому примешивалась и ревность.

Джехангир вырвал руку из отцовской.

— Не сердись на дедушку! — Он чувствовал, что непрошеные слезы опять наполняют его глаза.

— Ладно, тогда я на тебя буду сердиться. Слезы, когда я иду на работу, слезы, когда прихожу домой!

Плечи Джехангира затряслись от беззвучных

рыданий. Он убежал на балкон.

Йезад сделал шаг к маленькой комнате и наткнулся на мокрую одежду, вывешенную на плечиках в дверном проеме. Он в бешенстве сорвал и отшвырнул мокрую рубашку, прилипшую к лицу.

— Что это, место для сушки белья?

— На балконе нет места из-за навеса, — тихо сказала Роксана, полная решимости сохранить покой. — Где же мне сушить белье?

— В «Шато фелисити» отвези. Чертовы твои брат с сестрой найдут ему место в семи комнатах!

Роксана подобрала с пола рубашку, встряхнула и повесила.

— Чаю, Иездаа?

Не получив ответа, она приготовила чай.

— Как прошел день? — поинтересовалась она.

— А ты как думаешь? Посмотри, как я рубашку перепачкал. Пришлось работать прислугой за всех — чертовы жалюзи поднимать!

— Выстираю в «Серфе», будет как новенькая.

— А как насчет унылого лица твоего папы? Теперь он и Джехангира в тоску вгоняет. Здесь хоть кто-нибудь умеет улыбаться и смеяться?

— Чшш, папа услышит… То ты говорил, что

у него лицо философа, теперь оно тебе кажется унылым — только потому, что папа у нас живет?

В большой комнате Мурад упрашивал деда рассказать историю про трех сыновей Фаридуна. Нариман отнекивался, чтобы не возбуждать у Йезада ревность.

— Как-нибудь потом. Займись пока домашним заданием.

Роксана внесла поднос с чаем, отослала мальчиков делать уроки и собрала со стульев развешанное на них белье с расчетом досушить его, когда Йезад ляжет спать.

Йезад увидел охапку сырого белья в руках Роксаны.

— Оставь белье на месте, мне же один стул нужен.

Ему теперь хотелось загладить свою вину.

Он уселся за стол, Роксана села рядом, рассказывая о домашних делах, о Вили, которая утром купила для нее луку и соли в лавке.

— Ты был прав, она хороший человек.

— Попроси, чтоб она тебе подсказала выигрышный номер. Если выиграем по-крупному, сможем сиделку нанять.

— Я лучше с голоду умру, чем буду в азартные игры играть! И тебе не дам!

— Успокойся, я же не всерьез.

Он смотрел, как тесть пытается утихомирить свои руки, которые трепещут поверх простыни, будто он бьет себя в грудь.

Вошел Мурад и подсел к родителям.

— Знаешь, дедушка, тебе надо на бонго играть.

— Это почему?

— А у тебя так двигаются пальцы, что должно здорово получиться.

Мурад попробовал постучать дрожащими пальцами по стулу, чтоб посмотреть, получится ли барабанная дробь.

— Не будь клоуном, — одернул его Йезад. — Не смешно.

Он отправил сына учить уроки в маленькую комнату.

— Бери пример с младшего! — добавил он громко.

Джехангир услышал предложение мира и улыбнулся в учебник.

Глава 8

В ожидании приговора Нариман плохо спал ночью и проснулся с неспокойным желудком. Три недели истекли, сегодня доктор Тарапоре должен вынести заключение по поводу лодыжки. Нариман научился терпеть по утрам, пока все не позавтракают и не разойдутся — кто в школу, кто на работу. Он гордился, что избавляет окружающих от вони; но в это последнее утро кишечник явно подводил его.

— Ты меня прости, — шепнул он Роксане, — но я больше не могу терпеть, боюсь, как бы хуже дел не натворить.

— Что за глупости, папа, раз тебе нужно судно, так о чем говорить.

Роксана проверила, сухое ли судно. Нариман повернулся на бок, чтобы она подложила его.

Йезад безмолвствовал, пока комната не начала заполняться запахом. Он почувствовал подступающую тошноту и, оттолкнув тарелку, выскочил в маленькую комнату. Роксана пошла следом.

— Завтракать в такой вонище! — громко сказал Йезад. — Не могла две минуты подождать!

— Я-то могла, папа не мог. Ты разве не заметил, что за все это время папа ни разу не попросил судно, пока ты дома?

— А сегодня почему не мог? Или он хочет оставить мне на память этот запах?

— Перестань гадости говорить!

Роксана вернулась в большую комнату. Мальчики поддразнивали деда.

— Ф-фу, дедушка, — сморщился Джехангир, — прямо атомная бомба!

Мурад сказал, что не атомная, а скорей водородная.

Йезад крикнул из маленькой комнаты, чтобы оба убирались вон, в такой атмосфере есть негигиенично.

— В Бомбее миллионы людей живут в трущобах, — раскричалась Роксана, — едят и спят у сточных канав! Весь город провонял помойкой, а тебе папино судно не дает жить? Должен же быть предел глупости!

— Видите, чиф? Из-за вас жена обозвала меня дураком. Справедливо это?

— Моя дочь всех называет глупыми, — тихо ответил Нариман. — Включая меня.

Джехангир испугался, что вот-вот вспыхнет очередная ссора — как из-за дедушкиной утки

в тот день.

— Я знаю новый анекдот, папа, — сказал он. — Можно, я тебе расскажу?

— Не сейчас.

— Ну пожалуйста, папа, очень смешной!

— Хорошо, давай, — ворчливо согласился отец.

— Как-то раз группа туристов приехала в Вену и пошла в музей Бетховена, где…

— Старый анекдот, — фыркнул Мурад, — его все знают. А я новый расскажу!

— Учти, никаких грязных анекдотов, — предупредила мать.

— Он не грязный. Вот слушайте: приезжает в Вену группа туристов и идет в музей Бетховена…

— Он мой анекдот рассказывает!

— Нет, другой! Дай мне закончить, сам увидишь, что другой! Входят туристы в зал, где стоит открытый гроб с мертвым телом. Труп уже разлагается, черви ползают, а лицо и волосы — совсем как у Бетховена. Рядом с гробом — пюпитр с рукописью Пятой симфонии. Туристы в ужасе, спрашивают гида, что происходит. Гид говорит: не спешите, внимательно наблюдайте за экспонатом. Через некоторое время труп поднимает руку и стирает один такт, потом стирает еще один. Туристы в шоке, они спрашивают: это тело

Людвига ван Бетховена, почему же оно не похоронено? А гид отвечает: «Майне дамен унд херрен, йа, это композитор Бетховен, он слагал музыку, йя, он умер. А теперь идет процесс разложения».

Под общий смех Роксана сказала, что не может понять, откуда дети набираются таких вещей. Джехангир понимал, что Мурад оттеснил его на задний план, но не обижался. Ведь они совместно предотвратили ссору мамы-папы. А мама потихоньку унесла судно.

Уходя на работу, Йезад остановился у постели Наримана:

— Удачи с доктором, чиф.

— Спасибо, Йезад.

Роксана поджидала у дверей, чтобы поцеловать мужа на дорогу.

— Извини, что раскричался, — шепнул он ей на ухо. — Ты знаешь, как я реагирую на запахи.

Она закрыла глаза, прижимаясь к нему.

— Можешь оказать мне услугу, Иездаа? Будешь проходить мимо цирюльника на углу, скажи ему, чтоб зашел побрить папу до прихода доктора.

— Обязательно.

Он шагнул на площадку. Остановился:

— Если заявятся Джал с Куми, ты не давай им уговорить себя при докторе. Ни на что не давай

согласия.

— Зная их, я не удивлюсь, если они вообще забыли про визит доктора. — И Роксана послала мужу воздушный поцелуй.

* * *

Три недели кончались для Джала и Куми тем же, чем начались: грызней и пререканиями, раздраженными спорами, ощущением вины за содеянное и неспособностью исправить, что наделали. Они совестились навещать сестру, и никакие игрушки и безделушки в стеклянной горке не могли отвлечь их от душевных мук.

Куми тревожило не столько настоящее, сколько будущее. Даже если папина лодыжка срастется и он сможет самостоятельно передвигаться, все равно через какое-то время он снова сляжет. Доктор Тарапоре предупреждал, что болезнь Паркинсона неизбежно приведет к этому. Мысль об уходе за лежачим больным приводила ее в ужас. Они с Джалом сделали все, что могли — она была убеждена в этом, — а какой смысл отрицать ограниченность своих сил?

— И если у Роксаны есть совесть, она должна подольше подержать папу у себя.

— Что? — Джал не поверил своим ушам. — В

этой их крохотной квартирке? Папин дом здесь.

— Я не могу принять его обратно, и не заставляй меня! Я даже прислугу не нашла на место Пхулы, на мне вся чистка и уборка — у меня сил больше нет. Я тебя каждый день прошу найти какой-то выход — и что? Ты же ничего не предлагаешь!

Что было неудивительно, поскольку Джал был готов смириться с неизбежностью и перевезти отчима домой.

— Будь человеком, Куми. Мы сказали: три недели — и должны сдержать слово. Если Роксана может ухаживать за папой, значит, и мы сможем.

— Мы? Ты с утра уходишь на биржу, и дома тебя нет. Она ухаживала за папой три недели, а я с ним пятнадцать лет нянчилась. Если уж в тебе столько благородства, оставайся дома и возись с папой. А нет, так шевели мозгами — у нас нет времени, сегодня доктор придет осматривать его.

Ничего Джал не придумал, и в половине седьмого они отправились в путь. Пока добирались до «Приятной виллы», он молча терпел попреки Куми.

Уже смеркалось, и на лестнице было темно. Джал попытался нащупать выключатель, но искал он его не в том углу, влез в паутину и отсту-

пил, обеими руками отирая паутинные клочья с лица. Стали подниматься во тьме.

Свет вспыхнул, когда они миновали площадку первого этажа. Снизу послышались шаги, кто-то бежал наверх, перепрыгивая через ступеньку.

— Кто-то спешит, пускай проходят, — сказал Джал.

— Мы первые, — огрызнулась Куми, — пусть подождет. Ты всегда всем уступаешь.

* * *

Их догонял Йезад. «Как же они похожи на старых супругов, — подумал он. — И не скажешь, что это брат и сестра».

— Куми права, Джал, — крикнул он через перила, — надо уметь постоять за себя!

— Йезад! — ахнула Куми. — Извини, мы не знали, что это ты.

— Ничего, у вас такие же права на лестницу, как у меня. Ну как вы оба? Приехали забирать папу домой?

Стараясь не выдать охватившую ее панику, Куми ответила:

— Мы без него скучали. Надеюсь, доктор скажет, что все хорошо.

— С ним уже три недели все хорошо, разве

нет?

Куми оставила выпад без ответа. Они поднялись наверх. Йезад открыл дверь своим ключом и окликнул Роксану:

— Хэлло, смотри, кого я нашел на лестнице!

После обмена приветствиями и семейными банальностями все столпились у постели Наримана.

— Ты выглядишь намного лучше, чем три недели назад, папа, — провозгласила Куми. — Тебе на пользу пребывание здесь.

— Прекрасно выбрит! — подхватил Джал. — И щеки порозовели. Собираешься на свидание, папа?

— Да, с судьбой.

— Но я смотрю, ты все еще лежишь, — все тем же легким тоном продолжала Куми. — Я думала, доктор выведет тебя на пробную прогулку.

— А я думал, что вы забыли, где оставили меня.

— Ну что ты, папа! Я только что говорила Йезаду, как мы скучали без тебя. Ну, Рокси, не томи: что сказал доктор?

— Что за спешка, расслабьтесь, сначала выпьем чаю, — сказал Йезад, хотя и ему не терпелось узнать заключение врача.

Джал с улыбкой двинулся к столу. Но Куми не дала ему сесть.

— Мы бы с удовольствием. Но мы торопимся, хотим сходить в храм огня, вознести хвалу Богу за папино выздоровление.

— Отлично, — сказал Нариман. — И я с вами, а оттуда поедем прямо домой.

— Чудно. — Улыбка Куми выражала смятение. — Значит, доктор разрешил встать? Ты уже испробовал свои костыли?

— Не дразни ее, папа, — попросила Роксана.

Какая досада, что она не сумела поговорить с Йезадом наедине, пересказать ему объяснения доктора Тарапоре относительно лекарства от паркинсонизма и побочных явлений от его главного компонента — Л-Допа. Доктор предупредил, что не надо тревожиться — хоть это и неприятно, — если речь Наримана сделается несвязной и неясной. Проблема в том, что без этих таблеток больной совсем утратит контроль над непроизвольными движениями конечностей.

Роксане не хотелось поднимать эту тему в присутствии Джала и Куми, поэтому она ограничилась отцовской лодыжкой.

— Доктор посоветовал папе полежать еще недельку, но часть гипса он уже сегодня снял.

Смотрите!

Она откинула простыню — гипсовый панцирь, закрывавший ногу от бедра до кончиков пальцев, теперь обнажил колено и стопу.

Куми почуяла отсрочку:

— Папе, наверное, так гораздо удобней!

— Так что дальше? — спросил Йезад. — Я имею в виду эту неделю?

— Доктор хочет сделать папе рентген через восемь дней. А что на этой неделе — решать нам.

— Извините, решать мне, — заявил Нариман. — А я хочу немедленно домой.

— Что за бестактность, папа, как можно? — заторопилась Куми. — Ты что, хочешь обидеть бедную Рокси и Йезада? Ты и здесь дома, разве нет? — Общее молчание заставило ее изменить тактику. — Мы можем сейчас же забрать тебя с собой, папа. Но тогда нужно вызывать перевозку, чтобы отвезти тебя, а через неделю понадобится еще одна перевозка, чтобы доставить тебя в больницу на рентген. И третья — из больницы домой.

— Не волнуйся, мы поделим расходы, — сказал Йезад.

— Дело не в деньгах, — возмутилась Куми, — а в риске. Каждый раз эти неумехи-санитары будут

перекладывать папу на носилки и, не дай бог, повредят ногу! Только представить себе новую боль и мучения, когда сейчас папа уже почти здоров!

Все притихли — зловещее предсказание будто повисло в воздухе. И тут Куми получила поддержку, откуда никак ее не ждала.

— Она права, чиф. Вам лучше остаться здесь. Большое дело — еще восемь дней!

Роксана с благодарностью посмотрела на мужа. Куми старалась не выдать облегчения.

— У папы хватит лекарств на неделю? — осведомилась она. — Или нужно привезти еще?

Начался подсчет таблеток. Одна покатилась по полу. Куми опустилась на колени и стала искать ее. Она получила желанную отсрочку, но неизбежное просто откладывалось на неделю. А что потом?

В поисках закатившейся таблетки она наткнулась на куски гипса, снятого доктором. Мелкие и крупные, со следами изгиба Наримановой ноги, они лежали на газете под чайным столиком-треножником.

Вдруг ее озарило. Вот оно, решение, смотрит ей прямо в лицо!

— Тут на десять дней лекарства, — закончила подсчеты Роксана.

— Прекрасно. Папа раньше вернется домой. Смотри, вот еще одна таблетка, под стул закатилась!

Куми вручила таблетку Роксане. Они распрощались, договорившись встретиться в больнице через неделю.

* * *

— Неужели ты не понимаешь, как это здорово? — спрашивала Куми неделей позже, стараясь сломить сопротивление Джала. — Ну разве это не удивительно, что гипс с его ноги подсказал мне решение проблемы?

— Но разве это не предательство, разве это не крайний шаг? — из последних сил отбивался Джал.

— У тебя другая идея есть? Или ты рвешься с завтрашнего дня начать выносить за ним судно?

— Но ему же лучше. Он выздоравливает.

— Не тешь себя иллюзиями. Папа никогда не выздоровеет.

— А как мы будем жить с этим на нашей совести?

— Привыкнем. Я не сомневаюсь, что легче справиться с совестью, чем с уходом за папой. Честно говоря, мне невыносима сама мысль о его возвра-

щении — все это время я так живо вспоминала маму и все остальное.

— Я тоже не забыл маму и ее страдания. Но не пришло ли время простить?

— А у мамы было время простить его перед смертью? Я вот что хочу знать!

— Не можем мы это знать, — устало проговорил Джал.

— Ты можешь думать что хочешь, а у меня нет сомнений. Мы с тобой оба находились в комнате и присутствовали при их последней ссоре. Мы оба слышали, что мама сказала, прежде чем поднялась на террасу.

Джал вздохнул:

— Чем больше проходит времени, тем лучше я понимаю, что винить кого-либо бессмысленно, — все перепуталось в этой беде. Такое бывает в жизни.

— Кончай философию и делай дело. Иди к Эдулю Мунши.

— Иду, только не кричи!

«Она без конца копается в прошлом, — думал Джал, спускаясь по лестнице. — В этом есть что-то ненормальное: тридцать лет терзаться такой злобой. А теперь пользуется прошлым, чтобы оправдать нежелание привезти папу домой. На

самом деле она не может превозмочь отвращение к запахам лежачего больного. Да и он не может. Если бы хоть некоторые акции поднялись в цене, можно было бы нанять сиделку из больницы, разрешить проблему миром… вместо этого ее дикого плана…»

Он приготовился к разговору с Эдулем Мунши. Подумал о жене Эдуля — бедная Манизе, он знал, что она проклинает тот день, когда Эдуль остановился у книжного развала и среди старых книг и журналов натолкнулся на американскую книжку из серии «Сделай сам». Эдуль до сих пор рассказывает историю о том, как ему открылось его истинное призвание, и пропагандирует достоинства умения все делать собственными руками:

«Знаете ли вы, почему Америка — великая страна? Потому что там люди верят в принцип «сделай сам». А мы — бедная и отсталая страна, потому что мы этого не понимаем. Только теперь до меня дошло, что имел в виду Ганди, когда призывал к опоре на собственные силы. Махатма-джи со своей доктриной самодостаточности был первым индийцем, осознавшим роль умелых рук. Верным было его прозрение: «сделай сам» — единственный путь к спасению этой страны».

Эдуль уверенно ступил на новый путь.

Джал постоял перед дверью с криво прибитой табличкой, вздохнул и нажал кнопку звонка. Поскольку звонок установил Эдуль, кнопка западала, ее требовалось потормошить, прежде чем раздался противный резкий звон.

Дверь открыла Манизе.

— Эдду, пришел Джал с верхнего этажа!

Джал сочувственно улыбался. Поначалу Манизе была довольна мужниным хобби, хвастливо рассказывала соседкам о его замечательных инструментах и приспособлениях. «С ума сойти, что можно сделать такими инструментами!» — говорила она. Однако с течением времени она испытала деструктивную силу этих замечательных инструментов.

Первым проектом Эдуля было сооружение деревянных полок на кухне. После многодневных трудов, за прогрессом которых благоговейно следили все домочадцы, включая прислугу, Эдуль провозгласил с американским — как ему казалось — акцентом:

«О'кей, Манизе, беби готовы! Загружай!»

Она поставила три жестянки, по одной на каждую полку, и отступила, чтобы полюбоваться эффектом… Через миг полки с грохотом обрушились на пол.

Эдуль был оскорблен в лучших чувствах. Как могли так предать его эти дорогие блестящие инструменты? Он выудил из обломков шурупы и кронштейны, сдул известковую пыль и в гневном оцепенении уставился на них.

Через несколько дней сердечная рана зажила, и он снова взялся за дело. Теперь полки держались на стене, но штукатурка зияла дырами. После того как дыры были заделаны, поверхность сильно напоминала стену горной пещеры. Манизе заверила мужа, что это прекрасно: современные дизайнеры рекомендуют только текстурированные стены.

Тогда Эдуль принялся за капающий кран и превратил капель в водопад. Промаявшись все воскресное утро, он заменил-таки смеситель, который обзывал не иначе как склизкой свиньей. Однако кран открывался и закрывался только усилием обеих рук.

После серии мелких починок, неизменно обращавшихся серьезными бедами, Манизе взяла хобби Эдуля под контроль: любой новый проект должен был получить предварительное согласие жены.

А поскольку у Эдуля все проекты были грандиозными, то они неизменно отвергались.

Неосуществленными остались мечты о настилке новых полов, обновлении ванной, сооружении стенных шкафов. Лишь изредка, если жена была уверена, что дело не кончится катастрофой, Эдулю разрешалось провести какую-нибудь скромную работу — скажем, повесить картину.

Стремление к широкому фронту работ Эдуль был вынужден удовлетворять вне своей квартиры. Уговаривал знакомых воспользоваться его инструментами, в качестве приложения к которым шли его услуги. К его большому огорчению, знакомые и соседи, уже осведомленные о скрытой цене любезности, были не склонны соглашаться.

Однако Джал с оптимизмом ожидал Эдуля. «В конце концов, я пришел за обыкновенным молотком — какой тут вред?» — думал он.

— Как ты, Эдуль?

— Чемпион, Джал. А ты?

— Нормально. Звонок не работает?

Эдуль попробовал звонок, потыкал кнопку и так, и сяк, в конце концов добился краткого контакта — и звонок мерзко задребезжал. Манизе сделала гримасу.

— Чуть-чуть отладить надо, — успокоил он жену.

Узнав, что Джал пришел просить молоток, Эдуль просто завибрировал. У него слюнки потекли в предвкушении…

— Объясни, для чего. Первое правило мастера: правильно выбрать инструмент для определенного типа работы. У меня три разных молотка: есть гвоздодер, плотницкий молоток и молоток каменщика.

— Господи, да у тебя целая коллекция!

— Простой набор базовых инструментов, — заскромничал Эдуль. — Штука не в том, чтобы иметь много инструментов, а в том, насколько умело ты пользуешься ими.

Джал замялся. Надо так соврать, чтобы Эдуль не слишком заинтересовался, иначе от него не отделаешься.

— Ботинки.

— Ботинки?

— Ну да. Гвоздь вылез и впивается в ногу.

— Понял. Заходи, сейчас забьем.

— Не эти, другая пара. Они дома. И у Куми тоже гвоздь в туфле вылез.

— О’кей, схожу с тобой.

— Возиться с нашей грязной обувью? Не могу допустить.

— Не волнуйся, Джал, сынок. Мы, мастера, ко

всему привычны.

Джал понял, что надо срочно выкручиваться, а то придется ему возвращаться домой в сопровождении мастера на все руки.

— Ладно, скажу тебе правду. Нам потребуется твоя помощь попозже — для более серьезной работы. Так что давай я лучше сам забью эти гвозди, а то, знаешь, Куми скажет, что нельзя без конца беспокоить человека, и больше не обратится к тебе.

Эдуль широко раскрыл глаза.

— А что за серьезная работа?

— Окно. С окном проблема.

«Выкрутился, — подумал Джал, — если он припрется смотреть, то уж одно окно с неполадками обязательно найдется. И пора уносить ноги, потому что Эдуль не на шутку завелся».

— Так дашь молоток?

— Конечно. Тебе вот этот подойдет.

Он показал Джалу, как пользоваться гвоздодером.

— Всегда лучше сначала выдрать старые гвозди, а потом заколачивать новые. Клещи тоже захвати, на всякий случай. И вот эту колодку — войдет в ботинок как влитая.

Джал потащил инструменты наверх. В общем,

счастливо отделался. А Эдуль, похоже, действительно разбирается. Может, люди преувеличивают его недостатки. Склонность к преувеличению свойственна человеку.

Он настраивал и настраивал слуховой аппарат, притворяясь, что не слышит голоса Куми, которая разворчалась из-за того, что он так долго проторчал у Эдуля.

Поплелся за ней в комнату отчима. Куми водрузила на кровать высокий табурет и велела Джалу забраться на него.

— Качается.

— Я подержу.

Джал снова засомневался:

— Тут будет полный разгром. Может, накроем мебель, все эти папины вещи?

— Хоть раз подумай головой. Нам именно разгром и нужен.

Он поставил одну ногу на табурет. Вторую. Попробовал на корточках поймать равновесие.

— Ты готова?

— Готова, готова!

— Так я распрямляюсь.

— Мне что, в ладоши похлопать?

— Держи покрепче табурет!

Он выпрямился, пробуя дотянуться до потолка.

Дотянулся. Уперся кончиками пальцев левой руки в гладкую поверхность и перевел дух.

— Начинай!

Он вздохнул и ударил молотком. Штукатурка посыпалась на кровать и на голову Куми.

— Я подумал: а что, если услышат стук?

— Кто услышит? Вороны? Над нами только крыша.

Джал беспорядочно лупил по потолку. В одних местах куски штукатурки легко отваливались, в других трескались, но не падали. Он остановился, давая передышку плечу, потянулся к еще не поврежденным местам, следуя указаниям сестры.

— Может, хватит?

— Давай еще! Доктор больше гипса снял с папиной ноги!

Наконец она разрешила ему слезть с табурета и оценить плоды его трудов.

— Ну как? Естественно смотрится?

Снизу потолок выглядел намного хуже, чем вблизи. Джала затошнило от вида разрушений, и он молча кивнул.

— Теперь можем взяться за другую сторону.

Табурет поставили на комод, Джал забрался наверх. Работа продолжилась. Куми руководила.

Из комнаты Наримана перешли в бывшую

спальню Роксаны, потом в другую.

Комнату матери оставили нетронутой.

— Не будет ли это подозрительно выглядеть? — спросил Джал.

— Нет, — сказала Куми, — что тут подозрительного? Каждый знает, что пути Господни неисповедимы. — И пошла в ванную за ведром и кружкой.

— А нужно это? — спросил Джал. — И так все вполне реалистично.

— Должны быть потеки. Вдруг Йезад захочет проверить? Все должно быть убедительно.

Куми попробовала плеснуть воду в потолок, но только облилась.

— Придется тебе опять залезть на табурет.

Джал щедро плескал воду на изуродованные потолки: Куми сказала, что промокшая мебель и заляпанные полы придадут картине естественность.

Наконец пришло время привести себя в порядок, смыть с волос известковую пыль и приготовиться к завтрашней встрече в больнице, где они расскажут о катастрофе.

Доктор Тарапоре удовлетворенно улыбался, рассматривая рентгеновский снимок: кости отлично срослись.

— Просто замечательно, профессор, с учетом вашего возраста и остеопороза. Теперь о дальнейшем…

Он объяснил Нариману, какие упражнения делать — сидя, только сидя! — шевелить пальцами, горизонтально ставить стопу, поднимать пятку и прочее. Что касается хождения, то на ближайшие четыре недели ограничиться несколькими шагами в день — на костылях.

— Пока что, дорогой профессор, для вас ходьба не является способом перемещения из пункта А в пункт Б. Покажется трудно на костылях — оставайтесь в постели. Но упражнениями не пренебрегайте.

Роксана пожалела, что Куми не слышит, она все боялась, как бы папа не переусердствовал, оказавшись дома.

Наримана повезли в кресле-каталке к мистеру Рангараджану снимать гипс.

— Очень рад познакомиться с младшей дочерью профессора Вакиля. — Рангараджан церемонно пожал Роксане руку. — Следуете ли вы по стопам вашего досточтимого отца, просвещая и формируя умы молодежи?

Роксана покачала головой:

— Я простая домохозяйка.

— Простая? — Мистер Рангараджан был поражен. — Как вы можете так говорить, дорогая мадам? Быть домохозяйкой — важнейшее из призваний, требующее бесчисленных талантов. Без домохозяйки нет дома, без дома нет семьи. А без семьи ничего не имеет значения, все распадается сверху донизу или превращается в хаос. Что, по сути, и есть болезнь Запада. Вы согласны, профессор Вакиль?

— Не думаю, что у Запада есть монополия, — ответил Нариман. — Мы весьма преуспели во всем, что касается несчастных семей.

Мистер Рангараджан засмеялся и попросил Роксану следить за тем, как он накладывает повязку.

— Собственно, бинт кладется восьмеркой, и посмотрите, насколько туго я его стягиваю.

Роксана внимательно следила за действиями Рангараджана, когда появились Джал и Куми, запыхавшиеся и взволнованные, будто проделали долгий и тяжелый путь.

— Какое счастье, что мы нашли тебя, папа. Мы спрашивали доктора Тарапоре, но в приемном отделении нам сказали, что ты уже уехал.

— Что случилось? — спросила Роксана.

— Много чего, — шепнула Куми, — я тебе все

расскажу.

— Поскольку тут собрались все члены семьи, то я еще раз продемонстрирую, как накладывается повязка, — объявил мистер Рангараджан.

— Интересно, сколько продлится все это гад-хайро, — буркнула Куми по-гуджератски.

Смущенный Нариман решил вмешаться:

— Нам не следует задерживать вас, мистер Рангараджан, вас ждут другие больные. Благодарю вас за помощь.

— Не беспокойтесь…

— Спасибо, всего хорошего, — подвела черту Куми.

Рангараджан явно оскорбился, но взял себя в руки и удалился, пожелав профессору скорейшего выздоровления.

Кресло Наримана вывезли в коридор и поставили к ближайшей скамье у окна.

— Трудно поверить в такое невезение, — начал Джал, — этой ночью…

— Прорвало большую цистерну на крыше, и у нас обвалился потолок, — перебила его Куми.

Она рассказала, как они с Джалом проснулись от грохота и как на них сверху начали падать куски штукатурки, — это и спасло их, потому что они успели выскочить, прежде чем начал

рушиться потолок.

— Там были обломки величиной с футбольный мяч, не меньше. Клянусь тебе, папа, тебя Бог бережет. Если бы ты спал в своей постели, тебя просто могло бы убить таким обломком. Я уж подумала, что, может быть, Бог допустил и перелом твой, и переезд в «Приятную виллу», чтобы уберечь тебя от худшего.

— На счастье, воды было не очень много, — вмещался Джал, встревоженный тем, что Богу отводится роль помощника в их коварном спектакле, — видимо, цистерна была неполной.

— Мы перешли в мамину комнату, — заторопилась Куми, — она не пострадала. Единственное безопасное место в квартире.

— Странно, — заметил Нариман, — она же рядом с твоей.

— Кто его знает, — сказал Джал, — возможно, у нас крыша с наклоном и вода в ту сторону не потекла. Или потолок в маминой комнате оказался прочнее.

— Пути Господни неисповедимы, — провозгласила Куми.

Нариман сказал, что не видит смысла тратить время на теологические дискуссии — надо ехать домой и приводить квартиру в порядок. Лично

его не волнуют испорченные потолки.

Мысль была дружно объявлена абсурдной: никто не знает, что там произошло, а вдруг что-то еще обвалится. Джал и Куми — здоровые люди и могут убежать при первых признаках обвала, а папа что будет делать?

— Я готов рискнуть, — сказал Нариман.

В конце концов Роксана убедила отца вернуться к ним — еще на несколько дней, пока не разберутся с состоянием квартиры. Куми пообещала прислать папину пенсию, чтобы помочь с расходами.

— Я не хочу доставлять вам с Йезадом новые хлопоты, — противился Нариман.

— Какие глупости, папа, это же не твоя вина, — возразила Роксана.

— Воля Бога не может быть ничьей виной, — сказала Куми.

Джал покатил кресло в выходу, а Нариман отметил про себя, что у Куми появляется дурная привычка обременять Бога слишком уж большой ответственностью…

«Что не хорошо ни для Бога, ни для нас».

* * *

Йезад не проявил никаких эмоций, услышав вечером про обвалившийся потолок. Было у него подозрение, что Джал и Куми не заберут чифа домой в тот день.

Роксана запротестовала — не виноваты же они, что прорвало цистерну.

— Куми сказала: воля Бога.

— Конечно, и Бог действует ей на руку, так? Значит, не зря она все бегает в храм огня и дает Богу взятки сандаловыми курениями. Может, и я мог бы повлиять, если бы почаще в храм ходил…

— Как было бы хорошо, — с чувством сказала Роксана, — и детей бы водил, подношения бы делали…

— Да пошутил я, — оборвал ее Йезад.

У Роксаны вытянулось лицо.

Они помогли Нариману встать, помогли ему установить костыли, и с помощью Йезада он сделал первые шаги. Медленно одолев расстояние фута в четыре от дивана до кресла, Нариман опустился в кресло и перевел дух.

Дети захлопали в ладоши.

— Маленький шажок для дедушкиной ноги — большой скачок для дедушки! — откомменти-

ровал Мурад.

— Совершенно верно, — выдохнул Нариман.

— Ну и как, чиф?

— Нормально.

— Больно? — спросила Роксана, заметив страдальческое выражение на лице отца.

— Чуть-чуть. Но иначе и быть не могло.

Нариман сидел в кресле до самого обеда, тогда кресло придвинули к столу, чтобы он мог поесть вместе со всеми.

В честь первых шагов Наримана Роксана приготовила дхандар-патио — к сожалению, без рыбы. За пару мелких помфретов торговец запросил сто тридцать рупий. Девяносто она дала бы, сэкономив на чем-то другом, но сто тридцать… А мошенник уперся: с чего это он будет уступать, свежая рыба, народ берет ее, не торгуясь, да что тут толковать, нынче в Бомбее у людей полно дурных денег! Вот и пришлось делать рыбное блюдо без рыбы — бедный получается праздник.

— Я смотрю, Роксана, ты никогда не пользуешься бабушкиной посудой, которую я тебе на свадьбу подарил, — сказал Нариман.

— Конечно, не пользуюсь, папа, такая дорогая посуда, старинная, хрупкая.

— Разве это резон, чтобы держать ее в буфете?

Я тоже стар и хрупок, Джал и Куми хотели и меня держать под замком. Так жить нельзя. Надо пользоваться этой посудой.

— Я же никогда не смогу восстановить дорогой сервиз, если что-то разобьется, верно?

— Люди тоже разбиваются, и это тоже невосстановимо. Неужели посуда ценнее человека? Остается только радоваться воспоминаниям.

— Слова философа. Объясните ей это, чиф!

— Не поощряй папу. Зачем говорить такие вещи, когда мы отмечаем его выздоровление? Это не к добру.

— Отчего же не к добру? — мягко возразил Нариман. — Есть только один способ одолеть скорбь жизни — смех и радость. Достань красивую посуду, переоденься понарядней — не надо ничего беречь, нет смысла. Где хрустальная ваза и чаша с розами с твоей свадьбы? Где фарфоровая пастушка с ягненком? Выставь все, Роксана, и наслаждайся красивыми вещами.

— Какие глупости, папа. Это как на твоем дне рождения — когда ты заставил Куми делать двойную работу!

Напоминание погасило улыбку на лице Нариман. Будто целый век прошел с того дня — два месяца назад, когда он еще был в состоянии сто-

ять, самостоятельно одеваться, ходить в туалет, выходить на прогулку. До падения, до кошмара с Джалом, Куми и стульчаком, с лежанием в постели, когда от него воняло, когда его била дрожь и мучили страхи.

Роксана сразу пожалела о своих словах, ей было больно видеть отцовскую реакцию на них. Она бросила взгляд на Йезада, взывая о помощи. Йезад смущенно заерзал на стуле.

Но тут Джехангир прочистил горло, как взрослый, собравшийся сделать важное заявление.

— Как бы то ни было, — произнес он, — но хорошая посуда на повестке дня.

Нариман рассмеялся, а Йезад сказал, что этому маленькому попугаю явно пора перенять у дедушки новые словечки. Мурад немедля изобразил обучение попугая:

— Джехангу хороший, Джехангу умный!

С нижней полки буфета были извлечены красивые тарелки, чаша с розами заняла почетное место в центре стола, а фарфоровую пастушку отправили пасти ягнят на чайный столик.

За обедом Йезад думал о том, что будет дальше. Утренняя напряженность, теснота, запахи в большой комнате — ничего не кончилось. Лишний рот означает, что содержимое конвертов,

по которым Роксана раскладывает деньги на питание, снижается на двадцать пять процентов. Не считая таких вещей, как мыло, стиральный порошок и прочее.

— Насчет вашей пенсии, чиф, — начал Йезад, — сколько там остается после закупки месячной порции лекарств?

— Честно говоря, не знаю. Хозяйство ведет Куми. Я давно дал ей доверенность на мои счета.

— А как быть с потолками? Мне надо бы посмотреть, в каком они состоянии.

— Что касается меня, то состояние потолков не имеет значения. Обвалившаяся штукатурка не катастрофа.

Йезад кивнул. Нет смысла обсуждать денежные затруднения — не поможет. Лучше проявить терпение и сохранять внешнее спокойствие. Ради Роксаны.

— Да ладно. Неделя-другая погоды не сделает.

Когда закончились лекарства и Роксана пошла за новой порцией, она обнаружила, что денег, которые ей дала Куми в качестве отцовской пенсии, не хватает даже на таблетки. «Ошибка вышла, — подумала Роксана, — или Куми прислала только часть пенсии…»

В аптеке она рассчиталась, доложив из хозяй-

ственных средств. Чтобы выйти из положения, купила только хлеб, масло брать не стала и взяла маленькую банку растительного масла, хотя экономней покупать большие. Чая, сахара и риса должно хватить до будущей недели. Обед будет без мяса — цветная капуста и картошка.

Когда ставила лекарства на столик у отцовского дивана, он спросил, хватило ли денег. Роксана утвердительно кивнула в твердой уверенности, что Куми и Джал скоро явятся с остальными деньгами.

И Йезаду, когда он вечером задал ей тот же вопрос, Роксана тоже сказала:

— Пока все в порядке.

Через несколько дней семья ощутила режим экономии. За завтраком Мурад разворчался насчет тоста без масла, а Джехангир заявил, что чай несладкий, и потребовал сахару.

Йезаду это не понравилось.

— Избаловались. Скажите спасибо, что у вас есть тост и есть чай. Известно вам, сколько миллионов жителей Земли были бы счастливы, будь у них то, что есть у вас?

К концу недели Нариману стало трудно скрывать боль в лодыжке при попытке подняться на костыли. Он всячески старался не подавать виду,

понимая, какие надежды внушают семье его три шажка от дивана к креслу.

Но однажды вечером, когда он поднялся, его пронзила боль такой силы, что он вскрикнул и, роняя костыли, повалился обратно на диван.

Отшвырнув газету, Йезад бросился на помощь. Роксана влетела из кухни. Убедившись, что Нариман цел и невредим, стали выяснять, что произошло. Нариман оттоваривался, уверяя, что оступился, но Роксана сумела вытянуть из отца правду.

— Проклятый Тарапоре, — взорвался Йезад. — Шарлатан просто торопился.

Нариман заступился за доктора:

— Честно говоря, мы все испытали облегчение, когда он разрешил мне вставать.

— Да не защищайте вы его, чиф! Было бы это в Америке, мы бы миллионы у него отсудили!

Тем не менее пришлось обратиться к доктору Тарапоре. Он без обиняков объяснил, в чем дело. Рентгеновский снимок не соврал — переломы срослись, однако трещины снова разошлись в результате кальциевой недостаточности и остеопороза.

Был восстановлен строгий постельный режим.

Раз в день Роксана обязательно усаживалась

за свои конверты, пересчитывая содержимое каждого и решая, переложить ли несколько рупий из того, что с надписью «Молоко и чай», в другой — «Хлеб и масло»? Или, взяв деньги из «Мяса», поместить в «Рис и сахар»? Джехангир садился рядом с матерью, спрашивал, сколько стоит плоская пачка масла «Амуль», или пачка чая, или кило баранины, делал подсчеты в уме и давал советы.

Роксана, поглощенная невеселыми расчетами, не сразу сообразила, что сын тоже занялся семейным бюджетом, сообразив же, решительно заявила:

— Так, Джехангу, хватит. Деньги не твоя забота. Мы с папой сами разберемся.

— Да, но папа будет…

Хотя сын не закончил фразу, Роксана поняла, что его пугает.

Прошло две недели после обвала потолков. Джал и Куми не показывались. Йезад отказался идти к ним, сказал, что обойдется без милостей этой парочки.

— Могу я высказаться? — настойчиво потребовал Нариман. — Спорами между тобой и Роксаной дела не решить. Пенсия, не пенсия — не оплачены мои расходы. Значит, надо снять деньги с моего

счета. Это мои деньги, которые я заработал в поте лица. Все очень просто, никаких милостей.

— Да неудобно мне говорить, что мы пришли за папиными деньгами, — поежился Йезад. — Были бы они порядочными людьми, сами принесли бы.

— У меня идея, — вступил в разговор Джехангир. — Можно сказать, что вы пришли за дедушкиной тростью, за той, которую мы подарили ему на день рождения.

Йезад со смехом потрепал сына по плечу.

— Именно так мы и поступим, — пообещал он.

Глава 9

Йезад и Роксана пробрались через мусор, усыпавший пол гостиной, осторожно переступая через крупные куски штукатурки. Джал бросился стряхивать белую пыль с кресел, хлопая по подушкам и чихая.

Похрустывая мусором, в гостиную вошла Куми. Джал хотел было и для нее почистить кресло, но она придержала его за локоть, показывая, что останется стоять. Тогда и он встал рядом с сестрой. Куми ворчливо сказала, что солнце уже село, у нее готовы угли для лобана и она как раз собралась совершить вечернее молебствие.

— Тысяча извинений, — ответил Йезад, — мы не хотели вторгаться в твои дела с Богом.

Джал хихикнул.

— Не надо насмешничать над святыми вещами, — сказала Роксана и стала излагать цель их прихода.

Куми пришла в неописуемое негодование.

— Папа поистине неисправим! А вы — так и будете потакать его глупостям? Помните день его рождения и мое предсказание? Тогда меня

высмеяли. А теперь я у вас должна в пророчицах ходить!

Куми принесла трость из комнаты отчима.

— Еле-еле ковыляет на костылях, а требует трость. Чистое безумие.

Йезад переключился на более важную тему.

— Как насчет потолков, Джал? Я-то думал, вы давно закончили ремонт.

— Тут приходили взглянуть на них, — ответила Куми за брата. — Но заломили совершенно дикую цену!

— А что владелец?

— Ха. Его можно заставить сделать ремонт только через суд. А у папы нет тех двадцати лет, которые уйдут на хождение по судам. Должен еще один подрядчик зайти.

— Ага, все подряд — Джал, Куми, подрядчик. — Джалу это показалось смешным, но, перехватив взгляд Куми, он сделал серьезную мину.

— Кстати, — сказала Роксана, — я купила лекарства для папы, и мне не хватило денег.

— Я знаю, сколько они стоят, — отозвалась Куми, — я же их каждый месяц покупала.

Роксана смотрела на сестру, ожидая продолжения. Продолжения не последовало.

— Так ты… ты дашь мне остальные пенсион-

ные?

Куми хохотнула:

— А это все. Я тебе всю пенсию отдала.

— Ты уверена? — спросил Йезад.

— Ты на что намекаешь? Что я папу обкрадываю?

Куми выскочила из комнаты и вернулась с чековой книжкой.

— Что ты, Куми, — возразила Роксана, — никто не собирался проверять книжку! Йезад просто выразил удивление.

— Он выразил оскорбительное отношение ко мне!

Куми швырнула книжку Йезаду.

— Перестань. Куми, ты напрасно обижаешься, — примирительно сказала Роксана. — Ты же знаешь, как трудно ухаживать за папой, я имею в виду расходы.

— И физическое напряжение тоже, — добавил Йезад, — нечего скромничать. — Он обратился к Джалу: — Она так выматывается к концу дня, что на нее смотреть страшно.

— Что делать. Помните Арджани с первого этажа? Они наняли для больного отца профессиональную сиделку, а та довела его до пролежней! — Куми пожала плечами. — Рокси получает

удовлетворение от ухода за состарившимся отцом. Можешь ее спросить, если мне не веришь.

— Это правда, — согласилась Роксана, — и я бы со всем прекрасно справилась, если бы папиной пенсии хоть на лекарства хватало бы. Правительству должно быть стыдно — такие ничтожные пенсии!

— Если бы правительство знало, что такое стыд, у нас бы многих проблем не было, — вздохнул Джал.

— Да уж, — вздохнула и Роксана. — Так вы можете доплачивать разницу из денег с папиного счета?

Куми театрально захохотала:

— Счет! Нет никакого счета.

— Но папа сказал, что его срочный вклад…

— У папы мозги размягчились, как манго в маринаде. Вы будете выслушивать этот его бакбакат, болтовню его, а потом предъявлять мне обвинения? Право, не знаю, в порядке ли мозги у тебя.

Роксана перевела взгляд на Джала, но он был занят своим слуховым аппаратом.

— Меня ты можешь оскорблять, если тебе так хочется, — сказала Роксана, — но неуважительно относиться к папе… Да, сейчас с ним трудно, но

после смерти твоего отца это он вырастил вас с Джалом, и ты должна быть благодарна ему.

— И благодарна ему за то, что он убил мою маму.

— Не мели чепуху! Она и моя мама!

— И моя. — Голос Джала молил о мире.

— Да, да, да, и наша сестричка это знает. Вот чего она не знает — так это того, что из месяца в месяц мы доплачивали за папины лекарства, питание, одежду, стирку и прочее. Мы давно рассчитались с ним, а в последние годы мы его субсидировали. По доброте сердца мы с Джалом за ним ухаживали. Не ради чьей-то похвалы или благодарности.

— И не ради того, что живете в его квартире, которая вам и достанется, — дополнил Йезад.

Глаза Роксаны осуждающе блеснули.

— Мистер Умник думает, что ему все известно, — парировала Куми, — приходит сюда со всеми этими «а вы уверены», «остальные деньги» и так далее. Давай-ка я расскажу тебе про квартиру, Рокси, раз уж твой муж…

— Не надо ссориться! — взмолился Джал.

— Не перебивай! Он затеял разговор, пусть теперь услышит всю правду! Тебе известно, что пятнадцать лет назад папа купил вам квартиру?

Так вот, он заодно сходил к владельцу «Шато фелисити» и эту квартиру записал на нас с Джалом. В совместное владение.

Куми победоносно оглядела поверженных противников.

— Какой дурак, — пробормотал Йезад.

— Ты слышала? — взвилась Куми. — Твой неблагодарный муж папу дураком назвал!

— Слышала. Но даже называя его дураком, Йезад относится к нему с большей любовью, чем вы с вашими заботливыми словесами.

— Ну давай, защищай его! Твое право! Но мне в моем доме диктовать не смей! Потому что это моя квартира, моя и Джала, вот так! И потолки мы будем ремонтировать, когда нам будет удобно, разве что у вас найдутся деньги на ремонт. Папа вернется сюда, когда мы того пожелаем.

— Значит, так? — тихо сказал Йезад. — Выгоняете его из собственной квартиры?

— Не перевирай мои слова! Никто его не выгонял! Доктор Тарапоре сказал, что депрессия требует…

— С этим все ясно, — оборвал ее Йезад, сжимая в руках трость и поднимаясь с кресла. — Так что сказать чифу?

— Прошу тебя, скажи ему, что мы в ближайшее

время сделаем ремонт, чтобы он смог вернуться, — попросил Джал.

…Брат так редко приходил в ярость, что на некоторое время Куми онемела. Казалось, будто нарушился сам порядок вещей.

— В чем смысл? — выкрикивал Джал, мечась по комнате. — Зачем было заставлять меня идти к Эдулю за молотком? Зачем ты разворотила потолок? Ты могла давно сказать им, что мы выгоняем папу вон!

— Я хотела, чтобы папа уехал от нас, — тихо сказала она наконец, — но только цивилизованно. Без скандала, без развала семьи.

— Тебя это совершенно не волновало! Тебе наплевать на семью! Ты не желала с папой нянчиться, потому что нянчилась со своей злобой. Тридцать лет я тебя умолял забыть, простить, примириться.

Джал шагал по комнате, то воздевая руки к потолку, то заламывая их в отчаянии.

— Оглядись по сторонам, посмотри, чего ты добилась!

Куми осмотрелась, в надежде послушанием успокоить брата, увидела пыль и отбитую штукатурку. Она подняла глаза к изувеченному потолку, и ее передернуло. Впервые у нее заныло

сердце от вида разгромленного дома.

— Не смей отворачиваться! Ты сказала, что хочешь увидеть дом в руинах, так смотри! Довольна? Погубленный дом, погубленные отношения с нашей единственной сестрой!

Внезапно истерические крики прекратились. Охваченный невыносимой тоской, он рухнул в кресло и закрыл лицо руками.

Куми тихонько присела рядом, глядя на брата, думая о Роксане. Их куколка-сестричка… как они ее любили, с ума сходили по ней, брали ее с собой, куда бы ни пошли, на прогулки по Марин-Драйв, в кино, в Висячие сады… и как она льнула к ним в те далекие детские годы…

Что осталось теперь от этой любви? Страшная усталость навалилась на Куми, глаза защипало от слез.

Услышав ее всхлипывания, Джал отнял руки от лица.

— Что с тобой?

— Ничего.

Слезы покатились по ее щекам.

Ее чувства никого не волнуют, шептала она, сколько гадостей ей пришлось выслушать, Йезад обвинил ее в том, что она обкрадывает папу, и это после всего, что она делала для папы, столько

лет, столько лет…

* * *

Йезад прислонил трость к стене в углу за диваном и спросил тестя о его финансовых делах. Простые и ясные вопросы, но Нариман сбивался, путался и ни на один не мог ответить толком.

— Что вы говорили о деньгах на вашем счете?

— Я не помню.

— Куми утверждает, что у вас нет никаких денег. И квартиры тоже нет.

Резкость его тона испугала Роксану.

— Ты не волнуйся, папа, ты же знаешь, какие глупости она иногда говорит.

— Лично я по горло сыт ее оскорблениями, — заявил Йезад. — Больше мы туда не пойдем. Во всяком случае, пока она не извинится. И тебе я запрещаю ходить к ним.

— Но зачем бедного Джала обижать? — жалобно спросила Роксана. — Он же дурного слова не сказал…

— Если бы он меньше вертел свой аппарат, а проявил бы больше мужества, так его сестра вела бы себя пристойно.

— Только не ссорьтесь, прошу вас, — умоляюще сказал Нариман. — Объясните мне, чем Куми так

расстроила вас?

Ему рассказали.

— Это правда?

— Может быть, — слабо улыбнулся Нариман.

— Если вы перевели квартиру на их имя, то вы должны это знать.

— Прошло столько лет. Несчастные дети, им так много пришлось пережить. Возможно, я что-то и подписал.

— Очень глупо с вашей стороны.

— Не понимаю.

— Все очень просто: вы утратили юридическое право на квартиру. Теперь оспорить это можно только через суд.

Нариман отвернулся лицом к стене и собрался с мыслями.

— Им, может быть, приятно некоторое время отдохнуть от меня. Но вы что, считаете, что меня навсегда выставили вон?

— Единственный способ проверить — это позвонить в дверь и посмотреть, примут ли вас.

— Ты не волнуйся, папа, они просто тянут время. Хотят, чтобы ты возвратился совершенно здоровым — им так легче будет.

Она отправилась разогревать обед, Йезад пошел за ней.

Капризная плита не желала зажигаться. Йезад отключил газовый баллон, забрал у Роксаны зажигалку и прочистил горелку.

— Надо найти способ перехитрить Куми и Джала, — говорил он. — На самом деле это теперь война умов.

— Но если они не собираются взять папу обратно…

Горелка пыхнула огнем.

— Черта с два. Не выйдет. Раз они играют в эту игру, так придется и нам. Они выкидывают его к нам, а мы выкидываем его обратно к ним.

— Папа не футбольный мяч. Я не играю в такие игры.

— Тебе и не надо. Играть буду я.

Он продолжал щелкать газовой зажигалкой, выбивая из нее снопы искр.

Роксана выхватила зажигалку из его рук и со стуком припечатала к столу.

— Я тебе прямо говорю: если ты выставишь папу, можешь считать, что выгнал и меня.

Ультиматум застал его врасплох.

— Вот как? — сказал он после паузы. — Так мало я значу для тебя, так мало семья значит для тебя?

— А папа что, не семья?

Рассудив, что нет смысла спорить о дефинициях, Йезад покинул кухню, уселся за стол и стал играть с тостером, снова и снова нажимая и отпуская рычажок. Как все запуталось в его жизни, думал он, хоть бы Капур начал планировать свою избирательную кампанию, до выборов всего три месяца. Обещанное повышение, по крайней мере, позволит решить денежные проблемы.

— Пружину сломаешь, папа, — сказал Джехангир.

Йезад вздохнул и отодвинул тостер, как раз когда Роксана поставила на стол кастрюлю, нарезала хлеб и положила по ломтю перед каждым прибором. Оставшийся, шестой, положила на тарелку Йезада и позвала мальчиков.

— Что на обед? — осведомился Мурад.

— Ирландское рагу. — Мать наполнила его тарелку картошкой с луком и подливкой.

— А где баранина? — поинтересовался Мурад.

— Хороший вопрос, — ответил Йезад, — видимо, в Ирландии пасется.

Он обмакнул кусочек хлеба в подливку и принялся за еду.

Джехангир последовал примеру отца и объявил, что рагу потрясающе вкусное.

Мать улыбнулась, раскладывая рагу по тарел-

кам. Когда она взялась за тарелку Наримана, тот после первой же ложки остановил ее — мне больше не надо. Спасибо.

— В чем дело, чиф? Не нравится постный обед? Поешьте, чтобы не огорчать нашу маленькую Рокси.

— Прошу тебя. Папа и без того расстроен.

— Скоро еще больше расстроится. Скоро можем оказаться на хлебе и воде.

— Прекрати. Как можно быть таким бесчувственным?

Нариман поднял руку.

— Я заслужил все, что Йезаду хочется сказать. Вы страдаете от моей недальновидности. Действительно, было глупо с моей стороны записать квартиру на них.

Он размял картофелину на тарелке и продолжал, не поднимая глаз:

— Поколениям студентов я преподавал «Лира», но для себя так и не извлек урок. Что ж я за учитель, если к концу жизни не стал умнее, чем в молодости?

— Что такое «лир»? — заинтересовался Джехангир.

Нариман проглотил картошку.

— Так звали одного короля, который наделал

много ошибок.

— Не ты повинен, папа, в поведении Джала и Куми. Твой поступок только доказывает твою доброту и доверчивость.

— Доброта и доверчивость не дают человеку крышу над головой, — буркнул Йезад.

— Не беспокойся, этот Лир уедет к себе домой, — сказал Нариман. — Я знаю Куми — придет время, и она заберет меня.

Никто не ответил.

Потом Мурад спросил, есть ли еще хлеб.

— Ты получил свою порцию, — сказала мать.

— Но у меня еще осталась подливка.

Роксана подала ему свой ломтик, но Йезад ткнул в него пальцем, потребовал, чтобы Мурад вернул хлеб матери, и подвинул ему свой кусок.

— Нет, папу нельзя лишать хлеба, — возразила Роксана, — он должен ходить на работу, чтобы деньги в дом приносить.

— А маме нужны силы, чтобы судно подносить! — И он перебросил хлеб на тарелку Мурада.

Мурад вышел из-за стола.

Роксана сказала, что если так пойдет, то скоро никто и не вспомнит про баранину — дети будут сыты детскими выходками их отца.

Он подождал, пока мальчики уберут со стола, и пошел обуваться.

— Ты куда? — спросила Роксана.

— Да никуда.

Дверь захлопнулась. Прикрыв рот рукой, Роксана не сводила глаз с розочек на скатерти. За пятнадцать лет семейной жизни он впервые так повел себя.

— Не мучайся, — тихо сказал Нариман. — Беднягу одолевают заботы. Решил немного погулять, прийти в себя. Мне это всегда помогало.

— Ох, папа, разве становится легче от того, что говоришь гадости, выходишь из себя?

— Что ему остается? Он не святой — мы все не святые.

Он протянул дочери руку. «Боже мой, — подумала она, — сам так страдает, и еще хватает сил меня утешать…»

Мальчики побежали на балкон посмотреть, в какую сторону пойдет отец. Они ожидали, что отец помашет им, но он, не оглядываясь, скрылся за углом.

— В сторону базара пошел, — доложил Мурад.

— Он… помахал?

— Да, — быстро сказал Джехангир.

Из-за угла Йезад мог видеть детей на балконе,

оставаясь скрытым от их глаз. Встревоженные лица огорчили его. Как он всегда радовался их здоровому аппетиту, а тут… Эти несколько недель все поломали… и Рокси все меньше кладет на свою тарелку, чтобы хоть чуточку оставить в кастрюле, но детей не обманешь… Сначала Мурад заколебался, когда мать спросила, не хочет ли он добавки, а вот Джехангла — тот сразу отказался и еще брата подтолкнул. Теперь они неизменно говорят, что наелись. Мурад, наверное, сильно проголодался сегодня, раз хлеба попросил…

Одна мысль буравом сверлила его мозг. Он снова взглянул на балкон и, уверившись, что за ним никто не наблюдает, перебежал обратно через улицу, увертываясь от машин, и нырнул в парадное своего дома. Тихонько поднялся на третий этаж, прошел на цыпочках мимо собственной двери и постучался к Вили.

Дверь сразу открылась.

— Мой дорогой Йезад-джи, — громко заговорила Вили, — что привело…

— Тс-с-с!

Он вошел и плотно закрыл за собой дверь.

Всегдашний запах Вили, похожий на чуть прогоркшее топленое масло, ударил ему в нос. Он едва не попятился.

— Роксана не должна знать, что я здесь.

Вили хихикнула:

— Что у вас на уме, милый?

— Можешь помочь мне?

— Говорите, Йезад-джи.

— Как сейчас лотерея?

— То вверх, то вниз. На собственные сны я могу положиться. С другими я теряю деньги. Беда в том, что сон у меня нынче не тот, что прежде.

Вили поправила выбившуюся прядь волос и разгладила скомканный ворот халата.

— А что это вы вдруг «Кубышкой» заинтересовались?

— Да это временно… — Йезад колебался. — Деньги потребовались. Хочу сделать сюрприз. Роксане.

— Пара голубков!

— Можешь подсказать номера на сегодня?

— Мне ночью снился такой ясный сон, что на сегодня номера просто с гарантией.

— Что тебе приснилось?

Вили застенчиво опустила глаза:

— Очень интимный сон.

Почуяв, что он не собирается расспрашивать, Вили продолжила сама:

— Впрочем, что ж не рассказать — я ведь не

отвечаю за то, что во сне происходит, правда? Иду я по Гранд-роуд, ищу себе бюстгальтер. Останавливаюсь у прилавка, где приличный выбор. Продавец спрашивает: «Какой вам номер?» Я говорю: «Мой обычный, 34A».

Йезаду сделалось неловко, но Вили уже понесло:

— Он качает головой, а сам на мою грудь смотрит. Нахально так смотрит. И говорит мне с сальной улыбочкой: «Мадам, ваш номер не 34A. Я уже много лет в этом бизнесе, мне достаточно одного взгляда на ваши прекрасные формы, чтобы понять, что вы носите 36C».

Йезад не удержался и бросил быстрый взгляд: грудь Вили выглядела как всегда — нечто бесформенное под нелепым халатом.

«Перестань пялить глаза, — говорю я этому бесстыжему, мавали бессовестному. — Я свою грудь знаю, уже столько лет ношу 34A, я же не расцветающая школьница, в конце концов». А он мне: «Вы примерьте и скажите!» Я говорю: «Ты что, с ума сошел? Прямо на улице мерить, что ли?» — «Зачем, — он говорит, — возьмите домой, мадам, и поверьте мне: груди и бюстгальтеры — это мой бизнес, они меня кормят. 36C вам в самый раз. Не подойдет, принесете обратно, я вам

полностью верну деньги плюс десять процентов за неудобство». Ну что сказать? Принесла домой, примерила. Поверите ли, он оказался прав: 36С сидит на мне как влитой!

На этой точке Вили перешла с драматического тона на деловой:

— Вы меня поняли, Йезад-джи? Сегодняшний лотерейный номер 36. Тройка — первая карта, которую вынут из «Кубышки», шестерка — последняя.

Йезад достал из бумажника десять рупий.

— Можешь поставить на 36?

— А который сейчас час? Первую карту в девять вынимают, надо поспешить!

Она заторопилась в соседнюю комнату, принесла линялое желтое шифоновое сари и стала наворачивать прямо поверх халата.

— А где у меня булавки? Помогите заколоть сари, Йезад-джи. На плече, на талии и здесь, на спине. Так. А этой я заколю сари на животе. Готово. Спасибо, милый.

— Пожалуйста.

Вили посмотрелась в зеркало — фас и профиль — и осталась довольна.

— Если успею, то завтра получите восемьсот десять рупий за свою десятку.

— А когда мы узнаем результат?

— В полночь, когда вторую карту вынут. Зайдете?

— Подожду до утра. Спокойной ночи. — И, оглянувшись, добавил: — Добрых снов.

* * *

Свет потушили часа два назад, а Джехангир все ворочался с боку на бок, не в силах заснуть. Топчан поскрипывал от каждого движения, и он боялся, как бы мама не пришла посмотреть, в чем дело. Мучимый разладом, который будто поселился в доме, как мерзкая тварь, он изо всех сил сжимал кулаки, чтобы не расплакаться.

Отцовская злость — не вспышки гнева, как полыхнувшая молния и гром, после которого опять ясно, и солнце светит, и отец улыбается. Теперь совсем другое — тупое раздражение, которое не проходит много дней.

А в последние недели происходит совсем непонятное. Все время ссоры и ехидные словечки.

Ничего не осталось от нежности его родителей, от счастливых взглядов, которыми они обменивались по секрету (хотя для Джехангира нет секретов, он все видит). Ласковое перешептывание и тихий смех с их кровати по ночам, как

колыбельная, под которую он засыпал, зная, что в его мире все хорошо. Теперь все разваливается. Сердитое шипение и тихая перебранка в комнате родителей заставляли его плакать в темноте.

Если б он только мог заработать деньги для мамы с папой. Как «Знаменитая пятерка» и «Секретная семерка» — те дети зарабатывали у соседей или бегали по их поручениям. Им и деньги-то не на важные вещи требовались, как ему, они покупали себе лакрицу и всякую другую ерунду. Мороженое. Как же все несправедливо, он никогда не будет так весело жить, ни у кого из тех детей не было больного дедушки, которому нужно много дорогих лекарств. Это дедушка виноват, что папа с мамой ссорятся.

Джехангир повернул голову к дивану: спит дедушка или лежит с закрытыми глазами. Он слышал дедушкино дыхание, руки его сейчас были в покое. Лекарства стояли на столике. Джехангир взял на себя обязанность подавать дедушке таблетки и стакан воды. Иногда дедушка кашлял, нечаянно выплевывая таблетки. Джехангира пронзало сочувствие, он вытирал воду, стекающую на подбородок и грудь деда, уговаривал его сделать глубокий вдох (вдох-выдох, дедушка, вдох-выдох), попробовать еще разок и

хорошенько запить водой.

О чем думает дедушка, когда лежит в одиночестве целыми днями? Он никогда не жалуется. О том, какие недобрые дядя Джал и тетя Куми? А может быть, о том, куда денется, если папе все надоест и он прикажет ему уходить? Бедный дедушка, такой старенький и слабый, и все эти боли, от которых он охает и постанывает, хоть и старается скрывать (только не от Джехангира, потому что он все видит).

Джехангир снова расплакался, мимолетное недовольство перешло в тоску. Он слышал, как доктор Тарапоре по секрету сказал маме, что дедушке станет хуже, что его нельзя вылечить, что ему будет все труднее управлять руками и ногами.

«Затруднения с локомоцией будут нарастать», — сказал доктор.

Темнота расплывалась от слез. Раньше он не знал, что ночь может быть полна жизни, как день, и расплываться может, как день. А вдруг удастся заработать деньги, если предложить тете Вили помогать ей в разных делах? И тете Дейзи с первого этажа. И Мурад — они могли бы работать вместе. Вместе они могли бы выполнять серьезную работу и зарабатывать больше денег.

Убаюканный надеждами, он наконец уснул. Ему снилось, будто дедушка быстро передвигается на костылях и все ему аплодируют. Но вдруг дедушкины движения замедляются — что-то не так с одним из костылей. Он уже на кухне, когда становится ясно, что верхняя часть костыля превратилась в здоровенную баранью лопатку. Папа достал из ящика большой нож и точит его, чтобы нарезать мясо, но мама говорит: нет, как же папа будет передвигаться? И началась новая ужасная ссора, они кричали друг на друга, пока дедушка не сказал, что это ничего, он справится. Он передал баранью лопатку папе и Мураду, у которого слюнки текли, и стал показывать, как ходит на одном костыле, но упал на пол. Мама закричала, что папа из жадности хочет убить ее бедного отца, что от такого количества красного мяса у папы повысится холестерин и он оставит ее вдовой с двумя детьми…

Джехангир проснулся в ужасе. Он сел, топчан громко скрипнул.

— Что случилось? — прошептал Нариман.

— Твой костыль. Дедушка, мне приснилось, что он сломался…

— Мой костыль в полном порядке. Дай мне руку и спи.

Джехангир потянулся к дивану, нащупал дедушкину руку и вскоре крепко заснул. В ту ночь ему больше ничего не снилось.

— Подожди, — позвала Роксана, подбегая к дверям для прощального поцелуя, но муж уже спускался по лестнице.

«Еще одно утро, — подумала она, — без волшебного целительного воздействия на него».

Йезад спустился на второй этаж, прислушался к звуку закрывающейся двери, подождал. Сейчас, когда лестничную клетку заливал солнечный свет, вчерашний вечер показался ему совершеннейшей глупостью. Дать Вили десять рупий, чтобы она поставила их на приснившийся размер своего бюстгальтера, — выброшенные деньги.

Под звуки скрипки Дейзи Ичапория, плывшие по лестнице, он возвратился на третий этаж. Постучался, увидел зрачок Вили за глазком и приложил палец к губам. Она открыла, поманила его в квартиру. Фигура в халате романтически покачивалась под музыку, и он возблагодарил Бога за то, что Дейзи играет медленную вторую часть, а не бурный чардаш.

Продолжая колыхаться в такт музыке, Вили запустила руку в вырез халата, извлекла пачку банкнот и передала Йезаду.

— Вот так, мой милый. Восемьсот десять рупий. Считайте.

Йезад не верил собственным глазам. Он жадно развернул деньги, согретые ее телом.

— Фантастика! Действительно новичкам счастье, да?

— При чем тут новички, — разобиделась Вили, — я с самого детства вижу сны!

Он шагал к станции в подавленном, несмотря на выигрыш, настроении, размышляя об одинокой, ущербной жизни Вили. Однако ее размер 36С действительно сработал. Совпадение? Или она провидит будущее? А если сны способны приоткрыть завесу… то что это — конец неуверенности и тревогам?.. Самая плохая новость утратит свое жало, если ее предвидишь. Правда, и добрая весть той радости не доставит, но это цена, которую он готов заплатить.

Вечером он тайком разложит сто рупий по конвертам Роксаны. Через неделю еще сотню, потом еще… а если она заметит, скажет — сюрприз! Представляешь, Капур выплатил добавочные комиссионные.

* * *

По пути к ресторанчику Ирани, куда они с Виласом забегали выпить чаю во второй половине дня, Вилас обратил внимание на капуровскую витрину, украшенную к празднику огней Дивали.

— Весьма драматично.

За стеклом, в кольце ритуальных масляных светильников, стояли картонные фигуры Рамы и Ситы. У их ног лежал поверженный царь демонов Равана о десяти головах и двадцати руках.

— Похоже, будто Рама и Сита навещают демона в больнице, — съехидничал Йезад.

— Мне кажется, в прошлом году Капур не украшал витрину к Дивали?

— Нет. Но теперь он решил отмечать праздники всех религий. Следующим будет Рождество. Готовься. Пожалуй, будет еще драматичней.

— Кстати, о драме. Двое ребят из нашего любительского кружка собирались заглянуть.

В ресторане им пришлось пробираться меж опрокинутых стульев и луж. Мерван Ирани, здоровяк огромного роста, будто составленный из одних округлостей, стоял за прилавком у кассы, раскладывая купюры по ящичкам. Он обратил к

вошедшим красную, лоснящуюся потом рожу и приветственно ухмыльнулся.

— Что тут происходило? Побоище? — спросил Йезад.

Мерван объяснил, что пришлось посетителя вышвырнуть.

— Сала, мадар чод, скотина, матери его черт, заявляется прямо как король, заказывает чай с фаршированной булкой, двойную порцию масла и все, что полагается. Зубищами клацает, чавкает, жрет, морда довольная, как у козла на помойке, чаем запивает. А когда приносят счет, говорит: «Вы уж извините, у меня денег нет!» Официант сначала подумал, что шутит, так нет, ублюдок и впрямь отказывается платить!

Официант его за грудки, завязалась драка.

В конце концов трое официантов скрутили наглеца, а Мерван собственноручно обшарил его карманы.

— Ничего не нашел, только носовой платок засморканный. Пусто. И еще говорит: «Я же сказал, нет у меня денег… А есть хочется». Представляете, каков сукин сын?!

— По крайней мере честный, — сказал Вилас.

— Да имел я матерь этой честности! У нас половине страны есть хочется, так если каждый

честно будет меня объедать, мне на что жить? Я и врезал ему. От души.

В доказательство Мерван показал свою лапищу — мясистая ладонь, пальцы как сардельки, жертву можно было только пожалеть.

— Полицию звать без толку, — продолжал Мерван, — что они сделают? Надают и отпустят. Это я сам могу.

Однако на прощание Мерван дал ему полезный совет: лучше стащить на базаре яблоко или банан и когти рвать.

Тот сказал Мервану, что обыкновенно так и поступает, но сегодня у него особый день — десятилетие окончания колледжа, и ему ужасно захотелось выпить чаю с фаршированной булкой, как, бывало, они с приятелями делали в счастливые студенческие времена.

На этом он аккуратно заправил рубашку в штаны, причесался, завязал шнурки и пожал Мервану руку.

Так что расстались они вполне дружелюбно.

— Печально это, — заметил Мерван, — человек с дипломом не может найти себе работу.

— Обычное дело, — вздохнул Вилас. — Простой диплом ничего не дает. Единственные, кто хорошо зарабатывает, это компьютерщики.

— Про разбой на большой дороге слышал, про кражи со взломом слышал, про квартирные кражи слышал, но про налет ради чая с булкой… Что за времена настали! — Мерван развел руками.

Йезад с Виласом направились к своему обычному столику в глубине зала; появившийся в кухонной двери официант вопросительно поднял два пальца, они кивком подтвердили заказ. Заметив у входа приятелей, Вилас показал официанту четыре пальца, тот утвердительно кивнул. Вилас представил Йезаду Готама и Бхаскара.

Обменялись рукопожатиями, расположились за столиком. Бхаскар носил круглые очочки в стальной оправе, как у Ганди, у обоих были большие сумки из домоткани, заплатанные так же артистично и модно, как их джинсы. Через разрезы в домоткани заманчиво выглядывали цветные обложки журналов и книг, скромные дырки в джинсах обнажали избранные участки кожи.

Принесли чай.

— Сегодня я угощаю, — объявил Йезад и, обращаясь к официанту, распорядился: — Суно, бхаи, принеси, братец, четыре пирожка с мясом и тарелочку вафель.

— Ты что? — ужаснулся Вилас. — У тебя же

денег из-за тестя нет…

— Все нормально. Я сегодня в «Кубышку» выиграл.

— Правда? А я не знал, что ты в «Кубышку» играешь.

— Первый раз в жизни. У нас соседка этим увлекается. Вещие сны видит, выигрышные. Она поставила за меня.

— Новичкам счастье, — фыркнул Вилас, — побереги деньги и не играй больше.

Готам сказал, что для большинства «Кубышка» — безобидное развлечение, вроде покупки лотерейного билета.

— Хотя, по сути, это подлинный бич. Весь Бомбей опутан криминальной паутиной проклятой игры.

Официант поставил на стол пирожки и вафли.

— Да будет вам, — усмехнулся Йезад. — Вас послушать, так получается, что в Бомбее заправляет коза ностра.

— На самом деле коза ностра — детская забава по сравнению с бомбейскими делами, — стоял на своем Готам. — Не обижайтесь, но вы понятия не имеете, о чем говорите.

— Ну извините. — Йезад был ошарашен резким выпадом едва знакомого человека.

— Я хочу вам объяснить, — вмешался Бхаскар. — Видите ли, мы журналисты. Казалось бы, какая разница — купил человек лотерейный билет, завертелся барабан, он либо выиграл, либо проиграл. Или чья-то рука вынула из глиняной «Кубышки» одну игральную карту в девять вечера, а другую — в полночь. Пофартило — выиграл один к девяти, не пофартило — продулся. Так? Но мы проводили аналитическое расследование «Кубышки». И Готам недавно опубликовал материал о ней: «“Кубышка” и политико-криминально-полицейская связка». В материале он затронул и Шив Сену, которой это не понравилось. Так вот, на прошлой неделе шивсеновцы подстерегли Готама около редакции.

— У меня все лицо было черным, — сухо сказал Готам, надкусывая пирожок.

— То есть они что, оскорбляли и угрожали? — не понял Вилас.

— Я в прямом смысле.

— Ты хочешь сказать, что они действительно…

— Именно.

По словам Готама, на него набросилось человек десять, они вопили, что журналистам, которые клевещут на Шив Сену и публично чернят ее доброе имя, они заплатят той же монетой. Выкру-

тили Готаму руки за спину и, держа за волосы, чтоб не мог отвернуться, вымазали ему лицо, уши, шею и даже рубаху заранее припасенным гуталином.

— Когда они бросили Готама, он был на Эла Джолсона похож, — сказал Бхаскар, и Йезад с Виласом рассмеялись.

— Это не смешно! — окрысился журналист. — У меня дико слезились глаза, а кожа горела так, что я сразу побежал к врачу. Потом пришлось оттирать чертов гуталин — у меня до сих пор все лицо болит.

— Для этих людей не существует законов, — буркнул Йезад.

— Пари держу, что в какой бы шивсеновской ячейке ни состояло это хулиганье, в полицейском участке их наверняка знают поименно, — согласился Вилас.

— Ясно одно, — сказал Бхаскар, — статья попала в яблочко. Народ ведь считает, что не так уж это плохо, что Шив Сена вымогает деньги у богатых бизнесменов — собирает «пожертвования» на свою «благотворительность». Но «Кубышка» тоже используется для финансирования Шив Сены. И это на деньги от «Кубышки» приобреталась взрывчатка, которой террористы взорвали бом-

бейскую биржу. Видите, в чем парадокс? Враги нации и политические партии, которые проходят как защитники нации, кормятся из одного корыта.

— Проблема в том, что из него подкармливаются и миллионы простых людей, — задумчиво сказал Вилас. — Номера, на которые они ставят по вечерам, дают им резон просыпаться наутро. В определенном смысле «Кубышка» — это Бомбей, а Бомбей — это «Кубышка».

— Звучит глубокомысленно, а на самом деле чушь, — озлился Готам. — Кто играет в «Кубышку», все должны понимать, что они поддерживают криминальную структуру.

— Что до меня, то я играл в первый и в последний раз, — заявил Йезад.

Готам одобрительно кивнул и поднес было пирожок ко рту, но Вилас придержал его за локоть:

— Стоп! Пирожок-то на деньги из «Кубышки» заказан!

— Знаю. Но если он пропадет, так криминалу от этого не хуже. И выбросить пирожок с мясом — тоже уголовное преступление.

Все рассмеялись и принялись за хрустящие вафли. Меняя тему, Бхаскар спросил Виласа, почему тот перестал писать для драматического

кружка — у него же наверняка полно сюжетов из писем.

— Да уж, — согласился Вилас. — Я только сегодня утром прочел письмо, которое может лечь в основу подлинной трагедии. Пришло из деревни в штате Уттар Прадеш и касается младшего брата моего клиента.

Вилас пересказал письмо из деревни: парень встречался с девушкой из более высокой касты, что вызвало возмущение всей деревни, в особенности родни девушки. Им запретили видеться. На всякий случай мужчины из ее родни избили парня, но это только прибавило пылу влюбленным.

Как-то вечером их застали вместе. Застали, растащили, избили, выдрали волосы, сорвали одежду. Срочно созвали собрание деревенского панчаята. Приволокли на собрание избитую и окровавленную пару.

Семья парня заявила, что если их сын совершил преступление, то надо обратиться в полицию. Семья девушки не соглашалась: дело касается деревни и требует наказания по традиции. Панчаят поддержал это мнение. Решение было принято за несколько минут: повесить обоих, предварительно отрезав им уши и носы.

Отец парня на коленях молил о милосердии,

предлагал компромисс: отрезать сыну уши и нос, но сохранить ему жизнь. Нет, сказали члены панчаята, слишком серьезное совершено преступление, если проявить мягкость, то это поощрит дурное поведение деревенской молодежи.

В глазах панчаята обе семьи выступали как потерпевшие стороны. Поэтому отец девушки имел право отрезать уши и нос парню, а отцу парня предлагалось отрезать уши и нос девушке. Он отказался, тогда отец девушки изуродовал и собственную дочь до повешения.

— Ужасная история, — отозвался Готам, — но нам не подойдет.

— Почему?

— Нам нужна городская тематика. По сути, мы обязаны разъяснять городской бедноте ужас ее положения.

— Да и с самим сюжетом проблемы, — добавил Бхаскар, — если это трагедия, то кто здесь трагический герой, в чем его роковая ошибка, его гамартия? И зрительская реакция: какую форму примет катарсис зрителя? Все эти вопросы требуют проработки.

Вилас только глаза закатил.

— Слушайте, зрители будут сострадать и негодовать по поводу варварских обычаев и кастовой

системы в целом. Этого что, недостаточно?

Журналисты покачали головами и обменялись умудренными улыбками.

— Не сработает, поверь мне, — сказал Бхаскар. — Мы бы хотели, чтобы ты написал про Шив Сену. Это самая серьезная угроза нашему городскому обществу.

— Но не в лоб, — заторопился Готам, — иначе они зал разгромят.

— Попробуй написать в аллегорическом ключе, — предложил Бхаскар, — может быть, в форме притчи.

Йезад играл с солонкой, передвигая ее по столу.

— А что с родителями парня? Они должны были обратиться в полицию.

Заведенный журналистами, Вилас немедленно сорвал злость на Йезаде:

— Ты у нас прямо как иностранный турист — где же законность и правопорядок, у вас ведь демократическая страна! А то тебе не известно, как делаются дела в этой стране…

— Ты прав. — Йезад чувствовал, что свалял дурака. — Просто когда слышишь о таких ужасах…

— Конечно! Когда люди ощущают свою беспомощность, они начинают разглагольствовать,

чтобы почувствовать себя лучше. Или отрицают существование беззаконий.

— Бывают только отдельные случаи! — фыркнул Готам.

— Вот именно, — подхватил Бхаскар. — А вообще в Индии прогресс: спутниковое телевидение, Интернет, электронная почта, лучшие программисты в мире!

— «Хамара Бхарат Махан», наша Индия — великая страна! — хихикнул Готам. — И не иначе! Есть лозунг — есть что повторять!

— Давайте я пример вам приведу, — начал Вилас. — Я тут недавно прочитал роман о чрезвычайном положении. Большая книга, полная ужасов нашей повседневной жизни. И полная жизнелюбия, смеха, чувства собственного достоинства простых людей. Правдивая на сто процентов — я смеялся и плакал, читая. А в большинстве рецензий автора обвиняют в пристрастности — нет, нет, все было не так уж плохо при чрезвычайном положении. Особенно стараются иностранные критики. Знаете, из тех, что приезжают в Индию на две недели и становятся экспертами. Одна баба, не помню, как зовут, такую муть опубликовала, пагаль, наверное, с головой не в порядке: защищает Индиру, защищает

программу стерилизации мужчин, защищает все, что тогда творилось. Такую только пожалеть можно, даром что она профессор какого-то английского университета. Что делать? Люди боятся правды. Как Элиот писал: «Человечество не выносит реальность в больших дозах».

Он глянул на часы и торопливо допил чай. Ему и Йезаду пора было возвращаться на работу.

— Приятно было познакомиться, Йезад, — хором сказали журналисты. — Не пропадай, Вилас, и пиши для нас, обещаешь?

Пока Йезад расплачивался, из кухни донесся грохот бьющейся посуды и какофония взаимных обвинений. Мерван Ирани бросил ему сдачу, защелкнул кассу и двинулся в сторону кухни со всей быстротой, которую допускала его масса. «Мясистые ручищи, свисающие по бокам, делают его похожим на баранью тушу на крюке», — пришло в голову Йезаду.

— Невезуха, — заметил подошедший Вилас, — денек у него сегодня!

Вышли на улицу.

— Теперь ты понял, что я говорил тебе про этих актеров? Слишком псевдо все это для меня. Слишком все интеллектуально, реальную жизнь не видят. Цитата из Станиславского, цитата из

Страсберга, отчуждение по Брехту: ни о чем другом говорить не могут.

Йезад, так и не пришедший в себя от истории с повешенными влюбленными, спросил, написал ли Вилас ответ на письмо из деревни. «Нет, — покачал головой тот, — клиент был в полном шоке».

— Я деньги пытался ему вернуть, которые он мне заплатил вперед за чтение. Какая может быть плата за такие вести? Он отказался, сказал, что не желает экономить на смерти брата, задаром слушать известие о ней. Собрался ехать в деревню мстить за брата. Несчастный. Ну как ему объяснить, что жизнь — это не кино с Амитабхом Баччаном в главной роли! Что справедливость — это мираж!

— И что ты ему посоветовал?

— Написать семье, разделить с ними горе и гнев. Что еще? — Вилас вздохнул: — Одно дело — прочитать о такой трагедии в газетах, но, представляешь, приходит к тебе человек с письмом, ни он не знает, что в письме, ни я, а это весть об убийстве его младшего брата…

— И ты как доктор, узнавший, что его больной обречен.

— Хуже. Доктор по крайней мере может под-

готовить больного и его близких. А когда мне вручают письмо, я понятия не имею, что сейчас прочту. Глаза видят слова, губы произносят их — и я ничего не могу сделать, кроме как продолжить чтение.

— Ты тоже мог бы остановиться, сказать что-то типа: плохие вести, мужайся. Предупредить его, как доктора делают.

— Большая разница, Йезад. Доктор при этом не нарушает клятву Гиппократа. На самом деле доброта и сострадание — это его врачебный долг. А если бы я попытался смягчить удар, подготовить к нему слушающего, это было бы предательством, злоупотреблением его доверием.

— Да брось ты! Доброта — предательство?

В тоне Виласа появилась запальчивость:

— Когда мне вручают письмо, это священный акт доверия. Я беру на себя обязательство прочитать слова так, как они были бы прочитаны его собственными глазами, будь он грамотен. И это нерушимый договор между нами: ни одно слово не может быть добавлено, выпущено или искажено.

— Слишком серьезно ты к этому относишься. В худшем случае это чуточка лжи во спасение.

— Есть вещи, к которым только серьезно и

можно относиться! — Вилас повысил голос: наверное, со стороны могло показаться, будто эти двое ссорятся на ходу. — Маленькая белая ложь во спасение не менее пагубна, чем большая черная ложь. А смешавшись, они дают великую серость двусмысленности, общество оказывается в море аморальности, расцветают коррупция, все гниет, все приходит в упадок. Вот в такое время мы и живем. Все распадается, потому что никого не волнуют частности и ни к чему не стоит относиться серьезно.

Вилас почувствовал, что завелся сверх меры.

— Извини, Йезад, ты, наверное, думаешь, что я свихнулся на этих письмах. У тебя своих проблем хватает и без чужих семейных трагедий.

— Нормально, мои проблемы кажутся мелкими по сравнению.

— Ну, это сейчас! Вечером придешь домой, увидишь, как мучается тесть, как бьется твоя жена, начнешь думать, чего недодаешь детям, и бремя твое опять сделается тяжким. Горести мира не утешат тебя.

— Ну, спасибо, поднял ты мне настроение.

— Будешь еще в «Кубышку» играть?

Йезад нахмурился и пожал плечами:

— Не хотелось бы. Если на работе прибавят

денег, не понадобится ходить к этой вещунье.

— Терпение, мой друг. Терпение внутри тебя, рупии мимо тебя. А ты мимо рупий. Смешно?

— До чрезвычайности. Внутри ли, снаружи ли — умные люди должны уметь заработать деньги, когда нужда прижимает.

— Не годишься ты на это. В жульнической-то культуре!

— Это почему?

— Потому что так воспитан, потому, что веришь в порядочность и честную игру.

— Ты прямо как Капур с его белибердой насчет честности парсов.

— Это не белиберда. Мифы творят реальность. Штука в том, что были времена, когда жизнь в соответствии с определенными мифами сослужила отличную службу вашей общине. А при нынешнем состоянии общества те же самые мифы могут сделать многих парсов неудачниками. Даже англичане знали, когда держаться в рамках мифа «это не крикет, старина», в смысле: неспортивно ведешь себя, — а когда ударить ниже пояса.

Оба рассмеялись, но Вилас все не унимался:

— Ясное дело, теперь им придется расстаться с «крикетом», поскольку крикет уже давно не крикет, а грязный бизнес с букмекерами, взятка-

ми и договорными матчами, которые разбивают сердца нам, крикетолюбивым жителям субконтинента.

— Значит, ты советуешь мне стать таким же мошенником, как все?

Вилас с усмешкой покачал головой:

— У тебя не получится. Попробуй, если хочешь. Все равно останешься игроком в крикет.

Крикет, крикет… Йезаду вспомнились времена, когда они с Нариманом смотрели все лучшие матчи на стадионе «Ванкхеде». Чиф был настоящим болельщиком, не пропускал ни одной отборочной игры или «Ранджит трофи». Какое наслаждение сидеть рядом с ним, слушать рассказы о великих игроках прошлого, о гигантах, которых он видел в деле еще на старом стадионе «Брабурн», — Лала Амарнатх, С. К. Наяду, Виджей Мерчант, Полли Умригар…

Воспоминания наполнили его сердце глубокой печалью — теперь Нариман беспомощно лежит в постели. Даже не в собственной постели.

Как проходит время, все меняя. И его собственная жизнь — неприметно уходящие годы, ничего, кроме бесконечной скуки одного пустого дня за другим… И что же, так будет всю жизнь? Сорок три года — чего он добился? Даже в чертову

Канаду не сумел уехать, чтобы начать там все сначала… дети так быстро подрастают — а им что он может дать? Ничего.

Йезад простился с Виласом, вошел в магазин, уселся на свой стул. Сгорбившись над столом, подперев подбородок рукой, он смотрел на улицу, где злобно ревели машины и автобусы, выбрасывая в воздух агрессию вместе с выхлопом, медленно тащась к развязке у Дхоби-Талао.

Он обрадовался, когда Хусайн отвлек его от мыслей, спросив, не желает ли он чаю.

Глава 10

Джехангир два дня обдумывал свой план и наконец по дороге в школу поделился с братом.

Мурад ответил, что, во-первых, соседи им никакую работу не дадут, а если дадут, так за такую ничтожную плату, от которой папе с мамой легче не станет.

— Откуда ты знаешь, сколько нам будут платить?

— Оттуда. Ты что, не слышишь, как они собачатся со слугами и как обращаются с ними?

— С нами они так не будут.

— С нами еще хуже будут, потому что мы дети.

Тогда Джехангир предложил другой план: продать свои книжки с картинками товарищам по школе.

— Откуда у тебя эти гениальные идеи? Ничего не выйдет, продадим книги дешевле, чем они стоили. И еще от папы с мамой попадет. Ты что? Нам на дедушку сотни и сотни рупий нужны.

Братья расстались у ворот; Мурад сразу растворился в море бежевых рубашек, заполнявших прямоугольник двора. Джехангир уныло болтался

в одиночестве, мучаясь в поисках решения, пока не услышал первый звонок. Потопал вверх по лестнице, сгибаясь под тяжестью бед и школьной сумки. Кто-то догнал его и хлопнул по спине.

— Привет, Милинд.

— Ты не забыл, что сегодня игра? — спросил Милинд. — Католики против Некатоликов.

Он хвастливо взмахнул крикетной битой — некатолической. Католики придут со своей. А столбики крикетной калитки — в данном случае просто меловые отметки на деревьях — будут экуменическими.

Карман штанов Милинда оттопыривался из-за теннисного мяча, принесенного на матч, — крикетные мячи на игровой площадке запрещались, поскольку считались слишком твердыми и опасными для школьных игр. Милинд шепотом назвал имена Католиков и Некатоликов — в Св. Ксавьере деление по религиозному признаку не поощрялось даже в крикете.

В начале учебного года этот вопрос был поднят на общем собрании.

— Много лет назад, — говорил отец Д'Сильва, — когда эта игра получила широкое распространение в нашей стране, в Бомбее проходил Пятисторонний турнир. В нем участвовало пять

команд: индусы, мусульмане, парсы, европейцы и еще одна, которую назвали «прочие». Однако турнир стал причиной большой печали для Махатмы Ганди. Он сказал, что в работе ли или в игре мы, дети Матери Индии, должны быть единой семьей, чтобы освободить нашу родину от цепей порабощения. Он скорбел и постился, а потом призвал к себе капитанов и тренеров всех команд, которых поразило его глубокое знание тонкостей игры, и убедил их в важности командного духа и единения. Под влиянием Махатмы Пятисторонний турнир был отменен — нам не нужен крикет, в котором игроков делят по религиям или расам.

Помните, мальчики, вы учитесь в великой школе, где мы все стремимся следовать заветам Отца нации. Мы не должны разделяться на католиков и детей других вер, ибо мы все дети нашей доброй и любящей Alma Mater, которая не признает различий между кастами и верованиями.

Школьники внимательно выслушали речь на собрании и забыли увещевания отца Д'Сильвы, как только оказались на игровой площадке. Для них крикет не был сектантской игрой, им требовался метод организации команд. На прошлой неделе играли Вегетарианцы против Мясоедов.

Были игры команды Намасленных волос против Сухих, Накрахмаленной формы против формы без крахмала. Однако школа бдительно следила за малейшими проявлениями религиозной розни — в особенности после погромов, связанных с мечетью Бабри Масджид.

Поэтому Милинд остерегался нарушить секулярность коридора, по которому постоянно рыскал в поисках добычи отец Д'Сильва, и другу имена игроков перечислил шепотом. Джехангиру нравились католические имена: Генри, Джордж, Френсис, Уильям, Филипп, — они звучали как имена героев книг Инид Блайтон. Правда, фамилии у ребят были Д'Суза, Фернандес, Д'Мелло — совсем не похожие на детей из «Знаменитой пятерки» или «Пятерых следопытов».

Ему и собственное имя хотелось бы переменить. Джехангир, Джехангла, Джехангу. Можно сократить до Джехана. А это уже похоже на Джона. Джон Ченой. Ему нравилось звучание этого имени, оно на шаг приближало его к чудесному миру тех книг.

— Начнем на маленькой перемене, — сказал Милинд, капитан Некатоликов. — Раджеша я ставлю запасным, а тебя включаю в команду.

— Я не очень хорошо себя чувствую…

— Ладно тебе, ты никогда с нами не играешь!

Второй звонок. Джехангир заторопился и пообещал прийти, если ему станет получше к перемене. В отличие от брата, он не увлекался спортом. Следил за крикетом, слушал комментаторов, но на том все.

Третий звонок возвестил начало школьного дня. Под затихающий звон в класс впорхнула мисс Хелен Альварес. Шестьдесят одна пара обуви шаркнула по полу, скрипнули парты, застонали скамейки — класс поднялся на ноги!

— Доброе утро!

— Доброе утро, мальчики. Садитесь.

Снова шаркание и стук парт. Класс почти поголовно влюблен в учительницу, потому что Хелен Альварес прехорошенькая и всегда благоухает духами. Миниатюрная гоанка, чуть старше двадцати, высокие скулы, вздернутый носик. Хорошо одевается, носит туфли на высоких каблучках, следит за модой. В этом году юбки сильно укоротились, и мальчишеские сердца бились все сильней. Особенно когда учительница, поднявшись на две ступеньки к своему стулу, усаживалась, скрестив неправдоподобно гладкие ноги. Она сидит на стуле с прямой спинкой и плетеным сиденьем. Немного посидев, мисс

Альварес встает, и на ее узкой юбке остается отпечаток плетения стула. Ученикам чудилось, будто приоткрывается некий интимный секрет, и им хотелось знать, отпечатался ли геометрический рисунок и на ее прелестной попке.

Джехангир исподтишка любовался красотой мисс Альварес. Он боготворил учительницу и сердился, когда одноклассникам приходило в голову сравнивать ее с актрисой из старых фильмов на хинди, которую тоже звали Хелен. Ту Хелен мальчишки знали в деталях, потому что их ностальгирующие по шестидесятым родители смотрели на видео фильмы, где она появлялась в весьма откровенных туалетах. Киношная Хелен всегда играла женщину-вамп, она танцевала сексуальные танцы в кабаре, соблазняя героя, стараясь увести его от той девушки, которую он любит всерьез. Герой, хоть и давал порой слабину, к концу картины обязательно бросал Хелен и благополучно возвращался в объятия девственной героини.

Но для Джехангира девственной героиней была как раз учительница Хелен. Он злился, когда мальчишки развязно обсуждали прелести мисс Альварес, злился, но помалкивал, чтоб не задразнили. Ему и без того хватало трудностей

— мисс Альварес назначила его одним из трех контролеров домашних заданий.

Это был любимый проект мисс Альварес, придуманная ею система проверки выполнения домашних заданий представителями учеников. Смысл проекта, как она объясняла, заключался в том, чтобы привить школьникам такие качества, как доверие, честность, непредвзятость суждений. Она объясняла, что класс представляет собой модель общества и нации в миниатюре. Как всякое общество, класс должен обладать собственными институтами законности и правопорядка, полицией и судебными органами. Справедливое и процветающее общество возможно лишь при условии, что граждане и охранители закона и порядка относятся друг к другу с уважением и доверием.

«Если вы будете вести себя как достойные граждане в классе, вы станете достойными гражданами Индии», — говорила мисс Альварес.

Она верила, что это способ борьбы с отсталостью, разложением и коррупцией в стране — готовить достойных граждан в одном классе за другим.

Еще в июне, когда мисс Альварес объяснила свою систему перед началом учебного года, идея

эта очень увлекла Джехангира, поскольку он связал слова учительницы с тем, что слышал дома, когда отец, дедушка и дядя Джал говорили о политике. О бедняках из бихарской деревни, которые перемерли с голоду, потому что средства на продовольствие и ирригацию осели в карманах чиновных казнокрадов, о гибели четырехсот пятидесяти детей на школьном празднике, потому что строивший зал подрядчик сжульничал на цементе, о десятках зрителей, заживо сгоревших в кинозале, где не оказалось огнетушителя, а владелец за взятку получил у пожарного инспектора липовую справку о его наличии.

«Правильно, — убежденно думал Джехангир, и сердце его пылало рвением и энтузиазмом, — он будет помогать мисс Альварес бороться с коррупцией и спасать человеческие жизни, улучшать жизнь в стране для каждого из ее граждан».

Он дал себе слово стать самым лучшим контролером домашних заданий, прилежным, беспристрастным и дотошным.

Тщательность, с которой он подошел к своим обязанностям, сразу восстановила против него закоренелых лодырей. Они канючили, подлизывались и стращали, предлагали ему дружбу и угрожали ссорой. Постоянно отбиваться от них

было нелегко. Иногда он слабел духом: ну что случится, если он простит Арвинду перепутанные даты Ост-Индской компании, или закроет глаза на недорешенные примеры у Васанта, или не обратит внимания на плохое изложение у Энтони?

Но стоило ему взглянуть на мисс Альварес, с ее ясными глазами и шелковыми ножками, у него, прямо как у героя из старых фильмов с Хелен, снова напрягались мускулы, он освобождался от вампира искушения и честно заносил все в журнал домашних заданий.

Теперь, через пять месяцев после начала учебного года, Джехангир уже освоился с ролью контролера, притерпелся и к улещиваниям, и к подначкам одноклассников. На дом были заданы стихи наизусть, следующим для проверки был Ашок. Джехангир присел за его парту, велел закрыть учебник и читать наизусть.

— Слушай, скотина Джехангир, будь человеком. Предупреждаю, понял? — пригрозил Ашок.

Мисс Альварес называла Ашока «Вечной проблемой» и периодически писала записки его родителям. Те владели демонстрационными залами для текстиля, тремя бензоколонками и правом на операции с автомобилями «марути». Родители Ашока с большой серьезностью

относились к запискам учительницы, Ашока наказывали, но наказания не повышали его успеваемости в школе.

— Готов? — спросил Джехангир.

— Лорд Альфред Теннисон, «Бей, бей, бей…»

— Альфред, лорд Теннисон.

— Как такое может быть? Альфред — имя, Теннисон — фамилия. Ты себя называешь Джехангир мистер Ченой или мистер Джехангир Ченой?

Джехангир решил не придираться. Мисс Альварес задала выучить шестнадцать строчек стихотворения, так что, строго говоря, имя поэта в домашнее задание не входит.

— Бей, бей, бей, бей…

— «Бей» только три раза.

— Да знаю, знаю. Четвертое «бей» по твоей башке, если не перестанешь сильно умничать. — Ашок хихикнул — самому понравилось, как выкрутился. — Предупреждаю — это не в счет, это шутка, а не ошибка.

Джехангир согласился — что делать.

— «Бей, бей, бей… в эти самые…» Подожди, не подсказывай, я знаю… «в берега!.. там какой-то прибой». А дальше… «С тобой говорить»… та-та-та, та-та, та-та…

— Сдаешься?

Ашок замотал головой. Мисс Альварес разрешала три подсказки, и он не хотел расходовать запас в самом начале стихотворения. Ашок с силой поскреб в затылке, начал сначала, сбился на том же месте и злобно глянул на контролера.

— Ну? Как там дальше?

— «Я хочу говорить о печали своей».

— Знаю, я так и сказал — «с тобой говорить»! Пожалуйста: «Я хочу говорить о печали своей, неспокойное море». Нормально? Второе четверостишие?

— Ты еще первое не закончил.

— Ты что? «Неспокойное море» — это последняя строчка!

— «Неспокойное море, с тобой». Вторая ошибка.

Ашок попробовал спорить, но Джехангир был непоколебим.

Второе четверостишие проскочили с головокружительной скоростью:

– «Счастлив мальчик, который бежит по песку

К этим скалам, навстречу волне.

Хорошо и тому рыбаку,

Что поет свою песню в челне».

— Хорошо! — Джехангир начал надеяться, что «Вечная проблема» на сей раз выйдет из положения.

– «Возвращаются в гавань опять
Корабли, обошедшие цвет…»

— Свет, а не цвет.

— Да какая разница: свет или цвет!

Джехангир потянулся к журналу.

— Слушай, не надо? — взмолился Ашок, увидев, что он раскрывает журнал. — Опять скандал с родителями будет…

— Не могу. Мисс Альварес сказала…

— Погоди! — Ашок что-то извлек из кармана и сунул в руку Джехангира под партой.

Десять рупий. Джехангир отпихнул десятку, будто обжегшись о нее.

— Возьми, — умолял Ашок, — и запиши, что стихи выучены.

Джехангир отказался.

Ашок выудил из кармана еще десятку и добавил к первой.

Двадцать рупий! На сей раз Джехангир рассмотрел деньги, прежде чем отпихнуть их.

— Нет.

— Возьми, это подарок! Никто не узнает. Самым

близким друзьям не скажу.

Он впихнул деньги Джехангиру в руку.

Тот заколебался:

— Скажешь. Виджаю скажешь и Раджешу.

Он знал, что троица неразлучна.

— Даже им не скажу!

Джехангир посмотрел на деньги. Маленькая пачка масла. Или баранина на один раз. Или яйца на завтрак папе — на целую неделю. Вот что он держит в руке.

С бьющимся сердцем он поставил птичку против имени Ашока. От чудовищности поступка у него закружилась голова.

…К последнему уроку его перестала давить мысль о тайной сделке, вытесненная другой: что с деньгами делать? Если купить продуктов, дома спросят, как он рассчитался за них. Отдать деньги маме — тоже спросит откуда. Можно сказать, что во дворе нашел. Но дома потребуют, чтобы он передал их брату Наварро из школьного бюро находок.

В автобусе Джехангир щупал деньги в кармане. Сообразить бы, как ими воспользоваться, папа с мамой будут меньше ссориться. А он, возможно, еще у тети Вили подработает. Обойдется без Мурада, раз Мурад не хочет.

Он смотрел в автобусное окно и мечтал о том, как в их дом вернется счастье. Автобус повернул за угол, и Джехангир увидел на пешеходной дорожке мальчишку, похожего на Мурада. До чего похож! Потом потерял его из виду в толпе, снова нашел взглядом и убедился, что это действительно Мурад. Почему это брат идет пешком? А деньги на билет куда девал?

Джехангир размышлял об этом, пока автобус не остановился на их углу. Он спрыгнул, ощупал карман с деньгами, поражаясь мощи, заключенной в клочках бумаги. Бумажки добавили ему решимости. Надо прямо сейчас зайти к тете Вили.

Он постучался в ее дверь.

— Привет, маленький Джехангир-джи, какой сюрприз. Как жизнь?

— Спасибо, хорошо.

— Интересные сны видел?

Джехангир вспомнил сон с костылем из баранины.

— Нет, тетя Вили.

— Маме что-нибудь с базара нужно?

— Нет… я просто подумал… у вас не найдется работы для меня? А вы бы мне платили за нее…

Она даже в ладоши захлопала от удовольствия.

— Какая прелесть! А мама знает про это?

— Нет. Это секрет.

Вили с нежностью посмотрела на него.

— Ты можешь помогать мне, малыш, но денег я тебе не дам. Если узнают твои родители, они могут сказать, что я из их сына прислугу делаю.

— Я им не скажу, — запротестовал он.

— Помогать людям хорошо, милый мальчик, но не за деньги.

Прав был Мурад, она хочет обмануть его, хочет заставить работать за так.

— Спасибо, тетя Вили, — пробормотал Джехангир, пятясь к двери.

Глупая тетя Вили. И глупая Инид Блайтон. Ни одному слову из ее книжек он больше не поверит. И глупая «Знаменитая пятерка» — кому она нужна? Он сам знает, что делать, он сам поможет папе и маме, сам. Но все же ему нравится имя Джон Ченой.

Перед закрытием магазина мистер Капур пригласил Йезада в свой крохотный офис, где грохот включенного на полную мощность кондиционера перекрывал даже уличный шум. Как в реактивном самолете, предположил Йезад, в удалении ото всего, вдали от реального мира.

На столе лежали три фотографии в целлофановых конвертах. При виде Йезада Капур

перевернул их лицом вниз.

— У меня для вас сюрприз.

— Эти? — Йезад потянулся за черно-белыми снимками.

— Не спешите, их надо рассматривать по порядку. Сначала вот эту.

Лицо Йезада расплылось в улыбке:

— Привет, это же Хьюз-роуд! Я там вырос.

— А почему я принес ее? К вашему сведению, ее давно переименовали в Ситарам Паткар Марг.

— Для меня она осталась Хьюз-роуд.

Капур одобрительно улыбнулся, а Йезада понесло:

— Я тут каждый камень знаю. Вот это здание — это «Джехангир-палас», мои родители здесь поселились после свадьбы. Пари держу, что снимали с Сэндхерст-бридж, с крыши Дададжи Дхакджи. А напротив «Джехангир-паласа» — Сукх Сагар. Смотрите — даже вывеска «Буш-радио» видна!

Йезад всмотрелся в фотографию.

— Фотография не очень-то старая, мало что изменилось.

— Съемка недавняя. Примерно девяностого года. Тем не менее она имеет значение для моей коллекции — в контексте двух других фотогра-

фий.

Капур дожидался возвращения снимка, чтобы перейти к другим, но Йезад все не мог оторваться от него.

— Поразительно, как на фотографии видишь то, что в силу привычки не замечает глаз!

— Особенно в привычных местах. Объектив — наш третий глаз.

Фотография вызвала улицу к жизни, Йезад вновь услышал шум уличного движения, вдохнул запах поджаренного мяса с дымком, постоянно висевший над рестораном «Жаровня», даже вкус бхель-пури почувствовал. Над ним заклубились серые дождевые тучи, он ощущал их тяжесть, холод ливня, под который столько раз попадал, возвращаясь без плаща из колледжа («в плащах только маменькины сынки ходят»), когда спрыгивал с 83-го автобуса у Сукх Сагара и несся через улицу домой, успевая за минуту промокнуть до костей, влетал в квартиру, где мать бранила его за оставленный дома плащ, который она приготовила и положила рядом с учебниками…

— Теперь взгляните на эту, — предложил Капур.

Йезад выпустил из рук первую фотографию, взял вторую — и почувствовал комок в горле. Та

же Хьюз-роуд, но нетронутая, снятая во времена большей простоты. Фотограф, наверное, стоял на другом конце «Джехангир-паласа», перед аптекой Мэдона, потому что в центре оказался перекресток Хьюз-роуд и Сандхерст-бридж. Судя по освещению, раннее утро. На улице не видно ни одной машины, только ручная тележка. Три одинокие фигуры на тротуаре, загадочные, как провидцы или прорицатели, предсказывающие демографический взрыв в грядущем Бомбея.

Йезад сглотнул, чтобы прочистить горло.

— Такой тихой улица была во времена моего раннего детства. — Он кашлянул. — Какой это год?

— По вывеске «бьюика» у «Метро моторе» я бы сказал, конец сороковых, — предположил Капур. — Лет за пять до вашего рождения, а?

— Примерно то время, когда поженились мои родители. Значит, вот какой они видели эту улицу после свадьбы…

В утреннем свете дома и деревья ждали, как друзья детства, готовые увлечь его обратно. И старые уличные фонари цепочкой по середине улицы. Он и забыл, как они были очаровательны, даже орнаментальны, не то что нынешние громадные стальные мачты освещения. Он всматривался в

фотографию, пока у аптеки Мэдона не появился маленький мальчик с отцом… а когда подкатил школьный автобус, отец обнял сына, прощаясь с ним на целый день… А под вечер автобус привез его обратно, ему хотелось поскорей выпить чаю и поиграть в саду, пока не отправят делать уроки… На остановке ждала мама, чтобы за руку перевести через дорогу, по которой нет-нет да и проедет машина…

Он потер глаза, и призраки отступили.

— Чистая магия эта фотография… Машина времени.

— И последняя. — Капур придвинул ее через стол.

Йезаду было страшновато брать ее в руки. Но, взглянув на нее, он облегченно вздохнул — просто пейзаж, кокосовые пальмы вдоль дороги. Интересно, почему Капур показывает ему этот снимок? Но тут он заметил кованую решетку, и глаза его расширились.

Он узнал эту узорную решетку, ограждение на повороте с Сандхерст-бридж, где мост смыкался с Хьюз-роуд. Но не видно ни «Джехангир-паласа», ни Сукх Сагара, ни «Метро моторе». Там, где потом появятся эти здания, растут кокосовые пальмы, одни наклоняются над дорогой, другие

устремлены прямо в небо. А за ними — море.

Йезад вздрогнул, не в силах разобраться в собственных эмоциях: фотография без любимых примет должна бы значить не больше, чем открытка с видом.

— Вы мерзнете, — заметил Капур и, обойдя стол, щелкнул выключателем.

Рев стих. Тишина показалась вечной в своей неожиданности, огромной и пустой, как пространство.

— Какого года фотография? — тихо спросил Йезад.

Капур положил ему руку на плечо.

— 1908 год. Год начала застройки Хьюз-роуд.

Йезад молча кивнул, не доверяя своему голосу. Фотография расплывалась перед глазами, и он сморгнул.

— Ужасно, — проговорил Капур. — Я-то принес фотографии, чтобы отвлечь вас, мне показалось, вы чем-то расстроены в последнее время.

И пригрозил спрятать фотографии, если они еще больше расстраивают Йезада.

— Я не расстроен, это поразительные снимки, просто…

— Знаю-знаю. Я пошутил.

Капур потрепал Йезада по плечу и сел в свое

кресло.

— Это ограждение… на фотографии его трудно рассмотреть.

Капур достал лупу из ящика стола.

— Превосходный образец литья… Очень орнаментально. Мне нравятся эти знамена, они как минареты вздымаются у каждой опоры.

Йезад рассматривал фотографии в лупу, камень за камнем проходя вдоль «Джехангир-паласа», указывая Капуру на детали.

— Пока не расширили улицу, эта ограда стояла далеко от дома, так что у нас был большой двор.

А королями двора были мальчишки, их беготня, шум и крики приводили в отчаяние жильцов первого этажа. Обычно играли в крикет, сходили с ума, когда в Бомбей приезжали на турнир команды Англии или Австралии. Однако в 1960-м, во время Римской олимпиады, крикет был заброшен, потому что весь двор болел за Милкха Сингха. Двор должен был изображать гаревую дорожку, каждый мальчишка мечтал быть похожим на знаменитого бегуна. Милкха Сингх, сикх по религии, как положено, не стриг волосы, а скручивал их узлом на макушке, закрепляя плотной белой повязкой.

Капур умирал со смеху, когда Йезад расска-

зывал, как мальчишки — без особого успеха — пытались и в этом подражать чемпиону: набивали бумагой носовой платок и закрепляли резинкой на макушке. Естественно, на бегу такие сооружения разваливались.

Йезад увлекся воспоминаниями, показывал, кто в какой квартире жил…

— Да вам это наверняка не интересно! — спохватился он.

— Наоборот! — Капур наслаждался потоком воспоминаний, высвобожденным фотографией. — Но похоже, что в доме одни парсы жили.

— Отнюдь. На первом этаже жила мусульманская семья. Семья Шахруха. Отец у него был таксистом. Он иногда усаживал человек шесть-семь мальчишек в свой «хиллмен» и отвозил нас в школу.

— Шахрух тоже был в вашей компании?

— Абсолютно! Хотя, — добавил он после паузы, — вы же знаете, что у мальчишек не обходится без ссор и драк. Так, под горячую руку Шахруху вполне могли сказать: «Катись в Пакистан, раз тебе с нами не нравится!» И прохаживались насчет его обрезания, дразнили его «обрезком».

Йезад покаянно замотал головой:

— Когда мне снится детство, я просыпаюсь с

мыслью, что хорошо бы отыскать Шахруха и повиниться перед ним. К сожалению, в конце концов семья действительно уехала в Пакистан, где у них была родня. А у всех нас осталось чувство вины.

Йезад снова взял самую старую фотографию, где на месте улицы росли кокосовые пальмы.

— Какого года фотография? Тысяча девятьсот…

— Восьмого.

— Будто видишь первое утро Хьюз-роуд, — благоговейно выдохнул Йезад. — И эта прекрасная решетка — она меня просто притягивала. Я так любил водить рукой по ее завиткам. Когда мы с отцом шли вдоль ограждения, он подсаживал меня на парапет. Я бежал, держась за решетку, а отец страховал меня рукой, пока я не спрыгивал на дорожку. На обратном пути все повторялось. Как увидишь решетку — ты уже дома. От Оперы до угла, а там уже решетка венчает мост.

— Почему так важна была эта решетка?

— Не знаю. Может быть, она была единственным воплощением красоты в нашей жизни. Я вспоминаю, как иногда по ночам дом просыпался от стука зубила: воры пытались выломать кусок решетки, чтобы на металлолом продать. Во всем доме вспыхивал свет, жильцы с криками высо-

вывались из окон, и несчастные воры удирали в поисках добычи полегче.

За дверью звякнуло — Хусайн опустил стальные жалюзи, готовясь запирать магазин.

Йезад сложил фотографии и вернул Капуру лупу.

— Знаете, на этих фотографиях вы показали мне мои утраты.

— Простите меня, Йезад, я…

— Напротив, я вам благодарен.

Фотографии помогли ему осознать, как много значат для него эта улица и эти дома. Что-то вроде родного клана, о котором особенно не помнишь и не думаешь, полагая, что родня никуда не денется, всегда будет его родней. Но дома, дороги и пространства хрупки и недолговечны, как люди, ими надо дорожить, пока они есть.

— А знаете ли вы, что за пятнадцать лет нашего знакомства вы впервые заговорили о своей жизни, о детстве? — вдруг сказал Капур.

— Да вот, разболтался, — смутился Йезад.

— И очень хорошо. А то это вечно был я и рассказы о моей семье.

— История вашей семьи гораздо интересней.

— Все мы недооцениваем собственную жизнь. Самое смешное, что в конечном счете все на-

ши истории — ваша жизнь, моя, жизнь старого Хусайна, — все они одинаковы. На самом деле сколько ни искать по свету, все сводится к одной базовой истории: о молодости, об утратах, об искуплении. Так что все мы рассказываем одну и ту же историю снова и снова. Разница лишь в деталях.

Он потянулся к кондиционеру.

— Опять жарко стало, да?

— Да, но надо экономить. У нас счета за электричество с каждым месяцем растут.

Мистер Капур со смехом отвел руку от кондиционера.

— Вот за что я люблю вас, Йезад, — вы мои деньги бережете.

Он вскинул руки над головой и резко выбросил вперед, гася незримый мяч. Разложил фотографии по целлофановым конвертам, проверил, закрыты ли они.

— Три фотографии, а столько воспоминаний. И так с каждой — каждая таит в себе целые тома. Нужна только пара хороших глаз, — он сделал движение, будто повернул ключ в замке, — чтобы высвободить магию.

Вышли в полутемный торговый зал. Хусайн ждал у дверей. Стальные жалюзи были заперты

на замок. Рама, Сита и поверженный Равана выглядели заброшенными в неосвещенной витрине.

— В одном вы меня теперь убедили, — сказал Капур. — Вы любите этот город не меньше моего. Если не больше. Надеюсь, вы понимаете, почему я решил выставляться на муниципальных выборах.

Йезад кивнул.

— Значит, решено?

— Абсолютно. Я все распланировал. Теперь возьмусь за организацию. Все мои влиятельные друзья на моей стороне. Я тут подготовил нечто вроде предвыборного манифеста, пришлю его вам по электронной почте. Хочу знать ваше мнение.

— У меня компьютера нет.

— Нет? Ну я сделаю вам распечатку. У меня уйма идей для самой кампании.

Одну из них Капур тут же изложил: вместо банальной раздачи листовок он соберет группу помощников, посадит их в фургон с чаем и закусками — нечто вроде чайной на колесах, настоящей чайной, даже со складными стульчиками. Приезжая в квартал, будут останавливаться во дворах, садиках, хоть под лестницами, где

место найдется, созывать жильцов и беседовать с ними за чашкой чая.

— Встреча соседей за чашкой чая, чтобы люди вспомнили о необходимости общения, чтобы соседи вместе обсуждали свои проблемы, высказывали свои мысли о жизни, о будущем.

— Блестящая идея, — согласился Йезад, — а что касается «Бомбейского спорта», можете на меня рассчитывать.

— Я и собираюсь. В ближайшие дни обсудим ваши новые обязанности и соответствующее вознаграждение.

И заговорщическим тоном добавил:

— Не забудьте про мой особый чемоданчик, он остается на вашей ответственности. Он будет источником финансирования моей избирательной кампании.

Оба засмеялись, Хусайн тоже улыбнулся, запирая двери, будто радуясь, что хоть кому-то весело. Он с поклоном вручил им ключи, а они пожелали ему спокойной ночи.

Йезад пришел в согласие с миром, почувствовал себя совершенно спокойным — чего с ним давно не бывало. Странно, что на него так подействовали старые фотографии, сначала вызвавшие бурю эмоций. Что-то наподобие лекарства в пузырьке,

которое полагается взболтать перед приемом.

На станции он позволил приливу потной плоти внести себя в вагон. Уцепившись за поручень над головой, он все думал о «Джехангир-паласе» и о Хьюз-роуд. Как дороги сейчас воспоминания о доме детства! Он редко вспоминал о нем — к тому времени, как семья съехала оттуда, дом пришел в упадок, крысы превратили подвал в лабиринт ходов и нор, так что семья радовалась, что выбралась из него. Но, оказывается, дом не отпустил его.

Йезад представлял себе капуровские фотографии дома, улицы, узорного ограждения. Капур нравился ему больше, чем когда бы то ни было, он еще лучше понял его — это уж точно. Участие в выборах пойдет на пользу им обоим.

Витая в облаках оптимизма, он чуть не прозевал свою остановку. В последнюю секунду выпрыгнул и зашагал, насвистывая, к дому.

Роксана бросилась к нему из кухни, прижимая палец к губам: у папы был ужасный день, он, видимо, не спал прошлой ночью, и весь день прошел в полубреду.

Стоя у дверей, они услышали Наримана:

— Люси, любовь моя, мой милый кларнетик, дай я сыграю нежную мелодию на тебе…

Роксана подняла брови и прикрыла рот ладонью. Детей надо увести из комнаты, чтобы не слышали… Как странно, руки у папы в покое, а мозг возбужден. Мурад может оставаться на балконе, а Джехангиру придется перенести учебники с обеденного стола в маленькую комнату.

— Здесь больше места, — воспротивился Джехангир, который напряженно вслушивался в прерывистую речь деда, стараясь разобраться в этой словесной головоломке.

— Делай, что я говорю, — шепотом потребовала мать. — Стол нужен для обеда.

Она выставила сына в соседнюю комнату и закрыла дверь. Джехангир надулся — не дали ему разобраться в дедушкиных секретах.

— Приди ко мне и будь моей любимой, — ясно выговорил Нариман, — все радости любви докажут нам…

— Папа, ты будешь обедать? — спросила Роксана, расставляя тарелки.

Он застонал. Йезад посоветовал не трогать Наримана, раз ему сегодня не по себе, пускай лучше отдыхает, и не стоит ему загружать себе желудок.

Она кивнула.

— Кстати, Иездаа, надо завести часы.

Мурад с балкона услышал ее слова. С нарочитым безразличием прошел мимо родителей, юркнул в кухню, подставил табуретку, забрался на нее и открыл стеклянную дверцу. Пошарив под маятником, нашел блестящий хромированный ключ и вставил в часы.

Йезад шел по коридорчику в сортир и услышал скрип пружины.

— Ты что это делаешь?

— Часы остановились, — ответил Мурад.

Йезад молча снял сына с табуретки и потащил его в маленькую комнату к Роксане.

— Я его убью, — негромко сказал Йезад. — Прямо сейчас, на твоих глазах. Возьму и убью.

— Успокойся, Иездаа, — всполошилась Роксана, — объясни мне, что он сделал?

— Заводил часы.

Роксана попятилась — от взбучки за такое преступление Мурада трудно уберечь.

— Подожди, давай спросим, почему он это сделал, если прекрасно знает, что нельзя. Скажи нам, Мурад.

Мурад вызывающе молчал. Джехангир следил за этой сценой, съежившись за столиком в углу.

Роксана предприняла еще одну попытку:

— Ты же знаешь, как дороги папе эти часы.

Зачем ты трогаешь их? Я прошу, скажи мне!

Мурад заколебался:

— Хотел помочь папе. Он приходит с работы усталый.

— Ловко придумано, — буркнул Йезад, — но номер не пройдет. Мог сотню дел сделать, чтобы помочь мне, так нет, ему надо выбрать именно то, что запрещено!

Ради спасения сына от кары Роксана притворилась, будто верит его объяснению:

— Помогать отцу хорошо, Мурад. Но раз ты провинился, попроси прощения у отца. Ты знаешь, как дороги ему эти часы, ты слышал историю про них.

— Что за история? — спросил Джехангир.

— Без фокусов, Джехангла.

— Нет, правда, папа, я не помню историю про часы!

— Может быть, — поддержала его Роксана, — он был еще маленький, когда ты ее рассказывал?

Она знала, что, если Йезад начнет рассказывать, значит, кризис миновал.

— Это правда, я не помню никакую историю про часы, — стоял на своем Джехангир.

— Эти часы висели в папиной квартире в «Джехангир-паласе», — начала Роксана. — На кухне.

Это подарок от президента банка папиному отцу за его храбрость.

Йезад поправил жену:

— На пластинке выгравировано: «В благодарность за примерную храбрость и честность при исполнении служебных обязанностей».

И перешел к изложению событий, как и надеялась Роксана.

— Мой отец был главным кассиром. Раз в неделю он в сопровождении вооруженного охранника доставлял наличность из своего отделения в центральное здание банка. В те времена так было принято. А это событие произошло в последние месяцы Второй мировой войны.

— Сколько тебе было лет? — спросил Джехангир.

— Меня тогда еще на свете не было. Ну так вот, в тот день мой отец вместе с охранником по имени Далип Сингх везли деньги в такси. Вдруг — ужасающий взрыв, будто весь город взлетел в воздух. Небо обрушилось на город смертью и разрушением. Взрывы следовали один за другим, никто не понимал, что происходит. Люди метались, крича, что это вражеские бомбардировщики прорвались к Бомбею. В несколько минут улицы оказались погребенными под обломками и мертвыми те-

лами. Таксист так перепугался, что выпрыгнул из машины и с криком «Бхаго, бегите!» помчался куда глаза глядят. Тогда и Далип Сингх поддался панике и тоже убежал, забыв оружие в машине.

Мой отец остается один-одинешенек, в руках чемодан с пятью миллионами рупий, ни транспорта, ни охраны, на улицах полный хаос.

Мысли, одна другой страшней, приходили ему в голову. Если плохие люди догадаются, что у него в чемодане целое состояние наличными, его могут убить, и никто ничего не узнает. Или он может погибнуть при следующем взрыве — а они все продолжаются. Действительно, погибли сотни людей, их трупы так и не обнаружились. «Если я погибну, — испугался мой отец, — в банке могут подумать, что я воспользовался ситуацией и убежал с деньгами». Это страшило его сильнее всего — мысль, что он может потерять доброе имя.

— А не мог он укрыться в магазине или в доме? — спросил Мурад.

— В домах, в магазинах — везде заперли двери. Народ ведь думал, что в город вступил противник. Отцу оставалось только одно — пробираться к банку. Он читал молитву «Ятха аху варья» и шел дальше.

Он шел осторожно, прятался под арками, в кры-

тых галереях и до банка добрался только через несколько часов. Двери банка тоже были заперты. Отец барабанил в дверь, звал и кричал, пока не появился охранник. Он узнал отца, который каждую неделю приезжал в банк с деньгами, и сразу впустил его.

— Но что это были за взрывы? — спросил Джехангир.

— Сейчас объясню. Понимаешь, тогда шла война, и в порту стояли два британских судна, груженные боеприпасами. Произошла авария, корабли взорвались в порту, и снаряды полетели на город. Масштаб бедствия выяснился только позже, в тот день погибли тысячи людей.

В банке оценили храбрость отца, его решительность, но превыше всего — его честность. Когда на ежегодном собрании его награждали часами, президент выступил с речью, он говорил о храбрости моего отца, а потом сказал: как часы должны точно показывать время, так поступок мистера Ченоя должен считаться точным определением того, что есть честность.

Йезад помолчал.

— Когда ваш дед оказался в смертельной опасности, он боялся не жизни лишиться, а своего доброго имени. Рассказывая мне эту историю,

он всегда заканчивал ее словами: «Помни, у тебя все могут отнять, но никто не может отнять у тебя порядочность, если ты хочешь оставаться порядочным человеком. Утратить порядочность можешь только ты сам, своими поступками».

— Пусть слова папиного отца навсегда запомнятся вам, — сказала Роксана. — Понятно?

— Да, мама, — сказал Джехангир.

— А ты, Мурад?

Он кивнул.

Тишина в квартире. Семья заснула уже с час назад, и вдруг Нариман заговорил.

Роксана молила Бога, чтобы отец умолк, прежде чем проснется Йезад.

Но отец повысил голос:

— Ты позоришь само понятие отцовства! Когда ты называешь шлюхой женщину, которую я люблю, когда ты называешь этот дом ранвадой, борделем, потому только, что я пригласил ее в гости, я теряю всякую надежду найти общий язык с тобой!

Йезад вскочил с кровати.

— Он сказал «ранвада»?

— Тише! Он, видно, спорит из-за Люси со своим отцом…

— Но ребенок не должен слышать такие слова!

— Не волнуйся, Джехангир спит.

— Ты проверяла?

Роксана на цыпочках подошла к двери и улыбнулась: сын крепко спал.

— Господи, что еще выкрикнет твой отец? О жизни Наримана Вакиля роман можно написать, но она у него отнюдь не детская сказочка.

Он улегся на спину, ворча, что теперь ему до утра не заснуть. Она положила руку на его грудь, погладила по волосам, убаюкивая как ребенка.

Голос Наримана перешел в тихое бормотание. Джехангир внимательно слушал, подперев голову рукой. Он был доволен, что вовремя закрыл глаза и мама не заметила, что он не спит. Не хотелось ему пропустить ни слова из дедушкиных разговоров во сне, это единственный способ что-то узнать. Потому что каждый раз, когда он спрашивает родителей, ему советуют не совать нос во взрослые дела.

— Сойди с парапета, любовь моя, — умолял дедушка. — Прошу тебя, Люси, на парапете не поют. Сойди вниз, дорогая моя, стань рядом со мной, и мы споем вместе…

Дедушка волновался все сильнее.

— Мне страшно. Люси, сойди с парапета, любимая…

Джехангиру тоже было страшно, что дедушка опять разбудит папу. Может быть, взять дедушку за руку, как дедушка его брал в ту ночь, может быть, дедушка успокоится…

Но дедушка тихонько запел: «О прошлом тоскуя, мы вспомним о нашей весне…» Наверное, Люси его послушалась. Джехангир опустил голову на подушку и стал задремывать под тихое пение, так и не поняв, на каком парапете стояла та девушка и почему дедушка так испугался?

Глава 11

Джехангир изучал свое отражение. Изменилось что-нибудь в его наружности? Он знал множество историй о том, как постыдные тайны сказываются на внешнем облике — кожа покрывается прыщами, чернеют ногти, выпадают волосы.

Двадцать рупий, спрятанные в кармане, истерзали его. Как пустить в ход деньги и не попасть в беду? К счастью, лицо, отраженное в зеркальной дверце отцовского шкафа, выглядело как обычно.

С кухни донесся грохот — взрыв, куда более громкий, чем обычные свистки или хлопки скороварки. Джехангир ринулся смотреть. Мать закричала: «Стой где стоишь, приближаться к плите опасно!» Сама она застыла в непосредственной близости к чудовищу, плюющемуся паром и кусочками пищи. Первый мощный выброс оставил следы на стене и потолке.

Джехангир стоял в коридоре, не в силах отвести глаза от скороварки. Он и услышал звонок в дверь и побежал открывать — мать не слышала. В дверь ворвалась тетя Дейзи и сразу бросилась

на кухню.

— Выключить плиту! — скомандовала она.

Мать подскочила от ее голоса.

— Дейзи!

— Немедленно выключить! — И, не дожидаясь, схватила кухонное полотенце, обернула им руку, другой рукой прикрыла лицо, наклонилась и подобралась к плите.

«Прямо как ковбой, когда готовится клеймить скот», — успел подумать Джехангир.

Дейзи рывком повернула ручку. Газ выключен.

— Теперь ведро холодной воды, — распорядилась она и вылила воду на скороварку.

Чудовище усмирено.

— Спасибо, спасибо, — говорила мама, обмякшая после пережитого. — Я понять не могу, как это случилось, я всегда так осторожна, все было хорошо, я отошла к папе…

— Бывает, — успокоила ее тетя Дейзи, — как только я услышала фортиссимо трубы, я поняла, что взорвалась ваша скороварка.

Она отступила на шаг, обозревая результаты.

— Чистый Джексон Поллак, — заметила она.

— Что? — переспросила мама.

— Современное искусство. А что в кастрюле было?

— Желтая чечевица и томатный соус.

— Красивое сочетание цветов, — одобрила тетя Дейзи.

Джехангир возвратился в маленькую комнату, к зеркалу, в которое раньше гляделся. Открыл дверцу шкафа, выдвинул ящик, где мама держала свои конверты. А что, если просто сунуть деньги в один из конвертов? Мама найдет деньги, подумает, что это из папиной зарплаты, и потратит их.

Она все еще на кухне с тетей Дейзи, они вместе приводят кухню в порядок. Ни Мурада, ни отца нет дома. Дедушка спит. Сейчас или никогда.

Джехангир достал знакомые конверты, которые он подавал маме, когда сидел с ней, помогая распределять деньги. Мама разрешала ему считать деньги, если купюры были чистые. А ему нравился запах новеньких купюр. С потрепанными деньгами мама была осторожней — никогда же не знаешь, кто их трогал, чистыми ли руками, мыл ли тот человек руки с мылом после туалета?

Он перебирал конверты, читая надписи: «Масло и хлеб», «Газовый баллон», «Топленое масло», «Рис и сахар», «Молоко и чай», «За электричество и воду», «Мясо»…

Конца не было этим конвертам с их требовани-

ями… А у него всего двадцать рупий… Конверты старые, истрепанные, клапаны вот-вот оторвутся. Он помнил, какими беленькими они были три года назад. Папа с мамой тогда целыми днями говорили о какой-то «надбавке». Он спросил, что значит это слово. «Больше денег», — радостно объяснила мама. Тогда отец сказал, что из-за инфляции деньги дешевеют, и он спросил: а инфляция — что такое? «Монстр, который питается нашим будущим», — ответил папа и стал объяснять насчет повышения цен, насчет покупательной способности. Но мама все равно была полна надежд и говорила, что сделает новый семейный бюджет и заведет новые конверты — чтобы везло.

Теперь конверты были старые и захватанные, без всякого везения. Их так много, это сколько же нужно денег, чтобы действительно почувствовалась разница. В который положить двадцать рупий, где эти деньги нужнее всего? Решать надо быстро — мама и тетя Дейзи скоро закончат уборку.

Вот конверт «Масло и хлеб». Вчера за завтраком папа сказал:

«Опять сухой тост, спасибо твоей родне».

А мама ответила:

«Не припомню, чтобы твоя родня за пятнадцать лет хоть раз помогла нам».

Папа совсем разозлился и сказал:

«Мои хоть не держат наш дом за больницу!»

Опять они стали ссориться, мама ему напомнила, какими халъкат, сквалыгами, показали себя его сестры перед самой свадьбой, когда не позволили ему ни стула, ни кровати, ни шкафа из квартиры взять, хотя он имел право на свою долю семейной мебели. Ломаной скамейки не увез он из «Джехангир-паласа», удивительно, что еще сумел забрать свою одежду и обувь. Тогда папа сказал, что если она собирается ворошить его семейную историю, то он может сделать то же самое с ее, но только в истории ее семьи были такие вещи, о которых не хочется при детях говорить.

Мама ответила, что, если бы не его сестры, они поселились бы у него дома, дедушке не пришлось бы потратить все деньги, и был бы он сейчас хозяином своей судьбы. Но дедушка всем пожертвовал ради них, он сказал, что нельзя начинать новую жизнь с попреков и ссор.

«Так что помни: это не моя семья повинна в наших проблемах».

Тут папа указал на дедушку, который лежал на диване:

«А это что, по-твоему? Позволь мне сказать, что я взял тебя в жены не ради чести нянчиться с твоим отцом!»

Вспоминая ужасные вещи, которые они наговорили друг другу, Джехангир в оцепенении стоял у шкафа, зажав деньги в кулаке. В его груди нарастала тяжесть, как бывает, когда начинает болеть голова. Интересно, бывает сердечная боль? А таблетки от нее бывают?

В кухне чем-то стукнули. Он пришел в себя. «Масло и хлеб» — так будет лучше всего. Он успел положить свои двадцать рупий в конверт, а конверт в ящик, прежде чем в коридоре послышались шаги. Тетя Дейзи справлялась о дедушкином здоровье, потом они с мамой прошли в большую комнату.

— Папа, посмотри, кто пришел — Дейзи Ичапория.

Дедушка сначала глянул неузнающим взглядом, но потом его лицо просветлело:

— Скрипачка.

— Очень хорошо, — ответили два женских голоса, а он подумал, что таким тоном мама хвалит его за хорошие отметки.

— Где же ваша скрипка? — спросил дедушка.

— О, папа, — засмеялась мама, — Дейзи пришла

помочь мне на кухне, а не играть на скрипке.

— «О музыка, ты пища для любви! Играйте же, любовь мою насытьте…» — процитировал дедушка, к большому удовольствию Дейзи.

— Папа, отчего ты не расскажешь Дейзи, какое удовольствие тебе доставляет ее игра? Знаете, Дейзи, когда вы играете, отец просто на седьмом небе! Видели бы вы его лицо!

И тихонько добавила, что музыка — просто спасение в его плохие дни. Стоит только зазвучать скрипке, как он сразу успокаивается, как будто лекарство принял.

— Как интересно, — сказала Дейзи. — Я недавно прочла книгу о музыкальной терапии. Там рекомендовались определенные композиции для лечения таких болезней, как мигрень, повышенное или пониженное давление, желудочные колики. Я все не запомнила, но чаще всего там рекомендовался Бах, особенно некоторые фуги из «Хорошо темперированного клавира». Подождите, я сейчас вернусь!

Она вернулась со скрипкой и заиграла быструю мелодию, энергия которой заполнила комнату. Нариман слушал, улыбаясь и закрыв глаза.

Музыка ускользала и возвращалась, кружилась, а Джехангир думал, что так должен чувствовать

себя человек, когда несется в открытой машине по пустынной дороге, над головой — стаи птиц, светит солнце и белые облачка плывут по небу.

Скрипачка в последний раз провела смычком и оторвала его от струн.

— Браво, — прошептал Нариман и похлопал в ладоши, но получилось совсем тихо. Зато остальные очень громко аплодировали. — У меня была пластинка на 78 с этой вещью в исполнении Хейфеца. Это ведь Сарасате, «Запатеадо», не так ли?

Дейзи подтвердила, довольная тем, что он знаком с этой вещью.

— Что такое «запа...»? Что это значит? — спросил Джехангир.

— «За-па-те-а-до», — повторил дедушка, — танец, в котором ритм отбивается ногами. От слова «запато», что по-испански значит «башмак».

Джехангиру куда больше нравилась собственная интерпретация музыки — птицы, облака и открытая машина. Но слово он повторил:

— «Запато» — похож на наше «сапат».

— Совершенно верно. Дело в том, что и гуджерати, и испанский относятся к одной и той же индоевропейской языковой семье.

Дейзи заиграла «На крыльях песни» Мендельсона, и все смолкли. А эта музыка, подумал

Джехангир, нежнее, она так сладко стекает со скрипки, что он почти чувствует ее вкус. Ему представился мед, нежными золотыми струйками стекающий с ложки. Когда у него болело горло, мама давала ему мед с лимонным соком.

Дейзи закончила, ей снова похлопали. Она стала убирать скрипку.

— Это все? — спросил Нариман. — Вы могли бы репетировать сегодня здесь.

— Вы же не станете слушать мои упражнения, профессор Вакиль.

Он убеждал ее, что готов слушать все. Но поскольку у нее не было с собой ни нот, ни пюпитра, она сыграла по памяти еще несколько вещиц и, укладывая скрипку в футляр, пообещала прийти и на следующий день — если он действительно готов ее слушать.

— А еще одно обещание?

— Конечно.

— Обещайте, что придете играть, когда я буду умирать.

Дейзи сказала, что у него, без сомнения, еще много-много лет жизни.

— Дело не в том, сколько я еще проживу. Я хотел бы, чтобы звуки вашей скрипки звучали у меня в ушах, когда дыхание будет покидать меня. Когда

бы это ни произошло. Обещаете?

Он протянул ей руку. Дейзи заколебалась, но отказать не смогла. Их руки сомкнулись, скрепляя пакт.

— Обещаю, — сказала она.

Роксана помрачнела, Джехангир сильно расстроился, как будто ее согласие приближало печальный миг.

Мисс Альварес выступила с небольшой речью, в которой похвалила контролеров домашних заданий и успеваемость класса. Джехангир был уверен, что она поймет по глазам, что совесть его нечиста, и боялся встретиться с ней взглядом. Выбрав себе точку на доске, он смотрел только на нее.

— Дети, я хочу сообщить вам об улучшении оценок тех, кто в начале года не блистал хорошей успеваемостью. Даже наш «Вечные проблемы» стал лучше учиться. И знаете почему? Потому, что все вы хотите добиться уважения одноклассников. Я горжусь вами. Благодарю вас, продолжайте в том же духе и примите мои поздравления.

После этого мисс Альварес скрестила возбуждающие весь класс ноги и начала просматривать сочинения, а контролеры домашних заданий взялись за свою работу. На дом было задано де-

сять вопросов по истории династии Великих Моголов.

Переходя от парты к парте, Джехангир неотступно думал о том, что будет, когда наступит очередь Ашока. С того раза прошла неделя. Что он сделает на этот раз, опять предложит деньги? Страх перед мисс Альварес засел внизу его живота.

Он еще не приблизился к парте Ашока, а ладони у него так вспотели, что он испугался, как бы не оставить мокрый след на учебнике истории. Он вытер ладони о рукава, но они тут же снова вспотели. Он старался держать учебник за краешек, чтобы не размазать чернильную надпись, сделанную отцом:

Джехангир Ченой
Класс IV «А»
История

«Отец писал, как жемчуга низал», — так говорила мама, расхваливая папин почерк. Мама очень хотела, чтобы и он научился так красиво писать. Мураду уже поздно — у него буквы расползались по странице, как клопы, говорила мама в начале каждого учебного года, когда они оборачивали учебники. Все садились за обеденный стол, и

папа принимался надписывать их: имя, класс и предмет. Это было самое приятное в возвращении в школу после майских каникул. Джехангиру нравилась гладкость свежей оберточной бумаги, запах новых учебников и появление его имени, будто вытекающего из кончика папиного пера. У папы был сосредоточенный вид, и было ясно, что папе тоже нравится это занятие. Папа шутил, что процесс обучения не может начаться, пока не надписаны учебники, потому что заключенное в них знание не знает, в чью голову идти.

А теперь он рисковал размазать папин жемчужный почерк потом своих грехов. Сгибаясь под бременем стыда и страха, Джехангир подошел к источнику своих тревог.

Ашок подмигнул. Делая вид, что ничего не замечает, Джехангир начал задавать вопросы об империи Великих Моголов. Его самого удивило, с какой легкостью он держал благородную дистанцию, будто они двое не связаны мерзким секретом.

— В каком году Бабур стал правителем Ферганы?

— В тысяча девятьсот сорок седьмом.

Ашок с ухмылкой назвал дату освобождения Индии от колониализма и сунул руку в карман.

— Первая битва при Панипате произошла в…

— В тысяча девятьсот сорок седьмом.

Ашок достал двадцатку. Джехангир опустил руку под парту.

— Хумаюн стал императором в…

— В тысяча девятьсот сорок седьмом.

Джехангир спрятал деньги и продолжил вопросы.

На все десять вопросов Ашок дал один ответ — в 1947 году. В журнале появилась запись — девять правильных ответов из десяти.

Джехангир пересел за другую парту. Ладони его были совершенно сухи, уверенность досуха вытерла их. Как все просто. «Надо же было так бояться», — подумал Джехангир, усаживаясь рядом с Виджаем.

Виджай, Ашок и Раджеш вместе выходили на перемены, вместе сидели за ланчем во время большой перемены, вместе ехали домой. Мама Виджая любила кокосовое масло, и волосы сына всегда блестели от него. Когда класс играл в крикет — Намасленные волосы против Сухих, Виджай рвался в капитаны, потому что у него на волосах было куда больше масла, чем у других.

Джехангир начал задавать вопросы, Виджай пытался отвечать, стискивая пальцами виски,

будто желая выжать из головы правильные даты. После третьей ошибки Джехангир пожал плечами и взялся за журнал:

— Уж извини.

— О'кей, — вздохнул Виджай — и шепотом попросил Джехангира опустить руку под парту.

— Чего ради?

— Да брось ты притворяться. Что я, цену не знаю? Двадцать рупий.

Джехангир с колотящимся сердцем отказался взять деньги. Ну Ашок, ну свинья! Продал-таки его! А ведь клялся, что никому не расскажет!

— Я записываю, что ты не выполнил домашнее задание.

— О'кей. И увидишь, что будет.

— А что будет?

— Сначала я весь твой учебник измажу волосами. Потом скажу учительнице, что ты деньги берешь.

— Она тебе не поверит.

— А мы с Ашоком пойдем. Он подтвердит.

И Виджей сунул деньги в учебник истории. Краешек торчал из книги. Джехангир в страхе быстро переложил деньги в карман. В журнале он записал: восемь правильных ответов из десяти.

Около парты Раджеша он по его усмешке понял,

чего ждать. Оба изобразили проверку домашнего задания, и Джехангир положил в карман еще двадцать рупий.

* * *

С того дня Ашок, Виджей и Раджеш составили трио, которое поставляло Джехангиру шестьдесят рупий в неделю. Возможность получать деньги без всяких усилий, получать нечто за ничто, наполнила его изумлением и ощущением своей власти.

Скоро он стал воспринимать деньги как должное: они причитались ему. И уже бывал недоволен, когда кто-то из троицы выполнял домашнее задание (чаще всего Раджеш, который и старался больше других, и был не так богат, как те). Подкладывая меньшую сумму в мамины конверты, Джехангир уже чувствовал, что подводит ее.

Потом он изобрел способ обеспечить себе стабильный доход. Мисс Альварес разрешила контролерам дополнять домашние задания собственными вопросами. При этом она напомнила контролерам, что полагается на их разумность в подборе вопросов.

По географии Джехангир сначала гонял Раджеша по вопроснику мисс Альварес, но у нее были

легкие вопросы, и Раджеш ответил правильно. Полистав учебник, Джехангир нашел кое-что потруднее.

— Назови общий ежегодный объем воды всех рек Индии.

— Что? — ахнул Раджеш. — Да это нечестный вопрос!

Джехангир помолчал и сам выдал ответ:

— Один триллион и шестьсот восемьдесят миллиардов кубических метров в год.

— Ублюдок.

Джехангир задал еще два похожих вопроса.

— Слушай, у нас домашнее задание по географии, а не по арифметике! — взвился Раджеш.

Он с ненавистью глянул на Джехангира и протянул двадцатку.

— Ну подожди. Ты еще получишь свое.

Джехангир с улыбкой спрятал деньги и пересел за следующую парту.

Рассовав шестьдесят рупий по маминым конвертам, Джехангир впопыхах стукнул ящиком, задвигая его. Роксана услышала шум и застала сына перед открытым шкафом.

— Ты что тут делаешь?

Он брякнул первое, что пришло в голову:

— Хотел посмотреть папины письма. Канад-

ские.

Мать поверит, она знает, как он любит слушать отцовские рассказы о подаче заявления и о собеседовании.

— Не надо ничего трогать на папиной полке. Так нашел ты письма?

— Нет. Я не захотел рыться в его вещах.

Она одобрительно кивнула:

— Попроси папу показать тебе письма. Если он придет в хорошем настроении.

Погладив сына по щеке, она привлекла его к себе.

— Что с тобой, Джехангу?

— Ничего.

— У тебя все хорошо?

Он кивнул.

— Пойдем, чайник уже вскипел. Почему Мурад опять задерживается? Как это получается, что он опаздывает на автобус, а ты — нет?

— Потому что я бегом спускаюсь по лестнице и на остановку тоже бегу.

Он не собирался рассказывать матери, что в последнее время брат ходит домой пешком. Должна быть причина, по которой Мурад экономит на билетах — может быть, тоже хочет помочь родителям?

Мурад скоро появился, мать не успела его расспросить, потому что вслед за ним пришел и отец и прямо с порога воскликнул:

— Невероятно!

— Что, что такое? — всполошилась Роксана. — Что-то не так?

— Впервые за долгое время все как раз так!

Роксана облегченно улыбнулась:

— Ты о чем?

— Угадай! И вот тебе подсказка — мне не пришлось протопать три этажа, чтобы попасть домой.

— Ты что — взлетел наверх? — не поняла Роксана.

Джехангир рассмеялся, счастливый тем, как разговаривают родители.

— Взлетел, — подтвердил Йезад, — вместе с клеткой.

— Лифт заработал! — заорал Мурад.

— Восемь лет не работал, поверите, чиф?

— Замечательная новость, — отозвался Нариман. — Чудо современной техники возвратилось в «Приятную виллу».

Под общий смех Джехангир предложил троекратное ура за добрый старый лифт — гип-гип-ура! Он был так счастлив, что отец счастлив!

— Не иначе как у Инид Блайтон вычитал, — хмыкнул Йезад.

Роксана кликнула всех к столу — обед готов.

Обед состоял из картошки с жареным луком, мелко нарубленным зеленым перцем и кумином. Роксана знала, что блюдо приготовлено не по правилам — сверху полагался слой взбитых яиц, по яйцу на порцию. Подавая его, она опасалась упреков…

— Очень вкусно, — заявил Йезад, — зеленый перец — это просто чудо!

Джехангир с энтузиазмом поддержал отца.

— Папа, — спросил он, — а можно мне называть себя Джоном? Как сокращение от Джехангира?

— Ты слышишь, Рокси? Твой сын хочет стать христианином.

— Нет, я все равно буду парсом, только имя чуточку изменю.

— Послушай меня, Джехангла. У твоих приятелей-христиан христианские имена, у твоих приятелей-индусов — индусские. А ты — парс, поэтому у тебя персидское имя. Гордись им, а не выбрасывай, как старый башмак.

— Как старый сапате, — не утерпел Джехангир.

— Хотя, по совести говоря, мы нынче ничего не можем позволить себе выбросить.

Почуяв возвращение неприятной денежной темы, Джехангир затревожился и перестал жевать.

Мама спросила:

— В чем дело, обед не нравится?

— Обед вкусный, — ответил он и заработал челюстями.

— Ты говорил папе, что искал в шкафу?

Джехангир оцепенел от страха и еле мотнул головой.

— Что тебе там понадобилось, безобразник?

— Хотел взглянуть на твои письма, — ответила за него мать, — на канадскую переписку.

Джехангир пришел в себя — «будто водой спрыснули», — подумал он. Понятно, почему мама заговорила о письмах, ей тоже хочется продлить хорошее настроение отца.

И после обеда он попросил отца рассказать про переписку.

* * *

История иммиграции существовала в двух частях: как мечта и как реальность. Но с годами мечта о благоденствии, доме, машине, проигрывателе компакт-дисков, о компьютере, чистом воздухе, снеге, озерах, горах, о хорошей жизни потускнела, поскольку ей не суждено было сбыться.

Эта часть почти сошла на нет. Ее компенсировало разрастание второй части, которая теперь составляла всю историю, начинавшуюся с письма, которое написал Йезад в Верховную комиссию Канады, заявляя о своем желании эмигрировать с семьей, в те времена состоявшей из Роксаны и трехлетнего Мурада.

— Ты все это уже слышал, — отговаривался Йезад.

— Но ты никогда не читал нам это письмо, папа, — не отставал Джехангир.

— Мне кажется, читал.

— Я, например, с удовольствием послушал бы, — сказал Нариман.

— Ну, хорошо.

Йезад подошел к шкафу, выдвинул ящик, и пользуясь случаем, наугад рассовал остатки своего лотерейного выигрыша по пяти конвертам.

Вернувшись в большую комнату, он выбрал из пачки писем то, которое все желали послушать.

Листая исписанные страницы, он пояснил, что, когда много лет назад обдумывал, как составить бумагу в канадское представительство, ему пришло в голову, что поскольку он не инженер, не медицинский работник, не техник — иными словами, не имеет специальности, пользующейся

в Канаде высоким спросом, то письмо должно, на свой лад, заменить отсутствующие у него ученые степени и дипломы. Письмо должно заставить Верховного комиссара Канады исполниться вниманием и отметить, что обращается к нему человек, достойный его страны. Слово обладает силой воздействия, силой слова совершались большие деяния, словом выигрывались войны. Несомненно, язык Черчилля, Шекспира и Мильтона, воспламененный благоразумием и страстью в правильной пропорции, способен помочь ему получить простую иммиграционную визу.

И Йезад сочинил хвалебную песнь Канаде, ее географии, повергающей в трепет, ее людям, ее месту в мире, необыкновенной щедрости ее мультикультурной политики, политики, которая в красоте своей мудрости не требует от человека отказа от старого, прежде чем допустить его к участию в новом. Он написал, что, хотя много говорится об американской мечте и об Америке как о плавильным тигле, это, по его мнению, скорей вызывает кошмарные ассоциации, ибо этот грубый образ более уместен при серном описании адского пламени, нежели земли обетованной. Нет, мозаическое видение канадской мечты,

несомненно, стоит куда выше, мозаичность требует воображения, терпения и артистизма, той эстетичности, которая отсутствует в брутальности огненно-кипящего котла.

Он сделал паузу.

— Сейчас это звучит так высокопарно.

— Читай, папа, — потребовал Джехангир, — это письмо с половинкой.

Йезад засмеялся, перевернул страницу:

— «Щедрость канадской мечты отводит место каждому, она допускает многообразие языков, культур и народов. В готовности Канады постоянно определяться заново на основе включения нового и заключается ее величие, ее обещание, ее надежда.

Моя семья и я, мы хотим участвовать в воплощении этой мечты. Мы верим в ее благородство и хотим прожить жизнь в обществе, которое намеревается стать светочем для всего мира.

Я мечтаю о том, что вскоре настанет день, когда моя семья навеки покинет эту землю разочарований и будет жить в стране, где превыше всего ценится такая добродетель, как сострадание, где ограничивается и искореняется человеческое себялюбие, где компромиссу отдается предпочтение перед конфронтацией и где взращивается

цветок гармонии.

Больше всего я мечтаю о том, что вскоре настанет день, когда моя жена, мой сын и я сможем, подняв головы к канадским небесам, всем сердцем пропеть: “О, Канада”».

Письмо заканчивалось обычными практическими подробностями, которые Йезад не стал читать.

— Боже, — вздохнул он, — неужели это я писал всю эту наивную чепуху?

— Отчего же, — сказал Нариман, — прекрасное письмо, полностью отвечающее той цели, которой было призвано достигнуть. Соответствующее моменту…

— Поверите, я провел полтора месяца в тяжких трудах, сочиняя его. Я писал, переписывал и снова переписывал, сходил с ума из-за каждой запятой, одно вставлял, другое вычеркивал, прежде чем решился отправить письмо в Дели. Потом в течение трех месяцев чертово представительство Канады отвечало молчанием. Я уж стал думать, не написал ли я нечто обидное для канадцев. Это эхо речи Мартина Лютера Кинга — вдруг им не понравилось, что я прошу разрешения выехать в Канаду, а цитирую американского героя. Может быть, надо было порыться и найти канадскую

цитату. Или, может быть, я слишком резко отозвался о плавильном тигле Америки, показался им радикалом, одним из тех, кто ненавидит Америку, но будет возмущать спокойствие и в Канаде. Или в письмо вкралась нотка нелояльности по отношению к Индии? Я-то как раз хотел избежать этого.

Наконец приходит ответ. Угадайте какой, чиф, — стандартное письмо в две строки: прилагается анкета и указания по ее заполнению. Все. Взгляните, вот фотокопия.

— Я до сих пор не могу понять, как эти люди могли игнорировать такое письмо? — сказала Роксана.

— Бюрократия, — ответил ей Нариман. — Са… са… самый страшный враг человечества.

— Совершенно верно, — согласился Йезад, обменявшись быстрым взглядом с Роксаной: оба отметили запинку в речи Наримана. — Заполнил я их анкету, но особых надежд у меня уже не было. Если мое письмо не произвело впечатления, то чем еще я могу повлиять на их решение? Ничем.

Вообразите мое изумление, когда еще через полгода меня пригласили на собеседование. Я опять загорелся, потому что представительство Канады никогда не вызывает на собеседование

заявителей, если не рассматривает их как возможных кандидатов. А пригласили всю семью, не только меня.

— Я как сейчас помню, что мы надели в тот день, — сказала Роксана. — На папе был его темно-синий двубортный костюм, я надела лиловое сари с жакетом, который у меня тогда был. Мураду купили чудный галстук — бабочку. Поехали на такси, чтобы не явиться потными.

— Ага. Приезжаем, клерк нам говорит, что чиновник, который занимается иммиграцией, мистер Мазобаши, скоро нас вызовет. Сидим на диванчике, ждем. Кроме нас, там полно других семей, все принаряжены, как мы, будто на свадьбу пришли. На некоторых женщинах просто килограммы золотых украшений. Смешно вспомнить. Но тогда я думал только об одном: канадского чиновника, сотрудника, ведающего иммиграцией, зовут мистер Мазобаши.

Меня это сильно взволновало. Вот в чем прелесть Канады. Канадец по имени Мазобаши. Почему бы не Ченой, например? Тут слышится голос: семья Ченой! Как доктор, который приглашает очередного пациента. Когда я увидел человека, который нас вызвал, мне в голову не пришло, что он и есть чиновник, занимающийся

иммиграцией, одет был как чапраси-рассыльный — мятая длинная рубаха навыпуск, на ногах колапурские сандалии, грязные пальцы торчат.

Но когда мы вошли в кабинет, он плюхнулся в большое кресло за письменным столом. На столе бронзовая табличка с именем: М. М. Мазобаши. Выходит, этот оборванец и будет проводить собеседование. Как же они к нам относятся? Но я себя одернул. Может, канадцы одеваются еще небрежней, чем американцы?

— Англичане когда-то употребляли выражение «отуземиться», — вставил Нариман.

— Вот именно. Этот мистер Мазобаши открывает папку, даже не приглашая нас сесть. Перед столом один стул, и я показываю Роксане, чтоб она села. Он увидел и говорит: «Да, конечно, рассаживайтесь!» И указывает еще на другой стул в углу. Мы садимся, и он спрашивает: «Неужели вам не жарко — пиджак, жакет?» Я говорю: нет, сэр, у вас здесь отличный кондиционер.

— На самом деле, — прервала Роксана, — в кабинете было просто холодно, я даже пожалела, что не захватила мой нейлоновый шарф. И беспокоилась, как бы Мурад не простудился. Тот человек заметил, что я мерзну, и говорит — резко так говорит: «Что такое, вам холодно? А еще

хотите в Канаде жить!» Невоспитанный человек, он мне сразу не понравился.

— Ну ладно, — продолжил Йезад. — Вдруг он встает, выходит из кабинета и возвращается со стаканом воды. Я было решил, что он желает проявить хоть какую-то вежливость, воды предложить, но он полил цветок на своем столе. Неожиданно задает мне вопрос: «Вам известно, как далеко Канада?» Я отвечаю, что это зависит от того, какую часть Канады он имеет в виду, потому что, если Западное побережье, то оно почти на шесть тысяч километров дальше.

— Отличный ответ, — одобрил Нариман.

И Джехангиру тоже понравилось, потому что папа отбрил этого противного мистера Мазобаши.

— Папа, тут ты ему и сказал, что он грубый человек?

— Нет, позже. Он опять открывает папку, закуривает сигарету, рассматривает свои ногти и спрашивает, почему мы хотим уехать в Канаду. Я в ответ повторяю кое-что из моего письма и добавляю — напрасно, конечно, — что мы хотим уехать по той же причине, по которой переехала в Канаду его семья. Он фыркает: «Моя семья родилась в Канаде».

Я молчу. Он задает мне первый осмысленный вопрос: «Вы торгуете спортивным инвентарем. Расскажите мне подробней об этом».

Я начинаю отвечать, он меня обрывает: «О'кей, о'кей, хватит о крикете, бадминтоне, настольном теннисе. Вы намерены торговать спортивным инвентарем в Канаде?»

«Да, но я готов взяться за любую работу, если…»

«Ладно, ответьте мне на несколько вопросов о канадском спорте. Сколько игроков в хоккейной команде?»

«Одиннадцать?»

«Неправильно».

«Сколько таймов в матче?»

«Два?»

«Неправильно. Что такое силовая игра? Вы знаете, что значит деке? Что такое ледовый пенальти? В чем разница между Канадской футбольной лигой CFL и Национальной футбольной лигой NFL? Сколько лицензий у Национальной хоккейной лиги NHL? Как играют в лакросс?»

— Он шпарил вопросами, как из пулемета.

«Вы, индийцы, до того наивны, — сказал он в заключение, — хотите уехать и морозить свои задницы в стране, о которой ни черта не знаете,

лишь бы заработать кучу денег. Так что спасибо за ваш интерес к Канаде, мы дадим вам знать о результатах собеседования».

Джехангир замер в ожидании — он знал, что сейчас будет самое лучшее.

— Он полагал, что мы безропотно встанем и уйдем, — продолжил Йезад. — Но я не двинулся с места. Говорю: «Извините, сэр, могу я сказать вам кое-что?» — «Конечно, — говорит он, — только по-быстрому. Мне еще предстоит беседовать со многими из ваших».

«Хорошо, — говорю я. — Можно и по-быстрому. Вы, сэр, грубый и невежественный человек, вы позорите свою должность и свою страну. Вы сейчас оскорбляли нас, оскорбляли индийцев и Индию, одну из многих стран, откуда ваше правительство выкачивает мозги, те самые мозги, благодаря которым вы растете и развиваетесь. Вместо благодарности вы демонстрируете нам свои предубеждения и нетерпимость. От вас, чьи соплеменники страдали от расизма и ксенофобии в Канаде, где их, хоть и граждан Канады, держали как военнопленных в лагерях, от вас, сэр, больше, чем от другого человека, можно бы ожидать понимания, вы должны бы быть воплощением просвещенных канадских идеалов мультикуль-

турализма. Однако если судить о Канаде по вас, то страна эта — гигантская мистификация».

— Браво, — сказал Нариман, а Джехангир с Мурадом зааплодировали.

— Я произнес там целую речь. Но это было давно, и я всего не помню.

— Ты еще сказал о флаге, который стоял позади его письменного стола, — подсказала Роксана, — и о листке.

— А, да. Я сказал, что странно, как это до сих пор еще не засох от стыда красный кленовый лист на флаге, вынужденном находиться в этом кабинете.

— Превосходно, — сказал Нариман.

— Я тщательно готовился до подачи заявления. Вилас, мой друг из книжного магазина, дал мне прочесть роман под названием «Обасан» и еще одну книгу — «Противник, которого никогда не было». Я много чего прочитал: о строительстве национальных железных дорог, о Клондайке и о золотой лихорадке, о конфедерации 1867 года. На самом деле, мне кажется, я был информирован лучше, чем многие канадцы. Вот о канадском спорте недостаточно знал. И этот человек завернул меня.

Нариман скорбно покачал головой:

— Мы всегда склонны считать, что те, кто много страдал, выносят из страдания повышенную способность к состраданию. Но тут нет гарантий. В любом случае я рад, что вы не эмигрировали.

— Куми и Джала это тоже должно радовать, чиф. Вызов «Скорой» от Бомбея до Канады стоил бы диких денег.

— Я рад, что вы не эмигрировали, — повторил Нариман, — потому что считаю эмиграцию серьезной ошибкой. Самой большой ошибкой, которую может совершить человек. Утрата дома оставляет невосполнимую пустоту.

Йезад почувствовал комок в горле; он вспомнил капуровские фотографии «Джехангир-паласа» и Хьюз-роуд. Свой утраченный дом. Его опять охватило чувство печали и пустоты, к которым примешивалось странное спокойствие.

Он сложил в большой конверт анкеты и письма, множество газетных вырезок о Канаде, которые собрались за последние двенадцать лет. Он теперь знал о Канаде гораздо больше, чем во время встречи с мистером Мазобаши. Обида за то, что его отвергли, вызвала в нем желание получше понять его, отвергавшего.

Он понес конверт обратно в шкаф, но вдруг остановился. Чего ради он все это бережет? Он

знал причину: он так и не оставил мысли о подаче нового заявления и надежды добиться положительного ответа.

Йезад сел на кровать, вытряхнул содержимое большого конверта. Посыпались письма, анкеты, фотокопии, вырезки. Он подбирал их и рвал.

В комнату заглянула Роксана.

— Что ты делаешь? — ужаснулась она.

— Избавляюсь от хлама.

В первое мгновение ей хотелось остановить его, спасти бумаги. Но потом она поняла: Йезад прав, их незачем хранить.

Она присела рядом на кровать, поджав ноги, и стала помогать мужу. Рвать документы было приятно. Они подняли глаза, их взгляды встретились над горой обрывков.

Когда не осталось ничего, кроме бумажных лепестков, он привлек ее к себе, обнял и прижал ее голову к своей груди.

На балконе Мурад поделился с Джехангиром интересной мыслью: почему бы папе не пожаловаться правительству Канады на грубость и несправедливость мистера Мазобаши во время собеседования?

— А потому, — мудро ответил Джехангир, — что правительства никогда не помогают простым

людям.

— Это ты про Индию говоришь, — не согласился Мурад, — а за границей не так. Скажу-ка я папе.

— Подожди, — остановил его Джехангир, — сейчас не ходи, папа с мамой целуются.

Глава 12

Посыльный из газовой компании под бдительным оком Роксаны вынул из-под плиты пустой баллон. Оставь его без присмотра, он вполне может что-нибудь стащить — ложку положить в карман или бутылочку приправы с полки взять. Она понюхала — воздух припахивал газом от отсоединенного шланга.

Свежий баллон встал на место, газовщик опустился на колени затянуть шланг, зажег горелку для проверки. Вспыхнуло чистое голубое пламя. Он взвалил на плечи пустой баллон, и Роксана проводила его до двери.

Поспешила за деньгами — и остановилась, взглянув на квитанцию: газ опять подорожал. Ей даже пришло в голову сказать газовщику, чтобы забрал баллон. Керосин для старенького примуса обойдется дешевле. Да, но он засорился и качает плохо. А ей в любом случае нужно готовить обед.

Перебирая конверты в поисках помеченного надписью «Газовый баллон», Роксана заметила деньги в конверте «Хлеб и масло». Двадцать рупий? Откуда? Они уже несколько дней обходи-

лись без масла.

Под руку попался конверт «Электричество», она нащупала и в нем деньги… Сорок пять рупий. Но она оплатила счет третьего числа!

Роксана рассчиталась с газовщиком и вернулась к шкафу. Проверка всех конвертов показала сто восемьдесят рупий сверх ее расчетов.

Вечером она рассказала об этом Йезаду.

— У меня какая-то путаница в деньгах, — осторожно призналась она, опасаясь, как бы муж не подумал, что она небрежно считает. — Я проверила несколько раз…

— Может быть, это Капур обсчитался в моей зарплате? Да ладно, что волноваться из-за лишних денег? Потратишь на необходимое.

Он внутренне усмехнулся, хоть и был несколько озадачен — он всего сто двадцать клал.

Йезад все время надеялся — и странным образом почти опасался — что Вили увидит очередной вещий сон. Большой будет соблазн. Вили что ни день подстерегала его на их общей площадке третьего этажа, пичкая его «классными наводками», как она их называла. Иногда ему чудился какой-то смысл в ее болтовне, и тогда он ужасался самому себе: как он может видеть логику в числовом бреде несчастной Вили? Он ненавидел

себя за слабость, побуждающую его цепляться за ее фантазии.

Но потом он вспоминал ее сон про бюстгальтер — как прикажете понимать, если все это бред? Черт ее знает, может быть, Вили одарена некой врожденной способностью, чем-то близким науке статистической вероятности? Вроде Шакунталы Деви и прочих математических кудесников, которые в уме перемножают двадцатизначные числа быстрее всякого калькулятора. Как ни крути, но наводки Вили, похоже, действуют.

Разрываясь между миром реальности и надеждами, внушаемыми Вили с ее королевством чисел, Йезад решил положиться на судьбу. Если получит повышение в «Бомбейском спорте», то больше никаких «Кубышек». Но Капур что-то замолчал на эту тему. Может, напомнить ему? Или, еще лучше, просто попросить прибавку? В конце концов, он ее заслуживает, учитывая, сколько работы он взял на себя в последнее время, — не нужно ждать выборов…

В ожидании эдикта судьбы он время от времени делал маленькие ставки (чтоб контакт поддерживать, говорил он себе), выигрывая и проигрывая по мелочам, но не касаясь заначки, оставшейся от мощного сна размера 36С. Скоро он

почувствовал себя экспертом, а тему снов и чисел мог обсуждать, как другие описывают свой день на работе. Теперь ему нравилось волноваться, решая, как ставить, особенно нравилось острое возбуждение перед получением результатов, которое переходило в ликование или раздражение. А от всякой прибавки к заначке он понемножку докладывал в Роксанины конверты.

— Опять ошибка в расчетах, Иездаа, — объявляла она, обнаруживая лишние деньги.

Веселый тон свидетельствовал о ее готовности подыгрывать мужу. Роксана полагала, что он получает дополнительные комиссионные, а то, что потихоньку кладет деньги в конверты, — это его способ дать ей понять, что больше они не будут ссориться.

Через несколько недель после первого выигрыша Вили подстерегла его после работы.

— Хорошие новости, Йезад-джи.

Он потянулся за бумажником, но она задержала его руку.

— Как вы возбуждаетесь, дорогой. Хоть сон дайте рассказать вам, прежде чем доставать деньги.

«Опять нижнее белье», — подумал он, нащупывая банкноты, тщательно упрятанные в отделение для монет. Остатки выигрыша. Пе-

ресчитал — маловато для приличной ставки, а жаль. Эх, была бы сейчас возможность раздобыть наличность.

— На самом деле лучше я оставлю тебе денег и пойду.

— Десять секунд, Йезад-джи, сон короткий и приятный.

Он замялся, и Вили добавила:

— Вас видела во сне.

— Ну да?

— Самый простой из всех моих снов. Другой бы забыл при пробуждении. Мы с вами были у меня на кухне и ели шоколад.

— И все?

— Я же сказала — короткий и приятный. — Она хихикнула. — А вообще-то длинный и приятный, потому что это была большая плитка «Кэдбери», и ели мы ее вместе. Я откушу, потом вы откусите. Шоколад липкий, слюна сладкая…

— Ты наверняка уже знаешь число, ты же специалист, зачем тебе я?

— Во сне я нуждалась в вас, — кокетливо сказала Вили. — Шоколад-то вы принесли.

— Я?

— Да, и сами развернули плитку, показали мне, какая большая, и пересчитали квадратики,

прежде чем мне отдать.

— И?..

— Восемнадцать квадратиков, — обольстительно шепнула Вили. — Восемнадцать, мой милый, и есть наше число.

Они пожали руки, желая друг другу удачи, и Йезад поспешил домой.

Рассеянность Йезада в тот вечер напугала Роксану, которой показалось, что муж снова впадает в депрессию. Подумать только, в последнее время у них все было так хорошо. Что могло вызвать в нем эту перемену?

Она собиралась рассказать ему, что Мурад каждый день возвращается домой с опозданием и что с сыном надо бы поговорить. Однако теперь она решила отложить этот разговор.

Мальчики смирно сидели за своим столом, стараясь показать отцу, как они делают уроки, пока он пьет свой чай. Когда чай был допит, Джехангир с важным видом объявил, что ему поручили написать эссе на тему «Почему я считаю Индию великой страной».

— Поможешь мне, папа? — спросил он, желая доставить удовольствие отцу.

— Помогу, когда учительница попросит написать, почему Индия — безнадежная страна.

Ответ Йезада мгновенно заставил Роксану забыть о своем решении.

— Зачем говорить ребенку такие жестокие вещи?!

— Истина бывает подчас жестокой. А с выдумками можешь помочь ему ты. Или профессор Вакиль изобретет нужные факты.

— С удовольствием, — ответил Нариман.

Джехангир посмотрел на мать, ожидая ее позволения.

Она кивнула, и Джехангир уселся за обеденный стол.

— Я готов, дедушка.

Сидя в угловом кресле, Йезад наблюдал эту сцену: сосредоточенное выражение на личике сына, радость на измученном лице Наримана. Во что же превратилась его жизнь, если он не в состоянии сесть рядом с сыном и помочь ему написать школьное сочинение?

В раздражении он сорвался с кресла, наткнувшись на чайный столик, и прошел в маленькую комнату. Выставив оттуда Мурада, он попытался закрыть на засов дверь. Но разбухшая дверь, которую никогда не закрывали, не поддавалась, пришлось приложить силу.

Защелкнувшийся засов насторожил Роксану.

Выждав минуту, она приложила к двери ухо.

Тихо. Даже шагов не слышно. Йезад так нервничает весь вечер! Так странно ведет себя.

— Йезад? — тихонько постучалась она.

Он не ответил.

— Йезад, с тобой все в порядке?

Роксана в панике заколотила в дверь руками и ногами.

— Отопри, Йезад! Йезад, я прошу тебя!

Дверь распахнулась так неожиданно, что она чуть не упала. Он выставил руку, подхватив жену, но загораживая ей путь в комнату.

— Ты прекратишь свою истерику или мне связать тебя по рукам и ногам?

Он захлопнул дверь. Ошеломленная Роксана уставилась на нее, потом отвернулась и опустилась на стул рядом с Джехангиром, который давно перестал писать.

— Ты пиши, пиши, — слабым голосом сказала она, — папа просто чем-то расстроен.

— Может быть, на работе неприятности? — предположил Нариман.

— Откуда я знаю? Он ничего не рассказывает, ведет себя как чужой, — прошептала Роксана.

Джехангир соскользнул со стула и уткнулся лицом в мамино плечо. Она поцеловала его в

голову.

— Он не свяжет тебя, — рыдал Джехангир.

— Ну конечно, нет…

— Просто сказал, потому что сердился, — пробормотал Мурад.

* * *

Йезад лежал на кровати, коря себя и объясняя себе, что у него не было выбора: ему же необходимо запереть дверь? Как иначе? И он же делает все это ради семьи, разве нет? Единственное — он не уверен, что принял правильное решение. Он поднялся на ноги, прошелся по комнате, сжимая и разжимая кулаки, и решительно шагнул к шкафу.

Достал конверты. Многие были пусты — в начале месяца платили по счетам. Стал опустошать те, в которых что-то было: «Хлеб и масло», «Молоко и чай», «Рис и сахар»… и на мгновение ему почудилось, будто он продукты из них выгребает… «Без фокусов, — одернул он себя. — Завтра все вернется сторицей».

Но почему, почему ему кажется, что он обкрадывает семью? Господи, если бы он мог рассказать обо всем Роксане… Но она в жизни бы не согласилась в этом участвовать! Не только из

отвращения к азартным играм — она бы сказала, что риск чересчур велик.

Наспех пересчитав деньги — всего около семи сотен рупий, — он положил их в бумажник, вернул на место пустые конверты и подошел к двери.

Взялся за ручку и заколебался. А что, если сон Вили…

Рывком открыл задвижку. Вышел как ни в чем не бывало и двинулся в коридор.

— Прошу тебя, Йезад, — взмолилась Роксана, — что случилось? Куда ты?

— Хочу пройтись.

Он с лязгом закрыл дверь лифта и спустился вниз. Потоптавшись у парадного, на цыпочках стал подниматься по лестнице.

Шаги по каменным ступенькам гулко отдавались в пустоте. На втором этаже раздался смех, и он замер. Из-за двери доносились веселые детские голоса, маленькая девочка просто верещала от удовольствия, женский голос звал ужинать…

Ему хотелось бежать от этих звуков. Их привычность рвала ему душу, напоминая о происходящем в его собственной квартирке, еще недавно такой же уютной, счастливой и полной любви…

«И все это восстановится, — сказал он себе. —

Как только он возьмет верх над обстоятельствами». Он поднялся на третий этаж и поскребся в дверь Вили.

Не здороваясь, он вынул деньги из бумажника.

— Быстро, — сказал он, — беги к своему лавочнику и поставь за меня.

Вили растерялась от непривычно резкого тона, но ответила в обычной игривой манере:

— С удовольствием. Но вы уверены, мой дорогой? Такая сумма…

— Не твое дело. Быстро, пока еще принимают ставки!

Она без звука взяла деньги, обиженная поведением лотерейного коллеги — совершенно не в духе игры!

…Часам к девяти он забеспокоился по поводу первой цифры. Облокотившись о балконные перила, он ждал, мечтая о дуновении ветерка. Ноябрь, а жара как в мае, когда она только спадет? Какой будет первая цифра? Один. Должна быть единица.

В половине десятого он объявил, что хочет пройтись.

— Опять? — Измученный голос Роксаны прозвучал скорей утвердительно, чем вопросительно.

Йезад поймал взгляд, которым она обменялась

с отцом.

— Ты что, установила для меня правила и квоты? Как Куми для него?

— Это ты похож на Куми, глупости говоришь, как она!

— Шуточка с половинкой. Следишь за каждым моим движением. Если я говорю, что хочу пройтись, у тебя сразу сто вопросов…

— Иди куда хочешь! Иди, беги, ползи, я не знаю, что у тебя на уме, и знать не хочу!

Он хлопнул дверью лифта и, повторив маневр, через пару минут постучался к Вили.

— Ну что?

Вили расплылась в улыбке.

— Один, мой милый, первая цифра один.

Увидев облегчение на его лице, Вили решила помочь:

— Еще не поздно отменить ставку на второе число, если вы не доверяете моему сну. Лалубхаи согласится из любезности ко мне.

Йезад не ответил.

— Вы же получите выигрыш по первой цифре.

Йезад быстро подсчитывал: он поставил семьсот восемьдесят пять рупий. Значит, он уже выиграл в девять раз больше, то есть уже выиграл… семь тысяч шестьдесят пять!

«Фантастика, — подумал он, — хватай и…»

Но если вторая цифра выйдет восьмерка, то… Сколько же он выиграет?

— Дай карандаш, Вили!

Он писал прямо на входной двери. Полученный ответ потряс его: шестьдесят три тысячи пятьсот восемьдесят пять!

Достаточно, чтобы за все заплатить. Даже отремонтировать потолки у Джала и Куми.

Голос Вили вторгся в подсчеты:

— Если отменять ставку, так мне нужно прямо сейчас бежать.

— Нет, — распорядился он, — ставка остается.

И, осознав резкость своего тона, улыбнулся Вили:

— Прости меня, такой стресс!

— Я понимаю, — ответила она и погладила его по плечу.

Упершись рукой в матрас, Йезад перевернулся на спину. От резкого движения колыхнулось изголовье кровати. Он проворчал, что в комнате невыносимо душно. Стянул ногами простыню и вытер о пижаму вспотевшие ладони. Через секунду он снова натянул простыню, дрожа от холодного пота.

Приподнявшись на локте, посмотрел на часы.

Как же они громко тикают, ничего удивительного, что он не может заснуть. И циферблат в темноте не разглядеть, светился, когда часы были новые, а теперь потускнел.

Прищурившись, всмотрелся — половина первого. Закрылась лотерея.

Роксана пыталась успокоить мужа, приобняв его, но почувствовала, что он напрягается, и убрала руку. Она лежала без сна, спрашивая себя, не приближается ли конец их семейной жизни, раз даже ее прикосновение неприятно ему.

Постепенно он перестал метаться и ворочаться, она почувствовала, что он засыпает. Несколько раз он еще конвульсивно дернул ногами в темноте, потом заснул, прижав колени к животу.

И тут из большой комнаты донесся голос Нариман. Он опять разговаривал во сне, но не возбужденно, а скорее удовлетворенно и тихо. Роксана порадовалась за отца, но ей было страшно, как бы он не разбудил Йезада. «О папа, — умоляла она про себя, — папа, только не громко…»

Они ходили в кино. В «Ригале» шел фильм «Великолепные Амберсоны». После сеанса они с Люси пошли пройтись вдоль Кафф-Парейд. Это уже стало привычкой первых лет их любви:

в кино на предвечерний сеанс, долгая прогулка, потом обед в ресторане типа «Волги» или «Парижанина». Но на этот раз картина оказалась грустной и навела их на мысли о гордости и высокомерии, о падении и позоре. Море волновалось, сильный ветер мешал разговаривать, сдувая слова, волосы и одежду.

Но они нашли себе скамейку в закрытом от ветра месте. Теперь сгущающиеся сумерки пахли дождем. Исчезли все торговцы кокосовым молоком, соком сахарного тростника и орешками. По пляжу бегала только девочка с цветами, которая бросилась к ним, как только они уселись. — Чамайли, сахиб? Жасмин для мемсахиб? — пискляво клянчила она.

Он купил жасминовую гирляндочку и попробовал пристроить ее в волосы Люси. Но она, христианка, не привыкла носить цветы в волосах. Взяв у него гирлянду, обернула ее вокруг запястья. Он поднес ее руку к лицу и понюхал цветы. — Жасминовое запястье на розовых лепестках твоей руки, — провозгласил он, целуя ее ладонь, целуя ее пальцы один за другим. — Чего мы тут сидим? Моих родителей наверняка уже нет дома.

Ей не хотелось идти к нему, она боялась, что

их увидят вместе. Но он уговорил ее — отец с матерью точно ушли к Сэмми и Джини Котвалам на вист, они останутся там ужинать и вернутся никак не раньше половины первого. Никакого риска столкнуться с ними.

— А если мы даже встретимся с ними, ты же должна когда-то познакомиться с моими родителями!

Начался дождь, и они поехали на такси. Дождь усилился, машины двигались все медленнее, сигналили все громче. Дворник в такси заедало, таксист высовывал руку и подталкивал его. На сиденье рядом с ним лежало полотенце — вытирать мокрую руку.

Машина остановилась перед домом. Сосед с первого этажа, мистер Арджани, сидел у окна, любуясь ливнем.

— Хэлло, Нари, — крикнул он и со значением добавил: — Родителей нет дома, я сам видел, как они уходили с полчаса назад.

Нариман кивнул, а проходя мимо соседской двери, услышал, как Арджани возбужденно докладывает жене, что молодой Вакиль ведет к себе какую-то новую девицу.

В ожидании лифта Нариман заглянул в лицо Люси.

— Жалкие люди, вот они кто, — прошептал он.

В квартире он на всякий случай закрыл дверь на цепочку. Люси спросила, не лучше ли им просто закрыться в его комнате.

— Моя дверь не запирается. А если она будет затворена, то они просто войдут.

— О боже, — Люси передернуло от этой мысли, — да стоит ли того…

— Да, — шепнул он, целуя ее в ухо, отводя волосы, чтобы поцеловать в щеку.

— Тебе бы надо прикрыть фамильные портреты, — сказала она, когда они проходили по коридору в его спальню, — они так сердито смотрят на меня!

— Их никогда не любили ангелы.

Она присела на край кровати, снимая туфли. Он задернул шторы, и сумрачная комната погрузилась в темноту; остался лишь прочерк уличного света между штор. Он включил настольную лампу. Они снимали с себя одежду, но, оставшись в белье, Люси попросила:

— Погаси свет…

— Мне он нужен, чтобы видеть тебя — тебя всю. Пожалуйста.

— Зачем?

— Я хочу поклоняться тебе всеми органами

чувств.

Она замерла, растроганная ответом, но пробормотала, что никогда не могла переспорить его. Он зашел сзади и расстегнул ее лифчик, вдохнул запах ее затылка.

— Что ты делаешь? — засмеялась она.

— Поклоняюсь тебе носом.

Он повернул ее к себе, вдыхая запах между грудей. Опустившись на колени, он стянул с нее трусики. Она переступила через них. Он наклонился и зарылся носом в треугольник волос. Ее руки задержали его там.

В постели, прильнув ухом к ее груди, он вслушивался в удары ее сердца. Поцеловал ее губы, ощутив вкус ее языка, потом уши, соски, пупок, прошел губами ниже…

Звонок в дверь. Звук яростно пронесся по затихшей квартире, сопровождаемый серией агрессивных ударов в дверь. Оба вскочили. Нариман решил не откликаться — кто бы ни ломился, подумают, что дома никого нет, и уйдут.

Но в дверь непрерывно звонили и стучали. Нариману почудился рев отца, и он вышел в коридор прислушаться. Действительно, отцовский голос. Кое-как натянули одежду. Люси бросилась в гостиную, на ходу оправляя прическу. Нариман

бросил взгляд в зеркало и отпер дверь.

Лицо матери без кровинки, будто она вот-вот лишится чувств. С одной стороны, ее поддерживает отец, с другой — Соли Бамбот. Нариман оттолкнул Соли, взял мать под руку:

— Что случилось?

— Мой обычный приступ, — задыхалась мать, пытаясь улыбнуться. — Неожиданно упало давление.

Они с трудом довели мать до родительской спальни. Нариман помог ей снять туфли. Уложив ее в постель, они вышли из комнаты.

И тут отца взорвало.

— Могу ли я узнать, что здесь происходит? Матери плохо, я привожу ее домой и обнаруживаю, что перед нами запертая дверь! Моего собственного дома! А мать еле на ногах держится!

— Прости, но я не думал, что вы так скоро вернетесь.

От отца пахло спиртным, от Соли тоже.

— Это не оправдание! — загремел отец. — И в чем причина…

И тут его взгляд упал на Люси, сидевшую в гостиной.

— Ах вот она, причина!

— Да, — тихо ответил Нариман. — Мне при-

шлось накинуть цепочку, ты не уважаешь мою личную жизнь.

— Бесстыжий! Для сына противоестественно скрывать личную жизнь от родителей, если только он не затевает бесстыдство! — Он драматическим жестом указал на Люси, отвернувшуюся к окну.

— Ш-ш-ш, Марзи, бедная Джеру только задремала, не буди ее, — вмешался Соли, — ей сейчас нужны тишина и покой. Мы все это обсудим позже, когда она придет в себя.

— Позже? — ярился отец. — Уже и так поздно! Мой сынок превратил мой дом в бордель, куда он позволяет себе таскать своих шлюх! Вот она, безнравственность, которая губит всю общину парсов!

Нариман пересек комнату и, взяв Люси за руку, повел к двери. Они не стали ждать лифта — отец мог и на площадку выскочить со своими оскорблениями.

Только спустившись на два этажа ниже, Нариман почувствовал себя в безопасности. На лестничной клетке стояла тишина.

— Я виноват, Люси. И стыжусь поведения отца.

— Ты ни в чем не виноват. — Люси старалась держаться, хотя голос ее дрожал. — Нам просто

не везет.

Они обменялись улыбками и долгим поцелуем. Нариман усадил ее в такси и возвратился в дом.

Уйти к себе он не мог — отец пошел бы за ним. Поэтому он стоял в гостиной, дожидаясь паузы в словесном потоке. Она наступила.

— Я могу сказать только одно. Когда ты обзываешь шлюхой девушку, которую я люблю, а наш дом борделем, потому что я пригласил ее к нам, ты позоришь себя как отца. И это приводит меня в отчаяние.

— Нари, Нари, — останавливал его Соли, — так с отцом не разговаривают!

— Мой сын никогда не относился ко мне с уважением, которое следует оказывать отцу. Вот тебе доказательство, Соли, ты слышишь, что он говорит.

Взаимные обвинения и горькие упреки не кончались, Соли играл роль миротворца, попеременно унимая и ругая то отца, то сына.

— Будет тебе, Марзи. Как говорится, прости и забудь.

— Хватит, Нари, ни слова больше.

Когда наконец все стихло, Соли воспользовался случаем, чтобы подвести философический итог:

— Молодость есть молодость, Марзи. Пусть

лучше сейчас погуляет и порезвится. А потом найдется хорошая девушка из парсов, и он остепенится. Правильно, Нари? После женитьбы никаких шуров-амуров.

Соли явно решил закрепить успех своей миротворческой деятельности через юмор:

— Скажи мне, Нари, эта твоя девушка… Придется ей на исповеди рассказать падре, чем вы с ней сегодня занимались?

Нариман не стал отвечать, но тот и не ждал ответа; он загоготал, воображая сцену в исповедальне.

— Мне известно из достоверного источника, что эти падре выуживают из девушек смачные детали: он тебя трогал там, а ты его трогала там, он тебе вставил?

Соли опять разразился хохотом, от которого колыхалось его брюхо; отец Наримана тоже хихикал. Спохватившись, они стали предупреждать друг друга, что нельзя беспокоить Джеру, потом Соли пристыдил Наримана за отсутствие чувства юмора, а Нариман огрызнулся и сказал, что не находит ровно ничего смешного в его школьнической трепотне.

Роксана хотела было подойти к отцовскому дивану, но побоялась нарушить беспокойный

сон Йезада. В темноте слышалось отрывистое бормотание Наримана. Рука Йезада ударилась об изголовье. Услышал папу? Или это демоны в его собственной голове?

Отцовское бормотание становилось все тише и невнятней. Роксана услышала, что Джехангир тихонечко причмокивает губами, стараясь успокоить дедушку, и ее сердце наполнилось странным, болезненным счастьем. Какой удивительный ребенок, Господи, благослови его, такой надежный, такой взрослый — это в девять-то лет…

Она лежала с открытыми глазами. О том, что мучает папу, можно догадаться. Но она что угодно отдала бы, чтобы понять терзания Йезада. Если уж он не хочет открыться ей днем, пусть бы хоть во сне заговорил, хоть намеком помог бы ей узнать, что его гложет.

* * *

Они только за утренним чаем посмотрели друг другу в глаза, обведенные темными кругами. Как она ужасно выглядит, подумал Йезад, лицо осунулось, плечи опущены. У него сердце разрывалось от вида жены.

Но утренний свет развеял его сомнения. Скоро

он сможет сказать ей правду, объяснить, что сделал. Имея в руках шестьдесят три тысячи с чем-то там рупий, можно без труда добиться ее прощения.

Он вышел из дому еще до девяти и совершил привычный маневр к двери Вили. Если она успела получить его выигрыш, то он немедленно отнесет его Роксане и прекратит ее мучения. Опоздает на работу, конечно, но мистер Капур не умрет, если сам откроет магазин.

Постучался. Тишина. Постучался сильнее. Ничего. Куда девалась эта дура, она же знает, что он на нервах. Или это ее месть за его вчерашнюю грубость? Так он же извинился! А может быть, она еще у лавочника, деньги считает — сумма-то большая, пока пересчитаешь…

Постучал еще раз и достал платок вытереть вспотевшее лицо. Послюнив палец, старательно стер с двери цифры, нацарапанные вчера. Карандашные каракули размазались в свинцовое пятно. Постучав в последний раз, Йезад заторопился на работу.

Время ползло, напоминая Йезаду об улитке, которую притащил домой Джехангир из школьного сада после дедовых рассказов о любви к животным. Улитка ползала по балкону — интересно,

куда она потом девалась? А день полз медленней улитки, казалось, он вообще не кончится.

Но день кончился, и магазин закрылся. Йезад помчался на станцию, пробился в первый подошедший поезд. К дому он несся, едва касаясь ногами земли. Слишком издерганный, чтобы соблюдать осторожность, он поднялся в лифте на третий этаж, проплывая сквозь вечерние запахи «Приятной виллы». Где-то жарились бараньи отбивные… Он сглотнул слюну. Наплевать, если его заметят у дверей Вили, все будет хорошо, еще чуть-чуть — и он передаст Роксане деньги.

Йезад уже переживал счастье примирения с женой, когда распахнулась дверь — вместо улыбчивой Лотерейной Королевы перед ним предстала убитая горем женщина, чей вид взывал о сострадании.

— Йезад-джи, — простонала она, — что за ужасный день!

Его первой мыслью была ее больная мать: скончалась?

— Бедная Вили, что случилось?

— Вы ничего не слышали? Где вы были весь день?

— На работе.

— И что? Весь Бомбей уже знает, весь город

гудит. Только об этом и говорят — полиция прихлопнула «Кубышку».

— Когда?

— Рано утром.

Вили рассказала, что в полночь она, как обычно, стояла у окна, подкарауливая Сампата с первого этажа, который останавливался под фонарем, чтобы показать ей на пальцах вторую цифру лотереи.

— Сампат показал восемь пальцев.

«Да, — подумал Йезад. — Да, мои беды позади».

Вили не заметила его облегченного вздоха, продолжая свой рассказ:

— А через несколько часов начался полицейский рейд. Наш бедный Лалабхаи был арестован в половине пятого.

— Но полиция и раньше закрывала лотерею, разве нет? Шум, гам, тарарам, подпольная лотерея ликвидирована, проходит несколько дней — и все начинается снова.

— На этот раз не так. Все предыдущие рейды, — сказала Вили, — проводились по договору между мафией «Кубышки», полицией и политиками. В тюрьму попадала только мелкая сошка. А прошлая ночь стала сюрпризом для всех. В этот раз «Кубышку» действительно уничтожили. Я целый

день провела в лавке Лалабхаи с его сыновьями, которые пытаются добиться его освобождения под залог.

По словам Вили, полиция пересажала всех, сверху донизу: крупную рыбу, мелкую рыбешку, всех. Ходят слухи, что после того, как террористы устроили страшный взрыв на бирже, когда был потрясен весь Бомбей, полиция была вынуждена взяться за «Кубышку». Никто, даже самые продажные политики, не желает, чтобы в Бомбее повторился Бейрут.

— Нет больше «Кубышки», нет Лалабхаи, я осталась ни с чем. Кому я теперь нужна с моими снами?

— Ничего, Вили, — сказал он, слегка подталкивая ее локтем, чтобы утешить. — Твой поразительный сон сбылся. Это называется закончить с блеском — как сотня в крикете перед уходом игрока на покой.

— Знаете, Йезад-джи, я как услышала про рейд, вы были первый, о ком я подумала. Как жалко, что вы не дали мне снять вашу ставку.

У Йезада похолодели руки.

— Но ведь вышло восемнадцать! Мы так и ставили — восемнадцать квадратиков шоколада «Кэдбери».

До него дошло, что он почти кричит, и он понизил голос:

— Рейд провели после того, как в полночь объявили выигрыш.

— И что? Все конфисковано. Сыновья Лалабхаи остались без гроша.

— Но все-таки…

Он, как за соломинки, хватался за слова.

— Все-таки… квитанции, записи… что можно предъявить… как доказательство…

— Думайте, прежде чем сказать! Лотерея незаконная — какие могут быть квитанции, какие записи в книгах? А были бы, так что вы с ними сделаете? В полицию отнесете? Хотите в тюрьму сесть вместе с Лалабхаи?

Йезад не ответил. Волоча ноги, прошел из ее квартиры в свою.

В маленькой комнате сел на кровать, чтобы снять с себя обувь. Позвал Роксану, с ней пришел Джехангир.

— Мне нужно поговорить с мамой наедине, — сказал Йезад сыну.

Сын посмотрел на мать. Та кивнула.

Йезад закрыл за ним дверь и достал из шкафа конверты.

— Сядь, — сказал он и положил конверты на

колени жены.

Роксана начала проверять их. По ее лицу потекли слезы.

— Да, пусто, — глухо проговорил он. — Все пустые. Я взял деньги.

И он рассказал все. От самого первого тайного выигрыша. Роксана была готова вскипеть, но его безразличный голос заставил ее забыть обо всем, кроме страха за мужа. Уж лучше бы он сердился, пришло ей в голову.

Роксана отложила опустевшие конверты и придвинулась ближе к нему. Ощутив прикосновение ее плеча, он сразу оперся о него, и жена обняла его.

Он обещал попросить у Капура аванс — расплатится из будущих комиссионных. Не проблема, школы и колледжи скоро должны начать заказывать новый инвентарь, так что комиссионные пойдут. Что касается Вили, то он больше не хочет с ней разговаривать, пусть идет к черту вместе со своими вещими снами…

Йезад сбрасывал тяжесть с души, а Роксана благодарила судьбу за то, что уже середина ноября — внесена плата за обучение детей и оплачен счет за электричество.

По дороге на работу Йезад обратил внимание,

что во многих витринах уже появились рождественские украшения. Еще неделю назад в витринах господствовала тема Дивали — теперь повсюду вата, пластмассовые елочки и мишура.

«Подходящее утро, чтобы попросить у Капура аванс», — решил Йезад. И прибавку тоже, сейчас он нуждался в ней, как никогда. Капур должен быть в прекрасном настроении — скоро доставят рождественское убранство витрины. Капур уже несколько дней, как ребенок, предвкушал его прибытие.

«Любопытно, однако, — подумал Йезад, — как это Шив Сена еще не превратила Санта-Клауса в политическую проблему, учитывая, что выделывало ее хулиганье по поводу Валентинова дня». С тех пор как Шив Сена пришла к власти, она без передышки занималась цензурой и преследованиями. Понятное дело, список врагов возглавляли мусульмане — их излюбленный козел отпущения. Затем Шив Сена принялась уничтожать картины знаменитых индийских художников, объявив, что художники без должного почтения изображают индусских богов и богинь. Озверелые толпы поджигали редакции журналов для мужчин, ибо они пропагандировали наготу, секс и вульгарность и были угрозой для

индийской нравственности. Женщинам теперь не разрешалось после восьми часов работать в барах и дискотеках, поскольку это противоречит индийским семейным устоям.

Пародия на правительство. Клоуны и мошенники. Или кривляющиеся жулики. Шив Сене подошел бы Санта-Клаус в маске и с автоматом в качестве рождественского украшения. Впрочем, такой Санта-Клаус и другим партиям подошел бы.

Йезад ответил на приветствие Хусайна и отпер дверь магазина, размышляя над тем, что придумал Капур для их рождественской витрины. Обыкновенно витрину наряжал Хусайн: разноцветные лампочки, серебряная звезда, поздравление, буквы которого осыпаны снегом и увешаны сосульками. Завершив работу, сияющий Хусайн приглашал мистера Капура и Йезада полюбоваться его неизменным шедевром.

Однако в этом году ожидалось нечто грандиозное.

— Подождите и увидите — о нашей витрине весь город заговорит. Скоро все доставят, Йезад. Вы в рождественском настроении?

«Если бы он знал, что творится в его доме, — думал Йезад, — и как хлипки его финансы!» И ему

бы не хотелось, чтобы в витрине появилось нечто очень кричащее или религиозное — в городе уже и так полно яслей, Иисусов, Марий, Иосифов и Санта-Клаусов в мигающих огоньках.

У обочины засигналила машина, и Хусайн ринулся на разгрузку. Йезад потянулся за ним и наткнулся на Капура, который широко улыбался, стоя перед раскрытым багажником.

— Сам поехал в мастерскую за… Аре, Хусайн, поосторожней, самбхало! Давай поаккуратней с этими штуками!

Демонстрируя предельную аккуратность, Хусайн понес ящики, будто в них лежали новорожденные. По одному занес в магазин и осторожно уложил на прилавок, словно опасаясь разбудить.

Капур приступил к распаковке.

— Готовы? Тан-тан-тана! — изобразил он торжественные фанфары.

Из-под бумаги появилась величественная рогатая голова северного оленя. Олень из клееной фанеры был наряжен в белоснежную крикетную форму с островерхой шапочкой между рогами. Прочное основание позволяло поставить его на задние ноги. Оленей было пять, каждый в другой игровой позе; стоящий на воротах выглядел свирепей прочих, его глаза так и горели: только

ошибись — и увидишь, что будет!

— Полевые игроки, — заметил Капур. — Ну как?

— Фантастика, — автоматически отреагировал Йезад, озабоченный только одним — не пропустить бы момент, когда можно обратиться с просьбой.

Капур недоуменно воззрился на него, и Йезад спохватился:

— Просто фантастика! Нет, правда! А почему не полная команда?

— В нашей витрине одиннадцать игроков не разместить. Но это еще не все!

Распаковав самый большой ящик, Капур извлек из него Санта-Клауса с занесенной битой, готового загнать мяч в воротца. Этот был не в белом, а в красном, как ему положено, с красными наколенниками и перчатками. «Вот это Нариман ни за что бы не одобрил», — подумал Йезад.

— Чало, давай, Хусайн, освободи витрину, — возбужденно говорил Капур, — расставим игроков. Фу ты, самое главное забыл показать!

Он полез в свой кейс, достал специально приспособленный электромоторчик, приладил его за плечом Санта-Клауса и включил. Санта как-то нехотя, будто мучимый острым ревматизмом,

поднял биту. Фанерная рука достигла высшей точки, замерла и начала тяжкий спуск.

— Ударил! — взвизгнул Хусайн.

Все развеселились. Игроков расставляли в спорах, но Капур всех примирил, пообещав, что каждый день расположение будет меняться.

— Завтра игроков расставишь ты, — объявил он Хусайну.

Взялись за то, что Капур называл аксессуарами: искусственный дерн под воротцами, белая лента для разметки поля. Ну и, конечно, обязательный рождественский падуб и вата, изображающая снег.

— Крикет на Северном полюсе! — Капур так и сиял. — Впервые в истории!

«Как ребенок с игрушечным Санта-Клаусом, — думал Йезад, глядя на босса. — И этот человек собирается выставлять свою кандидатуру на выборах? Ничего себе, ползает на четвереньках, расстилает дерн, разбрасывает мишуру, добиваясь одному ему ведомого эффекта».

Йезад внутренне усмехнулся — немыслимо представить себе Капура в роли политика!

— Хватит улыбаться, мистер Ченой, лучше помогите украсить витрину!

Йезад забрался в витрину к остальным вешать

шарики и миниатюрные чулочки. Ему так хотелось вернуть амбициозного предпринимателя, нацеленного на рост и расширение дела. Если бы Капур получше соображал, он бы прямо сейчас сделал его ответственным — выборы там или не выборы. Йезад бы чудеса творил с «Бомбейским спортом», он бы сумел…

— Что мне сейчас пришло в голову, Йезад. Можно взять напрокат костюм Санта-Клауса и раздавать покупателям сладости.

— Вы это серьезно?

— А что, забавно будет.

«Ничуть», — подумал Йезад, но Капур уже завелся. Ну что ж, значит, приспел час обратиться с просьбой о займе, пока Капур чувствует себя Санта-Клаусом и собирается нарядиться в красное.

— У меня к вам большая просьба… — начал Йезад, — непредвиденные обстоятельства, срочные платежи.

— Без вопроса. Выпишите себе аванс, я подпишу.

— Спасибо, мистер Капур.

«Как все оказалось просто», — с облегчением подумал он.

— Кстати, что с вашими предвыборными планами?

— Все отлично. Получил большую поддержку от друзей и соседей.

— Вы знаете, что можете на меня рассчитывать.

— Я и рассчитываю на вас.

— Я тут подумал: нет смысла ждать, я же могу немедленно взять на себя дополнительные обязанности, чтобы освободить вас. У вас будет больше времени и чтобы планировать избирательную кампанию и чтобы использовать рождественские праздники.

— Спасибо, Йезад. Думаю, пока справлюсь сам. Но когда развернется избирательная кампания, часть дел, конечно, придется передать вам.

— Может быть, уже сейчас договориться…

— Сахиб! — встревоженно позвал Хусайн, который обозревал витрину с улицы.

— В чем дело?

«Вот черт, не вовремя!» — думал Йезад, идя на улицу за хозяином.

— Большая проблема, сахиб! Есть бита, воротца, игроки на поле, саб куч хэ — все есть. А где мяч?

Капур дружески хлопнул Хусайна по плечу.

— Ну и глаз у нашего Хусайна, а, Йезад? Даже вы не заметили, что нет мяча.

— А где он, кстати?

— Еще не готов, — ответил Капур, — обещали через пару дней прислать.

И добавил, что все должны быть готовы к новому потрясающему сюрпризу.

Глава 13

Перед молитвой, которая читалась в конце уроков, мисс Альварес подозвала Джехангира к своему столу. Она вручила ему конверт, от которого пахло ее духами. У него тряслись коленки, пока он возвращался на место и прятал его в школьную сумку.

Мальчики-католики закрывали глаза и крестились, кое-кто из других равнодушно повторял их движения, остальные чинно сложили ладони перед грудью.

«Благодарим тебя, Всемогущий боже…» — монотонно забормотал класс.

Джехангира так трясло, что он забыл слова, которые каждый день повторял. Он сразу догадался, о чем записка. Только об одном. Учительница сказала: «Передай, пожалуйста, родителям». И голос у нее был печальный. «Хорошо», — пробормотал он.

Но маме он записку не отдал. Решил подождать — и правильно сделал, потому что отец вернулся в хорошем расположении духа, значит, и у нее будет хорошее настроение. Страшно подумать,

что было бы, если б отец вернулся, как в тот день, когда он грозился маму связать. Джехангир протянул отцу запечатанный конверт.

— Что это?

— От мисс Альварес.

— В чем дело?

— Открой и прочитай, Иездаа, — сказала ему мама как маленькому. — Наверное, наш Джехангу опять лучше всех сочинение написал. Или еще что-то.

Он отвернулся к балкону, пряча лицо. Отец разорвал конверт и прочел вслух:

– «Дорогие мистер и миссис Ченой!

Я буду благодарна, если кто-нибудь из вас сможет завтра повидать меня. Помимо обычных учебных часов (с 8. 00 до 16. 30) я еще час буду находиться в школе.

Прошу извинения за причиняемое неудобство.

Искренне ваша,

Хелен Альварес.
Классный руководитель IV “А”».

— Зачем она нас приглашает, Джехангу? — спросила мама.

— Не знаю.

— Ты ничего не скрываешь?

— Ничего.

— Так ты сходишь в школу? — спросил отец.

— Как я могу? А кто с папой останется?

Отец вздохнул и сказал, чтобы Джехангир передал учительнице, что придет в четыре тридцать.

…Каблучки мисс Альварес громко простучали по пустому классу, когда она сошла со своего возвышения и протянула ему руку.

— Прошу прощения, что оторвала вас от дел, мистер Ченой, но вопрос весьма серьезный.

Ее наружность убедила его в том, что уж слишком серьезным вопрос не окажется — она до того хорошенькая! Йезаду вспомнились школьные годы — в те времена еще не придумали брать на работу таких прелестных учительниц. В его времена в Св. Ксавьере учительствовали суровые мужчины с именами типа мистер Лобо, мистер Маскареньяс и мистер Монтейро, большеусые блюстители дисциплины. Никаких тебе Хелен Альварес…

Джехангир болтался в коридоре, и учительница позвала его в класс.

— Мне все еще трудно поверить, что лучший из моих учеников связался с этой компанией, — неохотно приступила она.

Йезад усмехнулся: интересно, какую шкоду затеял этот молодняк, хотя отчасти ему понравилось, что у Джехангира есть своя компания. Нельзя быть маменькиным сынком. Детские годы, школьные годы неполны, если подрастающие безобразники не попадают в какие-то истории. И он таким был, и в его школьные годы…

Да и классы все такие же. Через плечо мисс Альварес видны ряды пустых парт, пахнет мальчишеским запахом пота, чуть-чуть мочой, какими-то дешевыми лакомствами… Вечный запах, заполняющий класс с плотностью мебели.

Внезапно Йезад почувствовал себя подростком. Память заполняла парты знакомыми лицами. Счастливые дни, когда школьная неделя была целой жизнью, богатой событиями и переживаниями. За неделю чужаки могли превратиться в близких друзей, можно было победить или проиграть битву, приобрести целое царство — потому что время действовало совсем по-другому тогда. Как медленно сменялись времена года, вечность проходила от одного сезона дождей до другого, небеса изливались нескончаемым дождем, единственной радостью была надежда на нежданные каникулы, если вдруг затопит улицы. А если такое случалось, тебя обязательно преду-

преждали держаться подальше от края тротуара, потому что каждый год дети падали в водостоки, не закрытые люками: люки крали и продавали как металлолом. Автобусы и машины, по кузов в воде, выглядели странными кораблями, прокладывающими себе пути по городскому морю. А когда приходилось брести чуть не по пояс в опасных водах, полных ила и мусора, притворяясь, будто это волны Амазонки, в которых может скрываться анаконда! Проявляя немыслимую отвагу, совершая неслыханные подвиги, выбираешься наконец на высокое место, а дома попадаешь в цивилизацию — горячий чай, бутерброды и каникулы…

— Вы понимаете, мистер Ченой, что дело касается самого важного для меня проекта, — говорила мисс Альварес.

Услышав свое имя, он рывком вернулся в настоящее — учительница рассказывала о проверке домашних заданий. Конечно, Джехангир ведь объяснял ее идею на дне рождения Наримана. Всего четыре месяца назад… а кажется, будто так давно…

Он кивнул с озабоченным видом:

— Очень интересно.

— И я возлагала такие надежды на класс. Но

теперь я вынуждена приостановить проект. Видите ли, трое учеников, не выполняя заданий, платили деньги контролеру, чтобы получать хорошие оценки.

Джехангир вперился взглядом в отцовские ботинки, в собственные, в туфельки мисс Альварес, оставляющие открытыми пальцы, каждый из которых заканчивается прелестным рубинчиком. Но потом слезы размыли картину, и рубины превратились в один длинный темно-красный мазок.

Йезад все изображал сожаление и осуждающе покачивал головой. Он силился понять, при чем тут Джехангир. Платить за оценки он не мог, у него нет денег, к тому же он аккуратно выполнял все домашние задания, и он же контролер…

Но в уме уже зарождалось подозрение.

— Вы поймали эту троицу?

— Да. И контролера, который брал деньги. — Она обняла за плечи своего ученика жестом и указующим, и защищающим его.

Йезад поднял брови, взглянул на сына, потом на нее.

Она печально кивнула:

— Не знаю, что сказать.

Теперь его тошнило от школьного запаха. Он

снова взглянул на сына, ожидая объяснения. Но Джехангир не отрывал глаз от обуви.

— Я тоже была в шоке, когда узнала, — проговорила мисс Альварес. — Меня поразили не те три жулика.

Она покраснела, употребив это слово.

— Я хочу сказать, они все равно не учатся, их учеба не интересует. Это дети из богатых семей, родители считают, что за деньги можно все в жизни получить. Но Джехангир всегда был моим золотым мальчиком.

Она помолчала.

— Когда я узнала, что он каждую неделю собирает с них шестьдесят рупий, по двадцать с каждого, я до того расстроилась…

Шестьдесят. Она сказала «шестьдесят». Йезад больше не слушал. Шестьдесят рупий — вот разница между тем, что клал в конверты он и что обнаруживала Рокси.

— …Мне хотелось заложить жизненную основу для детей, сделать честность постоянной чертой их характера. Чтобы, став взрослыми, они могли противостоять коррупции. В особенности те из них, кто потом пойдет в политику или в административную службу. Но оказалось, что зло поразило их уже в классе. Как же надеяться на

улучшение положения страны?

Йезад пробормотал, что страшно сожалеет о случившемся, обещал, что поможет Джехангиру извлечь урок из этой истории.

— Я сегодня утром проснулась с мыслью, что мне надо отказаться от учительства, — сказала мисс Альварес. — Какой в этом смысл, спрашивала я себя, если мой лучший ученик может поддаться соблазну?

— Вы не должны оставлять школу, мисс Альварес! Вы замечательная учительница, Джехангир так много рассказывает дома о вас и о том, как он вас любит. Он говорит, что вы — самая лучшая учительница в школе.

Джехангир заплакал, сначала потихоньку, потом в голос. Он рыдал так, что у него дергались плечи.

— Простите меня, простите, — шептал он учительнице.

Она улыбнулась:

— Думаю, что останусь учительницей. И надеюсь, что эта ужасная ошибка многому научит тебя.

Йезад заверил мисс Альварес, что дает слово: больше ничего подобного никогда не произойдет. Она ответила, что было бы прекрасно, если

бы все родители проявляли такую готовность к сотрудничеству, и поблагодарила его за приход.

* * *

Ожидание было мучительным. Хотелось, чтобы поскорее наказали его, высказали ему свое негодование. Но происходит совсем другое — отец держит руку на его плече, говорит: ничего, Джехангла, не волнуйся; мать обнимает, приговаривая: бедное мое дитя, совсем как взрослый страдает! Уверяет, что во всем виновата она, не надо было показывать ему конверты, не показала бы, он бы и не увидел, как мало у них денег.

И все. Не обругали, не побили. Это оказалось хуже всего.

Потом начали ссориться, искать виноватых, где их нет. Слышать, как родители обижают друг друга из-за того, что натворил он, — хуже наказания и не придумать, теперь Джехангир понимал это.

— Ты только посмотри, что сделали эти бессовестные братец и сестрица, — шумел Йезад, — девятилетний ребенок вынужден брать взятки, в коррупции участвовать!

— Не надо преувеличивать, — возражала Роксана. — Плохие мальчишки предложили Джегангу деньги, а он взял, чтобы помочь семье. Вот и вся

история.

— Отвратительная история. И у нее только одно объяснение. Коррупция, которая поразила всю страну, угнездилась в твоей собственной семье, благодаря бесстыдным махинациям и предательству Джала и Куми. Ты понимаешь, какой они подают пример? Что ж удивительного, что и Джехангла принял взятку?

— А ты понимаешь, какую городишь чушь? Наш сын взял деньги не на жвачку или на мороженое для себя. Взял, чтобы помочь родителям прокормить семью, чтобы купить лекарства для дедушки.

— Значит, во всем виноват я. Раз не могу столько зарабатывать, чтобы дом превратился в клинику-люкс для твоего отца.

— Я этого не говорила!

Тогда Йезад начал рассуждать, что, если бы десять лет назад знал, что ждет семью, не отказался бы от своей канадской мечты. Не отказался бы от новых попыток, в конце концов, этот чиновник-расист не смог бы навсегда перекрыть ему кислород. И сейчас все они счастливо жили бы себе в Торонто, дыша чистым воздухом Скалистых гор, а не ядовитыми испарениями этого умирающего города, прогнившего от мерзости,

грязи и коррупции.

А Роксана спросила, не думает ли он, будто в Канаде живут одни святые. И, насколько ей известно, Скалистые горы пока находятся в Альберте — если только правительство за ночь не перетащило их в Онтарио.

Оговорка смутила Йезада.

— Хорошо, — сказал он, — ставлю тебе пятерку по географии и больше не хочу говорить на эту тему. Хочу выйти на балкон, побыть немного в тишине и в покое. Чуть не забыл — у нас больше нет балкона, мы же превратили его в хибару.

— Ну зачем говорить гадости, — взмолилась Роксана. — Почему надо обзывать хибарой навес, который так нравится детям?

— Посмотри получше: вонючая старая пластмассовая скатерть от щедрот Вили. Пройдись по трущобам, и убедишься, что там все строится из пластмассы. Конечно, хибара, а что еще?

— Называй как угодно, у меня нет времени на споры. Мне еще надо сходить на рынок, купить картошку, приготовить обед.

— А раньше чем ты занималась?

— Бальными танцами! А ты как думал? Папу надо было обтереть губкой — знаешь, сколько времени уходит на это? И сменить ему простыни

— я не хочу, чтобы ты жаловался на запах.

— Все равно воняет. Он безостановочно портит воздух. Чем это ты его кормишь?

— Тем же, чем тебя. Просто у него желудок хуже работает. Состаришься — узнаешь.

— Сглазить хочешь?

— При чем тут сглаз? Ты что, не стареешь? Мурад! Джехангир! Садитесь за уроки. И чтобы домашнее задание было выполнено к моему возвращению!

Йезад следил с балкона, как Роксана с кошелкой в руках выходит из парадного. Он провожал ее взглядом, совсем как она по утрам, когда он шел на работу в те времена, когда они еще махали друг другу на прощанье. Роксана ступила на дорогу, и он чуть не закричал: осторожно, машины!

Роксана увидела машины и отступила на край тротуара. У Йезада вырвался вздох облегчения. Она дождалась паузы в движении и перебежала улицу. Заторопилась по другой стороне неровным шагом смертельно усталого человека. На нее было больно смотреть. Отсюда, с балкона, так хорошо было видно, как ссутулились ее плечи. Его любимая Роксана. Бремя жизни постепенно стирает ее красоту, а он бессилен и ничем не может помочь жене. Почему, ну почему, если его

душа полна любви к ней, с его языка срываются слова, исполненные раздражения и враждебности, стоит им оказаться вместе?

Шло время, он стоял на балконе, наблюдая, как облака принимают вечерние цвета. Заходящее солнце обвело их края медными каемками. Он смотрел на хаос телевизионных кабелей и радиоантенн, электрических и телефонных проводов, исчеркавших небо. «Таким и должно быть небо над городом, олицетворяющим хаос», — думал он. Дикая путаница проводов, протянутых между домами, переброшенных через улицы, нелепыми петлями свисающих с деревьев, пьяно взбирающихся на крыши, — дикая путаница, в сети которой бьется квартал.

— Мне утка нужна, — донесся из комнаты голос Наримана.

Йезад оторвался от перил, на которые облокачивался, повернул голову. Вороны с карканьем взмыли в опутанное сетями небо. Он подождал. Нариман позвал опять.

Как быть? Это не его дело — он же ясно изложил свою позицию Роксане, и уж на этом-то он должен настоять… В любом случае она скоро вернется.

Сумерки наполнились птицами, устраивающимися на ночлег, и летучими мышами,

приветствующими темноту. Он смотрел, как они носятся среди проводов.

— Пожалуйста, мне очень нужна утка.

Слова бессмысленно плавали по комнате. На балкон робко выглянул Джехангир.

— Папа, дедушка хочет пи-пи.

— Слышу. Сейчас мама придет.

Нариман звал все громче:

— Утку, я больше не могу…

Его голос то смолкал, то снова взывал о помощи.

…Роксана услышала мольбу, открывая дверь.

— Вы что, оглохли все? Бедный папа просит утку!

— И что я должен сделать? — спросил Йезад.

— Утку ему подать. Что! Не в крикет же играть с ним, — огрызнулась Роксана, наклоняясь за уткой.

Йезад покачал головой.

— Я не прошу тебя о помощи! Но папе помочь, когда меня нет, ты мог бы?

Йезад снова покачал головой:

— Я с самого начала сказал и детей предупредил: не касаться судна и утки!

— В чем дело? Я все держу в абсолютной чистоте!

Роксана посоветовала мужу вспомнить, чему учил Ганди: «Нет ничего благородней, чем служение слабым, дряхлым и несчастным».

Он ответил, что Ганди тут ни при чем, поскольку ничего из его учения в Индии так и не сработало.

— Отдал Пакистан и создал проблемы для страны.

— Выступаешь как религиозный фанатик из Раштрия Севак Сангха, стараешься опорочить человека святой жизни. Вместо того чтобы поднимать шум из-за утки, радовался бы тому, что наши дети учатся понимать, что такое старость и сострадание. Это подготовит их к жизни, научит быть хорошими людьми.

— Пусть они сначала научатся радоваться жизни, получать удовольствие от своего возраста. У них еще будет время узнать, что такое немощи и смерть.

— Такие вещи не откладывают на потом. Добро надо делать каждый день — как Дейзи на своей скрипке играет каждый день. Пусть научатся добру, тогда и счастье у них будет. А когда немощными и старыми будем мы с тобой, они не отвернутся от нас.

Йезад выразил надежду, что они никогда не

взвалят такое тяжкое бремя на своих детей. Он все силы приложит, чтобы устроить их жизнь, чтобы они не остались в старости без гроша.

Каркают вороны, на другой стороне улицы вопит попугай, под окнами распевают разносчики, завтрак почти готов. Мурад вышел из ванной и одевается в маленькой комнате. Но Джехангир отказывается открыть глаза.

Отец потряс его за плечо, предупреждая, что он в школу опоздает.

— Я заболел.

— Что с тобой?

— Живот болит.

— Вправду болит? Не из-за мисс Альварес?

— Нет, вправду болит.

— Мисс Альварес — очень добрая учительница, с тобой не будет ничего плохого. — Отец ушел мыться.

Джехангир достал свою головоломку с озером Комо. Лучше с мамой поговорить.

Мама проявила отзывчивость:

— Ты плохо спал, Джехангу? У тебя круги под глазами.

— Его ночью совесть мучила! — крикнул из ванной Йезад. — И это хорошо, значит, она в рабочем состоянии.

Плеск воды и звяканье кружки о ведро заглушили продолжение.

Впрочем, Джехангир и не вслушивался. Ему хотелось убежать на озеро Комо. Привычный пейзаж головоломки куда проще, чем его реальный мир. Тысяча двести семьдесят два фрагмента, значилось на крышке коробки, делают головоломку одной из самых трудных. Оттенки красок подобраны так тонко, что синеву неба еле отличишь от озерной лазури (лазоревый, вспомнил он дедушкино слово), а насыщенный темно-зеленый цвет может подойти и к листве деревьев, и к холмам, заросшим густым кустарником. Прелесть фрагментов как раз в том, что они неохотно выдают свои тайны. Джехангир дорожит содержимым картонной коробки.

Когда цветные кусочки начнут складываться в озеро и по его берегу протянется тропинка, он уйдет в головоломку, где крестьянская девочка ведет за собой ослика, запряженного в скрипучую тележку, высоко нагруженную сеном, вниз по дороге, которая петляет между холмов и теряется в зелени. Кусочек к кусочку выстроит он себе убежище, полной грудью вдохнет ветерок с озера, ощутит золотой солнечный луч на лице и мягкую траву под ногами, и запахи, разлитые в воздухе…

Он открыл, что запахи неуловимей всего. Нет фрагментов, которые сложились бы в аромат. Его нет в пейзаже, и он повсюду.

Пришлось вообразить свежесть воздуха над лесной тропой головоломки. И птичий щебет — инстинкт подсказывал, что где воздух свеж, там поют птицы. Не сиплое карканье помоечных ворон, а чистая и нежная мелодия — как отец насвистывает. Этот свист заставляет забыть все беды, даже воспоминания о бедах. Оно неотразимо, отцовское насвистывание. Оно плывет в воздухе как яркий зонт, а когда отец брал сына за руку и они шагали под зонтом, мир был надежным и прекрасным. Джехангир очень любил отца в такие минуты, не хотелось ему быть никем, кроме как сыном своего отца, даже членом «Знаменитой пятерки» он не согласился бы стать…

Попугай через дорогу опять завопил. Джехангир ссыпал фрагменты головоломки обратно в коробку. Все напрасно. Головоломка не поможет ему.

Отец вошел в комнату, обвязанный полотенцем по бедрам, вытряхивая воду из уха.

— Скажи мне, Джехангла, сколько ты можешь просидеть дома, избегая мисс Альварес?

— Сказал же — у меня болит живот.

От отца пахло мылом «Синтол».

— Перестанет, если пойдешь в школу. Поверь мне. Не обращай внимания на этих паршивых мальчишек, учи уроки, и все будет нормально.

Вода с отцовской головы капала на крышку коробки, и Джехангир отодвинул ее в сторонку. Отец ушел в соседнюю комнату надеть брюки и вернулся с полотенцем на еще мокрых волосах.

— Ты прекрасно учишься, Джехангла, и тебе нечего бояться.

Он сбросил полотенце на шею и приобнял сына.

— Ты знаешь, что значит твое имя?

Джехангир мотнул головой.

— «Покоритель мира».

Прозвучало внушительно. Он поднял голову и слабо улыбнулся отцу.

— Как может боль в животе остановить покорителя мира?

Отец хлопнул его по спине и велел собираться в школу.

Явился Мурад, одетый, но с еще не завязанным школьным галстуком.

— А мое имя что значит?

— Ты у нас — «дар, благословение».

— А мамино имя что значит?

— Роксана значит «заря».

— А твое?

— «Ангел-хранитель». Иди сюда, я тебе галстук завяжу.

Джехангир смотрел, как отец расправляет узел галстука, отвечая на вопросы Мурада, и думал о смысле имен. С дедушкиным именем возникли сложности — оно было из «Шахнаме», и отец не сразу вспомнил, кем приходился Нариман герою эпоса Рустаму — прадедом или прапрадедом. Ясность внес проснувшийся к этому времени Нариман: оказалось, что прадедом.

Судя по именам, размышлял Джехангир, у них замечательная семья — благословенная, владеющая целым миром и собственным ангелом-хранителем, осиянная светом маминой зари… А между тем отец с матерью ругаются, и они несчастливы…

— …И хоть вы сейчас вряд ли это понимаете, школьные годы — счастливые годы вашей жизни, — говорил отец, обращаясь к обоим сыновьям. — Они так быстро промчатся, что вы даже не заметите. А став постарше, будете их вспоминать, мечтать, чтобы они вернулись. Но их не вернуть. Так что радуйтесь школьным годам, пока можно.

Джехангиру хотелось верить отцовским словам, но сначала нужно было заново сложить рассыпавшийся мир. Как было бы хорошо, если бы мир складывался как головоломка: открыл коробку и сложил дедушкину квартиру в «Шато фелисити», сломанные дедушкины кости, помирился с тетей Куми и дядей Джалом. А самое главное — кусочек за кусочком восстановить те прекрасные утренние часы, когда в доме смеялись, дурачились, рассказывали разные истории… Сейчас кажется, будто они исчезли насовсем.

* * *

Йезад с особой нежностью проводил мальчиков в школу. У дверей поцеловал каждого в лоб. Потом вернулся к столу.

Сидел за столом, погруженный в раздумья, — сыновья, которые только что простились с ним у порога… Как быстро растут дети. Будто только вчера он впервые отвел Мурада в детский сад, а Джехангир еще барахтался в пеленках. А посмотреть на них теперь! А ведь это он произвел их на свет, он и Роксана произвели на свет двух красавцев-сыновей.

И сурово напомнил себе: кошки с собаками

тоже плодятся, не он изобрел этот процесс, не он первый породил детей. Как раз слюнявые мысли такого типа и сделали невозможным регулирование рождаемости в этой стране!

Но ощущение чуда не проходило. Йезад стал тихонько насвистывать «Восход, закат».

Роксана услышала знакомую мелодию и подсела к мужу.

— Ты о чем задумался, Иездаа? — погладила она его по руке.

— О пустяках.

— Расскажи.

— Смотрел, как дети собираются в школу, — вздохнул он. — Подумал, у нас красивые мальчишки, в этой своей школьной форме.

Роксана улыбнулась.

— Вспомнил, какими они были раньше, когда я носил их на руках, сажал на плечи, в какие игры мы играли. Теперь уж мне этого не сделать. И пришла на ум эта песенка — Тевье и его жена сидят на свадьбе дочери, помнишь этот фильм?

— Она выходит за портного, — кивнула Роксана.

— Ага. А Тевье с изумлением смотрит на свою выросшую дочку, на ее жениха. Вот и я подумал, что настанет день, когда Мурад и Джехангир тоже

женятся, а мы с тобой будем сидеть на свадьбе. А потом мы останемся одинокими стариками.

— Что за глупости, Иездаа. Они всегда будут нашими сыновьями.

— Нет. Будут мужьями своих жен.

— Ты никогда раньше не впадал в сентиментальность. Что с тобой происходит?

Он не ответил. Молча привлек ее к себе и обнял за плечи.

Капур кружил вокруг коробки, как ребенок, который борется с соблазном развернуть подарок до назначенного часа. В коробке лежал мяч, специально изготовленный для рождественской витрины. Они с Йезадом дожидались возвращения Хусайна, которого с утра послали по делам.

— Хусайн огорчится, если мы без него вскроем коробку, — сказал Капур, делая защитный выпад вперед воображаемой битой.

Йезад, занятый своими мыслями, кивнул, не слушая. Он принял решение: сегодня до конца дня он обязательно должен получить от Капура ответ — когда тот всерьез начинает свою избирательную кампанию. И добиться от него конкретного разговора.

— Вам действительно по душе вся эта рождественская тамаша, верно? — сделал он пробный

заход.

— Вам известна моя политика: в нашем космополитическом магазине отмечаются праздники всех вер, ибо все они знаменуют человеческое и божественное в нас. И чем их больше, тем лучше!

Мистер Капур с радостной, ко всему человечеству обращенной улыбкой стал у витрины и через плечо Санта-Клауса выглянул на улицу. Кивнул прохожему, помахал рукой пао-бхаджи-вале, поздоровался со знакомым.

— Абсолютно правильная политика, — сказал Йезад. — Наш город есть чудо терпимости и таким он должен остаться.

Серьезность тона позабавила Капура:

— Просто мои слова.

— Ну, я вас пятнадцать лет слушал! — засмеялся Йезад.

— А вот и Хусайн идет!

Оба замахали руками, показывая, чтобы он поторопился. Хусайн, включаясь в игру, сделал вид, будто бежит изо всех сил.

— Чало, давай побыстрей, миян, прибыл наш спецзаказ!

Капур нетерпеливо разорвал упаковку и торжественно предъявил собравшимся главный эле-

мент убранства витрины. Круглая электрическая лампочка ярко-красного цвета с нарисованными швами и впрямь была похожа на новенький крикетный мяч.

— Ну как?

— Потрясающе, — откликнулся Йезад. «Этот мячик, — подумал он, — надо сразу пустить в игру, любой бросок, любой удар, что угодно, но мяч надо забить в капуровские ворота».

— Вы его еще в деле не видели, — Капур рылся в коробке в поисках шнура. — Мяч ведь синхронизирован с моторчиком Санта-Клауса — как только бита приближается к мячу, лампочка загорается.

— Класс, давайте подсоединим!

Чем скорее, тем лучше — босс окончательно растает от счастья и проявит щедрость при обсуждении условий.

Капур достал принесенную из дому женину корзинку со швейными принадлежностями, выудил из нее шпульку нейлоновых ниток и примерил, на какой высоте подвесить лампочку.

— Я подвешу со стремянки, — вызвался Йезад, — это дело деликатное: повесить слишком близко, бита разобьет лампочку, слишком далеко — не будет выглядеть реалистично.

Стоя на верхней ступеньке, Йезад опустил

лампочку:

— Ну как?

— Чуть пониже, — попросил Капур, — я хочу, чтобы удар шел как бы снизу вверх.

Йезад кивнул, и еще немного опустил лампочку.

— Так? У нашей витрины толпы будут стоять. Полицейского придется пригласить, чтобы сдерживал народ.

— Надеюсь. Чуть левее.

— И знаете, мистер Капур, вам стоит воспользоваться случаем и обратить внимание публики на ваше имя — скажем, сделать ленту на витрине с надписью: поздравления с праздником от Викрама Капура, владельца.

— Да нет, это уже дешевка.

Йезад попробовал все же навести разговор на интересующую его тему:

— Тогда предвыборный лозунг, что-нибудь типа: «Голос за Викрама Капура — это голос за Санта-Клауса». Или так: «Бей в точку — голосуй за Викрама Капура».

— Здорово придумано, Йезад, — усмехнулся Капур. — Но только выборов не будет.

Йезад расслышал нотку смущения в голосе босса. Он сдвинул нитку влево и вперед, следуя

указаниям его руки.

— Как это не будет? Будут выборы.

— Не для меня. Похоже, я не выставляюсь.

Прозрачная нить выскользнула из пальцев Йезада. Лампочка ударилась о пол и разбилась.

— О нет! — вскрикнул Капур, отскакивая от осколков.

У Йезада дрожали руки, когда он спустился со стремянки, лепеча извинения. Собственный голос казался ему чужим.

— Почему нет, мистер Капур?

— Вы уронили мяч! Йезад, Йезад, Йезад!

— Ради бога, простите меня, но почему…

— Теперь придется заказывать новый мяч! — он схватился за голову. — И уйдет на это дня четыре, не меньше!

— Вы не слушаете меня, Викрам. Я хочу понять, почему вы не выставляетесь.

Капур уставился на него, потом опять повернулся к витрине.

— Пять дней Санта-Клаус размахивал битой в воздухе, — стенал он. — Пять дней я дожидался этого мяча!

Йезад понимал, что ему надо взять себя в руки и прежде всего привести в чувство Капура.

— Может быть, временно использовать про-

стую лампочку? — предложил он.

— Еще хуже получится, — пробормотал Капур, но, поразмыслив, согласился посмотреть, как это будет выглядеть.

Хусайна послали поискать лампочку в кладовой.

— Я не понимаю, — решился вернуться к теме Йезад. — У вас были такие планы, вы уже проделали подготовительную работу, говорили мне, что даже манифест написали — почему вы вдруг раздумали?

— По многим причинам. Все это… в общем, это слишком сложно. Я думаю, что нереально на что-то надеяться…

Он не закончил фразу и отвернулся, но Йезад видел растерянность на его лице, отраженном в витринном стекле.

— Слишком опасно. Жена мне правильно сказала: она сказала, что в наши дни выборы свелись к бандитским разборкам. По здравом рассуждении я не мог не согласиться с ней. Потом она тревожится из-за моего давления.

Он крутил в руках патрон от лампы и будто подыскивал слова для продолжения, но тут появился Хусайн, волоча за собой метлу и размахивая 60-ваттной лампочкой.

— Вот, сахиб, нашел я другую лампочку!

Капур явно обрадовался помехе и сразу занялся витриной. Хусайн вымел осколки красного стекла, похожие на капли крови на полу, вытряс вату, мишуру и ветки падуба, из которых посыпались новые капельки. Когда уборка закончилась, Капур вкрутил лампочку и запустил мотор.

Бита опустилась, лампочка загорелась, бита взмыла вверх — лампочка погасла. Хусайн приветствовал каждый взмах биты, как болельщик на трибуне стадиона «Ванкхеде», желая добиться улыбки на лице хозяина. Но желтоватый свет обычной лампы сделал желтушным хозяйское настроение.

…Как мог Капур с такой небрежностью нанести ему этот удар, мучился Йезад. Жена, видите ли, сказала «нет»! Это что, объяснение?

Он целый день перебарывал в себе ощущение полной безысходности. Возмущался предательством Капура, пока до него не дошло, что ярость его иррациональна — Капур же ничего не знает о его затруднениях.

Вероятно, нужно исповедаться Капуру, объяснить, почему его отказ от участия в выборах оказался таким ударом для Йезада, все надежды возложившего на прибавку к жалованью. При-

дется спрятать гордость в карман и признаться, что нынешний заработок не дает ему свести концы с концами: двое детей, плата за обучение, цены растут из месяца в месяц… а тут еще и больной тесть, которого падчерица и пасынок выгнали из дому, а у них такая теснота, не на что покупать лекарства, тесть не поднимается с постели, судно воняет… отсюда ссоры с женой, но я обязан тестю, поскольку, когда мы поженились, он купил нам квартиру…

Йезад прижал руку ко лбу. Нет, слишком запутанная история. Как можно рассказывать о семейных дрязгах человеку, в общем-то совершенно постороннему, посвящать его в сугубо личные дела?

До конца дня он наблюдал за судорожными движениями артритных плеч Санта-Клауса. Время от времени моторчик барахлил — лампочка начинала мигать, а бита — нервически подергиваться. «Будто Санта-Клаус страдает паркинсонизмом», — подумал он.

Хусайн бросался за мистером Капуром, а тот бросался переключать моторчик. Убедившись, что все в порядке, Капур ловко салютовал и возвращался к письменному столу. Бита возобновляла равномерное движение.

Стробоскопические вспышки гипнотизировали Йезада. Он чувствовал, что цепенеет, как витринные олени, как застывший вратарь, вечно готовый отсечь капитана Клауса и рявкнуть: «Ну как?» — невидимому судье.

Но ничего не происходило. И чем дольше Йезад глазел на идиотское зрелище, тем глубже погружался он в депрессию. Ни в чем не было смысла.

Вдруг его собственная жизнь представилась ему такой же скудной и бессмысленной, как жизнь несчастной Вили — путь от прелестной девчурки в розовом платьице, сфотографированной в день рождения, когда ее глаза сияли непорочной надеждой, до женщины, которой она теперь стала…

Он оторвался от гипнотического Санта-Клауса и перевел взгляд на Хусайна. Тот бродил вокруг витрины, часто наклоняясь, чтобы поправить клок ваты, пластмассовый листик или мишуру.

Йезад позавидовал его способности получать удовольствие от простых вещей. В чем его секрет? В жизни Хусайна, изувеченной убийством всей его семьи, осталось место, чтобы радоваться этой чепухе.

Или Капур — вот он вышел из офиса, улыбнулся Йезаду, показывая, что не сердится на него,

постоял у витрины, любуясь делом рук своих, и вернулся к работе.

Глава 14

Дожидаясь лифта в вестибюле «Шато фелисити», Роксана услышала сначала звук мотора машины, остановившейся у парадного, потом лязг и грохот. Это подъехал Эдуль Мунши со своими инструментами.

Роксана была совсем не в настроении выслушивать разговоры мастера на все руки и надеялась, что лифт появится прежде Эдуля и спасет ее. Хватит с нее нервов из-за этого визита к Джалу и Куми, этой попытки наладить отношения с ними. Так необходимо найти способ вернуть папу домой, Йезад больше не выдерживает напряженности, он очень странно ведет себя. Особенно в последние дни…

— Кого я вижу! — раздался голос Эдуля. — Роксана, ты совсем пропала, как твои дела?

— Все хорошо. А ты как?

— Чемпион! Как раз вернулся от приятеля, помог ему с неустойчивой ногой. С ножкой стола, — пояснил Эдуль.

— И теперь все в порядке? — спросила она из вежливости.

Эдуль немедленно пустился в разъяснения: его приятель любит все делать на скорую руку, решил, что можно решить проблему при помощи пары шурупов.

— Я его разубедил, сказал, что ножку нужно целиком снять, все сделать по науке, чтобы потом все держалось, как Эверест!

— Манизе счастливая женщина — иметь такого талантливого мужа!

Он зарделся от скромности.

— Я действительно кое-что умею. Кстати, я в последнее время не вижу твоего брата с сестрой. А папа как?

— Все в том же состоянии. Доктор говорит, что при болезни Паркинсона особенно надеяться не на что.

Эдуль сочувственно покачал головой. Лифт прибыл, и они зашли в кабину.

— Как сложно устроено человеческое тело, — вздохнул Эдуль. — Были бы у нас инструменты, чтобы самостоятельно чинить неполадки.

— На то есть врачи.

— Никогда не доверяй профессионалам. Ни в лечении, ни в ремонте. Сколько прошло времени с тех пор, как «Скорая» увезла вашего отца? Он уже вернулся?

— Он сейчас у нас. Наверху нужно потолки привести в порядок.

У Эдуля загорелись глаза.

— Мне никто не говорил, что в квартире проблемы.

— Куми занимается этим делом.

Лифт остановился на этаже Эдуля, и Роксана потянулась к дверце, но не успела. Эдуль остановил ее руку.

— Найти подрядчика, подрядчика честного, толкового и готового работать за умеренные деньги, — это, я скажу тебе, задача не из простых. Но это три минимальных требования. Может быть, мне следует поговорить с Куми.

— Наверное, было бы неплохо, — согласилась Роксана, подумав, что вмешательство третьей стороны могло бы пристыдить Куми и подтолкнуть ее к действию.

— Могу рекомендовать человека безупречно честного, прекрасно знающего дело, который много не запросит. На самом деле он возьмет только за материалы.

Роксана понимала, что за этим последует, но решила сыграть свою роль.

— Трудно поверить, что такое возможно.

Эдуль улыбнулся:

— Так о себе говорить не принято, но я имею в виду именно себя.

Лифт остановился, и Эдуль распахнул перед ней дверцу. Роксана попыталась представить себе, что будет, если Эдуль дорвется до папиной квартиры, — все равно что дать обезьяне опасную бритву.

— Но нельзя злоупотреблять твоей добротой, — возразила она.

— О чем ты говоришь, кто чем злоупотребляет? Я же сам предлагаю помощь. Ты меня знаешь, я люблю работать руками, это мое хобби. Я радуюсь, когда могу доставить радость другим — привести в порядок то, что было сломано.

В лифтовой шахте затрезвонил звонок — лифт вызывали вниз.

— Спасибо, Эдуль, но мы не можем взвалить на тебя такую большую работу. Потолки в ужасном состоянии.

Эдуль будто не слышал криков и требований закрыть наконец дверь, чтобы лифт спустился в вестибюль.

— Большая работа или маленькая, секрет в том, чтобы подойти к ней методически. Семь раз отмерь, один раз отрежь — вот заповедь домашнего мастера. Обдумай проблему и зрительно пред-

ставь себе ее решение. Это как в шахматы играть. Особый дар, которым некоторые обладают.

Он продолжал распространяться на эту тему, но Роксана не слушала — ей пришло в голову, что раз потолки в таком состоянии, то их незачем оберегать от рук Эдуля. Хуже ведь не станут.

Роксана вдруг подумала, что идея не так уж и плоха: пусть он расчистит потолки, залатает как сумеет, чтобы хоть ничего не обрушилось. Ну останутся неровности и трещины, так что? Эдуль же денег не берет, по крайней мере, папа сможет вернуться домой. Но прежде надо уговорить Куми.

— Если ты уверен, — сказала Роксана, — я могу рассказать Джалу и Куми о твоем любезном предложении.

— На сто процентов уверен, — подтвердил Эдуль.

Крикун на первом этаже умолк, видимо, расставшись с надеждой на лифт. Эдуль спросил, не подняться ли ему в квартиру вместе с Роксаной.

— Я мог бы сразу оценить объем работ и прикинуть приблизительную стоимость материалов.

— Лучше я сначала сама поговорю с ними. Это им решать, могут ли они просить тебя о таком серьезном одолжении.

— Пустяки, — возразил Эдуль, возвращаясь в лифт. — Какое одолжение?

Лифт пошел вниз, но до ушей Роксаны донесся голос Эдуля:

— Работа доставляет мне удовольствие.

— Куми! К нам Рокси в гости пришла! — радостно воскликнул Джал. — Заходи, Рокси, заходи!

Он за руки потянул ее в прихожую и крепко обнял. В глазах его читались радость и облегчение оттого, что пришел конец разладу между ними.

— А почему ты одна, где Йезад?

— Он еще на работе.

Роксана видела, как он просиял при ее появлении, будто она выключатель повернула. Радость брата растрогала ее.

— Куми, где же ты? — звал Джал. — Рокси пришла!

— Чш-ш, — послышалось из комнаты Куми; из-за двери на миг показалась голова, покрытая белым молитвенным покрывалом.

— Ох, прости, — пробормотал Джал.

Через несколько минут сестра вышла в гостиную.

— Ты что так разволновался, можно подумать, королева английская в гости зашла.

— Кто? Кто, ты подумала? Нет, это наша Рокси!

Куми постучала по слуховому аппарату в его кармане.

— Опять не работает?

Женщины легонько обнялись и соприкоснулись щеками.

— Как папа? — спросила Куми.

— Все так же. Все спрашивает насчет квартиры, начался ли ремонт. Я говорю, скоро, папа, скоро начнется. Он огорчается. Понимает, что мне нечего ответить.

Муки совести отразились на лице Джала. Он заломил руки, безмолвно взывая к Куми, потрогал слуховой аппарат.

— Не работает эта штука, — сказала Куми. — Сходил бы новые батарейки купить. А я тебе потом расскажу все, что узнаю от Роксаны.

— Не нужно, он работает. — Он перестал дергаться.

— У папы день на день не приходится, — продолжила Роксана. — Плохо, что таблетки кончаются раньше, чем приходит его пенсия.

— Мы бы рады помочь с деньгами, — вздохнула Куми, — но на папином счету пусто, а биржа сейчас ничего не дает — спроси Джала, он тебе расскажет.

— Ну, хватит о моих бедах, — сказала Рокса-

на. — Что у вас? Как вы живете?

— Как видишь: погрязли в проблемах. В штукатурке и в пыли.

— Все пытаемся найти подрядчика.

— Больше не обваливается? Все держится? Хорошо.

И прикусила язык. Сарказм не лучший способ выполнить миссию примирения.

— Кстати, чтоб не забыть. Угадайте, с кем я столкнулась внизу. Мне повезло — встретила Эдуля Мунши.

— Повезло? — усмехнулась Куми. — Да это проклятие — напороться на него!

Джал засмеялся, довольный дружелюбным тоном сестры.

— Я знаю, что ты имеешь в виду, — улыбнулась Роксана. — Но он спросил, что с потолком, и вызвался бесплатно привести его в порядок.

— Ясное дело! — фыркнула Куми. — Да он сам готов заплатить за возможность повозиться в чужой квартире! Жена не разрешает ему ни к чему притронуться у них.

— Он не мастер, а клоун, — хихикнул Джал, — шел бы в цирк со своими инструментами.

— Я именно так и отреагировала сначала. А потом подумала: денег на ремонт ни у кого из нас

нет. Если он хоть оштукатурит потолки заново, и то лучше станет.

— Да с ним страшно связываться! Когда он вкручивает лампочку, во всем доме отключается энергия. И ты хочешь, чтобы он делал у нас ремонт?

— Вам выбирать, — пожала плечами Роксана.

В комнате опять почувствовалась напряженность. Неожиданно заговорил Джал:

— А мне нравится эта мысль. Собственно, отчего не дать Эдулю…

Куми резко повернулась к брату, и тот смолк в ожидании отповеди. Но отповеди не последовало.

«Верно, — думала Куми, — пусть Эдуль возьмется за ремонт. Чем плохо — дать идиоту хорошенько напортить? С его страстью затягивать всякое дело, чтобы продлить себе удовольствие, папино возвращение затянется до бесконечности. И мне больше не нужно будет придумывать оправдания бездействию. Эдуль станет замечательным, ничего не подозревающим сообщником».

Капур предостерегающе поднял палец и указал на циферблат часов:

— Который у нас час? Все. Больше никаких «мистеров».

Он всмотрелся в лицо Йезада.

— В последние два дня вы как будто чем-то подавлены. Что не так?

Йезад пожал плечами:

— Наверное, причина во всем, о чем мы раньше говорили… и эти старинные фотографии… Вы обратили меня в свою веру. Я пришел к выводу, что порядочный человек — такой, как вы, — должен заниматься политикой. Иначе нами будут управлять одни жулики и мерзавцы.

— Забавно, — невесело усмехнулся Капур. — Мы поменялись ролями: теперь я повторяю ваши слова, а вы — мои. — Он вздохнул. — Хотел бы я, чтобы у меня был выбор.

— Выбор всегда есть.

— Но на первом месте семья, Йезад, и вы это знаете. Жена напомнила мне, что сначала надо позаботиться о близких, а потом уже об обществе. К тому же у меня давление, и эти деньги в чемоданчике — я с ней согласен, они не должны уйти на выборы.

Взяв Йезада за руку, Капур повел его в свою каморку.

— Напрасно вы так расстроились. Мне поначалу тоже казалось, что это правильно. Но теперь с этим покончено.

— Но вы говорили, что это ваш долг.

— О да. И мой, и каждого члена общества. Я такой же, как все, ничего особого нет во мне. Но я осознал, что в данном случае исполнение долга не имеет смысла.

— То есть?

— Подумайте сами, долг в чистом виде не связан с результатом. Ну, становлюсь я советником муниципалитета, борюсь за правое дело — и что в результате? Удовлетворение от сознания исполненного долга. Я исполнил свой долг. Что же касается Бомбея, то ничего не изменилось. Никому не дано отвести назад стрелки часов.

Йезад не верил собственным ушам. Капур сделал поворот на все сто восемьдесят градусов.

— Так что, — продолжал Капур, — нам остается только рассуждать о могилах, червях и эпитафиях. Вот и будем сидеть друг против друга и рассказывать печальные истории о том, как умирают города.

Йезад не ответил. Если боссу взбрело в голову потрепаться, то ему придется обойтись без отклика с его стороны.

Но Капур попытался свести все к шутке.

— Знаете, в чем моя проблема? Моя любовь к Бомбею неразумна, она чрезмерна. И по-моему,

она вызывает ревность у жены. Она не хочет, чтоб «красавица иная соперничала с ней».

Вспышка раздражения заставила Йезада нарушить обет молчания:

— Вы не могли бы для разнообразия процитировать кого-нибудь из индийских авторов?

Сарказм пропал впустую; Капур обрадовался, что вовлек Йезада в разговор.

— Проблема нашего с вами образования. С другой стороны, Шекспир и Бомбей похожи. В обоих можно отыскать что пожелаешь — оба объемлют всю вселенную.

Внутренне кипя от ярости, Йезад посмотрел на часы.

— С вашего позволения, мне пора.

— Надеюсь, вы больше не сердитесь, — сказал Капур, запирая письменный стол.

— Какое я имею право сердиться? Это ваша жизнь, ваша жена, ваше решение.

Капур взял со стола свой кейс и выключил свет.

— Вы обратили внимание, Йезад, я ведь последовал вашему совету. Я перестал пользоваться кондиционером. Отныне я приемлю все, что мне дает Бомбей: жару, влажность, морской бриз, тайфуны.

— Я уже долгие годы живу с этой философией. Конечно, мне легче, я не могу позволить себе кондиционер.

— В нем нет надобности. У нас, индийцев, есть своя, природная система охлаждения: перец и пряности заставляют нас потеть, пот испаряется под ветром, и нам не жарко.

Йезад ответил вялой улыбкой.

Капур предпринял прощальную попытку умиротворить его:

— Думайте о другом, Йезад: у нас всегда есть те фотографии. Наш с вами город сохранен на них и для тех, кто будет жить после нас. Они будут знать, что некогда в этом сверкающем городе у моря был тропический Камелот, золотое место, где люди разных рас и вер жили в мире и дружбе…

Йезад перестал слушать, ему было тошно, хотя, вопреки всему, он испытывал странную привязанность к этому человеку, с его страстями и противоречиями. Он не сомневался, что через два месяца, когда пройдут выборы, Капур будет жалеть, что не попытался принять в них участие. А может быть, ему и двух дней хватит, чтобы раздумать и ввязаться в политическую борьбу, — с Капуром ведь никогда не знаешь.

Они подошли к двери, Йезад заметил, что Капур любуется витриной. Сказал бы ему кто-нибудь, что он еще слишком молод, чтобы впадать в детство. Ему необходима встряска, нечто радикальное, чтобы он перестал любоваться собой.

Все витрины вдоль улицы будто последовали примеру «Бомбейского спорта». Книжный магазин «Джай Хинд бук март» демонстрировал босоногого Санта-Клауса в позе лотоса с английским переводом «Бхагавадгиты» на коленях и с очками в форме полумесяцев на носу. «Расой, Кухонная посуда» выставил Санта-Клауса в фартуке, мешающего ложкой в здоровенной кастрюле из нержавеющей стали. Санта из «Бхагат-оптики» щеголял в стильных очках-хамелеонах.

«В каждой лавке свой Санта-Клаус, — устало думал Йезад, теперь им мало елочки, звезды и ангела». Магазин мужской одежды увешал его вытянутую руку рубашками и галстуками. В обувном он держал коробки с обувью. Хорошо хоть магазин сари удержался от соблазна сделать из него трансвестита в каскаде шелков.

Праздничное убранство поражало монотонностью и отсутствием выдумки — за исключением книжного, над витриной которого явно поработало воображение Виласа. Редкий случай, когда

хотелось бы, чтобы Шив Сена показала себя. Где ее бандиты, когда в них есть нужда, что ж они не буйствуют на улице, разнося вдребезги всю эту дешевку?

Может быть, именно такой встряски и не хватает Капуру. Если бы штурмовики Шив Сены обломали рога его оленям, оборвали провода мигающей лампочки, выволокли на улицу и четвертовали белобородого Бэтмена, в Капуре снова пробудился бы воинственный дух. Полезный был бы шок, появись Шив Сена у его порога…

Вилас приветственно помахал Йезаду с крыльца запертого книжного магазина, указывая на место рядом с собой.

— Поздно, — отказался Йезад, разминая шею в надежде избавиться от боли в затылке.

— Ты чем-то расстроен? Что случилось?

— Да Капур… Ты же знаешь, он собирался выставить свою кандидатуру на выборах. Теперь все отменяется. Говорит, жена запретила.

— Мило, — расхохотался Вилас. — Пенджабец у жены под каблуком — большая редкость.

— Понять не могу, что с ним происходит. Но моя прибавка накрылась.

У крыльца появился чернорабочий с пустой корзиной и остановился на почтительном рас-

стоянии. Дожидаясь, когда писец обратит на него внимание, он вытащил из складок тюрбана письмо и пытался расправить бумагу.

— Твой клиент, — усмехнулся Йезад и двинулся дальше.

Боль спустилась ниже и, как острый нож, застряла между лопатками. Йезад растирал шейные мускулы, поворачивал голову вправо-влево, вверх-вниз. Пошел не прямиком к станции, а выбрал кружной путь — обогнул Дхобиталао и двинулся вниз по Принцесс-стрит. Дышалось плохо, он запыхался. Вдох на пять шагов, скомандовал он себе, выдох на восемь. Вдох на пять, на восемь — выдох…

Облако дизельного выхлопа вызвало кашель. Проклятая отрава. Ну как можно глубоко дышать в этом городе? Разве что залезть в Капуровы старинные фотографии. Оказаться на старой Хьюз-стрит… Разговор с Виласом только распалил его. Виласу легко давать советы: прояви терпение, найди мотивацию для Капура… А у него голова кругом идет от неразрешимых проблем…

Мимо промчался мотоциклист в кислородной маске. Скоро все начнут носить такие маски, а что делать? Хорошо бы найти маску, которая фильтрует проблемы мира…

Его окликнули:

— Сахиб-джи…

Йезад оглянулся — звал человек из лавки, торговавшей благовониями у входа в храм огня. Вадияджи.

— Сахиб-джи, сукхад возьмете? У нас настоящий, с Малабара.

Теперь Йезад отметил, что на торговце бархатная молитвенная шапочка. «Отец такую носил», — вспомнилось Йезаду. От сандала он отказался и пошел было дальше, но, сделав несколько шагов, оглянулся, вернулся к воротам и шагнул во двор. Во дворе — ни души, но к столбу цепями привязаны два велосипеда. «Скорее всего, часнивалы, — сообразил Йезад, — доставят часни[5] семьям, где собираются проводить молитвенные собрания. Господи, сколько прошло времени с тех пор, как я участвовал в часни… почти забыл вкус папри[6] и малидо[7]…»

Он остановился перед дверью в храм, вспомнив, что у него не покрыта голова. Можно прикрыть

---

[5] Примечания: 5
Часни — сладкий сироп.

[6] Примечания: 6
Папри — хрустящие вафли из теста.

[7] Примечания: 7
Малидо — ореховая помадка.

голову носовым платком — впрочем, он же не собирается заходить в храм.

Внутренность храма тонула в полумгле, но можно было различить выложенное камнем пространство, похожее на длинную веранду, и каменный парапет, за которым совершаются омовения. В дальнем конце виднелась одинокая фигура, человек вытирал лицо и руки, готовясь приступить к молитве.

Он выпустил поверх брюк белую ритуальную судру и рубашку, выудил из-под рубашки священный шнур-кусти, которым парсы подпоясываются, и начал молиться, развязывая узлы на кусти. Расслабил узел на поясе и поднял кусти ко лбу.

Знакомый жест в неясном свете вдруг пробудил в памяти слова молитвы, которую Йезад много лет не читал: «Ахура мазда кходаи, аз хама гуннах, патер пагиерманум…» Он не останавливал слова, всплывающие в памяти и странно радующие его своей незабытостью. А молящийся сложил кусти в две петли и снова поднес шнур ко лбу. Йезад знал, что он сейчас произносит «манашни, гавашни, кунашни», после чего заново завяжет священный шнур.

Он следил за каждым движением одинокой

фигуры, а его воображение заполняло каменный пол оживленной толпой, которую он привык видеть, когда родители приводили его еще маленьким в храм на праздники Навроз и Кхордад саль, когда толпа была по-новогоднему разодета, каждый держал в руках сандаловые курительные палочки, и все пробирались к парапету, чтобы омыть руки в серебряном карасио, совершить молитву и поспешить на празднование Нового года. Женщины, носившие сари, как мать Йезада, с легкостью добирались до своих кусти, другим же, одетым более современно и вынужденным поднимать юбки, чтобы развязать узлы на поясе, приходилось укрываться за специальной загородкой. На модниц осуждающе смотрели ортодоксальные дамы, считавшие, что после первой менструации девочкам уже неприлично ходить в платьях. Кое-кто из мужчин исподтишка бросал взгляды на узорное стекло загородки в надежде разглядеть нечто большее, чем туманные силуэты. Йезад не раз слышал, как старухи поносят этих муа мавалис, которые даже в такой день в храм огня не могут явиться в пристойном виде, пороть их некому!

После молитвы с кусти семья отправлялась через главный зал в святилище, где пылал свя-

щенный огонь. Здесь тоже бывало полно народу, чем ближе к святилищу, тем жарче становилось, огонь в праздничный день вздымался выше обычного, на серебряных подносах высились горы сандаловых приношений. Приходилось стоять в очереди, прежде чем удастся найти местечко, чтобы преклонить колени и коснуться лбом пола.

После молитвы в храме нужно было нанести визиты родным, одарить всех сладостями, посидеть за праздничным столом. Вечером — в театр, на комедию или на концерт труппы Ади Марзбана, с парсийскими шутками, пародиями и песнями…

Одинокий молящийся повязал кусти, поднялся по ступенькам, миновал желобчатые колонны и скрылся в глубине храма. За парапетом никого не осталось.

Йезад почувствовал покой опустевшего храма, такого прохладного и затемненного. Роксана права — истинный оазис в самом сердце громадного, безумного города.

Слева донеслось шарканье ног, шлепок сброшенных сапат, а через мгновение совсем рядом с ним появилась высокая худощавая фигура в белом — жрец-дастур в полном облачении, от

которого веяло сандаловым дымком. Запах заставил Йезада печально улыбнуться.

Дастур улыбнулся в ответ.

— Сахиб-джи… — Он приветственно поднял правую руку ко лбу и замер, чуть подавшись вперед, будто желая получше рассмотреть парса, не переступающего порог храма. Его зрачки за толстыми стеклами казались точками.

Йезад чувствовал, как они буравят его, но был не в силах отвернуться. Из-за белой бороды лицо дастура казалось очень длинным.

— Вам что, шапочка нужна? — спросил он.

— Нет-нет, спасибо, — заторопился Йезад, — не сегодня. Я уже опаздываю.

Он бросился в ворота и заспешил на станцию.

Дома он застал одних сыновей, которые сидели в маленькой комнате. На вопрос, где мама, они ответили:

— Она вышла, папа.

— Это я вижу. Я спросил, где она.

— Мама не сказала нам, куда идет.

Йезад отправился на кухню ставить чайник.

Из большой комнаты послышался слабый голос Наримана — ему требовалась утка.

Джехангир прибежал на кухню.

— По-моему, дедушке нужно пи-пи.

Йезада тронула заботливость сына, но он был тверд.

— Мы уже говорили об этом на прошлой неделе, верно?

— Да, папа, но я думаю, что сейчас ему очень нужно.

— Слушай, Джехангла, когда твоего деда спихнули на нас, я дал себе слово, что не дотронусь ни до его утки, ни до судна. И вы тоже.

Джехангир с недоумением слушал отца, потому что в отцовском голосе звучала печаль.

— Но он может намочить постель!

— Не твоя печаль. Иди уроки делай.

Джехангир, ссутулившись, поплелся вон.

Дедушка снова позвал:

— Пожалуйста, я больше не могу терпеть… — и тихонько заплакал.

Йезад налил себе чаю, размешав в нем свои горести. Сделал глоток из блюдечка, потом допил из чашки. У Роксаны чай получается лучше.

Поставил на стол чашку с блюдцем, заглянул в комнату к мальчикам. Вышел на балкон и оперся о перила. Неужели он превращается в одного из этих жалких мужей, которые являют собой пример добродушия везде, кроме собственного дома, где они тиранят близких?

Нет же, нет, не может быть. Просто у него похитили жизнь, ту жизнь, которой он жил еще несколько месяцев назад. Роксанино семейство украло у него мир и покой. И пока он не восстановит их, ему придется мириться с убожеством этого заточения в четырех стенах, которые совсем недавно укрывали его от брутальности города.

Надо было остаться в храме, вместо того чтобы торопиться сюда. Обратно в мерзкую комнату, пропахшую тошнотворными запахами болезни. Впрочем, какой толк от храма — не может же он поселиться там. Значит, его всегда будет дожидаться эта мерзость.

…Джехангир не мог сосредоточиться ни на каких уроках. Звуки, доносившиеся с дивана, сводили его с ума. Он хорошо знал, как это ужасно, когда хочется пи-пи, а невозможно. Он не забыл, как однажды мисс Альварес устроила контрольную и не разрешила никому ходить в сортир. Зато сразу после звонка он побежал. А бедный дедушка лежит и терпит и даже не знает, когда сможет сделать свои дела. Почему папа так упрямится из-за этой утки? Обыкновенно Джехангир интуитивно понимал, что расстраивает отца, но сейчас отец будто взял и выдумал себе причину для раздражения.

— Сходи ты к нему. Может, он разрешит? — попросил он брата.

— Не пойму, что выдумываешь! — возмутился Мурад. — Мама сказала, чтобы мы позвали тетю Вили. Мама договорилась с ней.

— Да, но что тетя Вили подумает, когда увидит папу? Это же нехорошо, папа должен подать утку дедушке.

— В твоих мечтах.

Нариман опять застонал, и Джехангир не выдержал. Тетю Вили звать нельзя, поэтому он отложил карандаш и направился к дивану, не обращая внимания на отчаянные предостережения Мурада.

Дедушку уже три дня не обтирали губкой, и от него пахло, как от корзины с грязным бельем, собранным для стирки. Джехангир взялся за костлявую, дрожащую дедову руку и что было силы потянул на себя, чтобы усадить его. Мама всегда сажает дедушку для пи-пи, она говорит, что движение полезно для его суставов.

Утка устроилась под диваном, как гладкая белая тварь. Он поднял ее и помог дедушке попасть в отверстие, осторожненько, чтобы не задеть края. «Похоже на ярмарочную игру, — подумал Джехангир, — когда надо провести петельку

вдоль проволоки, не касаясь металла, а то сразу зазвонит звонок — и ты проиграл». Иногда, если мама спешила, дедушка охал от боли.

Стали ждать. Ничего не происходило. Дедушка беспомощно заглянул ему в лицо, натужился и почти зарычал.

Джехангир вспомнил, что делала мама в таких случаях:

— Пис-пис-пис…

На звук с балкона вернулся отец:

— Ты чем это здесь занимаешься?

— Дедушка больше не мог терпеть, — забормотал Джехангир, следя за тем, как прозрачная пластмасса желтеет от заполняющей ее жидкости. Нервничая из-за присутствия отца, он плохо держал утку.

Струйка прекратилась, закапало. Джехангир легонько встряхнул утку, как делала мама, но при этом несколько капелек упало на постель. Джехангир не успел подхватить их.

Глава 15

Вечер за вечером, с семи до девяти, забравшись на шаткие козлы из двух стремянок, скрепленных планкой, Эдуль сбивал с потолка штукатурку.

Джал накрывал мебель полиэтиленовой пленкой, становился на пороге, обозревая потолок. Время от времени он изображал участие в процессе, то замечая, что вот этот угол как будто уже в порядке и Эдуль может двигаться дальше или что здесь, оказывается, есть целый неповрежденный участок, который можно вообще не трогать.

В ответ Эдуль выдавал перлы из книги «Сделай сам»:

— Подготовка — половина дела, Джал, сынок. Сначала я должен проверить дранку под штукатуркой и убедиться, что она не прогнила. Иначе знаешь, как говорится? Поспешишь — людей насмешишь.

Эдуль принимался постукивать костяшками пальцев неповрежденный участок и понимающе кивал:

— Слышишь? Понял, что я имел в виду?

Джал лихорадочно крутил свой слуховой ап-

парат, стараясь хоть что-то услышать, чтобы обсудить услышанное. Склонив голову набок, он просил Эдуля постучать еще разок.

Старания брата ускорить ход ремонта тревожили Куми. Она прервала вечернюю молитву, вызвала брата на кухню и потребовала, чтобы он перестал надоедать Эдулю.

— Кончится тем, что он все бросит и уйдет! Ты что, не хочешь, чтобы папа вернулся? Так и скажи.

Джал пробормотал, что уже третий месяц настаивает на возвращении папы. И не может понять, отчего Куми потребовала, чтобы Эдуль начал с гостиной, а не с папиной комнаты.

— Я хочу, чтобы Эдуль попрактиковался в гостиной и учел свои ошибки. Мы же не можем сделать из папы подопытного кролика!

А Эдуль продолжал битву со штукатуркой. Вечер за вечером квартиру оглашал непрестанный стук его молотка. «Будто судьба стучится в дверь, — подумал Джал, — которого все сильней беспокоили мысли о Роксане и Йезаде, о том, как невыносима должна быть жизнь в их крохотной квартирке».

Иногда мастер «сделай сам» вносил разнообразие в монотонность их теперешнего уклада.

Однажды из гостиной донесся грохот, за которым последовал вопль Эдуля. Брат с сестрой бросились на помощь. Эдуль сидел на корточках, закрыв лицо руками, и кричал, что ему засыпало штукатуркой глаза.

— Дай посмотрю, — предложила Куми, но Эдуль не отводил рук от лица.

Куми велела Джалу подержать его за руки и, силой разомкнув Эдулю веки, дважды дунула в каждый глаз.

Эдуль заморгал, потер глаза, вытер их насухо.

— Ты гениальная женщина, Куми!

— От отца научилась. От Палонджи, моего настоящего отца. Джалу вечно попадал в глаза песок, когда нас водили гулять на пляж Чаупатти. Он был такой непоседа…

Куми пустилась в воспоминания о пляжных прогулках, на которые дети брали с собой купленные отцом ведерки, лопатки, сито и лейку. Они строили замки из песка, особенно хорош был Джал, у него просто талант открылся, и отец ужасно гордился, когда люди останавливались полюбоваться песчаными замками.

— Отец всегда говорил, что Джал будет знаменитым архитектором.

— Кто? Наш Джал? — засмеялся Эдуль.

Подобрав с пола молоток и зубило, он снова полез на козлы.

Через несколько дней — новая неприятность. Душераздирающий крик Эдуля уже не потряс их, они успели попривыкнуть к его злоключениям. Устало войдя в гостиную, они увидели, что Эдуль держит во рту большой палец.

— Говорят, у садовника должен быть зеленый палец, — попытался пошутить он, — а вот у мастера пальцы всегда в синяках и ссадинах. Профессиональный риск.

Джалу стало жалко Эдуля:

— Эти молотки такие скользкие!

— Ну у меня-то первоклассный молоток! — возразил Эдуль, из честности отказываясь воспользоваться предлогом. — Хороший мастер никогда не винит свой инструмент.

Он опять сунул палец в рот.

— Сильно болит? — осведомилась Куми. — Может, лед приложить?

— Все в порядке, — гордо ответил Эдуль, но лед принял.

Немного подержав лед на пальце, он положил кубик в рот и сгрыз.

Через две недели после начала ремонта Джал тайно снял со счета пятьсот рупий. Он знал, что

тайна скоро раскроется, потому что Куми проверит счет, но ему было все равно.

В тот же вечер он отправился к Роксане. В квартире слышалась музыка. Войдя, он с изумлением увидел, что играет скрипачка, которая стоит в изножье папиной постели. Роксана задержала брата в коридоре — не нужно сейчас здороваться с папой, он целые сутки промучился и только теперь, похоже, засыпает.

— Я в маленькой комнате посижу, — прошептал Джал.

Роксана вернулась к отцу и присела рядом. Вытерла слезинку в углу его глаза. Дейзи доиграла аллеманде из «Партиты» Баха; смычок застыл над струнами как вопросительный знак — играть еще?

Роксана приложила палец к губам, и женщины бесшумно вышли.

Йезад представил Джала Дейзи:

— Мой шурин.

— Какая прелестная вещь, — сказал Джал, пожимая ей руку, — я вам так благодарен за то, что вы играете для папы.

— Не благодарите, это радость для меня.

Дейзи простилась, напомнив Роксане, что готова прийти и завтра — пусть Джехангир позовет

ее, когда нужно.

— Какая милая, — сказал Джал после ее ухода. — Она замужем?

— Нет, — усмехнулся Йезад, — хочешь, мы тебя сосватаем?

— Ну что ты, — покраснел Джал. — Как папа?

— Мне кажется, хуже, — ответила Роксана, — у него речь затруднена.

Джал сник. На цыпочках прошел в соседнюю комнату.

— Он сильно похудел с последнего раза, когда я видел его. Кожа и кости.

— Доктор говорит, началась быстрая атрофия мышц. Садись.

Роксана указала на кровать, справилась, как дела дома.

Джал присел на край кровати и, поигрывая уголком простыни, стал было говорить, что Куми в порядке и дома все хорошо, но не выдержал.

— Ужас, что творится, и я просто не знаю, что мне делать! Этот идиот Эдуль без толку колотит молотком по потолку. А Куми не желает торопить его. Мол, если его толкать в спину, так потом потолки могут обвалиться.

— В этом есть резон, — милосердно согласилась Роксана.

— И мы знаем этот ее резон, — отрезал Йезад.

— Я так надеялся, что он за несколько дней оштукатурит потолки, и папа сможет вернуться домой, — в отчаянии говорил Джал. — Но такими темпами этот дурак еще два месяца провозится со своим молотком!

— Вряд ли мы можем помочь, — сухо сказал Йезад.

— Но все это несправедливо, у вас тут такая теснота. На бедную Рокси навалилось столько работы. Плюс лекарства и другие траты…

Он вытащил из кармана конверт и, не зная, кому вручить его, стал расправлять замявшиеся уголки.

— Я… это на расходы…

Роксана открыла конверт и показала Йезаду его содержимое.

— Куми знает об этом? — мягко, чтобы не обидеть брата, спросила она.

— Это и мои деньги, не только ее. И я не нуждаюсь в ее разрешении. Имею право сделать папе подарок, если хочу.

Йезад поощрительно улыбнулся, но в тот же миг представил себе, что ждет Джала, и протянул ему конверт:

— Ты уверен, Джал? Куми ведь расстроится.

Джал заколебался и по привычке ухватился за мочку уха.

— Мне все равно, — сказал он, ощущая странный прилив самоуважения. — Что она сделает? Меня тоже выставит из дому? Я бы и сам ушел, будь у меня выбор.

Неожиданное заявление поразило Йезада и Роксану. Они обменялись взглядами.

— У тебя что-то произошло с Куми?

— Ничего не произошло. Все как всегда — у меня мозгов нет, от меня никакого толку, я только мешаюсь. А меня тошнит от ее злобы тридцатилетней выдержки.

Он помолчал. Потом заговорил снова:

— Если бы вы жили в большой квартире, такой как наша, я бы поселился с вами. — И, взглянув на Йезада, торопливо добавил: — Конечно, если бы вам этого хотелось.

— Если бы у нас была большая квартира, я бы настоял на твоем переезде, — заявил Йезад.

— Я бы помогал Рокси ухаживать за папой. И моя доля денег пошла бы на расходы. Господи, как было бы хорошо!

Джал поднялся на ноги. Его проводили просьбами заходить почаще. Он благодарно улыбался.

Тихонько, на цыпочках зайдя в большую ком-

нату, он приблизился к дивану. Отчим лежал с закрытыми глазами, но губы его шевелились. Джал с печалью смотрел на него, представляя себе, какие горькие воспоминания тревожат его сон. Так простоял он несколько минут, легко касаясь кончиками пальцев плеча Наримана.

Прошел дождь, и на верхней террасе было мокро. Он взлетел наверх, перепрыгивая через ступеньки, сердце молотом колотилось в его груди, и увидел, что Люси все еще стоит на парапете.

— «В то майское утро, когда были молоды мы…»

Люси пела. Устремив глаза к горизонту, не обращая внимания ни на поток машин внизу, ни на толпу, собравшуюся на тротуаре, чтобы посмотреть, что будет дальше.

Это Арджани с первого этажа послал сообщить ему, что на крыше творится нечто ужасное. Сначала он не поверил посланцу: если Арджани хватило мстительности на то, чтобы нанять Люси в айи, то он вполне может пойти и на такой жестокий розыгрыш.

Но все же подошел к окну проверить. Ясмин и дети сгрудились за его спиной. Увидели они только толкотню на улице — люди задирали головы,

указывали наверх, шумели, машины тормозили, водители высовывались, стараясь понять, что взбудоражило народ. Арджани не выдумал, на крыше действительно что-то происходило.

Нариман шагнул к двери, но Ясмин предложила подумать, стоит ли ему в очередной раз ввязываться в дурацкую историю. Пусть у Арджани голова болит, раз он так упорно держит ее в служанках, — Нариман за это не отвечает.

— Но я чувствую себя в ответе за нее, — возразил он. В ответе за прошлое, за одиннадцать лет их отношений и за то, что отчасти повинен в отчаянном поступке Люси.

— Было бы лучше, если бы ты не мешала мне провожать ее до школы…

— И сколько это может продолжаться? Пока маленькие Арджани школу не закончат? Ты должен был давным-давно прекратить это безобразие, еще когда она в первый раз явилась под наши окна! Нет, ты ее не остановил, она пошла дальше, и вот теперь пожалуйста!

Джал и Куми отошли в сторонку, исподтишка бросая на него негодующие взгляды. Он знал причину: он опять обижает мать, довел ее до слез. «Привыкли они к тому, что родители вечно ссорятся», — невесело подумал он. Привыкли

видеть мать обиженной, а отчима наверняка считают источником всех бед. Как бы ему хотелось объяснить, что он не желает ей зла, что он так же бессилен здесь, как они.

— Не надо, папа! Не ходи на террасу! — внезапно выкрикнула Куми.

Ясмин успокоила дочку поцелуем, а потом отослала детей делать уроки.

— Сейчас не время ссориться и ворошить прошлое, — умоляюще сказал Нариман, — сейчас может что угодно случиться!

— Если может что угодно случиться, то ты ничему не можешь помешать! Эту женщину надо в психушку отправить, ей нужна профессиональная помощь!

— Может быть, ты права, но прежде всего надо заставить ее спуститься с крыши.

— Сама спустится, когда устанет. Сколько она может стоять на парапете и петь?

— А вдруг у нее закружится голова и она упадет? Ты хочешь, чтоб смерть бедняжки была на нашей совести?

Ясмин неохотно уступила.

Выскочив на лестничную клетку, он услышал голос Люси. Взбежав на крышу, увидел ее на парапете — волосы распущены по плечам, как она

носила раньше, хрупкая и юная в сгущающихся сумерках. Беспечно пританцовывающая фигурка четко рисовалась на фоне серого неба.

Нариман сделал шаг вперед — мокрый камень под ногами напомнил ему, как скользко должно быть на парапете.

Отцовский враг со своим старшим сыном прятались за огромной цистерной. Оба махали Нариману, подзывая к себе. Арджани шепотом сообщил, что они пытались урезонить Люси, но их старания только сердят ее, потому и укрылись за цистерной.

— Надо что-то делать, не дай бог, поскользнется и упадет с крыши, — шептал Арджани, — бедная женщина, за что ей такая смерть, а потом, представляете себе, как нам придется разбираться с полицией?!

Нариман осторожно выглянул из-за цистерны.

— Как вы думаете, что нам теперь делать? — прошелестел младший Арджани.

— Я думаю, вам лучше всего убраться с крыши, — ответил Нариман.

Оба с облегчением на цыпочках побежали к выходу. Старший Арджани еще пролепетал на бегу слова благодарности и что-то насчет прощения и забвения.

Оставшись наедине с Люси, он начал тихонько подпевать ей.

— «О прошлом тоскуя, мы вспомним о нашей весне…»

При первых звуках его голоса она смолкла. Круто повернувшись на самом краешке крыши, обвела ее взглядом.

— Привет, Нари, — улыбнулась Люси, увидев его у цистерны.

Его кольнуло в сердце от этой улыбки.

— Как ты, Люси?

— Я скучала по тебе.

— Я тоже по тебе скучал.

Лужица дождевой воды у парапета, как зеркало, держала ее отражение. Отражение дрогнуло — Люси сделала шаг в сторону. У него оборвалось сердце.

— Я больше не вижу тебя по утрам, Нари, когда веду детей в школу. И на обратном пути не вижу.

— Я занят на работе.

Над крышей пролетел ветерок, по лужице пробежала рябь. Отражение Люси затрепетало. Она снова запела. Нариман молчал.

— Почему ты не поешь? Я тебе больше не нравлюсь?

— О Люси, ты по-прежнему прекрасна, как Ми-

лица Корюс.

Люси просияла:

— Это было так давно, Нари, когда мы смотрели «Большой вальс».

— Спустись с парапета, Люси, и мы вместе споем. Честное слово.

Она продолжала петь.

— Прошу тебя, Люси, это не место для пения. Сойди с парапета, любовь моя, и подойди ко мне.

Она неожиданно протянула руку, и он помог ей спрыгнуть. Загрубелая ладонь Люси вызвала у него вспышку ненависти к Арджани. Он повел ее вниз по лестнице. Люси все пела и пела, пока они спускались на первый этаж.

У двери квартиры Арджани Люси повернулась и помахала ему рукой, как всегда делала, когда он провожал ее домой. Прежде чем закрыть дверь, она послала ему воздушный поцелуй. Он поспешно ответил тем же, стараясь заглушить боль в сердце.

Семейство Арджани осыпало его словами признательности, заверениями, что они немедленно свяжутся с близкими Люси, все сделают, чтобы помочь ей. Нариман испытывал только облегчение оттого, что все кончилось благополучно.

Через несколько дней Нариман позвонил Ар-

джани в дверь, чтобы справиться, что сделано для Люси. Мистер Арджани снова рассыпался в благодарностях.

— Я рад вам сообщить, что Люси совершенно здорова! Она нормально ведет себя.

— Но тот ее поступок не свидетельствует о нормальности, ей нужен врач!

— Ну что вы, Нари, каждый может допустить ошибку!

Едва ли справедливо, — говорил Арджани, — отправить ее в психушку из-за той глупой мелодрамы — в конце концов, большинство женщин в определенный период жизни позволяют себе странные, необъяснимые выходки, ну что делать, тут же все дело в сложностях женской природы, то месячные, то климакс, то еще какие-то женские проблемы. Да что говорить, когда его собственная супруга — Господи благослови ее — после пятидесяти двух лет счастливой семейной жизни иногда делает такие вещи… которые приводят его просто в недоумение. Что касается Люси, то нет никаких претензий к ее работе, она любит детей, она и готовит, и убирает в доме. Отвести ее к доктору и рассказать, что она натворила, так доктор наверняка отправит ее в клинику. — Лично я, как ее работодатель, считал

бы, что злоупотребляю своей властью, — закончил Арджани.

По временам Нариману хотелось взять инициативу в свои руки и заняться лечением Люси. Но исход его стараний было трудно предсказать. Он отлично знал о нечеловеческих условиях в государственных больницах, особенно в психиатрических, где больных держали в зарешеченных клетушках. Если у больного не было семьи, которая хоть как-то присматривала бы за ним, он был обречен на пожизненное заключение. Не желает же он для Люси такой участи?

Но напоминать Арджани о его ответственности он мог. Напоминания делались все жестче, пока в один прекрасный день Арджани не сказал ему, чтобы он перестал совать нос в чужие дела.

— Но я вынужден делать это, — сказал Нариман, — поскольку ваша совесть, похоже, покрыта мозолями.

— Боже мой, кто говорит о совести! Сам мистер Образцовый Супруг!

Йезад сначала пытался вникнуть в смысл Нариманова бормотания, но потом повернулся на бок, к Роксане, и заговорил о том, что ему было приятно повидаться с Джалом и убедиться, что тот наконец проявил хоть какой-то характер.

— Жаль только, что поздно. А то чифа и не вышвырнули бы из собственного дома!

— Кто знает? — вздохнула Роксана. — Все происходит в свое время.

— Ошибаешься, все должно происходить тогда, когда мы этого хотим.

И обнял ее, решив, что пришло время действовать по собственному принципу.

Улица еще не закипела утренней кашей транспорта и выхлопа, когда Йезад подошел к книжному магазину. Он ощущал перемену, что-то носилось в воздухе, может быть, предвестие декабрьской прохлады, которой уже пора потеснить жару.

Клиент со свеженаписанным письмом в руках с благодарностью склонился к ногам Виласа — по его словам, одними деньгами за такую бесценную услугу не отплатить.

Вилас отстранил его:

— Больше так не делай, а то перестану писать твои письма.

— Простите, Ране-джи, простите великодушно, — смутился тот и поднял ко лбу сложенные ладони.

Вилас жестом показал, что не сердится, отослал клиента и начал пересказывать Йезаду суть про-

блемы: семья решила продать одну из дочерей. Ей четырнадцать, а замуж ее выдают за шестидесятилетнего вдовца.

— Дед говорит, что ему нужна жена, а вся деревня знает, что он покупает себе рабыню. Семья продает девочку по самой банальной причине — всех не прокормить. Этот, для которого я написал письмо, приходится ей братом, он просит родителей повременить, обещает, что скоро пришлет денег.

Измученный Йезад нетерпеливо слушал очередной рассказ Виласа о жалкой жизни его клиентов. Он чувствовал, что больше не в силах выносить чужое горе и муки.

— Слушай, я нашел выход, — прервал он Виласа.

Изложив свой план вовлечения Капура в избирательную кампанию, он сказал:

— Твоя роль вот в чем: ты идешь в местную ячейку Шив Сены с жалобой на всех этих Санта-Клаусов, которые заполонили Марин-Лайнз и Дхоби-Талао. Объясняешь им, что это вторжение чужеземной культуры, и требуешь их вмешательства. Что головой качаешь?

Вилас рисовал каракули в блокноте.

— Как я могу повлиять на Шив Сену?

— Ты можешь прийти в ячейку с жалобой, как лояльный маратх, как патриот Индии, как верующий индус!

— Я ни то, ни другое, ни третье.

— Сделай вид!

— Допустим, я пойду. Местный главарь Шив Сены не станет устраивать уличные беспорядки. Погромы затеваются по прямому указанию сверху.

— Но ты их можешь навести на эту мысль.

— Не о том ты думаешь.

— В смысле? Ты же сам сказал, что Капуру нужна мотивация.

— Не такая. Не тревожь спящую змею, не дразни дремлющего тигра.

— На черта мне твои пословицы!

Они молча сидели и смотрели на поток машин, на уличных разносчиков, на пробегающих мимо школьников с ранцами и фляжками с водой.

— Я раньше любил Рождество, — заговорил Йезад. — А теперь — ты только посмотри на эти тупоумные витрины. Не говоря о моих личных проблемах, Шив Сена всем сделает доброе дело. Убьем двух птиц одним камнем.

Вилас опять вздохнул:

— Шив Сена никогда не является с одним кам-

нем. Шив Сена посеет такой ужас, что мы все будем дрожать, как твой тесть.

— Вечно ты преувеличиваешь! — огрызнулся Йезад.

Он поднялся на ноги, отряхнул сзади штаны и сошел с крыльца.

— Не торопись. Послушай, что я тебе скажу. Вилас похлопал по крыльцу, и Йезад сел на место.

— В принципе, ты придумал отличный план. Единственная проблема — участие Шив Сены. Нужно заменить этот рискованный компонент чем-то менее опасным.

— Например?

— Помнишь, я тебя как-то знакомил с моими приятелями? Двое актеров, Готам и Бхаскар, помнишь?

— Помню.

— Я могу попросить их изобразить шивсеновцев. Они будут в восторге, они же вечно ищут новые проекты.

— И в чем же твоя идея? Уличные беспорядки силами парочки актеров?

— Имей терпение, я тебе все объясню.

К крыльцу с почтительным поклоном приблизился новый клиент. Вилас попросил его подождать и, понизив голос, стал растолковы-

вать свой замысел.

Йезад воспринял его скептически.

— Все получится, поверь мне! — настаивал Вилас. — Они классные актеры и действовать будут силой слова!

— И что, сыграют лучше настоящих бандюков из Шив Сены?

— Настоящая Шив Сена — это буйство толпы, это звон разбивающихся стекол, это огонь и дым, бандиты с палками и кирпичами. Брось, Йезад, это слишком опасно. К тому же твой Капур из тех людей, на которых слово действует сильнее, чем грубая сила, разве не так?

Йезаду пора было возвращаться в «Бомбейский спорт». Договорились встретиться вечером, доработать план, кое-что записать.

Йезад встал, освобождая место очередному клиенту Виласа.

* * *

Через два дня Капур после обеда отправился проверять давление. Вскоре после него ушел и Хусайн, которому дали какие-то поручения. «Отлично, — подумал Йезад, — все идет по плану».

Расхаживая по магазину, Йезад повторял в уме, что расскажет Капуру, когда тот вернется.

Вспышки красной лампочки отвлекали его, и он отключил моторчик.

Теперь он мог спокойно репетировать сцену, импровизируя, описывая облик и манеры воображаемых визитеров. «Без лишних подробностей, — предупредил Вилас во время обсуждения. Человеку, столкнувшемуся с неожиданностью и напуганному, обычно трудно бывает точно пересказать, что и как случилось. О, на нем была зеленая рубашка, силится припомнить он, нет, подождите — серая… скорее, такая серо-зеленая. Человек сбивается, смешивает реальное с предполагаемым. Йезад должен помнить об этом, разыгрывая сцену».

Он репетировал ее около часа, пока в магазин с громким «хо-хо-хо» не вошел Капур. Он сразу поинтересовался, почему не двигается Санта-Клаус.

— Опять заело, я отключил.

Капур включил моторчик, понаблюдал немного за работой.

— Сейчас все нормально.

На вопрос о давлении Капур ответил, что врач советует продолжить нынешний курс и, конечно, велит по возможности избегать волнений. Он повозился с витриной, передвигая своих оленей-крикетеров. Уличный прохожий задержался

посмотреть. Капур улыбнулся ему, жестом пригласил зайти.

— Надеюсь, в мое отсутствие все было спокойно?

Йезад сделал серьезное лицо.

— К нам заходили, — тихо ответил он.

— Ну?

— Двое. Из Шив Сены.

— Ясно, — отмахнулся Капур, продолжая наблюдать за поднимающейся и опускающейся битой. — Надеюсь, вы отправили в корзину их брошюрки или что они там приносили?

— Они не с брошюрками приходили.

Капур оставил витрину.

— Зачем они приходили? — напрягся он.

— Сказали, что они из налоговой инспекции.

— А вы сказали, что из Шив Сены, — нахмурился Капур.

— Это они сообщили потом.

— Они что, нахамили вам?

Йезад покачал головой.

— Вошли, поздоровались, назвали меня «сэр». На самом деле я испугался, когда узнал, кто они такие. Я им сказал, что мы не получали никаких уведомлений из налоговой инспекции. Тут они ухмыльнулись и объявили, что они не государ-

ственные служащие — их прислали из особой налоговой службы Шив Сены. И что они хотели бы обсудить небольшую проблему.

— Так.

Йезад замялся; тщательно отрепетированный текст звучал как-то странно. А для Капура — убедительно ли он звучит для него? Он вытер вспотевшие ладони о брюки под столом.

— Они требуют, чтобы все магазины, отели и офисы, в названии которых фигурирует слово «Бомбей», в течение тридцати дней заменили его на «Мумбай». Или заплатили штраф.

— И что вы ответили?

— Спросил, принято ли государственное постановление или закон на этот счет. Они сказали, что в законе нет нужды, это новая политика Шив Сены.

— Скоты. И что же?

— Я сказал, что я простой служащий, а владелец предприятия сейчас отсутствует. Вот тут один из них озлобился: «Сначала вы здесь заведующий, потом оказывается, что просто служащий. Заморочить нас хотите?» Я испугался, подумал, что он меня ударит, но старался говорить спокойно. Я сказал: «Если бы вы были налоговыми инспекторами, я мог бы заняться с вами, но тут ставится

особый вопрос».

— А как они выглядели? Бандиты? Крепкие ребята?

— Маратхи, по виду обыкновенные клерки. Тощие, с намасленными волосами. У одного такие тоненькие усики… или у обоих? Не могу вспомнить.

— Хорошо представляю себе, — кивнул Капур.

Ремарка добавила уверенности Йезаду. Он и без того чувствовал, как по мере развития сюжета его персонажи обретают материальность плоти и крови, интуитивно чувствовал их потенциал и с легкостью раскрывал его. Ему только нужно было направляющее касание кукловода.

— Самое странное, что, хоть они выглядели довольно безобидно, я боялся их. Их тон, их голоса ясно говорили о власти. И они знали, что я их боюсь.

Выражение насмешливого недоумения исчезло с лица Капура. «Понял серьезность ситуации», — подумал Йезад.

— Имена свои они назвали?

— Да. Баладжи… Кажется, Дешпанде. И Гопинатх Савант. Постойте, а может быть, Баладжи Савант и Гопинатх Дешпанде. Они сказали, что сменить название нетрудно, у них с собой были

готовые документы, которые мне надо было подписать. Я сказал, что не имею права.

— Что должно было привести их в восторг.

— Этот Баладжи начал орать на меня. Я спросил: «Как я могу изменить название магазина без разрешения владельца? Название — вещь серьезная, от него зависит успех или провал дела». Тогда Гопинатх что-то шепнул ему на ухо, и тот сказал: «Ладно, мы понимаем ваши трудности и можем предоставить вам налоговую льготу. Для этого вам потребуется заплатить тридцать тысяч единовременно и выплачивать по пять тысяч в месяц до тех пор, пока вы не решите заменить слово “Бомбей”».

— Ублюдки! Это вымогательство!

— Или мы называем магазин «Мумбайский спорт».

— Нет! — Капур с силой стукнул кулаком по стеклянному прилавку.

Подлинная ярость, вызванная выдуманной историей, испугала и обрадовала Йезада.

— Спокойней, мистер Капур, это же они придут бить стекла, зачем вам делать это самому?!

— Извините, Йезад, — через силу улыбнулся он. — Вы отлично справились с ними. Кстати, Хусайн был здесь, когда они приходили?

— Нет, он раньше ушел по вашим поручениям.

— Хорошо. Не говорите ему про Шив Сену, бедняга запаникует. Дождемся его возвращения и закроем магазин.

— Зачем? Они подумают, что мы испугались.

Капур пришел в бешенство.

— Еще не родился человек, который может запугать меня! Настроение они мне испортили, вот и все.

Он сел за свой стол.

— Был бы я тут, я бы показал этим подонкам. Послал бы их подальше. Когда они должны прийти?

— Не было разговора. Я сказал, что по утрам вы обыкновенно здесь.

Капур нахмурился и согласился, что магазин закрывать не стоит. Он кипел и негодовал, понося Шив Сену за беды, которые она навлекла на город. Он исходил ядом и горечью, Йезад никогда еще не видел его в таком состоянии, и это внушало ему надежду, стратегия, похоже, вела к успеху.

К вечеру Капур поостыл. Он остановился перед столом Йезада, проделал классический выпад битой справа и объявил:

— Имеем четыре варианта.

— Четыре? Они нам дали два.

— Четыре, — повторил Капур. — Изменить название, не менять название и платить мерзавцам, не менять название и обратиться в полицию и, наконец, наплевать на них и посмотреть, что будет.

Йезад заметил, что есть пятый вариант — вернуться к решению, которое Капур принял раньше: принять участие в выборах.

— Вы сведете знакомство с важными людьми, установите контакты с полицией и с политиками. И сможете подойти к корню проблемы, так сказать, изнутри.

— Будь это возможно, я бы так и поступил, — с горячностью возразил Капур, и спохватившись, развел руки в стороны и сделал глубокий вдох, будто напоминая себе о совете доктора. — Вам случалось видеть баньян, Йезад?

— Конечно.

— Знаете, как он растет? С его длинных ветвей опускаются воздушные корни, врастают в почву, становятся стволами, которые выбрасывают новые ветви и новые воздушные корни, и так далее. Баньян будет разрастаться, захватывая акр за акром.

— Да, я видел фотографии разросшихся баньянов. Но какая тут связь?

— Такая, что муниципальный советник, искореняющий коррупцию, похож на перочинный ножик, пытающийся выкопать баньян.

Йезад мог бы оспорить эту аналогию, но Капур горестно покачал головой.

— Забудем об этом, Йезад, — вздохнул он. — Только четыре варианта.

Он тяжело плюхнулся в кресло. Но через миг решительно расправил плечи:

— Я подожду. Пускай ублюдки придут ко мне. Мы ведь не знаем, возможно, они забрели к нам наугад, рассчитывая сорвать куш с трусливого лавочника.

Решение ничего не решать немного подбодрило Капура. Прощаясь с Йезадом, он отразил мяч незримой теннисной ракеткой, потрепал Йезада по плечу и заявил, что не сомневается — больше эта мразь здесь не покажется. Йезаду хотелось бы заверить его, что обязательно покажется.

Глава 16

Сидя за чаем с Виласом и двумя актерами в заведении Мервана Ирани, Йезад слушал, как они обсуждают сценарий. В ресторане было людно, суетились официанты, звякала посуда, пахло подгорающими пирожками.

«Вилас был прав, — думал Йезад: для Готама и Бхаскара «проект Капур» — так они его назвали — действительно стал увлекательным театральным экспериментом. Они уверяли, что за все время своих театральных занятий они еще никогда не сталкивались с таким необычным материалом».

В трущобах, узких улочках и тупичках Бомбея они разыгрывали одноактные пьесы, коротенькие скетчи на остросоциальные темы: о сожжении бесприданниц, об опасности религиозной розни, об ужасе алкоголизма, об избиении жен, о трагедии азартных игр. Ставили и юмористические пьесы о политическом цирке, о торговле местами в парламенте, о законодательстве, гарантирующем право студентов жулить на экзаменах, о нелепостях карточной системы.

Они рассказали Виласу и Йезаду об одном из удачнейших представлений — о том, как к министру телекоммуникаций недавно нагрянуло с обыском Центральное бюро расследований. В молитвенной комнате министра нашли два сундука и двадцать три чемодана, битком набитые банкнотами, замаскированные под алтарь Лакшми, богини богатства.

— Мы составили текст целиком из газетных заголовков, — захлебывался Бхаскар, подталкивая к переносице сползающие очочки в стиле Ганди. — От себя мы добавили только оправдания министра. Он у нас говорил, что его безосновательно обвиняют в коррупции, что это богиня богатства сама умножила его жалкий министерский заработок в знак высокой оценки его работы в правительстве.

Они даже показали кое-что: министр телекоммуникаций и Лакшми общаются по сотовому телефону, и богиня дает министру полезные советы по части финансов. А иногда даже возникает на телеэкране в особой спутниковой передаче «Лакшми всегда, во все времена».

— Бешеный был успех, — закончил Бхаскар, наслаждаясь смехом Виласа и Йезада. — Но капуровский проект означает перенос уличного

действа в закрытое помещение. — Уловив сомнение во взгляде Йезада, заспешил пояснить свою мысль: — Когда мы играем на улицах, действие начинается внезапно. Без объявления. Мы начинаем спорить, ссориться, изображать пьяных, будто это происходит в реальной жизни. Люди останавливаются посмотреть, в чем дело, собирается толпа.

— Все так, но здесь есть и отличие, — возразил ему Готам, — рано или поздно наш уличный зритель начинает понимать, что именно происходит, что он — зритель, который смотрит представление. У мистера Капура не будет зрителя.

— Не могу согласиться, — взвился Бхаскар. — Хочу подчеркнуть, что он сам будет и зрителем, и актером, отнюдь этого не подозревая.

— Актер, не подозревающий, что он играет, — это деревянная марионетка, — веско произнес Готам, уверенный, что одержал победу.

— В культуре, утверждающей судьбу в качестве верховной силы, мы все марионетки, — столь же веско ответствовал Бхаскар.

Йезад заерзал: хорошо бы они поскорей сошли с этих театральных котурнов. По тому, какой взят тон, они в любую минуту могут принять позу,

выпятить грудь, задрать подбородок, выбросить руку с воображаемым мечом и возгласить «берегись!» на манер Чанджибхаи Чичипопо.

— Мы не обсуждаем проблему рока и свободной воли, — парировал Готам, — это за рамками темы.

— Все это взаимосвязано, — не сдавался Бхаскар. — Ты не можешь отрешиться от традиционных идей, таких же ненужных, как арка просцениума.

— Чушь, арка просцениума абсолютно жизненна и сейчас. Она просто превратилась в дорожку просцениума, которая…

— Достаточно, мистер Бхаскар Оливье и мистер Готам Гилгуд, — не выдержал Вилас. — Через пятнадцать минут Йезаду и мне нужно быть на работе!

Вмешательство Виласа дало Йезаду возможность хоть рассказать, что было с Капуром. Йезад очень старался подчеркнуть, что любит Капура и весь их розыгрыш предназначен лишь для того, чтобы подтолкнуть его к тому, чего ему самому всегда хотелось, — к участию в выборах.

— Собственно говоря, это тоже одно из ваших представлений на социальные темы, его даже можно назвать «Угроза Шив Сены».

— Верно, — откликнулся Готам, — по сути, это стимулирование Капура с неявной моралью: кто способен противостоять злу, не должен игнорировать его.

— Ты подумай! Так кто лишен гибкости? Какого же ты черта говорил…

— Хватит, хватит! — остановил Бхаскара Вилас. — Мы сейчас говорим о пьесе — о пьесе Йезада.

— Я думаю, это классная идея — использовать налог на Бомбей-Мумбаи как способ мотивации Капура.

— Спасибо, — ответил Вилас. — Только надо помнить, что речь не идет о простом запугивании. Заставить заплатить легко. Ваше дело — заставить его пойти крестовым походом.

— Ясно, — сказал Готам. — В сущности, Капур должен пережить эпифанию. Следовательно, мы должны донести до него нечто большее, чем просто сиюминутная опасность для него и его магазина. Нам предстоит выйти за пределы здесь и сейчас, миновать мели и мелководья нынешних времен и дать ему узреть ужасы общества, лучшим представителям которого недостает убежденности, в то время как отребье бурлит страстной энергией.

Актеры продолжали забрасывать друг друга цитатами, но все же удалось договориться: визит состоится через три дня, утром, когда Капур будет в магазине один. Йезад пообещал не показываться — уйдет на переговоры со спортивным руководителем школы Дон Боско.

— Позвольте мне подвести итог, — заявил Бхаскар, не желая упускать аудиторию, — наша цель — возродить благородные побуждения мистера Капура. Мы должны продвинуть его за пределы катарсиса, за пределы жалости и ужаса, введя в состояние ангажированности — на арену эпического реализма, где человек действия…

Йезад перестал слушать. У него голова разболелась от этой тарабарщины.

— Вы двое рассуждаете, будто театр относится к точным наукам, — заметил Вилас.

— Ага, Виласова доктрина вечного скепсиса, — немедленно отреагировал Готам. — Поддайся Брехт такого рода пессимизму, где бы мы сегодня были?

— Но почему простые вещи нужно так замысловато излагать? — настаивал Вилас. — Мы всего лишь собираемся обмануть Капура в достойных целях.

— Ладно. — Йезаду хотелось вернуть их к те-

ме. — Я вам рассказал, как должны выглядеть эти шивсеновцы. Я изложил вам их требования. Что еще вам нужно?

Актеры сказали, что уже проработали все мизансцены, но им нужно еще чаю.

Йезад засмеялся и вместе с Виласом вышел из ресторана, отказавшись от чая и оставив актеров продолжать их споры о перспективах театра.

— Здоровы поговорить, а? — Йезад замотал головой, будто стряхивая с волос словеса.

— Вся труппа такая. Сначала занятно, потом становится невыносимо.

Они остановились у входа в «Бомбейский спорт». Йезад уставился себе под ноги.

— Что не так? — спросил Вилас.

— Сам не знаю. Этот заговор с актерами… А у Капура давление…

— Слушай, если у тебя сомнения, я сейчас же скажу Бхаскару с Готамом, что все отменяется!

— Нет. Не надо отменять.

Йезад пинком сбросил пустую сигаретную пачку с тротуара в канаву.

— Хотелось бы надеяться, что эти двое — люди ответственные.

— Ответственные-то они ответственные, но только бы их не занесло…

* * *

И на той же неделе, после утренней встречи в школе Дон Боско, Йезад еле удержался, чтобы сразу не ворваться в каморку Капура. Но удержался, сел за свой стол и сделал вид, будто погрузился в работу. Пусть лучше Капур сам подойдет к нему с новостью.

В витрине пульсировали вспышки красной лампочки, поднималась и опускалась бита. Йезаду начало казаться, будто в окне парит крупное доисторическое насекомое, а в оленях обозначилось нечто от троглодитов. Дай им дубины в копыта, и они станут похожи на уличную шпану, окружившую жертву — человека в красном, не подозревающего, что через миг ему выбьют мозги…

Он вздрогнул, когда его тронули за плечо, прервав эти кровавые сны наяву.

— Чем вы так поглощены? — спросил Капур.

— Простите, не заметил, как вы подошли. Я работаю над расценками школы Дон Боско.

— Отлично.

Капур повертел в руках большой конверт из плотной бумаги и бросил его на стол Йезада.

— Что это?

— Утром заходили двое ваших друзей.

— Друзей?

— Наших с вами друзей — приходили эти ублюдки, Баладжи и Гопинатх со своими тоненькими усишками. — Он оглянулся и понизил голос: — Я их сразу увел к себе, чтобы не пугать Хусайна. Это для них, — Капур постучал по конверту. — Тридцать пять тысяч. Я взял их из кейса.

Йезад заглянул в конверт. Выражения изумления, ужаса и отчаяния, сменяя одно другое, пробежали по его лицу.

— Я тоже изумился, — ответил на это Капур. — Не думал, что они вернутся.

— Но… — Йезад поднялся на ноги. Голос его дрожал. — Но это же безумие! Вы дали им деньги!

— Не читайте мне лекцию! Чего вы добиваетесь, чтобы они мне глотку перерезали? Магазин превратили в дымящиеся развалины?

Он резко повернулся и пошел к себе. Хусайн устремился за ним, спрашивая, не подать ли чаю.

— Что-то случилось, сахиб?

— Не волнуйся, Хусайн, просто деловые неурядицы.

Хусайн побежал ставить чайник.

— Чай готов, сахиб, — доложил он через ми-

нуту.

— Не надо.

Сраженный Хусайн отступил и съежился на своем стуле у подсобки, как раненая птица. Капуру стало жалко его.

Хусайн поставил перед ним чашку с блюдцем и занял позицию за дверью офиса, внимательно вслушиваясь в каждый звук, доносящийся изнутри: вот Капур подул на чай, отхлебнул из чашки, вздохнул.

Последний глоток. Капур появился в дверях с пустой чашкой. Свободной рукой отбил воображаемый теннисный мяч.

— Извините, что накричал на вас, Йезад.

— Ничего, мне незачем было…

— Забудем.

Похвалив Хусайна за чай, Капур жестом пригласил Йезада к себе. Хусайн с удовлетворением проводил их взглядом: все нормально, его чай сделал свое дело. Он принялся вытирать пыль.

Энергичное похлопывание метелки, слышное и в офисе, заставило Капура улыбнуться.

— Думаете, я не расстроен? При одной мысли о том, что меня терроризируют ничтожества, гангстеры, изображающие из себя политическую партию, я в бешенство прихожу! — И, будто

вспомнив о своем давлении, провел рукой по лицу и тихо добавил: — А иногда хочется плакать.

У Йезада ком к горлу подступил.

— Не надо так реагировать на них. Эти людишки… да они того не стоят!

Капур вытер шею и лоб — кондиционер был выключен. Он не включал его с того дня, когда поклялся, что будет принимать Бомбей таким, каков он есть.

— И знаете, что меня сильнее всего проняло? Их высокомерие — они будто говорили: ничто не устоит на нашем пути, теперь это наше царство. Брали что хотели, как армия победителей.

Капур распрямился:

— А у бедного Бомбея нет защитников. Несчастен город, в котором нет героев.

Йезад прошел в туалет, снял с крючка зеркальце, принес его в офис и поставил перед Капуром.

— Вы что делаете?

— Показываю вам героя.

Капур неуверенно усмехнулся.

— Героя, — стоял на своем Йезад, — который может спасти Бомбей. Если выставит свою кандидатуру на выборах.

— Опять взялись за меня?

— Да. Это смешно — пара худосочных вегетари-

анцев терроризирует «Бомбейский спорт».

— Пусть вас не обманывает их наружность. Худосочные или нет, но эти Баджи Рао и Баджи Кхао — они потомки маратхов, несгибаемых воинов. У них мертвая хватка — как у их шпинатоеда пучеглазого.

Они посмеялись, но Капур сразу перешел на серьезный тон:

— Мои знакомые по бизнесу уже сталкивались с подобными ситуациями. И в один голос советуют: заплати и сиди тихо.

Йезад уставился на свой стол. Его план провалился, провалился полностью. Больше нечего сказать. И делать тоже больше нечего. Он подтолкнул конверт к Капуру — чтобы тот спрятал деньги в сейф. Капур оттолкнул конверт обратно.

— Держите у себя в столе, пока за ним не придут.

— Лучше бы вы сами отдали.

— Неудачная мысль. Я могу не выдержать и плюнуть им в рожи. И зеркальце отнесите на место. — Капур протянул ему зеркальце, но раздумал и поманил Йезада к себе: — Взгляните.

Йезад заглянул в зеркальце через его плечо.

— Видите? Лица обыкновенных семейных муж-

чин. Не героев.

* * *

«Как эти чертовы актеры посмели понести отсебятину, — неистовствовал Йезад, — что это им в голову взбрело? Будто они знают Капура лучше, чем Йезад, пятнадцать лет проработавший с ним бок о бок? И чего добились? Создали ему дополнительные трудности!»

— Уймись, — сказал Вилас. — Я утром говорил с Бхаскаром и Готамом. Они действовали точно по сценарию, буквально.

— Тогда почему Капур приготовил деньги?

— А ты что, ожидал немедленного обращения? Крестового похода на следующее утро?

— Но я не ожидал и немедленной капитуляции. Я к тебе обратился с простенькой просьбой — пожаловаться в Шив Сену насчет всех этих Санта-Клаусов. Вот и все, чего я хотел.

— Ну да, все, чего ты хотел, — это поиграть с огнем.

Йезад бросил на него презрительный взгляд:

— Вместо этого ты приводишь пару паршивых комедиантов. Те несут ахинею насчет драматической эпифании. Ну и где она? Где прозрение мистера Капура?

Вилас порылся в карманах. Но Йезад не засмеялся.

— Наберись терпения, — утешал его Вилас. — Это только в романах все происходит немедленно.

— Мало у меня было хлопот, так теперь еще на моей ответственности конверт с тридцатью пятью тысячами. Я должен держать его в сейфе для пары выдуманных шивсеновцев, которые никогда не явятся.

— На самом деле, Йезад, деньги могут служить тебе предлогом, чтобы напоминать Капуру о его общественном долге. Если наши трагики заронили зерно, то твои понукания могут помочь ему прорасти.

— А понукать я буду сценическим шепотом? — злобно спросил Йезад.

— Ну ладно тебе! Будем надеяться на лучшее.

Йезад с шумом сбежал по ступенькам. В висках стучало, и не успел он свернуть за угол, как почувствовал, что силы окончательно покидают его. Он поймал себя на том, что идет шаркающим шагом. В детстве мама ругала его за это. «Не ходи шарк-шварк, — сердилась она, — поднимай ноги!»

Оказывается, он выбрал окольный путь к стан-

ции, мимо храма огня. Ну что же, ему сейчас полезно пройтись. Чего ради спешить домой, в опротивевшие комнатушки? Головная боль от этого только усилится. Ему надо побыть в одиночестве и в покое.

У храма он бросил взгляд через ворота во двор с маленьким садиком в центре и почувствовал зависть к тем, кому доступна храмовая тишина. «Так ведь и ему это доступно, — напомнил себе Йезад, — всего только и нужно, что надеть молитвенную шапочку и войти. С другой стороны, это непорядочно, раз он нерелигиозен, уже лет двадцать как перестал молиться. Хотя судру-то он носит — нет ничего приятней прикосновения тонкого муслина к коже… И по утрам, после мытья, повязывает священный шнур-кусти, хоть делает это как попало. По привычке. И чтобы не сердить Роксану».

А кто сказал, что войти в храм может только религиозный человек? Вон на табличке написано: вход только парсам. Йезад — парс, значит, ему можно.

А нужно? Что он будет делать, оказавшись в прохладной тиши храма? Йезад в нерешительности остановился перед лавочкой с благовониями.

— Дядюшка? — Сегодня за прилавком был

мальчишка. — Хотите сукхад купить, дядюшка? У нас настоящий малабафи.

Теперь Йезад увидел, что за прилавком на низком табурете сидит и хозяин. Приучает сына к делу. «А будет ли существовать это дело к тому времени, когда сын вырастет, — подумал Йезад, — при том что в Бомбее остается все меньше парсов и меняется их отношение к вере?» И сандаловые деревья быстро исчезают из-за разбойной вырубки и контрабандного вывоза за границу…

— Сколько вам? — не терпелось мальчишке.

— На пять рупий.

— Сию минуту!

Он выбрал плотную лучину благоуханного дерева и бережно, обеими руками, вручил покупателю.

— Спасибо. — Йезад церемонно принял дерево.

Ему хотелось поднести древесину к носу, но из тумана лет выплыло воспоминание о том, как старшие объясняют ему, что неприлично нюхать сандал, предназначенный для Дададжи, надо потерпеть, пока не окажешься в храме — там-то и нужно вдыхать аромат священного огня.

Собравшись идти дальше, он вдруг вспомнил:

— Не могу ли я шапочку у вас позаимствовать?

Мальчик посмотрел на отца, тот ответил кив-

ком.

Мальчик достал из-под прилавка коробку молитвенных шапочек, по большей части черных, разных размеров и разной степени заношенности, испачканных маслом или помадой для волос.

Йезад брезгливо поворошил их, выбирая ту, что почище. Малиново-коричневая на самом дне выглядела довольно чистой. «Реже берут из-за цвета», — подумал Йезад. Именно такого цвета была молитвенная шапочка, купленная ему мамой на церемонию навджоте. Ему исполнилось семь лет, и семья гордилась тем, что он знал все молитвы. Другие осиливали их только годам к девяти, а то и к одиннадцати.

Он нащупал шов, зная, что шов должен приходиться на затылок, надел шапочку.

— Я ее скоро верну.

— Молитесь, сколько хотите, дядюшка.

Йезад чуть было не сказал, что не собирается долго… Но вовремя прикусил язык.

Он прошел через двор и поднялся на веранду для омовений. Вымыл лицо и руки, вытер носовым платком, присел, чтобы снять обувь и поскорее войти в безмятежность святилища, где горит огонь. Оставшись в носках, он ногами затол-

кал обувь под скамью и направился к колоннам. Его остановило смутное чувство дискомфорта: давнишняя привычка подсказывала, что нельзя идти дальше, не совершив обряд кусти.

Но тут оказалось, что он забыл, в какую сторону света должно быть обращено лицо. Молящихся вокруг не было — не на кого было посмотреть. Он припоминал, что это как-то связано с движением солнца; но уже смеркалось, солнце, вероятно, уже зашло…

Наугад повернулся он лицом к парапету, стал распутывать узлы, радуясь, что никто не видит, как неловки его пальцы. Они отвыкли разязывать узлы за спиной. Спереди получалось лучше.

К его большому удивлению, губы сами беззвучно произнесли первые слова молитвы: «Кем на Мазда», — будто он всю жизнь повторял их по утрам и вечерам, не пропустив ни дня. И дальше, дальше: «Ахура Кходаи. Манашни, гавашни, кунашни», — и так до самого конца, когда полагается снова завязать узлы.

Шлеп-шлеп, шлеп-шлеп. Сзади послышались шаги ног, обутых в сапаты. Они приблизились. Чья-то рука легла на плечо. Это был белобородый священник, раньше наблюдавший за его колебаниями у входа.

Дастурджи улыбнулся и, не говоря ни слова, развернул Йезада на сто восемьдесят градусов. Йезад умирал со стыда. Интересно, давно дастур смотрит на него? Видел, наверное, как Йезад сражался с узлами, развязывая священный кусти?

Дастур приложил палец к губам, призывая его к молчанию — нить молитвы не должна прерываться мирской речью и ненужными объяснениями.

Йезад кивнул. Рука дастура переместилась с его плеча на затылок и с нажимом прошла вниз до самого копчика.

Трижды повторил дастур это движение. Йезад почувствовал, что рука физически удаляет нечто, вытягивает нити стресса из его истерзанного существа. Затем дастур зашлепал дальше по коридору.

Йезад тщательно повязал кусти. Он был тронут и смущен. Почему дастур растер ему спину? Неужели его проблемы так очевидны, что о них можно догадаться по его измученному лицу и наморщенному лбу?

Йезад двинулся в глубь храма, с наслаждением ощущая мягкость старинного персидского ковра под ногами. Наверняка в храме было градусов на шесть прохладней, чем на улице.

Он остановился у входа в комнатку, где было темнее, чем в зале, через который он прошел. Йезаду вдруг захотелось снять и носки. Он стащил их с ног, запихал в карман и ступил в эту комнатку, примыкающую к святилищу, где за мраморным порогом, который не могут переступить миряне, горит огонь.

В детстве святилище притягивало к себе Йезада. Туда не всякий дастур мог войти — только тот, кто пребывал в состоянии ритуальной чистоты. Маленький Йезад часто представлял себе, как умудряется улизнуть от родителей и мчится внутрь, чтобы провести рукой по огромному серебряному афаргану, который величественно высится на пьедестале, держа языки пламени, то взлетающие вверх, то сникающие в разное время суток. Но это было запрещено. Само приближение к мраморному порогу частных владений священного огня внушало мальчику благоговейный страх — он боялся, что может споткнуться и упасть, и тогда его рука или палец может случайно оказаться по ту сторону запретного барьера, о последствиях чего было страшно и подумать…

В десятке футов от священного порога Йезад уселся на ковер и потер ладони о его мягкую, чуть покалывающую поверхность, внутренне

улыбнувшись ребенку внутри себя. Огонь был горкой раскаленных углей, почти бездымных, хотя помещение было густо пропитано запахом сандаловой древесины. Время от времени раздавался громкий треск, и к высокому куполу взлетала искра.

Как тихо, как покойно. И этот огонь, огонь, который непрерывно горит уже сто пятьдесят лет, когда впервые был зажжен… этот аташ-бехрам… тот же, в который глядели его родители, их родители и родители тех… Мысль об этом внушала покой, вселяла уверенность.

Шли минуты. Появилась старуха, на голове покрывало, туго завязанное узлом под подбородком. Положила на поднос сандаловую щепку, с трудом преклонила колени, поднялась и вышла. Йезад подумал, что и ему пора, Роксана будет беспокоиться. Но так не хотелось расставаться с этой безмятежностью. Но можно ведь всегда вернуться сюда. Завтра после работы. Уйти сразу после закрытия магазина, не тратить время на Капура или Виласа, а прямо прийти сюда…

Вошел другой дастур, собрал сандал с подноса и отправился в святилище, опустив на лицо квадратный муслиновый плат, заслонивший его нос и рот — человеческое дыхание не должно

осквернять священный огонь. Йезад тихонько усмехнулся: ему вспомнились старые шуточки насчет дастуров и бандитов в масках.

Дастур задержался у порога и посмотрел на Йезада. Йезаду сделалось неприятно — неужели дастур прочел его мысли? — но тот указал сначала на рубашку Йезада, а потом ткнул пальцем в сторону огня.

Йезад опустил глаза и увидел, что сандаловая щепка так и осталась в его нагрудном кармане, и священник просто хотел узнать, добавить ли ее к приношению.

— Спасибо, — прошептал Йезад, протягивая ему сандал.

Дастур вошел в святилище — совершить обряд смены геха. «Закат, — подумал Йезад, — начало четвертого геха зороастрийского дня». Он наблюдал за дастуром, который очищал святилище, пьедестал, афарган — ритуальные приготовления перед приношением огню.

«Как успокаивает сам вид этих приготовлений, — думал Йезад, — как покой этого мига наполняет комнату! Откуда берется это ощущение исчезнувшего времени? Какой безмятежностью веет от фигуры в белом, неспешно совершающей обряд с помощью различных серебряных

предметов и жестов, исполненных мистического смысла, повторяемых пять раз в сутки с той элегантностью, которая дается лишь совокупной грацией поколений, уже закодированной в плоть и в кровь...»

Теперь дастур готов служить огню. Он умело ворошит раскаленные угли, языки пламени лижут его щипцы и разгораются под тихое пение молитв, обнимая сандаловые щепки, которые он собрал с подноса.

И ту, за которую Йезад заплатил пять рупий, вместе с прочими положенную в огонь такими же, как у него, руками. Какая часть огня, какой язык огня питается сейчас его подношением? Да можно ли делить огонь? Да важно ли это?

Дастур приближался к завершению обряда. Он подошел к колоколу, подвешенному в углу святилища, и ударил в него. Первый удар — чистый, громкий и внезапный звук — ударил Йезада в сердце. И рассыпались блестящие цепочки перезвона, заполняя святилище и купол, сумрачную комнатку и зал, всему храму возвещая вступление в новый гех. «То был звон жизни, — думалось Йезаду, — звон надежды», — и его сердце запело вместе с колокольными перезвонами.

Потом все стихло. Дастур с последним покло-

ном огню собрал пепел в черпак и подал Йезаду. Тот взял щепотку для лба и горла. Дастур приложил руку ко лбу и исчез.

Йезад снова приблизился к святилищу. Огонь горел ярко и сильно, радостно вздымая языки, святилище превратилось в танец света и тени. Йезад помедлил, ощущая неуместность своего поведения, — отчего не склониться перед зрелищем, исполненным такого благородства и прекрасной простоты? Если сейчас он не склонится перед этим, то перед чем ему вообще склоняться?

Он стал на колени, коснулся лбом мраморного порога — и долго не отрывал его.

В большом зале он задержался, чтобы надеть носки, потом вышел на веранду, нашел свою обувь.

Уже стемнело, когда он вышел из храма огня. Тихо прошагал по двору, неся в себе бесценный покой, вернул молитвенную шапочку улыбающемуся мальчику в сандаловой лавке и отправился домой.

* * *

Ложась в постель, Роксана принюхалась и сказала, что от него пахнет сандалом.

— В храме был сегодня, — ответил Йезад.

— Что так вдруг? — осторожно спросила Роксана, радуясь, что в комнате темно и муж не видит счастливого выражения на ее лице.

— У меня был тяжелый день, и я нуждался в покое. Тут и вспомнил твои советы.

— И как?

— Получил покой.

Он поправил подушку и добавил:

— Чего бы я только ни отдал, чтобы так спокойно было хоть в одном уголке нашего дома…

Она улыбнулась в темноте и отважилась задать вопрос:

— Ты там… молился?

— Конечно, нет.

Роксана не поверила.

Эпифания замедленного действия, которой так ждал Йезад, не состоялась. Он каждый день всматривался в Капура, выискивая знаки того, что план работает на манер капсулы замедленного действия, постепенно пробирающейся по пищеварительному тракту его ума.

И каждый день приносил разочарование: босс входил, обозревал своих оленей и удалялся в офис. Выглядел грустноватым и больше не приглашал Йезада в офис после закрытия магазина.

Потом однажды утром, примерно за неделю

до Рождества, Капур явился намного позднее обычного — чуть ли не в полдень. Йезад поинтересовался, что его задержало.

— Задержало? — Капур посмотрел на часы. — Верно, я сильно припоздниился. Не знал, что буду так долго добираться городским транспортом. Я ведь наконец машину продал.

— Электричкой ехали?

— На такси, — несколько смутился Капур. — Хотя на самом деле собирался сесть на электричку.

И стал подробно рассказывать странную историю, приключившуюся с ним: пошел на станцию, желая стать одним из миллионов, как скот набивающихся в вагоны. Но сесть в поезд ему никак не удавалось, один раз оказался в самой гуще толпы и рассчитывал, что влезет в вагон, но какая-то центробежная сила отшвырнула его в сторону, и он опять остался на платформе.

— Бывает, — кивнул Йезад.

— Больше часа потратил и плюнул. Но завтра сделаю следующую попытку. Я думаю, это вопрос практики.

С сожалением посмотрел на неиспользованный билет и выбросил его в мусорную корзину.

Йезад поинтересовался, почему Капуру вдруг захотелось ездить на электричке.

— Это философское решение — мы с вами както говорили об этом. Хочу принимать все, что город требует от меня. Смешаться с народом, стать частицей в массе тел, заполняющих улицы, поезда и автобусы. Стать частицей органического целого, имя которому Бомбей. Это и будет моим искуплением и спасением.

«К вопросу о вере Виласа в силу искусства, в своих актеров и в эпический реализм, — подумал Йезад. — Бедный Капур, с головой ушел в свои фантазии. В свою риторику. В которую искренне верит, но которая в конечном счете ничего не решает. И это — самое печальное».

— Я все спрашиваю себя: почему я сегодня потерпел неудачу? Дух стремился к успеху, сто процентов! Может, плоть не так этого желала? Испытывала отвращение к потным телам, грязной, вонючей одежде и намасленным волосам? Может быть. Но я все преодолею, я сяду в этот поезд.

Йезад с беспокойством подумал о повышенном давлении босса, но понадеялся, что тому скоро надоест поездная идея, он очнется и купит себе новую машину.

Но на другой день Капур притащился в магазин растрепанный и хромая. Он повалился на стул, быстро подставленный ему Хусайном. Йезад взял

кейс из его рук. Хусайн налил чаю в блюдечко и поднес к его губам.

Капур раздраженно оттолкнул его руку и взялся за чашку.

Отхлебнув чаю и немного придя в себя, он начал рассказывать:

— Помните, я вам как-то давно говорил, что стал свидетелем чуда, когда человека с платформы втащили в вагон другие пассажиры, которые сами висели, ухватившись кто за что. И все-таки они его втащили, сумели потесниться, найти местечко еще для одного.

Прошлой ночью, когда я не мог заснуть, я вдруг подумал, что могу быть тем человеком на платформе. Нужно только довериться окружающим, таким же бомбейцам, как я, — и я попаду в поезд.

Сегодня утром, когда поезд тронулся, я побежал за ним. Сначала это было легко, пока поезд еле полз. С вагонов опять свисал народ, каждый старался протиснуться внутрь, и понемногу все как-то устроились, держась за ручку или за поручень. А я все бежал рядом с поездом, хотя дыхания уже не хватало. Я протянул руку, мне сделали ответный жест — не то приветственный, не то отпихивающий. Я не понял. Протянул обе руки,

чтобы не решили по ошибке, что я просто машу, прощаясь с кем-то.

Мистер Капур смолк, скорбно уставясь в чашку.

— Никто мне не помог, Йезад. Ни один человек не протянул мне руку. Все смотрели на меня как на чужого. Ну хорошо, я им действительно чужой. Но я же тоже бомбеец, свой брат, разве нет? Но они смотрели сквозь меня, а кое-кто развеселился, они переглядывались, будто приглашая друг друга посмеяться.

Капур допил чай и отдал чашку Хусайну.

— Со мною чуда не случилось, Йезад. Я споткнулся и упал у самого края платформы. И взял такси.

Капура отвергли, и это сломило его. Он сидел у входа как инвалид, ожидающий, когда ему приготовят постель.

— И вот я думаю, — тихо сказал он наконец.

— Да? — Йезад ожидал, что Капур признает: не надо было продавать машину.

— Уже в такси я спросил себя: почему меня бросили на платформе?

«Потому, что поезд был набит битком, потому, что те люди не знали, какой романтической чушью забита твоя голова», — подумал Йезад.

— Трудно сказать, — произнес он вслух.

— Нет, не трудно. Достаточно взглянуть на меня — на мою одежду, обувь, прическу. Ну, давайте. Скажите мне, как я выгляжу?

Йезад оценивающим взглядом окинул творение рук дорогого парикмахера, перевел взгляд на открытый ворот тонкой льняной рубашки, качества которой не могли скрыть даже измятость и перепачканность после железнодорожного приключения. Это относилось и к безупречного покроя брюкам из легкой натуральной ткани. И, наконец, итальянские мокасины, мягкая кожа которых блистала самодовольным превосходством.

— Ну? — теряя терпение, спросил Капур.

— Мой вердикт — стильно и классно.

— Именно. И в этом проблема. Моя внешность просто кричит: я не такой, как вы! У меня с пассажирами столько же общего, как у инопланетянина. С чего они должны в своих объятиях внести меня в вагон, если я изо всех сил стараюсь дать им понять, насколько я выше их?!

Капур поклялся исправить этот дефект. Отныне он начинает покупать себе одежду не в кондиционированных универмагах, а на уличных развалах Грант-роуд и Гиргаума — курты-пай-

джамы, плохо скроенные широкие штаны и бушетки с короткими рукавами, которые режут под мышками. И никаких носков и туфель — сандалии того типа, который не мешает бомбейской грязи залеплять ногти.

— Ноги моей больше не будет в салоне синьора Валенте! Обойдусь услугами уличного цирюльника на Кхетвади. Когда он обкорнает мне волосы, я посмотрю, подберут меня с платформы или нет!

— Когда же завершится ваше преображение? — не утерпел Йезад.

Капур сосчитал на пальцах.

— Через девять дней. Сразу после Рождества.

Он встал и решительно направился в свой офис.

— Между прочим, — заметил Йезад, — иногда дешевые тряпки тоже классно смотрятся. Будете составлять себе новый гардероб, подбирайте, что плохо на вас сидит.

Но Капур уже обрел обычную уверенность в себе и на уколы реагировал примерно как подушечка для иголок.

— Учту, — сказал он, остановился и повернул к витрине.

Глава 17

Ежевечерне дом от подвала до крыши оглашался звуками скандала в квартире Мунши. Скандал начинался, как только мастер «умелые руки», возвращался домой с инструментами, продолжался за семейным ужином и длился, пока муж с женой не заснут.

Эти ссоры удивляли и огорчали Джала, поскольку, когда Эдуль приступил к работе над потолками, Манизе была просто счастлива за мужа. Весь дом знал, что она чувствует себя виноватой за то, что запретила мужу применить свой талант в квартире.

Однако объем нынешнего заказа намного превышал те мелкие починки, которые доверялись Эдулю; теперь он целыми днями пропадал на работе, и Манизе стала жаловаться, что вечерами сидит одна. Время шло, и ее жалобы становились все горше — что это такое, она прямо как вдова, муж почти не бывает дома!

Эдуль по секрету поделился с Джалом, заверяя, что нет причин для беспокойства, на укоры Манизе он отшучивается: пока слышится стук его

молотка, ей должно быть ясно, что она — гордая обладательница счастливого мужа.

— Все в норме, — твердил он Джалу.

Джал, однако, подозревал, что его дела совсем не в норме.

Подозрения подтвердились в тот день, когда в квартире Мунши открылись полномасштабные военные действия.

— Ты думаешь, я не догадалась, что происходит наверху? — вопила Манизе. — Ты там с этой незамужней женщиной! Ее братец, сводник этот, уходит на прогулку, а тебя оставляет с инструментами! Как удобно!

— Тише, тише, соседи услышат, — умолял Эдуль.

— Пускай слышат! Все лучше, чем их хиханьки за моей спиной и разговорчики насчет мужа, который работает на Куми. Распутная дрянь, в женатого мужчину вцепилась!

— Как ты можешь ревновать к Куми? Ты только глянь на нее — плоская как доска, что спереди, что сзади. А у тебя такая славная попка, да и…

— Тише, идиот! Хочешь дать соседям полное описание? Почему бы не раздать им мои фотографии в голом виде?

Когда Эдуль явился на следующий вечер, Джал

сразу увидел, что кураж его исчез. Ящик с инструментами, которым он обычно горделиво помахивал, висел, как маятник сломавшихся часов. Робкая улыбочка сменила важность мастера «умелые руки». За приветствиями и обязательным «чемпион!» Эдуля последовало неловкое молчание.

— Ты, наверное, слышал вчера мою Манизе? Она была расстроена, — будто между прочим спросил Эдуль.

— Правда? Нет, мы ничего не слышали. Как она сегодня, пришла в себя?

— Чемпион. Маленькое недоразумение, женщины не понимают, что такое починка и ремонт.

Он щелкнул замком, крышка ящика отскочила, звякнули инструменты под руками Эдуля. Он сложил губы дудочкой, стараясь изобразить легкомысленное насвистывание, но мелодия скоро приобрела меланхолическое звучание.

То был вечер, которого так нетерпеливо дожидался Джал: Эдуль должен был приступить к штукатурным работам. Но «умелые руки» никак не могли заставить себя взяться за дело. Нетронутый мешок штукатурного гипса приткнулся у входной двери.

От вечерней прогулки пришлось отказаться. Джал решил не выходить из дома в надежде опровергнуть таким образом обвинения Манизе в сводничестве. Ему хотелось бы поговорить с ней напрямую, пригласить ее посмотреть, как трудится ее Эду, чтобы убедилась, что ничего предосудительного не происходит.

Но он воздержался: ссоры супругов, которые он, подходя к окну, слышал каждый вечер, не оставляли сомнения в том, что Манизе не намерена смириться. В последнее время в ее гневных тирадах звучала и фаталистическая нота: не удивительно, что с ними приключилась такая беда, — Эдуль рискнул поселиться в доме, на котором лежит печать несчастья, который разрушает семьи, который убил двух женщин и дал жизнь целому поколению неудачников. Дом затронул и ее мужа.

Куми потребовала, чтобы Джал перестал подслушивать.

— Ну не странно ли, что ты теперь все слышишь? Когда я с тобой говорю, твои уши ничего не воспринимают.

— Мне легче слышать на расстоянии, потому что так легче регулировать звук.

Джал посетовал на то, что из-за изуродованных

потолков оказалась в беде счастливая семья — супруги, жившие как голубки. Куми заметила, что, будь семья уж такой счастливой, не было бы подобной реакции на ерунду.

— Это для тебя ерунда, а для Манизе — нет, — возразил Джал, — она же не знает фактов.

— При чем тут факты? Люди сами творят себе факты. Это Эдулю решать — продолжить работу или бросить.

К большому облегчению Джала, Эдуль продолжал работать — и над потолком, и над умиротворением жены. Она ошибается — он много времени проводит наверху, и трудная работа доставляет ему удовлетворение, но разве это причина, чтоб его лапочка выдумывала разные гадости? Почему ей не примириться с тем, что у мужа есть свое, мужское хобби! Неужели ей приятней было бы, если б он увлекался вышиванием или вязанием? Вел себя как баба?

Настойчивость Эдуля принесла плоды: Манизе смягчилась, и ссоры понемногу утихли. Она взяла привычку под разными предлогами забегать наверх с неожиданными проверками.

— Извини за вторжение, — говорила она Джалу, облегченно отмечая, что муж стоит на стремянке, а Куми не видно. — Эду, милый, к ужину рыбу

сделать жареную или под соусом?

— Сегодня я жареной хочу, — подмигивал Джалу Эдуль. — Сегодня вечером я хочу, чтобы все шипело и шкворчало!

Манизе хихикала, поглядывая на Джала, который делал вид, будто выключил слуховой аппарат.

Или являлась справиться насчет глажки: голубую рубашку выгладить или темно-желтую, какую он предпочитает?

— На завтра голубую погладь, — распорядился муж и добавил, думая, что они одни, — а сегодня погладишь мне костюм, в котором я родился.

Манизе в панике прижала палец к губам, а глазами показала на дверь, возле которой стояла Куми. Он закрыл рот перепачканной в известке рукой, а Куми закатила глаза и пошла прочь, возмущенная их недостойным поведением.

Через восемь дней после начала штукатурных работ Эдуль чисто вытер кельму и торжественно объявил, что гостиная готова. Позвал Манизе с лестничной клетки и велел Джалу привести Куми из ее комнаты.

— Ну как? — расплылся он в улыбке. — Что скажете?

Хоть Джал с Куми были готовы к наихудшему,

они не могли найти слов. Молча смотрели в потолок, покрытый большими и малыми кратерами — домашний вариант лунной поверхности, — и старались скрыть смятение.

Манизе бросилась на амбразуру:

— Знаешь, Эду, я поверить не могу, что ты все это сделал один! Ну не потрясающие у него руки? — пригласила она Джала и Куми присоединиться к ее похвалам.

— Отличная работа, Эдуль, — забормотали они. — Мы так благодарны…

— Пустяки, — скромно отмахнулся Эдуль, хотя глаза его сияли. — Вы уж извините, что я столько провозился.

— Четыре недели — совсем не долго для такой замечательной работы, я думала, потребуется больше! — сказала Куми.

Манизе злобно посмотрела на нее.

— Теперь ты можешь приступить к папиной комнате, — сказал Джал.

Но Эдуль заявил, что берет трехдневный отпуск. Они с женой вышли, взявшись за руки, сопровождаемые добрым, отеческим взглядом Джала. Куми закрыла за ними дверь.

После передышки Эдуль начал отбивать штукатурку с потолка в комнате Наримана. Дело

спорилось, поскольку в этой комнате добросовестно поработал молоток Джала. Эдуль иногда переставал насвистывать и с изумлением рассматривал урон, нанесенный потолку мнимой протечкой.

На второй день он воскликнул: «Черт побери!» — и позвал клиентов.

— Вам известно, что здесь проходит балка?

Они кивнули.

— Плохо дело. Я обнаружил, что она гнилая.

— Что?

— Гнилая, — повторил он, наслаждаясь произведенным эффектом. — Гни-ла-я.

— Не может быть! — Джал не мог согласиться с липовой бедой.

— Мужайся, Джал, сынок. Новость не из приятных, но что я могу сделать? Я обязан честно сказать, что обнаружил. Видишь третье перекрытие?

— Как могло дерево так быстро сгнить?

— А откуда мы знаем, как долго оно мокло? Может, тут месяцами подтекало, прежде чем обвалилась штукатурка.

— Невозможно!

— Да ты откуда знаешь?

— Знаю! Потому что…

Куми быстро вмешалась, боясь, как бы брат не ляпнул лишнего:

— Ладно, допустим, балка гнилая. Что дальше?

— Как это «допустим»? Что вы, не доверяете мне? Одна гниль! Балку надо заменить.

— Нет! Ничего не надо трогать!

— Не веди себя как ребенок! — прикрикнула на Джала Куми. — Давайте все спокойно обсудим. Эдуль, ты уверен?

— На тысячу процентов.

— Понятно.

Куми стала соображать: замена балки означает, что папино возвращение опять откладывается.

— А ты можешь за это взяться?

— Не хочу врать. Это серьезная работа. Чревата опасностью, если что не так сделать. Нужен человек, который будет работать тщательно и без спешки.

— То есть нужен ты, — сказала Куми, заставив Эдуля улыбнуться.

— Умоляю, оштукатурь потолок и больше ничего не трогай!

— Без драмы, Джал, — оборвала его сестра.

— Но почему не выслушать другое мнение?

— Джал, у нас, мастеров «умелые руки», есть такая присказка: чем больше мнений, тем мень-

ше толку.

— Разумно, — поддержала Куми.

— Что тут разумного? — взбеленился Джал.

— Успокойся, Джал, сынок, дай мне объяснить тебе методику…

Эдуль пустился в описания стальных стоек, которые он использует, гидравлических подъемников, способов переноса нагрузки с перекрытий на опоры. С дотошностью квалифицированного инженера, мастера с многолетним опытом, рассуждал он о тонкостях задачи.

Джал многое пропустил, пока выключал слуховой аппарат, продувал его и включал снова.

— И что самое главное: я добавляю стальные перекладины параллельно существующим деревянным, так что структура ни на миг не остается без опоры.

— Вот как, — облегченно вздохнула Куми, — значит, у нас будет две балки вместо одной. Слышишь, Джал? Две балки даже надежней.

Возражений больше не было. Решили, что Эдуль продолжает трудиться.

* * *

Когда Джал явился в «Приятную виллу», его сердце забилось при виде Дейзи со скрипкой у

постели Наримана. Он хотел поздороваться, но рука со смычком поднялась, и его приветствие уткнулось в локоть Дейзи.

Отчим молча кивнул, Джал погладил его по плечу и тихонько уселся в сторонке. Поправив слуховой аппарат, чтобы лучше слышать музыку, он спросил Роксану, где Йезад.

Она шепнула, что, должно быть, зашел в храм огня.

— Йезад? В храм? — поднял брови Джал.

— Почти каждый день заходит, — кивнула Роксана. — Не молиться, говорит. Ему достаточно побыть минутку в тишине и покое.

Джал понимающе улыбнулся.

— Папа сегодня лучше выглядит.

— Оживает. Когда приходит Дейзи.

— Тише, — попросил Джехангир, — музыка…

— Извини, малыш.

Джал откинулся на стуле. Медленная мелодия пробуждала воспоминания, обволакивала его. Музыка будто говорила о чем-то, глубоко затаившемся в сердце… о чувствах, которые трудно, невозможно выразить словами. Иногда на мгновение могло показаться, будто скрипка выговаривает слова и он почти понимает ее язык…

Пьеса закончилась, все захлопали. Дейзи по-

здоровалась с Джалом, извинилась, что раньше не могла.

— Ну что вы, что вы, — смущенно улыбнулся Джал.

— Вели-вели-великолепно, — пробормотал Нариман. — Вам нужно вы-выступать с этой вещью.

— Моя мечта — сольное выступление с Бомбейским симфоническим оркестром.

— Простите, — спросил Джал, — что вы сейчас играли?

— Скрипичный концерт Бетховена.

— Номер?

— У него только один.

— А какая это была часть?

— Вторая — Larghetto[8].

Дейзи вернулась к разговору с Нариманом о трудностях на пути осуществления ее мечты. Джал не сводил с нее восхищенных глаз.

— Ну скажи ей что-нибудь, — подтолкнула его Роксана.

— Потом.

Снова зазвучала скрипка.

Пришел Йезад, тихонько отперев дверь своим

---

[8] Примечания: 8

Ларгетто — умеренно-медленный темп, несколько более подвижный, чем ларго.

ключом, увидел Джала, кивнул. Ему так хотелось узнать, что с потолком, но надо было подождать, пока заснет Нариман. После ухода Дейзи они перешли в маленькую комнату.

— Ну, каковы последние известия из дому?

— На прошлой неделе я бы ответил как Эдуль: «Чемпион». А теперь не знаю, что сказать.

Излагая историю с гнилой балкой, Джал тревожно переводил глаза с Йезада на Роксану.

— Не мучайся, — сказал Йезад. — Твоей вины тут нет.

— Но я всегда оказываюсь гонцом с плохими вестями, и весь этот бред Эдуля, и все прочее…

— Может, она действительно гнилая, — вздохнула Роксана. — Сколько времени уйдет на замену?

— С годик, — сухо усмехнулся Йезад.

— Нет-нет, гораздо меньше, — горячо возразил Джал.

И стал пересказывать им планы Эдуля — он в ближайшие дни завезет все оборудование, приготовится к установке опор.

— Обещает не позднее двадцать четвертого, потому что хочет использовать рождественские праздники для работы. Говорит, нельзя останавливаться на полпути, уверяет, если понадобится,

так и ночами будет работать.

— Веселенькое у вас будет Рождество, — усмехнулся Йезад.

— Тихой ночи наверняка не будет. А ты как, Джехангир? Собираешься вывесить чулок для Санта-Клауса?

— Да уж, — вздохнул Джехангир, — надоело спорить с Мурадом. Он донимает меня, хочет, чтобы я поверил в Санта-Клауса.

— Так он же прав, — сказал Джал. — Тебе ведь девять?

— Да, — настороженно согласился Джехангир.

— Ну вот. Санта-Клаус приходит до десяти лет. У тебя последний шанс.

— Дядя, я уже не ребенок, ясно? Меня не проведешь!

Джал со смехом обнял его. Простился со взрослыми, обещая держать их в курсе. Они заперли дверь за Джалом и вышли на балкон помахать ему.

Роксана прижалась к мужу, с удовольствием вдыхая запах сандалового дыма, пропитавшего его одежду.

— Мне показалось, что Дейзи очень нравится Джалу. Представляешь, как было бы хорошо, если бы…

— Я тебя умоляю! — остановил ее Йезад. — Вашей семье не очень-то везет с браками.

Он сидел за обеденным столом, вертя чайную чашку. Роксана ушла на кухню приготовить ему ужин из того, что осталось в доме. Он взглянул на тестя, на его руки и ноги, беспомощно трепещущие под простыней.

Как зверушки в капкане, пытающиеся вырваться на волю. Какое это проклятие — старческая болезнь. Проклятый паркинсонизм, жестокий как пытка. Побыстрей бы шли эти новые исследования в Америке, что-то там с фетальными тканями, с эмбрионами… А сколько народу протестует против этого — те, кто наверняка не страдает болезнью Паркинсона или не вынужден день за днем видеть мучения больного старика. Какая красота — рассуждать о правах неродившихся, о начале жизни, моменте смерти, прочих высокоумных материях. Болтуны. Как мистер Капур… А здесь нельзя позволить себе такую роскошь. Закон должен быть: сначала пройди через огонь, потом философствуй…

Нариман застонал во сне, прерывая размышления Йезада. Он подошел к дивану.

— Все в порядке, чиф, — коснулся он плеча Наримана. — Я рядом сижу.

Возвратился к своей чашке без уверенности в том, что Нариман слышал его. Странное путешествие — движение к смерти. Как знать, сколько еще остается чифу… год, два? Но Роксана права: помогать старшим на этом пути — единственный способ понять, что это за путь. Штука в том, чтобы помнить это, когда придет твой час…

Как знать, запомнит ли он? Какое безумие заставляет молодых — и даже пожилых — думать, будто они бессмертны? Насколько лучше бы им жилось, если бы они помнили о конце. Если каждый день носить с собой свою смерть, трудно будет растрачивать время на вражду, на злость и горечь, на второстепенности. Вот в чем секрет: помнить о своей смерти, чтобы не допускать в жизни глупости и уродства.

Он бесшумно отодвинул стул и понес чашку с блюдцем на кухню. Вымыл их, вытер руки и вернулся к Нариману. «Занятно, — думал он, — если долго знаешь человека, он может вызывать у тебя самые разные эмоции, всевозможные реакции: зависть, восторг, жалость, раздражение, бешенство, нежность, ревность, любовь, отвращение. Но в конце все люди нуждаются в сострадании, все мы без исключения… Если с самого начала понимать это, насколько меньше было бы боли,

горя и страданий…»

Стоны с дивана стали громче. Он опять поднялся на ноги и подошел к Нариману, тронул его за плечо. Должен же быть какой-то способ помочь чифу.

Ответ простой: раздобыть денег ему на лекарства — а у него нет денег. Все сводится к деньгам, всегда и все.

Этот конверт в его рабочем столе уже больше недели лежит без всякой пользы, ожидая, когда придут за деньгами выдуманные эмиссары Шив Сены, пока Капур занимается своими Санта-Клаусами. Рождество совсем скоро. Вот хватило бы у него пороху потратить деньги из конверта… чем ожидать — чего?

То он ожидал исполнения снов Вили и выигрыша в лотерее. Теперь ожидает прибавки, обещанной Капуром. Ожидал, когда срастется кость в лодыжке Наримана, когда починят потолок, когда актеры добьются эпифании.

«Достаточно долго, — решил он. — В конечном счете он только на себя может полагаться. И на храм огня — его убежище в этом бессмысленном мире».

Костюм Санта-Клауса доставили к полудню двадцать третьего. Капур нарядился, чтобы Йезад

и Хусайн посмотрели, как он выглядит.

— Очень красиво, сахиб, — с нескрываемым удовольствием всплеснул руками Хусайн. — Лал, красный очень вам идет!

Капур ждал оценки Йезада, молча смотревшего на дешевый пояс из черной синтетики, на сапоги из вонючей пластмассы, вроде тех, в которые обряжали Мурада и Джехангира в сезон дождей, пока дети не взбунтовались.

— В целом очень даже неплохо, — заключил он, — только живота у вас нет.

Порывшись в товарах, они соорудили живот из наколенников подросткового размера и боксерских перчаток. После этого Капур не мог не примерить и белую бороду с усами, от которых Хусайн даже попятился. Йезаду он шепнул, что они придают сахибу слишком свирепый вид.

— Хо-хо-хо, — завел Капур, размахивая руками, чтобы звенели бубенчики на запястьях.

— Отчего сахиб кричит, будто ему больно? — тихонько спросил Хусайн.

Йезад прыснул. Капур спросил, что его так насмешило, а услышав ответ, и сам расхохотался, чем привел в полное недоумение Хусайна.

— Аре, Хусайн-миян, это не от боли, это веселый смех Санта-Клауса!

Хусайн, похоже, не поверил, но счел за благо промолчать.

После обеда он пошел в кондитерскую за сладостями, заказанными днем раньше.

Капур, так и не сняв с себя одеяние Санта-Клауса, подошел к Йезаду, всматриваясь в его лицо:

— Темные круги под глазами. Похоже, вы плохо спите.

— Из-за тестя. Он временно живет у нас. Во сне то разговаривает, то стонет.

Помедлив, Йезад решился идти дальше, воспользоваться случаем подтолкнуть, как говорит Вилас, Капура.

— Да и мысли о Шив Сене не дают заснуть.

— Расслабьтесь, Йезад. Меня озарило прошлой ночью. Я пересмотрел ситуацию.

У Йезада подпрыгнуло сердце. Неужели актерские штучки все-таки приносят плоды?

— Я сделал важный вывод, — начал Капур. — Бомбей есть нечто большее, чем город. Бомбей — это религия.

— Повысили Бомбей в чине? Раньше вы называли Бомбей прекрасной женщиной.

Капур, смеясь, расчистил уголок Йезадова стола, чтобы присесть.

— Бомбей остался прекрасной женщиной. Толь-

ко она постарела. И если она сумела смириться со своими морщинами, принять их с достоинством и самообладанием, то так должен поступить и я. Ибо в принятии есть своя красота. Это и будет моей холистической позицией.

«Больше похожей на холистическую кашу в голове», — подумал Йезад.

— И вы ничего не собираетесь делать с проблемами города?

— Нет. Все изъяны ее красоты — трущобы, забитые водостоки, преступность, коррумпированные политики, все…

— Минутку, мистер Капур. Я не думаю, что преступность или коррупцию можно называть изъянами. Это скорее раковая опухоль. А когда организм поражен раком, то с ним нужно бороться, черт побери!

— Не при холистическом подходе. Ненависть к болезни, борьба с ней агрессивными методами — это пустое. С холистической позиции, вы должны любовью и добротой убедить опухоль изменить злокачественный характер на доброкачественный.

— А если рак не станет слушать? — не без злости поинтересовался Йезад. — Тогда он убьет прекрасную женщину, так?

— Вы слишком буквально понимаете мою метафору с прекрасной женщиной, — укорил его Капур.

— Разве? Я старался быть последовательным. Молодой Бомбей с ваших фотографий, Бомбей стареющий и раковая опухоль…

— Хорошо, оставим прекрасную женщину, — довольно раздраженно остановил его Капур. — Я ведь сказал, что Бомбей есть нечто вроде религии. Мне кажется, эта религия близка к индуизму.

— А это как у вас получилось?

— Индуизм есть религия всеприемлющая, согласны? Я имею в виду не фундаменталистов, не фанатиков, поджигающих мечети, а подлинный индуизм, тысячелетиями питавший собой эту страну, приемля все веры, верования, догматы и теологии, ничем не ущемляя их. А иногда индуизм потихоньку вбирает их в себя. Даже ложные боги приемлются и обращаются в истинных, дополняя собой миллионы уже существующих.

Точно так же Бомбей готов всех принять. Мигранты, бизнесмены, извращенцы, политики, святые, игроки, нищие — откуда бы они ни явились, из какой касты или класса, город приемлет всех и обращает в бомбейцев. Так кто я такой, чтобы рассуждать, кто тут истинный бомбеец, а

кто — нет? Джаната партия — о'кей, Шив Сена не о'кей, секуляризм — хорошо, религиозная исключительность — плохо, партия БДП неприемлема, а Конгресс — меньшее зло? Не нам судить. Бомбей каждому распахивает свои объятия. Что нам представляется упадком, есть на самом деле зрелость города, его верность своей сущностно сложной природе. Как я могу оспоривать его Zeitgeist? Если это его эпоха хаоса, как я могу требовать Золотую эпоху гармонии? Как могут править закон и демократия, если город переживает в час до миллиона мятежей?

Йезад кивал, чувствуя, что голова его раскалывается на миллион кусков от бурного, неуправляемого потока Капуровых аналогий.

На счастье, возвратился Хусайн со сладостями, что заставило Капура сменить тему. Он занялся проверкой шести больших пакетов, желая удостовериться, что его заказ выполнен полностью. Прикинув объем заказа, Йезад заметил, что он должен был стоить немалых денег.

— На доброе дело не жалко, — откликнулся Капур. — Если шивсеновское жулье у нас тысячи вымогает, что же не потратиться на подарки для детей в нашей округе? Пусть, кстати, узнают о существовании других общин и религий, о том, что

такое терпимость, верно? Насчет нетерпимости они достаточно знают от Шив Сены.

«А как насчет подарков моим детям?» — с горечью подумал Йезад, помогая переносить пакеты в офис.

— Кстати, Йезад. Наложило это жулье свои грязные лапы на наши деньги?

— Нет еще.

Черт бы побрал напоминание Капура — он и без того постоянно думает о конверте с деньгами. Сколько он еще будет лежать в столе и донимать его? Пока Капур не решит, что Шив Сена не придет за деньгами и не возвратит их обратно в чемодан. Конец бесполезной игры. Если только не…

— Взгляните, Йезад.

Капур протягивал ему большую карточку, на которой он от руки написал на английском и хинди:

ПРИХОДИТЕ, ДЕТИ, НА ВСТРЕЧУ С САНТА-КЛАУСОМ!

Внизу указывалось время:

24 декабря, с 14. 00 до 19. 00
25 декабря, с 10. 00 до 13. 00

— Магазин будет и на Рождество открыт?

— Не для работы. Отпразднуем мир на Земле и в человеках благоволение. Но вы можете не приходить, отдыхайте. Ты тоже, Хусайн.

— Сахиб, я хочу прийти. Хамко бхи маза айега — я тоже повеселюсь.

— Конечно. А пока, чало, повесь объявление.

Хусайн достал стремянку из подсобки и прикрепил объявление под неоновой вывеской «Бомбейский спорт».

— О'кей, сахиб?

— Первый класс. Ну, вот мы и готовы.

От возбуждения Капур не мог работать. Он до самого закрытия крутился по магазину в костюме Санта-Клауса, все время жалуясь, что в костюме жарко. К закрытию он просто обливался потом.

— Потная это работа — Санта-Клаусом быть, — пошутил он, раскладывая на просушку красный кафтан и штаны. — Вечером надо хорошенько отдохнуть.

Закрыли магазин. Хусайн проводил Капура, помахал ему, когда тот сел в такси. Хусайн был явно доволен, что добрый сахиб без урона выбрался из личины краснорожего монстра.

Йезад простился с обоими и зашагал по улице, запруженной людьми, спешащими домой. Он

стремился к покою храма огня. Какое это счастье, что в беспощадной пустыне, которой стал этот город, так близок его оазис.

На сей раз он захватил собственную молитвенную шапочку. Он сунул руку в карман и нащупал ее обнадеживающую бархатистость. Давно не надеваемая шапочка по-прежнему мягко льнула к пальцам.

…Йезад сидел перед святилищем, закрыв глаза, держа на коленях открытый молитвенник. Уже прозвонили бои, колокол безмолвствовал, огонь в афаргане пригас. Помещение снова погрузилось в успокоительную полумглу.

Он закрыл молитвенник и вернул его на полку. Склонился у мраморного порога святилища, захватил пальцами изрядную щепоть пепла, чтобы растереть его по лбу и горлу и, пятясь, отступил от огня.

На веранде седобородый дастур вел серьезную беседу с другим дастуром. Йезад представил себе, что они обсуждают нечто возвышенное, — может быть, проблему истолкования священных «Гат»? Как бы он хотел приобщиться к такому знанию. Помогло бы оно обнаружить смысл в этом мире? Не узнаешь, пока не попытаешься.

У ворот он снял и сунул в карман шапочку,

стер пепел со лба. И направился на станцию Марин-Лайнз.

Но через несколько шагов остановился, повернул и быстро зашагал по направлению к «Бомбейскому спорту», сделав небольшой крюк, чтобы не столкнуться с Виласом, который вполне мог еще писать письма на ступеньках книжного магазина. К «Бомбейскому спорту» он подходил с ключами наготове. Дверь легко открылась — замок работал хорошо — и закрылась за ним.

Он не зажигал свет, и так различая то, что ему нужно. Прошел мимо костюма Санта-Клауса, разложенного на прилавке в ожидании завтрашнего дня. На ощупь выбрал нужный ключ, отпер свой стол. Выдвинул ящик, переложил конверт из ящика в свой кейс. Запер стол, запер магазин и поехал домой.

Роксане он и слова не сказал. Не мог, во всяком случае, пока все не кончится. Тщательная обдуманность действия вызвала лишь больший сумбур. Сердце его сжималось.

Йезад весь вечер сражался с путаницей в мыслях. Мурад и Джехангир с тревогой поглядывали на отца, но держались на расстоянии. Роксана, в страхе перед ссорой, пыталась понять, что опять не так, что нарушило благословенный покой,

который, как она надеялась, поселился в доме.

На другой день Капур, перевоплотившийся в Санта-Клауса задолго до двух часов, нетерпеливо вышагивал от прилавка к прилавку «Бомбейского спорта». Он то пугал Хусайна возбужденным «хо-хо-хо», то размахивал руками, стараясь понять, как заставить звенеть побольше бубенчиков. Перед самой дверью стояло кресло, в котором он собирался принимать визитеров, заливаемое зловещим светом мигающей красной лампочки.

Дождавшись назначенного часа, Капур уселся в кресло с мешком детских подарков.

— Вы выглядите таким взволнованным, Йезад! Не беспокойтесь, дети придут.

— Обязательно придут.

«Видимо, чувство вины похоже на тревогу», — думал он, стараясь взять себя в руки.

Начавшееся вчера стеснение в груди продолжало мучить его, он даже подумал, не сходить ли к врачу.

Через полчаса Капур начал опять расхаживать по магазину.

— Почему никого нет? Я вчера проехал мимо Акбаралли, так у него было полно детей. Посмотрите на меня, Йезад, я что, хуже смотрюсь в костюме, чем Акбаралли?

— Великолепно смотритесь. Дело в том, что они рассылали приглашения по почте. Мой Джехангир получил такое приглашение на прошлой неделе.

— И вы его туда водили?

— Конечно, нет. Он уже большой мальчик. А потом, если бы ему захотелось повидать Санта-Клауса, я бы его привел сюда.

Капуру понравился ответ. Он все выглядывал на улицу, надеясь зазвать прохожих с детьми.

Прошло еще полчаса, но единственный, кто ел сладости, был Йезад. Он разворачивал конфету за конфетой и поедал их. Снимая обертки, он отметил, что у него дрожат пальцы, как у заядлого курильщика.

— Никому мои подарки не нужны, — скорбно заявил Капур. — Можем сами все съесть. А вы с Хусайном заберете их домой.

— Может быть, проблема в рукописном объявлении? — предположил Йезад, кладя на место очередную конфету. — Не каждый сразу разберет, что написано.

— Конечно, в этом дело! — обрадовался Капур. — Как я сам не додумался! Надо поставить Хусайна у дверей, чтоб он приглашал народ.

Хусайн отнесся к поручению серьезно. Увидев,

что у магазина остановилась женщина с ребенком, он ринулся к ним с такой стремительностью, что они перепугались.

— Пойдем-пойдем, маленький, подальше от этого сумасшедшего, — залепетала женщина, в страхе озираясь по сторонам.

Обиженный, но не сдавшийся Хусайн высмотрел другого кандидата на Капуровы благодеяния. Мужчина с маленькой девочкой, видимо, дочкой, остановился посмотреть витрину. Ребенок что-то попросил, мужчина улыбнулся, покачал головой и в утешение погладил ее по щечке.

Хусайн изготовился к действию. Он был преисполнен решимости не упустить жертву — девочку нужно доставить Капур-сахибу.

Схватив ее за ручонку, он обратился к отцу:

— Заходите, бхаи-сахиб! Бесплатно сладости дают, ваша баччи рада будет!

То ли решив, что это попытка похищения, то ли разъярившись от агрессивности Хусайна, отец заорал:

— Руки прочь, сала!

Хусайн крепко держал девочку.

— Отпусти! — замахнулся отец.

Капур понял, что Хусайна пора спасать.

— Извините, сэр! — крикнул он от двери. — Мы

вручаем детям рождественские подарки!

Йезад на всякий случай занял позицию рядом с Капуром, но вмешательство Капура успокоило отца. Зато девочка при виде странной фигуры в красном громко разревелась. Вокруг начала собираться толпа, не желая упустить случай понаблюдать за перебранкой Санта-Клауса с публикой.

— Не плачь, моя маленькая, — проворковал Капур, протягивая девочке руку, от которой она отпрянула. — Ты понимаешь по-английски?

— Моя дочь учится в первом классе английской школы, — высокомерно ответил отец, сочтя вопрос оскорбительным.

— Прекрасно, — обрадовался Капур. — Так почему ты плачешь, детка? Ты никогда Санта-Клауса не видела?

— Мы исповедуем джайнскую веру, — холодно сообщил отец.

— Это замечательно, — отреагировал Капур, — а сам я индус. Но ничего дурного нет в том, чтобы повеселиться на Рождество! К тому же современный Санта-Клаус дружит с людьми всех вер…

Мужчина тянул прочь девочку, в которой любопытство боролось со страхом, а Капур громогласно превозносил достоинства космополитического

общества и преимущества празднования всех религиозных праздников. Толпа выслушала его, кое-кто одобрительно похлопал. Капур помахал в ответ, сам вздрогнув от звона бубенчиков, и удалился.

— Уллю ке паттхэ! — обругал он Хусайна. — Я тебе что сказал? Чтобы ты сообщал людям про Санта-Клауса! Не гхабрао, не пугал их, хватая за руки детей! Улыбайся, говори ласковые слова, будто ты их к себе домой приглашаешь. Джао, иди!

Хусайн побрел на улицу, удрученный тем, что сахиб обругал его. Неужели это жуткий костюм и дикая борода так изменили его добрый нрав?

Йезад тем временем старался приободрить Капура:

— Новое не сразу пробивает себе путь…

— Санта-Клаус не новинка. Ему уже несколько сот лет, — мрачно буркнул Капур.

А Хусайн все старался завлечь гостей. Улыбался, кланялся, указывал на объявление, на человека в красном. Он освоил искусство завлечения без запугивания, и в магазине появились первые гости.

Мальчик знал, как полагается вести себя с Санта-Клаусом. Он пожал руку мистеру Капуру и без

единого слова вытерпел его объятие.

Любящие родители радостно подтвердили Санта-Клаусу, что сын в минувшем году был хорошим мальчиком.

Мистер Капур просиял, полез в мешок за подарком, стараясь затеять разговор с молчаливым ребенком. На радостях он и родителям вручил подарки.

Хусайн с недоумением наблюдал главный ритуал долгих приготовлений хозяина. По выражению его лица было ясно, что он никак не может взять в толк, чего ради сахиб раздает сладости чужим людям, которые явно не собираются ничего покупать.

— Хо-хо-хо! — ревел Санта-Клаус, провожая гостей. — Веселого Рождества, увидимся через год!

— Скажи: спасибо тебе, Санта-Клаус! — подсказывали родители.

Ребенок поедал конфеты, не обращая ни на кого внимания.

— Все прошло хорошо, — резюмировал Капур.

— Замечательно, — отозвался Йезад из-за его спины, мечтая лишь о том, чтобы поскорей закончилось представление.

Он смахнул пальцем пот с верхней губы, вытер палец о рукав и принялся за очередную конфету.

— Теперь дело пойдет, — объявил Капур, — я чую, что пойдет! Так, Хусайн, ты что уставился на меня, как сова? Иди на улицу и веди сюда детишек с их папами-мамами.

Хоть чутье Капура оказалось не слишком верным, но дети в магазине появлялись и радовали его сердце на разные лады. Малыши, впервые столкнувшиеся с Санта-Клаусом, либо изумленно таращились на него, либо отворачивались в испуге. Другие входили и удалялись, как воспитанные роботы. Дети того возраста, когда в Санта-Клауса уже не верят, с насмешливыми улыбками тянули руки за бесплатным угощением. Один мальчишка весело повторял:

— У Санта-Клауса в бороде блохи, в бороде блохи!

Смущенная мама объяснила, что сын путает Санта-Клауса со знакомым священнослужителем, седая бородища которого, по слухам, служит приютом насекомым.

В семь выключили освещение витрины и велели Хусайну прекратить отлов гостей. Лязгнули металлические жалюзи, обещая долгожданный покой. Капур, морщась от боли, отодрал с лица бороду и усы. Стал с напряжением стаскивать резиновые сапоги с распухших ног. Насилу снял

один и позвал на помощь вернувшегося в магазин Хусайна.

— Бхаи, братец, помоги — не слезает!

Хусайн опустился на колени, Капур вцепился в стул — сапог, громко чавкнув, слез с ноги. Капур с облегчением растер ступни и сунул их в мягкие итальянские мокасины.

— Вы готовы, Йезад?

Вышли вместе. Йезад запирал замок, когда услышал возглас Капура:

— Смотрите, что делается! — Капур указывал на неоновую вывеску.

Йезад поднял глаза, растирая продолжавшее ныть сердце.

«БОМБЕЙСКИЙ СПОР». Надо же было, чтобы погасла именно буква «Т»…

— Завтра электрик не работает. Послезавтра скажу, чтоб починил.

— Конечно. Желаю хорошего отдыха с семьей.

— Спасибо, мистер Капур.

— Счастливого Рождества, Йезад.

Глава 18

После полуночи стеснение в груди усилилось, на лбу выступил пот. Йезад осторожно встал с постели, но кровать скрипнула, и Роксана повернулась к мужу.

— Что с тобой, Йезад?

— Ничего, газы, я думаю. Хочу имбирной воды выпить.

Не зажигая свет на кухне, он открыл холодильник. Свет из-за открывшейся дверцы заставил его зажмуриться. На полке одна бутылка имбирной воды. Потрогал — чуть успела остудиться.

Ложки в ящике кухонного стола зазвенели, когда он стал искать открывалку. Сорвал крышку, но поймать не успел, и она закатилась под стол, налил шипучую воду в стакан. «Свежая», — подумал он, сделал несколько глотков. Оставшаяся вода продолжала шипеть в темноте.

Отрыжка не заставила ждать себя, но Йезад знал, что не имбирная вода принесет ему облегчение — его не газы мучают, а конверт; с той минуты как конверт оказался в доме, он давит на Йезада, дух выжимает из него. Что на него

нашло? Отчаяние, это понятно. Так он и сейчас в отчаянии, ничего не изменилось за двадцать четыре часа: чиф все так же страдает, Роксана доводит себя до изнеможения, в доме не хватает еды — и есть деньги для разрешения всех трудностей, но только если он откроет конверт и начнет их тратить…

Звук шагов, приближающихся к кухне. Наверное, Роксана, хочет узнать, что с ним. Вспыхнул свет, и Йезад заслонил глаза ладонью.

Это был Мурад. Он поразился, увидев, что отец сидит на табуретке у плиты.

— Почему ты в темноте сидишь, папа?

— Слишком сильная лампочка. Газы, — добавил он, указывая на имбирную воду и растирая себе грудь. — А ты чего не спишь?

— Надо положить подарок в чулок Джехангира.

— А деньги где ты взял? — сощурился Йезад.

— На автобусных билетах сэкономил.

Йезад приготовился задать следующий вопрос, но вовремя спохватился.

— Надо было предупредить маму, что ходишь пешком, — смягчился отец. — Она так беспокоилась из-за того, что ты поздно возвращаешься из школы.

— Хотел все сделать по секрету. Чтоб сюрприз был на Рождество.

— Я не проговорюсь, — усмехнулся Йезад.

Сделал глоток.

— Ты, наверное, давно это придумал.

Мурад кивнул:

— Джехангир все время ходит невеселый. Волнуется из-за всего на свете. Хотелось обрадовать его.

Йезад поставил стакан на стол, поднялся на ноги и взял сына за плечо.

Мурад с ухмылкой полез в шкафчик для пряностей, порылся на полке позади коробочек и бутылочек, нащупывая спрятанный пакет.

Понюхал и скорчил рожу.

— Пахнет, как в лавке у Мотилала.

— А что ты купил для Джехангира?

— Три книжки Инид Блайтон.

Он восстановил порядок на полке, старательно прикрыл дверцу и собрался уходить.

— Свет оставить?

— Не надо.

Мурад обо что-то стукнулся в темноте.

— Ничего не видно, — проворчал он.

— Дай глазам привыкнуть. А то разбудишь Джехангира и дедушку.

Он слышал дыхание сына в темной кухне, чувствовал, как ему не терпится приготовить сюрприз. Было же что-то правильное в их с Роксаной жизни, раз они вырастили такого славного мальчишку. Конечно, тут больше Роксана сделала. Мурад, в отличие от Джехангира, свои чувства не выказывает, но тепла в нем не меньше.

— Ну все, глаза привыкли, — сказал Мурад и вышел из кухни.

Через минуту за сыном последовал Йезад. Не хотелось упустить момент.

Шум у постели подсказал Джехангиру, что брат несет его чулок. Собственно, какой это чулок — мама выкроила подобие чулка из старой тряпичной кошелки и обметала по краю. А ручки так и остались. Интересно, что это за рождественский подарок?

Джехангир чуть-чуть приоткрыл глаза, чтобы застать Мурада с поличным. Мурад двигался с большой осторожностью. Что-то зашуршало. Мурад застыл, глядя прямо на подушку. Дедушка забормотал во сне, и Мурад чуть было на балкон не удрал. Но дедушка выговорил несколько слов насчет какого-то мистера Браганцы и смолк. Все стихло. Мурад опять начал запихивать подарок в чулок.

Джехангир приготовился вскочить. Сейчас? Он колебался. И вдруг в неясном свете увидел улыбку на лице брата. Мурад улыбался с нежностью.

Его озарило: вот почему Мураду хотелось, чтобы он верил в Санта-Клауса! Мурад не дурачка хотел из него сделать, а доставить ему радость всей этой историей!

«По-своему, — думал Джехангир, — история про Санта-Клауса ничем не отличается от историй про Знаменитую пятерку! Отлично знаешь, что все это выдумки, но твое воображение работает, и ты веришь, что есть где-то мир получше твоего. Можешь мечтать о жизни, где полно разной еды, где дети могут устроить себе полночное пиршество, залезть в холодильник, набитый всякими вкусностями. Там дети выезжают на пикники, где их ждут приключения, там даже контрабандисты и воры, которых дети ловят, не так уж и опасны. Они просто «трудные клиенты», планы которых «к добру не приведут», как объясняет добрый полицейский инспектор в конце каждой книжки. Нет там ни нищих, ни болезней, и никто там не умирает с голоду. А раз в году веселый толстый старикан приносит подарки хорошим детям».

Вот что Мурад собрался подарить ему. Вскочить с постели с криком: «Ага, попался, меня не обма-

нешь!» — было бы так скверно…

Джехангир крепко закрыл глаза и лежал, не шелохнувшись. Подарок был уже в чулке, и Мурад на цыпочках убежал спать на балкон.

* * *

В темной кухне Йезад опять взял стакан с имбирной водой. Жалко, что Роксана не с ним, жалко, что они не могут поговорить о сыновьях. Он был уверен, что Джехангир наблюдал за Мурадом, потому что заметил, как младший расслабился и лег на спину, после того как Мурад вышел из комнаты. Джехангир долго отбивался от разговоров о Санта-Клаусе. Он мог сегодня сесть в постели и доказать брату, что никакого Санта-Клауса нет. Но он остался лежать, чтобы не испортить Мураду сюрприз.

Йезаду хотелось приласкать его, приласкать обоих, сказать, что безмерно любит их, что ему повезло с сыновьями, а им повезло, что у каждого есть любящий брат, и ему, их отцу, хочется, чтобы привязанность братьев сохранилась навеки. Хотелось разбудить Роксану, разбудить чифа, всем рассказать о своих чувствах…

Он допил степлившуюся имбирную воду, не в силах понять, как соотнести этот бесценный миг

с той пыткой, которой он сам подверг себя. Часы на кухне пробили один раз. Половина первого или час?

Он напрягал зрение, пытаясь рассмотреть положение стрелок: час тридцать; смотрел на восьмиугольный циферблат, на стеклянную дверцу в полированном футляре темного дерева, на медный маятник, слабо поблескивающий в темноте. Смотрел на часы, висевшие когда-то на кухне в «Джехангир-паласе»; единственная память о доме его детства, единственная память об отце…

Пока он смотрел, часы поглотили время. Он снова очутился в квартире первого этажа, наблюдая, как отец заводит часы. Отец вставляет слева большой хромированный ключ, поворачивает по часовой стрелке, потом справа — против часовой стрелки. Отец передвигает стрелки с цифры на цифру, дожидается звона, устанавливает точное время, со щелчком закрывает стеклянную дверцу, предварительно протерев ее. А маленький мальчик, каким тогда был Йезад, просит рассказать историю, как отец блуждал по городу среди разрывов и пожаров, неся чемоданчик с огромной суммой наличными, о чем гласят выгравированные на часах слова: «В благодарность

за безупречную отвагу и честность при исполнении служебного долга».

Часы пробили два, возвращая Йезада на кухню его квартирки. Как умиротворяет это тиканье, как успокаивает, будто твердая рука, управляющая делами вселенной. Как отцовская рука, которая вела его, когда он был маленький, вела через мир чудес и волнений. И отцовские слова, которыми он неизменно заканчивал рассказ: «Помни молитву: манашни, гавашни, кунашни — благие мысли, благие слова, благие поступки…»

Он слышал их в тиканье часов, и сердце его сжималось. Он еще немного понаблюдал за поблескиванием маятника — закрыл глаза и решил: завтра зайдет в магазин.

Да, пожелает Капуру веселого Рождества, а пока он будет раздавать подарки у дверей, положит конверт в ящик стола. А можно пойти и пораньше, первым прийти в магазин.

Вылив остатки имбирной воды, он собрался ложиться. Задержался у часов, провел ладонью по циферблату, похлопал по дверце.

Сердце почти совсем отпустило. Нариман кого-то позвал во сне, Йезад мысленно пожелал ему спокойной ночи. Кровать скрипнула, когда он ложился.

— Иездаа? Как ты себя чувствуешь?
— Гораздо лучше. Спи спокойно.
Йезад осторожно поцеловал ее между лопаток.

* * *

Джехангир, приподнявшись на локте, вслушивался в бормотание дедушки, которому опять снилось, как Люси поет их любимую песню. Дедушка уговаривал ее спуститься, говорил, что опасно оставаться на краю крыши. Но Джехангир улавливал только обрывки — как по папиному радио, в котором звук то пропадал, то появлялся снова.

Он обдумывал услышанные фразы, пряча их в память, где уже хранились другие обрывки. Придет время, все сложится вместе, и дедушкины слова станут понятны — Джехангир был уверен.

В доме поднялся шум. Кто кричал: эта айя опять поет на крыше, она вроде собирается броситься вниз! Нариман похолодел от страха. И тут же в нем вспыхнула ярость на Арджани, на себя, на Люси за то, что она обрекла себя и его на такие муки.

Он сделал глубокий вдох, чтобы успокоиться, — Арджани опять униженно молил его о помощи. Он согласился — опять ради Люси.

Ясмин была в бешенстве — ничего другого он и не ожидал. Но растерялся от силы ее гнева, который обрушился на него, как удар кулаком. «Прошло почти два месяца после той драмы на верхней террасе, — кричала она. — У этих Арджани было два месяца, чтобы отправить сумасшедшую туда, где она была бы в безопасности и окружающим не отравляла бы жизнь». Она запрещает мужу вмешиваться, это его не касается!

Но он побежал на крышу. Ясмин кричала ему вслед с лестничной площадки, что он должен вспомнить о своей чести — если она у него есть, — вспомнить о семье! Он остановился, с печалью посмотрел на жену и побежал наверх.

На крыше все было почти совсем так, как в прошлый раз. Люси стояла на парапете, весело распевая. Арджани с сыном опять скорчились за цистерной и нескрываемо обрадовались, увидев его. Опять рассыпались в благодарностях, которые он отмел и велел обоим Арджани убираться с крыши. С чувством полной безысходности убедил он Люси сойти с парапета, отвел ее к Арджани и пошел домой.

Он ожидал бури невиданных доселе масштабов. Вместо этого он застал Ясмин за столом, серебряное кадило было наполнено горячими

углями для вечернего лобана.

«Прекрасно, — подумал он, — она готовится к вечерней молитве, возможно, обойдется без ссоры».

С удивлением отметил, что на столе стопками разложены письма, открытки и фотографии. Он узнал их — Ясмин перерыла ящики его стола, пока он был на крыше.

— Вернулся, значит? Ну так объясни мне, зачем ты хранил весь этот хлам?

Он промолчал.

— Все это время ты говорил, что она тебе надоела, что ты стараешься избавиться от нее, уговариваешь ее оставить нас в покое. Зачем же ты хранил это? Врал мне? Отвечай!

Он продолжал молчать.

— Будь мужчиной, сознайся. Сознайся, что у тебя и сейчас есть чувство к ней.

— Я больше не знаю, что у меня есть. И к кому.

— Значит, ты не будешь возражать, если я это сожгу. — И она положила стопочки бумаг на раскаленные угли.

Он чуть было не рванулся к столу, чтобы спасти письма, но усилием воли сдержался. Листки затлели, потом вспыхнули. В огонь полетели фотографии Люси, открытки ко дню рождения,

открытки, присланные просто так, без особого повода, записочки, которые Люси любила присылать ему, — а он смотрел на сувениры счастливых дней, пожираемые огнем и превращающиеся в пепел.

Ясмин молча предавала их огню. Огонь догорел. Он отвернулся.

Это вызвало у Ясмин новый приступ ярости.

— Все это обман! Фокусы, чтобы заманить тебя туда. Пофлиртовать с тобой на крыше, потому что я помешала тебе каждое утро бегать за ней, виляя хвостом! Ей надо победить меня, показать, что она распоряжается моим мужем, заставляет его плясать под свою дудку!

— Может, ты и права. Ну, а если не права и она действительно бросится с крыши, увидев, что я не пришел?

— Глупости! Люди, которые вправду хотят покончить с собой, не устраивают представлений. И с головой у нее все в порядке, как бы только она себя ни перехитрила!

Затем Ясмин перешла к угрозам. Клялась и божилась, что заберет детей и уйдет, что он больше никогда не у видит свою двухлетнюю дочку. Чем жить с ним и терпеть унижения, она лучше с голоду умрет вместе с детьми, но больше не даст

ему мучить их всех!

Он видел, как перепугались дети. К ссорам Джал и Куми уже привыкли, но в этот раз они разрыдались в голос, будто осознав, что мать, которая всегда казалась им сильной, на самом деле беспомощна, скована своим браком и ей некуда деваться. Он физически ощущал, как нарастает в детях ненависть к нему.

— Ты противный, — визжала Куми, — зачем ты маму мучаешь?

Джал попытался унять сестренку, но она вырвалась и закричала:

— Помни, Бог тебя накажет за то, что ты делаешь!

Сердце его разрывалось, но он не знал, что сказать им, и молча сидел, пряча лицо в ладонях. Дети бросились к матери, обняли и увели ее в спальню.

В полном отчаянии он пошел к родителям Люси. Ему открыла миссис Браганца, которая так уставилась на него, будто увидела призрак, и захлопнула дверь. Он звонил и звонил, пока не вышел мистер Браганца с угрозой вызвать полицию, если он не уберется отсюда. Нариман попытался задержать его, рассказать о состоянии Люси… Дверь захлопнулась. Он продолжал гово-

рить, стоя перед закрытой дверью, пока не понял, что его никто не слушает.

Неужели мистеру Браганца действительно не было дела до того, что случилось с его дочерью? Он попытался представить себе, что подобное происходит с ним и Роксаной, но ничего не получилось…

Постепенно обитатели «Шато фелисити» перестали обращать внимание на Люси. Никто не стоял на улице с задранной головой. Никто не высовывался из окна поглазеть. Жильцы привыкли, он слышал их разговоры: айя не в себе, раз в неделю ей обязательно хочется попеть на парапете — и поет-то она одну и ту же песенку, а потом спускается вниз за руку с профессором Вакилем, и все кончается. Ну и ладно, что делать.

Обитатели дома уже не сомневались, что Нариман и дальше будет выполнять свой долг — уводить Люси с крыши и сдавать на руки семейству Арджани. Событие перестало восприниматься как опасное. Понемногу переставал бояться и он. Пожалуй, это лучше всего — принимать ситуацию, как она есть.

Однажды вечером, когда пришли звать его на крышу, Ясмин заявила, что на сей раз наверх поднимется она. Она сама поговорит с психопаткой,

сама посмотрит, насколько та не в себе.

Он умолял ее не делать этого. Пытался втолковать, что за пением и незлобивым поведением Люси скрывается самое настоящее безумие. Но Ясмин твердила, что призовет эту женщину к порядку раз и навсегда и никакие увещевания ее не остановят.

— Ой, мама, — испугалась Куми, — а вдруг она тебя ударит?

— Не волнуйся, доченька, я могу и сдачи дать.

Нариман поднимался вслед за Ясмин по лестнице, отставая на несколько ступенек. Когда она вышла на крышу, он укрылся в тени цистерны.

Что дальше? Его мысли мешались от страха.

Сгущались сумерки. Жарко и душно, ни ветерка. Тонкая струйка уличного гула — гудки автомобилей, скрежет тормозов — незваной гостьей пробиралась на крышу. Как во сне, следил он за приближением Ясмин к Люси на погружающемся во мглу парапете.

Ясмин уперла руки в бока.

— Эй, айя! Что это за безобразие? Слезай оттуда и отправляйся на кухню. Немедленно! Мистер Арджани ждет ужина!

Не в силах двинуться с места, он смотрел, как Люси повернула голову, глянула через плечо на

Ясмин.

На крыше дома напротив вспыхнула красным и синим неоновая реклама, чередуя силуэт туфли и девиз фирмы: «С УДОБСТВОМ ШАГАЙ ПО МИРУ».

До его слуха снова донесся голос Ясмин, за которым снова последовала тишина. Все в том же трансе он смотрел, как Ясмин, подобрав подол, поднялась на парапет и бесцеремонно похлопала Люси по плечу:

— Ты что, оглохла? Смотри на меня, когда я к тебе обращаюсь!

Усилием воли стряхнул он с себя оцепенение и тихонько двинулся вперед. Как образумить двух женщин на парапете? Неоновая реклама заливала их то синим, то красным светом.

— «Мы слезы лили, и мы веселились», — запела Люси, сбрасывая чужую руку с плеча. Ясмин наконец добилась реакции — совсем не той, которой ожидала.

— Ты кого это из себя строишь?! — выкрикнула она.

Он с ужасом увидел, что она обеими руками хватает Люси за руку, а та, стараясь высвободиться, тянет Ясмин на краешек парапета… Обе раскачиваются на краю бездны…

Он рванулся к ним, протягивая руки — схва-

тить, удержать. Он успел дотронуться до них, но лишь на миг.

Дедушка вскрикнул.

Джехангир сел в постели. Сердце его колотилось. Какой ужас преследовал дедушку во сне? Потом дедушка захлюпал носом. Джехангир осторожно спустил ноги, памятуя о скрипучей доске пола, и шепотом спросил:

— Тебе что-нибудь нужно, дедушка? Воды?

Дед покачал головой, погладил внука по щеке и задержал руку. Джехангир ощущал трепетание дедовой руки на лице.

Он накрыл ее своей и чмокнул губами, изображая поцелуй.

— Спи, дедушка. Я подержу тебя за руку.

«Как хорошо дышится сегодня утром, — думал Йезад, подходя к «Бомбейскому спорту» и вставляя ключ в замок. — Декабрь дает о себе знать, жара спадает».

Ни Капур, ни Хусайн еще не появились — еще и девяти нет. Он положил конверт на место, в ящик стола, и запер стол.

Насвистывая «Белое Рождество», Йезад щелкал выключателями, зажигая освещение в магазине, витрине, включая неоновую вывеску. Принес длинную трость и вышел на улицу, радуясь лег-

кости, с которой поднялись жалюзи, открывая доступ солнечному свету. Было в этом нечто особое — в пробуждении окон, распахивающих свои глазищи. Как тщательно смазывает Хусайн шестеренки.

Йезад только успел покончить с жалюзи, как явился Хусайн. Поклонился и угрюмо застыл перед дверью. «Неужели опять депрессия?» — подумал Йезад.

— Вы почему мою работу делаете, сахиб? — обиженно спросил Хусайн.

— Хочу помочь тебе, — примирительно ответил Йезад. — Ты же сегодня будешь очень занят, тебе, как вчера, придется приглашать детей.

Напоминание о его особой роли Хусайну понравилось, и он заторопился ставить чайник. Йезад включил красную лампочку и решил переставить оленей. Он еще возился с ними, когда в стекло постучали.

— Хо-хо-хо! — заревел с улицы Капур, страшно довольный, что видит Йезада. — Кто там у нас шалит?

И, уже забравшись в витрину, добавил:

— А я думал, вы проведете день в кругу семьи.

— Пришел еще разок увидеть Санта-Клауса в действии.

— Отлично. Класс. А у меня рождественский подарочек для вас. Он у меня еще вчера был приготовлен, но из-за всей этой сумятицы я забыл вручить его.

Зайдя в офис, Капур извлек из своего стола подарок, завернутый в бумагу с падубом и колокольчиками.

Йезад с улыбкой осмотрел и ощупал прямоугольный пакет:

— Что ж там внутри?

— Откройте.

Йезад снял обертку и увидел папку, а в ней три целлофановых конверта — три фотографии Хьюз-роуд.

Он поднял глаза на Капура:

— Но… это же…

— Надеюсь, они вам все еще нравятся.

— Да, но я… это такая ценность, ваша коллекция…

— Но мне хочется подарить их вам.

Йезад провел пальцем по их краям.

— Спасибо, Викрам. Это уж чересчур, это же…

— Я рад, Йезад. — Капур обнял его, избавляя от необходимости еще что-то говорить. — Я так рад, что смог подарить вам такую вещь. А теперь мне пора надеть костюм.

Пока Капур переодевался, Хусайн поставил на стол две дымящиеся чашки чаю и поспешил на улицу за визитерами.

— Сахиб, там два человека хотят с вами поговорить.

Капур щелкнул языком:

— Я ж еще не оделся. Ты не показал им объявление — Санта-Клаус появляется в десять?

— Сахиб, двое мужчин. Не дети. Я думаю, они не за подарками.

— Так надо было им сказать, что сегодня магазин закрыт.

— Хотите, я с ними поговорю? — спросил Йезад.

— Но они сказали — с Капур-сахибом, — неуверенно напомнил Хусайн.

— Ладно, узнаю, что им надо.

В одних носках и кафтане Санта-Клауса Капур вышел в зал. Сопровождаемый Йезадом.

Посетители заулыбались при виде его наряда:

— Доброе утро, сэр.

— Чем могу быть полезен?

— Извините за беспокойство, сэр, но мы увидели вашу вывеску.

— Так, — сказал Капур, — во-первых, мы открываемся в десять. А во-вторых, Санта-Клаус только

детям раздает бесплатные сладости. Вы, как мне кажется, не дети, правильно?

Молодые люди заулыбались:

— Не объявление, сэр. Вывеску магазина. Где написано: «Бомбейский спорт».

— На самом деле «Бомбейский спор».

— Да, сэр, мы заметили, что одна буква не горит.

Капуру пришло в голову, что они электрики и зашли предложить свои услуги.

— Хотите вывеску починить? Сколько возьмете?

— Нет, сэр, — опять заулыбались они. — Мы не по электрической части. Мы из Шив Сены, из здешнего отделения, пришли просить, чтобы на вывеске написали «мумбайский» вместо «бомбейский». Понимаете, теперь такое правило…

— Вот как. Да, мне известно правило. — Капур мрачно глянул на Йезада, как бы говоря: явились наконец.

Йезад почувствовал, что холодеет. Что за безумное совпадение? Он провел ледяной рукой по лицу, стараясь сохранить спокойствие. Хоть деньги положены на место. Ему дурно стало, когда он представил себе, как Капур просит принести деньги, а их нет…

Капур кипел от злости. Ему стало жарко в кафтане Санта-Клауса, он расстегнул и швырнул на стул широкий черный пояс. Посетители терпеливо улыбались.

— У меня уже был разговор на эту тему. Если вы пришли за деньгами, почему прямо не сказать?

Двое недоуменно переглянулись. Капур послал Йезада принести конверт.

— Но это не те люди, что приходили раньше, — шепнул ему Йезад. — Зачем нам…

— Дайте конверт, чтобы мы от них избавились!

Йезад отпер стол, протянул конверт Капуру, который бросил его на прилавок.

— Здесь вся сумма. Как договаривались с Баладжи и Гопинатхом!

— Извините, сэр, мы не понимаем…

— Ах, вы не понимаете? — насмешливо протянул Капур. — Ну так узнайте в своей ячейке! Что за спектакль вы мне тут разыгрываете, черт бы вас побрал!

— Пожалуйста, сэр, без оскорблений. Мы денег не просим. Только просим написать на вашей вывеске «Мумбай».

Йезад силой увлек Капура в сторону — нельзя скандалить с ними, только хуже будет… Капур

оттолкнул его — всему есть предел, эта шпана уже достала его, хватит!

— Тридцать пять тысяч за особую привилегию! Я согласился заплатить, чтобы оставить на вывеске «Бомбей»!

Он впихнул конверт в руку одному из них. Тот растерянно заглянул в конверт, показал второму, они обменялись взглядами.

— Сэр, это хорошо, если вы желаете сделать пожертвование Шив Сене, но на вывеске нужно обязательно написать «Мумбай».

— Неслыханно! — взревел Капур. — Хотите и сберечь пирожок, и скушать его, так? Жулье проклятое!

— Мы не жулье, сэр. Мы трудимся ради улучшения условий жизни людей, мы защищаем интересы жителей округи, стараемся помогать беднейшим слоям…

— Я вам так помогу, если вы не заткнетесь! И нечего лекции мне читать!

— Сэр, не надо угрожать нам! Мы вам сообщили про закон, вы должны переделать вывеску. Не сделаете это в течение недели — вам же хуже будет.

Капур пошел грудью на них, заставляя пятиться, напирая, оттесняя к двери.

— Вы что, запугать меня хотите, травоеды уличные? Да вы знаете, кто я? Меня молоко Пенджаба взрастило! Сале бхонсди ке бхарве! Я вам так рыла начищу!

Они уже допятились до выхода, последний толчок Капура заставил их скатиться со ступенек на тротуар.

— Ну, ты об этом пожалеешь! — прошипел один.

Капур яростно хлопнул дверью. «Погубили мне утро», — кипятился он. Сунул конверт в стол Йезада, подобрал со стула черный пояс от костюма и прошел к себе. Йезад последовал за ним. Потрясенный происшествием Хусайн замыкал шествие.

— С вами все в порядке, сахиб?

— Все хорошо, — буркнул еще не остывший Капур.

— Еще чаю, сахиб?

— Сколько чая может человек выпить? Чай проблемы не решает!

Он всмотрелся во все еще бледное лицо Йезада.

— Не говорите мне, что и вы напуганы.

— Не напуган. Встревожен. Может быть, какая-то неувязка у них в шакхе.

— Пожалуйста, сахиб…

Хусайн переминался с ноги на ногу.

— Сахиб, я хотел сказать… нехорошо ссориться с Шив Сеной. Их нельзя одолеть.

— Я знаю, что такое Шив Сена. Не волнуйся.

— Нет, сахиб. — Хусайн еле сдерживал слезы. — Когда разрушили мечеть Бабри, когда в городе начались беспорядки, эти люди столько невинных поубивали, я своими глазами видел, запирали в домах, а дома поджигали, набрасывались с ножами и с палками…

— Все будет хорошо, Хусайн-миян, — обнял его Капур, — тебе нечего бояться. Они набрасываются только на бедных, на слабых набрасываются. Вся эта уличная мразь, они же трусы в душе. Я прав, Йезад?

— Конечно, — автоматически ответил Йезад, стараясь взять себя в руки.

Хусайн покачал головой и вышел. Капур попросил Йезада помочь ему привязать бубенчики на запястья. Звон бубенчиков вернул ему присутствие духа.

Дверь магазина они открывали с осторожностью, проверяя, не болтаются ли эти типы поблизости и не вызвали ли они подкрепление.

Но улица пребывала в состоянии нормального

здорового безумия, тротуары запружены толпой, проезжая часть — ревущими машинами.

Время шло к десяти, и Хусайн занял свое место перед магазином. Появились первые посетители с детьми, и громкое «хо-хо-хо» Капура вновь огласило торговый зал.

— Доброе утро, Куми! Веселого Рождества!

Эдуль Мунши проплыл мимо нее в коридор, распевая на собственный лад рождественский хорал:

— «Поутру в день Рождества я видел двух грузчиков, они к нам шли, они к нам шли поутру…»

— Что за чушь ты поешь?

Куми в то утро была раздражена, подавлена и вовсе не расположена терпеть дурацкие шутки. Рождество всегда пробуждало в ней воспоминания о католической школе, где прошли самые счастливые годы ее изувеченного детства; она с радостью отказалась бы от милых воспоминаний, если бы могла забыть и пережитую боль.

За шесть недель до Рождества школьный хор начинал готовиться к концерту, на который приглашались родители. В середине декабря привозили елку. Наряжали ее девочки из хора — это была их привилегия. Родители Куми — как большинство родителей нехристианских

вероисповеданий — время от времени сомневались, правильно ли они выбрали школу для своих детей. С Джалом было все в порядке — он учился в обычной школе, но в отношении Куми родителей беспокоило, не слишком ли силен католический привкус в ее образовании, особенно в свете того, как мало он компенсировался влиянием зороастризма. Они чувствовали, что зороастрийские обычаи серьезно проигрывают из-за отсутствия такой привлекательной фигуры, как Санта-Клаус.

Наконец наступал день концерта. Родители приходили послушать пение Куми и на время забывали о своем беспокойстве. После концерта отец заявлял, что хор звучал восхитительно, но что его Куми пела лучше и громче всех. В первый раз Куми пришла в восторг от похвалы, но на следующий год она кое-что поняла и запротестовала:

— Папа, мой голос должен сливаться с другими! Если ты слышишь его, значит, я плохо пою!

Но отец, смеясь, уверял, что, если бы даже ее голос идеально сливался с целой тысячей других, он все равно расслышал бы голос своего ангелочка. Это было в счастливые времена, до того как отец слег и, по маминым словам, сам стал ангелом.

В страстном желании оберечь память о счастье — о католической школе, о хоровом пении, о рождественской елке, о веселом смехе отца — она окрысилась на Эдуля за издевательство над одним из любимейших хоралов, за этот акт чистейшего варварства:

— В словах нет никакого смысла!

— Нет есть! Я нанял пару грузчиков из продуктового магазина помогать мне с балкой. В одиннадцать они должны прийти.

И снова запел:

— «Грузчики из продуктового, из продуктового, из продуктового, грузчики из продуктового, они грядут в день Рождества. Грядут поутру…»

— Да замолчи ты! — взвилась Куми.

За ее спиной Джал жестами пытался унять Эдуля. Он тоже нервничал в то утро, но его беспокоило предстоящее поднятие балки.

— А может, такой вариант: «Чу, мастер «умелые руки» грядет, сла-авься, обновленный потолок!»

Джал почти отчаялся установить мир, когда позвонили в дверь и Куми пошла открывать. Джалу не нравилось, что Эдуль дразнит сестру, он-то понимал, что с ней происходит в этот день, но Эдулю ведь не втолкуешь!

Из коридора донеслись звуки перебранки. Джал

побежал на шум.

— Это, наверное, они. Грузчики из продуктового! — крикнул вслед ему Эдуль.

— Они, — подтвердила Куми, — я пытаюсь объяснить им, что сейчас только девять часов, а ты их звал к одиннадцати.

— Давай я с ними объяснюсь. Я гораздо лучше тебя говорю по-маратхски.

Эдуль начал с выговора:

— Зачем твоя приходить рано, ту ми лок айкат хэ? Сейчас время сколько?

Исчерпав на этом свой маратхский, Эдуль перешел на дикую смесь хинди, гуджерати и английского — с редкими вкраплениями всплывавших в памяти маратхских слов.

— Асала-касала карте! Моя твоя сказать: элевен о клок. Абхи джао-уходите в продуктовый, попозже ваписао, назад приходите.

Грузчики объяснили, что сегодня праздник Иссы-пророка и их магазин закрыт, а они готовы работать, делать, что господин прикажет.

Эдуль не возражал, но Куми требовала отослать рабочих.

— Не хочу, чтобы они без толку крутились в доме!

Эдуль отвел ее в сторонку:

— Отсылать их рискованно, а вдруг они найдут себе другую работу и больше не вернутся? Тогда нарушится весь план ремонта.

Перекладины уже больше недели лежали в коридоре под фамильными портретами, доводя до безумия Куми, постоянно спотыкавшуюся об эти железяки.

Рабочим было позволено остаться.

— Но никаких сверхурочных! — предупредил Эдуль.

— Нам лишнего не нужно! Вот за глоточек чаю большое спасибо скажем.

— Ну и хамы, — возмутилась Куми. — Что у меня здесь, чайная, что ли?

Эдуль упросил ее поставить чайник — сегодня же Рождество, уговаривал он Куми, давай смотреть на них как на двух волхвов, которые пришли поклониться твоему новому потолку… И в заключение пообещал больше не петь, если Куми сделает чай.

Но пока Куми возилась на кухне, Эдуль все-таки пропел еще куплет грузчикам, усевшимся на пол, скрестив ноги. Те внимательно слушали, не понимая ни слова, и наградили певца громкими аплодисментами.

Джал давно присматривался к грузчикам, лица

которых казались ему знакомыми. И вспомнил — та же пара, это они внесли папу домой, когда он упал в канаву и ногу себе повредил!

— Беспокоит меня это, Эдуль, — сказал он. — Ты уверен, что они справятся с такой работой? Они ведь только и умеют, что таскать мешки с зерном на головах.

— Не волнуйся, Джал, сынок. Они мне нужны только как грубая сила. А умение и планирование — это твой покорный слуга.

Подали чай — в жестяных кружках для рабочих и в нормальной фарфоровой чашке с блюдцем для Эдуля, который пил с наслаждением, громко прихлюпывая.

После чаепития Эдуль увел свою бригаду в комнату Наримана. Часа два, судя по звукам, бригада, подбадривая друг друга, расставляла в нужных местах опоры, готовясь к поднятию балки.

К полудню подпорки, скобы и прочее были на местах. Джал с тревогой осматривал их; чтобы успокоить его, Эдуль продемонстрировал их прочность, пнув подпорку ногой и навалившись на нее плечом.

Джал закрыл лицо руками, почти уверенный, что все рухнет; но нет, устояло.

— А дальше что? — спросил он.

— Самое главное.

Эдуль повел бригаду в коридор к стальной перекладине.

— Давай, Ганпат, — распорядился он, указывая на один конец перекладины. — А ты чего смотришь, — обратился он к другому, — хатх лагао, берись с этой стороны, Ганпат.

— Их одинаково зовут? — удивился Джал.

— Я их всех зову Ганпатами, — ухмыльнулся Эдуль.

Втроем они взялись за длинную штуковину из темной стали, чтобы перенести в комнату Наримана. Но в узком коридоре пришлось маневрировать — перекладину то подавали вперед, то оттаскивали назад под нервические выкрики Эдуля.

— Туда, я сказал, а не сюда, сунта хэ къя, что, не слышишь? Садантер, идиот, думать надо!

Наконец, запыхавшись, бригада положила перекладину в комнате под тем местом на потолке, где ей предстояло разместиться на высоте в двенадцать футов от пола.

— О'кей, отлично. — Эдуль вытер пот со лба и повернулся к Джалу и Куми. — Теперь прошу вас обоих выйти из комнаты. Освободить пространство.

Правда, им было разрешено наблюдать за процессом из коридора.

Еще раз проверив каждую опору и скобу, Эдуль отступил в сторону и приказал начинать. Затаив дыхание, Джал и Куми следили, как перекладина поднимается на четыре фута и останавливается…

Рабочие отдышались и полезли на стремянки, чтобы поднять перекладину на восемь футов, что оказалось труднее, чем поднимать ее с пола, хоть Эдуль и закрепил стремянки, чтобы не шатались.

Стоя на четвертой ступеньке, рабочие успешно подняли перекладину на высоту плеч, но, укладывая ее на опоры, один рабочий покачнулся, и его конец перекладины не попал к держатель.

— Осторожно! — закричал Эдуль. — Повыше, джор лагао!

Рабочий уложил перекладину в держатель и кивнул Эдулю.

— То-то же! — фыркнул Эдуль. — Не завтракал, Ганпат, а?

Теперь осталось поднять перекладину на две стальные опоры с гидравлическими домкратами в основании. По сигналу Эдуля рабочие выполнили задачу одним сильным движением.

— Шабаш, молодцы! — похвалил Эдуль рабочих, просиявших от удовольствия и горделиво расправивших плечи.

Эдуль поставил третью стремянку и взобрался наверх, чтобы закрепить перекладину. Четыре пары болтов и гаек на каждый конец перекладины — и все спустились на пол.

Эдуль объявил, что продолжит работу после ланча.

— Не опасно так оставить? — робко спросила Куми.

— Никакой опасности. Держится прочно, как Пизанская башня, то есть как Эйфелева, — поправился Эдуль.

Он расплатился с рабочими, прибавив по десятке на бакшиш.

— Все-таки Рождество, — объяснил он Джалу и Куми.

Потрясенные щедростью, рабочие заверили его, что будут внизу у продуктового, на случай если они ему понадобятся еще.

Эдуль пошел к себе, пообещав вернуться через час, а то и раньше, если Манизе не будет возражать.

* * *

Джал воспользовался его отсутствием, чтобы хорошенько осмотреть потолок, и только тут заметил то, чего не углядел в общей сумятице: перекладина не доходила до перекрытий.

Так, подумал он, бедняга, как всегда, напортачил. Слава богу, что он заметил это прежде, чем потолок заштукатурили.

Когда Эдуль вернулся, Джал сразу взялся за него.

— Иди сюда, Эдуль, сынок, и посмотри, — сказал он, расплачиваясь за «сынка», которого так долго терпел, — тут минимум четыре дюйма между потолком и перекладиной.

— Джал, сынок, — засмеялся Эдуль, — сейчас я тебе все покажу. Видишь эти штуки в основании опор? Это домкраты. Что такое домкрат, знаешь?

— Конечно.

— С их помощью перекладина плотно прижмется к потолку.

Джал глупо улыбался, но Эдуль был великодушен.

— Твоя ошибка вполне объяснима. Почему ты должен знать такие вещи, ты же не мастер «умелые руки»!

Он принялся поочередно поднимать опоры, следя за тем, чтобы перекладина шла ровно. Она поднималась по миллиметрам, едва заметно.

Скоро Джалу надоело смотреть, как Эдуль перебегает от одной опоры к другой, и он решил вздремнуть.

Эдуль провозился не меньше часа; к концу он несколько раз взбирался на стремянку, проверяя, не давит ли перекладина на потолок — от этого потолок может покоробиться.

Убедившись, что все в порядке, он полюбовался своей работой. Ему пришло в голову, что надо бы и Манизе позвать — пускай тоже полюбуется.

И вдруг заметил, что с одной стороны перекладина чуть-чуть уходит вбок от деревянной потолочной балки и смыкается со стеной под углом. А должна бы ровно.

Поднялся по стремянке, измерил — перекос на три четверти дюйма. Почти незаметно. Он отложил плотницкий треугольник.

Но мелкий непорядок не перестал мучить его. Снова поднялся на стремянку, снова исследовал аномалию и передумал: надо исправить.

Сначала пришлось немного опустить перекладину, слишком плотно прилегавшую к потолку. Опустив примерно на дюйм, забрался на стре-

мянку, ухватился снизу за перекладину, потянул.

Перекладина не поддавалась. Попробовал еще раз — не поддается. «Вот свинья», — подумал он. Остается одно — вывинтить болты, ликвидировать перекос и снова завинтить. Гаечный ключ быстро справился с четырьмя гайками, которые для сохранности он опустил в карман. Теперь поправить — и работа будет безупречной.

Схватившись за сталь влажными от пота пальцами, он подвинул перекладину, казалось, что она пошла, и он решил замерить. Нет, стоит на месте. Еще одна попытка кончилась тем, что ругаться он начал уже не про себя, а вслух.

— Да двигайся, черт бы тебя побрал! — Он вытер о штаны скользкие от пота руки. — Чертов дрючок, мне от тебя, сукина сына, и нужного всего три четверти дюйма!

Пока он сражался с перекладиной, в дверях появилась Куми. Время близилось к четырем, и она принесла Эдулю чай и фруктовый кекс.

— Виноват, Куми, извини за брань, заело эту штуку, — выдохнул он.

— Может, лучше рабочих позвать на помощь?

— Сам справлюсь. Чуть-чуть подправить нужно. Видишь, тут промежуток образовался?

— Где?

Куми вошла в комнату и остановилась с подносом у стремянки.

— Мне надо чуть-чуть сдвинуть ее к себе. Это ты к Рождеству испекла? Класс, дай мне полминутки. Я сейчас спущусь.

Он с ненавистью вцепился в перекладину и потянул ее на себя, рыча как штангист.

— Осторожней, — сказала Куми, — опора двигается!

Предостережение запоздало. Перекладина сорвалась. Она сбила Эдуля со стремянки. Куми попыталась отскочить, но скользящий удар по голове проломил ей череп. Перекладина упала на грудь лежавшего на полу Эдуля.

* * *

Несколькими минутами раньше Куми разбудила Джала и позвала пить чай. Он еще не успел приладить слуховой аппарат, когда рухнула перекладина; обвал дал ему знать о себе не грохотом, а сотрясением. Почувствовав, как тряхнуло кровать, он понял, что случилось что-то страшное, и бросился в комнату Наримана.

В квартире под ними грохот был оглушителен. Все заходило ходуном, как от землетрясения, Манизе помчалась вверх по лестнице и забараба-

нила кулаком в дверь.

Джал открыл. Манизе сразу все поняла — лицо его было белее мела, — но спросила:

— Где он? С ним все в порядке?

Джал не мог говорить. Умоляюще поднял руку, не зная, о чем молить — о смирении, о мужестве, о прощении?

Она оттолкнула его.

— Подожди, Манизе, дай мне…

Она была уже в комнате, стояла на коленях перед мужем, рыдая, приподнимала его голову. Увидела раздавленную грудь.

— Зови на помощь! Доктора! «Скорую»!

Он увидел, что она заметила Куми на полу рядом с Эдулем, лужицу крови вокруг ее головы. «Два неподвижных тела так близко друг к другу, смерть разбросала их конечности, придав положению трупов интимность, немыслимую для них при жизни», — подумал Джал.

Бессилие, сковавшее его, понемногу сменялось решимостью. Он ощутил спокойствие, почувствовал, что точно знает все, что будет теперь происходить, знает последовательность событий, неизбежные задачи, которые ему потребуется решать одну за другой. Ему придется обдумывать, решать, действовать.

Он посмотрел Манизе в лицо. Оно застыло от шока. Но было в нем что-то еще — он понял что, перехватив ее взгляд, обращенный на Куми. Ее мука в этот миг была страшней всего. Она заслуживает лучшего, ее надо немедленно разубедить, это его первейший долг.

— Чай, она чай принесла, — настойчиво внушал ей Джал. — С фруктовым кексом.

Он подобрал осколки разбитой посуды.

— Видишь? В этом Куми принесла чай. И смотри, Манизе, лужа на полу, это от пролившегося чая. А вот и фруктовый кекс…

Прибежали соседи, всполошенные грохотом и треском, напоминавшим взрыв. Люди входили в открытую дверь, застывали при виде трупов, некоторые отворачивались в ужасе, кого-то рвало на площадке. Чей-то голос вызывал по телефону «Скорую».

«Скорая» приехала не скоро. Когда медики появились в комнате, кто-то из соседей набросился на них — если так приезжать на вывозы, то никакой больной не доживет!

— Ваше счастье, что оба скончались сразу!

— Зачем же было «Скорую» вызывать? Звоните в полицию!

Больше того, бригада «Скорой» проявила то,

что обитатели дома сочли ужасающей черствостью, — потребовала немедленно сообщить в полицию: таков закон.

Соседи сразу сбились в кучку. Если сообщить в полицию, могут возникнуть осложнения, полиция потребует соблюдения формальностей, возможно, даже потребует вскрытия, в результате похороны отложатся больше чем на сутки, что противоречит зороастрийскому обряду.

— Если хотите знать мое мнение, они надеются что-то получить с нас, — сказал один сосед.

— Ну так давайте заплатим, чтобы положить этому конец. Попросим, чтобы они забыли, что приезжали сюда.

— Хорошая мысль. Сто рупий подправят им память.

— Да, но нам все равно потребуются документы, иначе на Дунгервади не примут тела.

Тогда Джал выступил с предложением, которое было признано самым разумным: обратиться к инспектору Масалавала, живущему через дорогу.

Много лет назад, когда Ясмин Вакиль и Люси Браганца упали с крыши, семью выручил отец инспектора, старший полицейский офицер Масалавала, ныне покойный.

Он тогда сказал:

— Нам, парсам, ни к чему полоскать на людях наше грязное белье.

И дело обошлось без лишнего шума.

Сын, еще не дослужившийся до звания отца, оказался столь же находчивым.

Делегацию, явившуюся к нему на дом, инспектор Масалавала выслушал с пониманием, поскольку разделял философию отца. Он даже уговорил своего соседа, оставившего практику доктора Фиттера, оказать необходимую помощь, как некогда он оказал ее в деле Вакилей.

Они вместе перешли через улицу и побывали на месте происшествия. Их приход чудодейственным образом подействовал на парамедиков, настырность которых мгновенно сменилась робостью. Они даже попытались отдать инспектору честь.

Доктор Фиттер осмотрел тела, пощупал пульс и сказал, что выдаст свидетельства о смерти — делать вскрытие нет надобности.

«Это теперь стандартная процедура», — подумал Джал, тупо наблюдая происходящее.

Глава 19

Йезад обнял его, прошептал: «Соболезную» — и уступил место Роксане. Она со слезами прильнула к брату.

Оказавшись наедине со своими, Джал впервые заплакал. Соседи разошлись, и боль, которую он подавлял, занимаясь практическими делами, теперь дала себе выход. Своим он мог сказать, что оплакивает не только смерть Куми, но и все то, что она упустила в жизни.

— Папа то же самое говорит, — всхлипнула Роксана. — Когда он узнал, что произошло, он сказал: «Как жалко, что она умерла, полная злобы».

Джал кивнул. Он безмолвно плакал, прижав голову Роксаны к своей груди.

Роксана, которая хорошо знала, как утешают хлопоты, предложила помочь ему собрать вещи для ночного бдения в Башне молчания.

В маминой комнате, которую совместно занимали Джал и Куми, в единственной комнате, где молоток не прошелся по потолку, Роксана заглянула в угол Джала. Случайно ей на глаза попалась ночная сорочка в цветочек. Туфли Куми

под кроватью. На туалетном столике листок с цифрами — это она подсчитывала хозяйственные расходы. Остро заточенный карандаш. Листок прижат раскрытым молитвенником. Вечерняя молитва. Значит, Куми молилась между заходом солнца и полуночью.

Роксана громко разрыдалась. Мужчины прибежали из гостиной. Увидев, что она стоит с молитвенником Куми в руках, они все поняли.

Потом подъехал катафалк, и они отправились в Башню молчания. Формальности, ритуальное омовение тела, приготавливаемого к похоронам на следующий день. Тело в белых одеждах было положено на мраморную плиту в молитвенном зале. Больше делать ничего не надо.

Сидели на стульях, выстроившихся вдоль стены сумрачного зала. Изредка из помещения позади зала доносились голоса, позвякивала посуда, которую мыли для завтрашних похорон. Потом звуки стихли. Наступила тишина.

Роксана поднялась со стула и стала в дверях. Веранда, за ней сочная листва деревьев, кусты. «Совсем другой мир, — думала она, — какой здесь покой, на вершине холма, высоко над пылью и смрадом города!»

Стемнело, и в тишину стало врываться жуж-

жание насекомых. «Они лишь подчеркивают покой», — думалось Роксане. Она пыталась различить тропу, которая вела от веранды к вершине холма, уже утопавшей во мгле. Тропа, по которой завтра понесут тело Куми, наверх к Башне молчания, где его расклюют грифы…

Роксана возвратилась в зал и посмотрела на Йезада. Тот кивнул — да, им пора. Он еще раз поклонился телу и отступил назад. Она помедлила, вглядываясь в лицо, пока еще открытое — его закроют завтра, после молебствия. Выражение лица стало гораздо мягче, Роксана вдруг снова увидела сестру своего детства, которая так баловала ее, носила ее на руках как любимую куклу. Слезы неудержимо катились по щекам Роксаны.

Йезад осторожно коснулся ее локтя. Он обнял ее за плечи и медленно повел к двери. Джал вышел с ними на веранду.

Они стали спускаться по тропе, повернулись, помахали Джалу, двинулись дальше вниз по холму, окутанному мглой и птичьим щебетом, густая листва вздымалась над ними, как огромный темный зонт.

В такси Роксана молчала, пока Йезад объяснял шоферу, как довезти их кратчайшим путем. Потом она сказала:

— Это ужасно, что в такую минуту я вспоминаю потолок.

— Не терзайся. Я тоже думаю об этом. Это естественно.

— Даже если его привести в порядок, чтобы папа мог вернуться, как может Джал в одиночку справиться с уходом за ним?

— Видимо, это нам суждено присматривать за чифом.

Больше Йезад не сказал ни слова, подавленный тяжелыми мыслями. Бремя их было слишком велико. Теперь он все оставит на волю Бога — и да свершится воля Его, как это все равно происходит всегда.

Он остановил такси у поворота в их переулок. Дальше пошли пешком, чтобы сэкономить. Пока Роксана поднималась по лестнице, он задержался в аптеке, где был телефон, предупредить Капура, что не выйдет на работу из-за похорон. Телефон звонил, но никто не отвечал.

Дома он увидел Роксану, сидевшую на кровати с детьми. Мурад расспрашивал о несчастном случае, хотел знать, как умерла тетя Куми, родители старались отвечать как можно честнее.

— А я пойду на похороны? — спросил Джехангир.

— А ты хотел бы?

Он кивнул.

— Мурад?

Кивнул и он.

После ужина Йезад опять пошел звонить Капуру. Опять не дозвонился. Трижды ходил в аптеку, но в одиннадцать часов отказался от дальнейших попыток. Придется с утра ехать на работу, чтобы рассказать Капуру лично.

На двери висело объявление:

«В связи с кончиной в семье магазин временно закрыт. Приносим извинение нашим клиентам за неудобства».

Сначала Йезад не понял — каким образом мистер Капур узнал о смерти Куми?.. И как трогательно, что он считает его членом семьи…

Но спохватился — нет, это не связано с Куми. Кто же умер, в таком случае? Еще одно совпадение? Смерть в его семье, смерть в семье Капура…

Доставая ключи, он заметил, что объявление написано не почерком Капура. Надо открыть, позвонить и узнать, кто умер. Выразить соболезнование Капуру и сообщить ему о беде в их семье. Отпер наружный замок и вставил ключ в американский замок.

Ключ повернулся, но дверь не открылась. По-

пробовал еще раз — и тут заметил навесной замок на щеколде в нижней части двери. Войти нельзя. В чем дело? Возможно, тот, кто вешал объявление, принял дополнительные меры безопасности.

Йезад спрятал ключи в карман. Через минуту подошел Хусайн. Надо предупредить его.

— Салам, сахиб.

— Извини, Хусайн, но нам не войти.

Хусайн кивнул и скорбным жестом указал на дверь.

— Сердце мое разрывается, — всхлипнул он.

Йезад не понял, отчего смерть в семье Капура привела Хусайна в такое состояние — он, видимо, опять в депрессии, надо с ним помягче.

— Раз мы не можем войти, Хусайн-миян, возвращайся домой и отдохни денек. Тебе этот день оплатят. А мистера Капура увидим, когда откроется магазин.

Хусайн с ужасом посмотрел на него:

— Вы что говорите? Мы больше никогда не увидим Капур-сахиба!

Йезад прислонился к двери, чтобы остановить тротуар, поплывший под его ногами. Он опустился на крыльцо, чуть не упав. Хусайн поддержал его и сел рядом, обливаясь слезами.

— Что случилось?

— Что говорить? Убили его… двое.

И пожал плечами, показывая, что добавить нечего.

Сдерживаясь изо всех сил, Йезад осторожно выспрашивал Хусайна о тех людях, о том, что они говорили, была ли драка. Он старался, как всегда делал Капур, говорить на хинди, чтобы помочь Хусайну объясниться.

Тот старался через силу.

— Я на улице был… Слышу, сахиб говорит им: сегодня магазин бизнес не делает, только детей пускаем. Они смеются, говорят, что их бизнес даже лучше делать в закрытом магазине.

Его передернуло при воспоминании.

— Назвали его «панджу»: мы тебя, панджу, проучим. Толкнули его в угол. Бить стали, в живот, ногами тоже. Я хотел закричать, а голос пропал. Вдруг сахиб схватил биту и кричит: головы вам разобью!

Припомнив, как хозяин взял верх, Хусайн ободрился на миг. Но рассказ о Капуре, неукротимом, не сдающемся до конца, буквально сломил Йезада. Он забыл о слабости Хусайна и резко потребовал:

— Что дальше, пхир кья, говори, Хусайн!

— Испугались, убежали за прилавок. И у них были ножи. Один ударил в спину. Сахиб закричал. И я закричал, голос вернулся. Они убежали как собаки. Сахиб упал, я подбежал. Сначала крови не видел — одежда тоже красная. Потом сильно потекла. Он говорит: помоги, Хусайн. Жене позвони. Я позвонил, Капур-биби ответила, я повторяю, что сахиб говорит: «Беда, вызови «Скорую», приезжай быстро».

Йезад кивнул, и Хусайн продолжил:

— Повезли в больницу, я тоже поехал, Капур-сахиб велел меня взять. Я его за руку держал, пока Капур-биби не приехала. Вставили ему трубку, кровь налить из бутылки. Я говорю, если не хватит, из меня возьмите. Проверили, сказали — нет, другая нужна.

Он замолчал.

— Почему они мою кровь не взяли? — со слезами спросил он. — Потому, что моя мусульманская, а Капур-сахиб индус?

— Нет-нет, Хусайн, совсем не из-за этого. По медицинским причинам, не по религиозным. Твоя группа крови может отличаться даже от крови твоих родных братьев. Кровь у Капур-сахиба может быть не такой, как у Капур-биби. Религия тут ни при чем.

— Ачча, ладно, — с некоторым облегчением кивнул он. — А вечером сахиб перестал дышать, и они вытащили трубку.

Хусайн ударил себя кулаком в грудь.

— Такой человек! Почему убивают хороших людей?

Йезаду так хотелось бы позволить себе роскошь так же простодушно горевать, как Хусайн. Однако потом у него будет достаточно времени, чтобы разобраться в своих чувствах, а сейчас Хусайн нуждается в нем.

— Как нам знать, Хусайн? Воля Аллаха. — Он обнял его за плечи, как делал Капур. — А полиция что?

— Полиция? — презрение вытеснило слезы. — Вопросы задавали, много вопросов. Я все рассказал. Какие они были из себя, что говорили. Записали. Сказали, что это, наверно, бандиты, а мой крик их спугнул, не успели ничего украсть. Я даже не понял. Сказал им, что утром Шив Сена приходила, большая ссора была. Я боялся про это говорить. Но я хочу, чтобы полиция поймала этих собак, которые Капур-сахиба убили!

Хусайн смолк, Йезад подождал, потом подтолкнул его.

— Полиция говорит, нельзя впутывать Шив

Сену, нет доказательств. Один полицейский нехорошо засмеялся и сказал: «Вы, мусульмане, во всем обвиняете Шив Сену». Я испугался и сказал: «Извините меня, полис-сахиб, я этого не хотел. Пожалуйста, накажите убийц. Я говорил, потому что мне сказали все говорить».

Хусайна била дрожь, он бессмысленно возился с завязкой на сандалии, качая головой. Йезад потрепал его по колену и сказал, что он очень храбро вел себя.

— Мне надо сходить к Капур-биби, — сказал он Хусайну, — выразить скорбь, предложить помощь по магазину. Хочешь со мной пойти?

— Она знает мою скорбь. Побуду здесь.

Йезад коснулся его плеча, встал с крыльца и пошел. Он шел, не разбирая дороги, наталкиваясь на встречных, спотыкаясь на выбоинах.

Он в изумлении остановился в квартале, где жил Капур, пытаясь сориентироваться. Пришлось спрашивать прохожих, искать нужный поворот. Всю дорогу он не мог думать ни о чем, кроме интриги, которую он затеял с Виласом и актерами, он винил их, винил себя за то, что в результате случилось с Капуром… Несчастный человек, нелепая смерть… Конечно, он мог заподозрить мошенничество, когда явились на-

стоящие шивсеновцы, но кто же знал, что они еще раз явятся? В этом вся беда, возможность такого совпадения никому и в голову не приходила…

Йезад вошел в облицованный гранитом холл и тупо уставился на бронзовую пластину со списком жильцов. Привратник узнал, кого он ищет, и назвал номер квартиры. Скоростной лифт мгновенно доставил его на шестнадцатый этаж роскошной башни.

Дверь квартиры была открыта. Он замер в коридоре, не зная, позвонить ли или пройти дальше. Медная дверная ручка в форме ситара. Полно народу, толкутся, переходят с места на место. Могло бы показаться, что просто в доме гости, если бы не белые одежды на всех и не приглушенность разговоров…

Вновь пришедшие увлекли с собой Йезада. Он решил выразить соболезнование миссис и сразу уйти.

В мраморном холле он замялся, не зная, куда дальше идти, но движение посетителей подсказывало, что миссис Капур должна быть в комнате справа. Он двинулся туда, преодолевая неловкость: в доме явно были родственники, близкие друзья, они смотрели на него с некоторым недоумением. Кто-то поздоровался и пожал ему руку.

— Ужасно, ужасно, — пробормотал он. — Какой позор! Бомбей превращается в криминальный город.

— Просто страшно, — покачал головой Йезад. — Миссис Капур…

— Да, да, она в той комнате.

Йезад пробрался сквозь толпу и увидел миссис Капур, она сидела в кресле у окна. Но ее окружал целый сонм родни, и пробиться к ней было трудно — в чем он скоро убедился. Каждый раз, как только он делал шаг вперед, кто-то загораживал путь, а поскольку ему казалось неудобным проявлять настойчивость, то пришлось ждать.

Он отметил, что всем хотелось поддерживать физический контакт с ней — будто их скорбь оказалась бы под сомнением, если бы они не держали ее за руку, не гладили по волосам, не касались лица. Бедная женщина… пережить такую трагедию, а теперь еще и это терпеть…

Йезад переминался за группой, которая, с его точки зрения, уже выразила соболезнования в полной мере.

Из перешептывания родни он понял, что ждут тело мистера Капура — судмедэксперты уже сделали свое заключение, и теперь его должны были скоро привезти.

Возбужденный голос с балкона объявил:

— Кажется, приехали!

В ворота дома въезжало нечто похожее на катафалк.

Народ хлынул на балкон посмотреть. Ложная тревога — это был фургон доставки мебели.

— Простите, — оправдывался мужчина, — сверху плохо видно. Нужно взять бинокль, он у Викрама в кабинете.

И пошел искать бинокль.

Похороны, утхамна, чаран… На протяжении четырех дней молебствий и обрядов Йезад и Роксана регулярно виделись с Джалом и каждый раз отмечали, что он выглядит все более изнуренным. Потом он исчез на несколько дней, и Роксана тревожилась за него.

— Он знает, что в любую минуту может обратиться к нам за помощью, — успокаивал ее Йезад.

Джал появился вечером следующего дня и честно признался, что минувшая неделя вымотала его и он отсиживался дома, чтобы отдохнуть и подумать. Принес алюминиевые судки с едой: дома столько всего скопилось, он еще не успел сообщить в Сева Садан, что отныне будет заказывать на одного.

В судках были котлеты, картофельное пюре, маленькая мисочка подливки и сладкий пудинг. Роксана была счастлива — вот им и ужин, а если в подливку добавить немного воды, то может хватить на пятерых.

Заговорили о похоронах и поминальных обрядах, и Джал сказал, что хоть он и устал смертельно, но никогда в жизни он не спал так крепко и сладко, как в те ночи, что провел в Башне молчания.

— Верю, — кивнул Йезад, — так и со мной было несколько лет назад, когда умер отец. Я дал клятву, что буду сидеть возле него, пока не взойдет солнце. Но Дунгервади — магическое место. Там исчезла боль, исчезла скорбь, их сменил глубокий мир. Будто ангелы и фареишты слетелись с небес утешить меня.

Он улыбнулся Роксане: это было ее выражение — и продолжил:

— Я вспоминаю, как часа в три ночи я заснул. Я спал так сладко, будто, как в детстве, отец гладил меня по голове и по спине.

— Вот так и со мной было, — подхватил Джал.

Он рассказал, как вчера побывал на поминальной службе по Эдулю, чтобы выразить свои чувства семье Манизе, которая его винила в

смерти мужа. Когда во время приношения огню сандалового дерева ему пришлось пройти мимо сидевших длинным рядом членов семьи, он поклонился им, касаясь рукой лба. Он счел за благо отложить на потом рукопожатия и соболезнования.

— Но после молитв родственники сразу увели Манизе. Я обошел весь храм, искал ее и в саду, но так и не нашел.

— Я уверен, что представится другой случай, — сказал Йезад. — Или зайди к ней домой, ведь их квартира прямо под вашей.

— Да нет, квартира пустует, Манизе вернулась в родительский дом. Я надеюсь, что ее злоба пройдет. Страшная вещь — злоба. На свете столько несчастных браков, столько семей живут в бесконечных сварах. Что за абсурд эта сила, которая называется судьбой?

— Человек предполагает, а Бог располагает, — изрек Йезад. — Нам не дано все понимать. А когда мы пытаемся, то делаем себя несчастными.

— Ты прав. Кстати, завтра я собираюсь зайти к инспектору Масалавале, поблагодарить его за помощь. И доктора Фиттера тоже — за то, что подписал свидетельство о смерти.

— Хорошая мысль. И от нашего имени побла-

годари.

Джал не остался ужинать.

Роксана, разогревая к ужину принесенную Джалом еду, разволновалась:

— Столько котлет? Себе-то он оставил?

— Сомневаюсь, что он решил уморить себя голодом.

— Хозяйство всегда вела Куми. Ему сейчас, наверное, трудно.

— Не ребенок, справится.

На другой вечер, в половине седьмого, Джал позвонил в дверь инспектора Масалавалы. Он не рассчитывал задерживаться у инспектора: хотел зайти на несколько минут, поблагодарить, а потом заглянуть и к доктору Фиттеру.

Но когда слуга открыл ему, он увидел в гостиной и доктора. Мужчины с комфортом расположились в просторных ратановых креслах, уютно подмостив подушки под спины. На ратановом столике со стеклянным верхом стояли высокие стаканы, в них плавали кубики льда.

— Пожалуйста, не вставайте! — сказал Джал.

Они охотно подчинились, из мягкой глубины кресел протянув ему руки для пожатия.

— Я пришел поблагодарить вас, инспектор, за помощь, которую вы нам оказали на прошлой

неделе. Я и к вам собирался постучаться, доктор, чтобы выразить благодарность.

— Можете сразу двух зайцев… поблагодарить, — улыбнулся доктор Фиттер.

— Садитесь, — пригласил инспектор, — я тоже хотел выразить благодарность нашему доброму доктору. Человек отошел от дел, но немедленно откликнулся на мою просьбу, так? Вот я и пригласил его выпить со мной по глоточку.

Инспектор скромничал — речь шла не о глоточке, поскольку он выставил доктору Фиттеру бутылку своего любимого «Джонни Уокера» с голубой этикеткой. Теперь он предложил Джалу присоединиться.

— Спасибо, что-то не хочется пить.

— Понимаю вас, не буду настаивать. — Инспектор быстренько отставил бутылку в сторону. — Чего-нибудь другого? Прохладительного?

— Честно, ничего не хочется, спасибо. Просто хочу сказать, что я вам безмерно признателен. Вся наша семья признательна вам.

— Ну что вы, что вы.

Инспектор и доктор подняли стаканы.

— Саяамати, — сказал инспектор.

— Тандарости, — откликнулся доктор.

Они помолчали, наслаждаясь виски.

— Я рад, что смог оказаться полезным, — заговорил инспектор. — Если мы не будем поддерживать своих в эти смутные времена, то кто нас поддержит?

— Согласен, — сказал доктор.

— Это было очень любезно с вашей стороны, — вступил и Джал.

— Рады помочь.

Они смаковали виски, обсуждали его достоинства, растягивая удовольствие от напитка и ощущения, что сделали доброе дело. Джалу было приятно наблюдать за ними. Доктор справился о здоровье профессора Вакиля, Джал ответил, что отчим неважно чувствует себя.

— Проклятый паркинсонизм, — проворчал доктор, — ничего с ним не сделаешь.

— До вашего прихода, Джал, — сказал инспектор, — мы как раз говорили о будущем общины парсов.

— Да? Спор об ортодоксии и реформаторстве?

— Это лишь часть вопроса. Главная проблема заключается в снижении рождаемости, в том, что наши мужчины и женщины вступают в браки с иноверцами, а также в огромной миграции на Запад.

— Грифы и крематории останутся без дела, —

объявил доктор, — если не останется парсов, чтобы кормить их собой. А ваше мнение на этот счет?

— Не уверен, — ответил Джал, не желая вступать в обсуждение взрывоопасной темы. — Мы с самого начала были немногочисленной общиной. Но тем не менее мы выжили и добились процветания.

— То были другие времена, и мир был другим, — возразил инспектор, явно не настроенный на оптимизм. — Демографы убеждены, что через пятьдесят лет парсов просто не останется.

— Вымрут, как динозавры, — добавил доктор. — Останется лишь наши кости изучать.

Джал улыбнулся. Ему нравился доктор, несмотря на его грубоватость и резкость. Его юмор вобрал в себя дух парсов, их способность смеяться перед лицом тьмы.

— Вас назовут Джалозавром, — не унимался доктор, — я буду Шапурджизавром, а если откопают кости моего отца, появится Пестонджизавр с тюрбаном на голове. А наш дорогой инспектор, любитель шотландского виски, будет могучим Вискизавром с большой бутылкой «Голубой этикетки» под мышкой. А пока этого не произошло — ешь, пей и веселись!

Они хохотали, доктор и Джал, — до Джала вдруг дошло, как приятно опять посмеяться.

Инспектор сохранял серьезность, не понимая, что смешного в идее превращения парсов в динозавров.

— Меня в депрессию вгоняют мысли об этом. А больше всего меня злит мысль о том, что мы могли бы предотвратить катастрофу.

— В самом деле? — спросил доктор.

— Возьмем, к примеру, падение рождаемости. Молодые парсы — и юноши, и девушки — не хотят вступать в брак, если у них нет своей квартиры. Что в условиях Бомбея почти невозможно. Не хотят они спать под одной крышей с мамочкой и папочкой. В других общинах сексом занимаются не то что под общей крышей — в общей комнате за фанерной перегородкой или драной занавеской. А наши юные лорды и леди желают иметь звукоизоляцию и уединение. Один вред от этих западных идей.

— Разумеется. Занятно вот что — мы некогда гордились своим западничеством, своей развитостью, — заметил доктор.

— Все так, но выслушайте мое предложение. Если вступлению в брак препятствует недостаток уединения, Парси Панчаят должен оплатить

перепланировку родительской квартиры. Выгородить в ней угол, звукоизолировать стены, чтобы пара имела возможность удалиться туда, не беспокоиться о звуках и производить детишек на свет.

— Комната для спаривания? — уточнил доктор. — И молодожены пойдут на это?

— Стоит того, чтобы попробовать. Но это, конечно, не полное решение проблемы. Сколько угодно богатых пар живут отдельно, в прекрасных условиях и рожают одного ребенка. От силы двух. Похоже, что парсы — единственные в Индии, кто откликнулся на призыв о планировании рождаемости. Все прочие плодятся как кролики.

— Ну, — усмехнулся доктор, — те же демографы говорят, что, чем выше образовательный уровень общины, тем ниже уровень рождаемости.

— Значит, надо и этим заняться. У меня два предложения. Первое: нашей молодежи следует запретить учиться — получат диплом бакалавра, и хватит. Надо финансово стимулировать молодых, чтобы они меньше учились. Тем же, кто настаивает на продолжении образования, объявить, что они лишатся субсидий от Панчаята, если не подпишут обязательство произвести на свет столько детей, сколько имеется в их семьях

взрослых старше пятидесяти. Максимум семерых детей, зачем нам губить здоровье наших молодых женщин?

— Понятно. А как быть с теми, у кого проблемы со здоровьем, скажем, бесплодие?

— Это не оправдание, — возмутился инспектор. — Какое бесплодие в наше время, когда существует искусственное оплодотворение и прочие умопомрачительные технологии, которые позволяют производить на свет сколько угодно детей! Семья может одним заходом дать шесть-семь маленьких парсов. У меня нет сомнений.

— Вот как? Чрезвычайно интересное предложение.

— Наша община, молодые члены общины, должны заново открыть для себя радости большой семьи, — продолжал инспектор, не замечая улыбок, которыми обмениваются доктор и Джал. — Они должны осознать, что упускают. Веселая музыка детского смеха наполняет дом, жена готовит на кухне обильный обед, слышатся стук ножей и позвякивание кастрюль, разносятся запахи дхансака и дхандара.

— А будут предусмотрены меры по исключению бед больших семей, которые могут разрушить их радостную и счастливую жизнь?

— Ну конечно! — с жаром ответил инспектор. — Какие беды?

— Обычные — болезни, бедность.

— А, эти… Нет-нет, у Панчаята достаточно денег. Не будет ни больных, ни бедных. Единственное, что должно нас тревожить, — это идеи индивидуализма. Отрава. Чистейшая отрава для общины парсов эти идеи.

— Мой дорогой, — вздохнул доктор, — движение человеческой мысли не остановишь.

— Надо постараться, — строго указал инспектор. — Слишком много бед от них. Взять хоть дело Эдуля Мунши. Молодой, здоровый человек задавлен насмерть. Причина? Глупое увлечение идеями «умелых рук». Выполнял бы он свой долг парса, завел бы полдюжины детей, у него не осталось бы времени, чтобы дурака валять с этими инструментами. И был бы сегодня жив.

— Справедливо, — поддержал Джал. Из всего, что молол инспектор, лишь в этих словах содержался здравый смысл.

— И к вашей сестре это тоже относится. Извините, я не хочу бередить свежие раны, Джал, но, если бы она вышла замуж, так и жила бы в мужнином доме, далеко от той балки, которая размозжила ей череп.

— Если бы да кабы… — сказал доктор. — Если мы обречены на вымирание, так ничто нас не спасет.

— Верно, — инспектор не стал спорить, — но это будет утратой для всего мира. Когда исчезает одна культура, в проигрыше все человечество.

— Согласен, — сказал доктор. — Так, может быть, нам зарыть в землю капсулу времени для грядущих поколений? С указанием: вскрыть через тысячу лет. Положить в нее рецепты дхансака, патра-ни маччи, марги-на-фарча, лаган-ну сасиард, других блюд.

Инспектору понравилась мысль, он даже повеселел.

— Может быть, положить «Зенд-Авесту» и «Чхайе Хамай Зардошти» — слова и музыку?

— Обязательно. И несколько старых номеров «Джамшидовой чаши».

— И кассеты с записью радиокомедий Али Марзбана, — добавил Джал. — Куми очень любила их.

— Полную инструкцию и описание выполнения наших ритуалов и церемоний, — предложил инспектор.

— Не забыть присовокупить и экземпляр нашего великого эпоса, — вмешался доктор.

— Какого эпоса?

— «Эк пила ни ладаи».

Инспектор расхохотался, наконец полностью расслабившись.

— С английским переводом! — потребовал он.

Втроем стали пытаться перевести, сошлись на «Битве за курицу» в качестве заголовка. Потом совместно вспоминали стихи, повествующие о женщине, враждовавшей с соседями из-за украденной курицы, о противостоянии, длившемся пятьдесят четыре незабываемых дня. Чеканные строфы изобличали гнусность этого черного дела, после чего следовал подробный перечень угроз и проклятий потерпевшей, перечень страшных болезней, которые карой падут на воров, если съедят они хоть кусочек украденной птицы. Этот каталог больше всего развеселил компанию — поток недугов начиная с тифа, холеры, дифтерита, диареи, пиореи, геморроя и герпеса и кончая свинкой, корью, безумием, малярией и, разумеется, ветрянкой.

Компания с увлечением заполняла придуманную капсулу времени милыми сердцу вещами — древними и современными, серьезными и смешными, сакральными и профаническими, — пока не иссякло воображение.

Инспектор со вздохом налил виски в два опу-

стевших стакана.

— Только подумать, что это мы, парсы, построили этот прекрасный город и привели его к процветанию. А через некоторое время уже не останется парсов, чтобы рассказать об этом.

— Ну что ж, — сказал доктор, — и мы вымираем, и Бомбей умирает. Когда отлетает дух, тело быстро разлагается.

— Прекрасно сказано! — Инспектор украдкой коснулся уголка глаза. — В этом есть резон. Мне легче смотреть на это таким образом.

— А пока что ешь, пей и веселись.

Как раз тут появилась миссис Фиттер звать мужа домой, потому что ужин уже готов.

— Полностью готов или почти готов? — спросил доктор, не допивший виски.

— Полностью готов и почти на столе, — уверила жена, — и если сразу не сесть за стол, рыба остынет, и ты потом весь вечер будешь ворчать. Вы себе не можете представить, до чего придирчив этот мой парс. Это слышать надо, как он выступает со своими требованиями. Можно подумать, что он все еще распоряжается в операционной, этот мой супруг-пенсионер.

— О'кей, Техми, — добродушно отозвался муж, — ты достаточно очернила мою репутацию.

Он допил остаток виски и выбрался из глубокого кресла.

Джалу была приятна шутливая перебранка состарившейся пары, нескрываемая любовь, соединяющая их. Он тоже поднялся на ноги, собираясь уйти вместе с ними.

Миссис Фиттер заспешила вперед, двое мужчин помедлили у открытой двери, за которой уже сгустились сумерки, стояли, глядя на поток машин и людей, на темнеющее небо.

Ночь опускалась на город, но он продолжал неистовствовать, он кипел жизнью, бьющей через край. Джал заметил, с каким удовлетворением смотрит на вечерний город доктор Фиттер, кивая и тихонько улыбаясь, будто сообщая больному добрую весть. Они обменялись рукопожатиями, и доктор заторопился к своему рыбному ужину.

А Джал, дожидаясь возможности перейти улицу, посмотрел на часы — почти половина девятого. Засиделся он в гостях. Зато компания была славная.

«Странно, — размышлял Джал, — как доктор сумел несколькими фразами остановить поток инспекторского пессимизма, ловкой шуточкой сделать комичными его мрачные предвидения». Вот бы и ему научиться смехом отыскивать смысл

в мире или, по крайней мере, защищаться от его вечных нападений. Что касается инспектора и его демографов — все это глупости, достаточно посмотреть на семью Рокси и Йезада, на их сыновей, чтобы убедиться в этом. «На моих племянников», — с гордостью подумал Джал.

Не было газет, чтобы помочь Йезаду убить время. Он перестал покупать их на другой день после Рождества, когда затревожился в отношении своего будущего. Дети в школе, Йезад в одиночестве сидел за обеденным столом. Вчера отметили дасму — десятый день по Куми, значит, «Бомбейский спорт» уже десять дней закрыт.

— Йезад, что будет с магазином? — спросила Роксана, не в силах сдержать тревогу. — Тебя назначат управляющим?

Он должен сохранять спокойствие ради нее, нельзя дать ей почувствовать, что его мучает неизвестность, что он сомневается, будет ли у него работа вообще.

— Миссис Капур потребуется время, ей надо прийти в себя. Сама подумай — мужа убили в магазине среди бела дня…

— Ты прав, конечно, прав, десять дней — еще не срок… Просто, когда Джехангу и Мурад одевались в школу…

— И что?

— Мне показалось, что оба исхудали.

— Рокси, да они у нас всегда были тощими, — хихикнул он, успокаивая жену. — Помнишь нашу игру, когда мы им пересчитывали ребра, — как на пианино играли?

Роксана заулыбалась и пошла на кухню, оставив на столе поильник Наримана, чтобы немного остудить свежезаваренный чай.

«Интересно, сколько я смогу поддерживать наружное спокойствие?» — думал Йезад. Хотя выбора у него нет: если он сорвется, отчаяние сломит всю семью. Он уже в который раз напомнил себе, что все в руках Божьих, и вышел на балкон.

Ссутулившись над перилами, он смотрел на улицу внизу. Попугай на третьем этаже дома напротив безостановочно прыгал по клетке, передвигаясь из стороны в сторону, стукаясь о прутья. Йезад вздрогнул. Была бы это его птица, он открыл бы клетку и выпустил попугая на волю.

Чтобы не видеть его, он вернулся в комнату. Поильник стоял на столе. Потрогал, убедился, что чай остыл, и хотел было кликнуть Роксану с кухни, но остановился.

— Чиф, чай пить будете?

— Ум-м-м.

Йезад присел на край дивана и приложил носик к губам Наримана. Из угла рта побежала тоненькая струйка.

— Упс, извините, чиф, это носик с половинкой.

Взял салфетку, лежащую наготове рядом с подушкой, вытер Нариману подбородок. Сильно отросшая грубая щетина цепляла ткань. Цирюльник уж давненько не заходил — нечем платить ему.

— Хорошо хоть у вас медленно растет борода, чиф, а то стали бы похожим на Карла Маркса.

Нариман попытался улыбнуться, Йезад снова поднес поильник к его губам. Он сообразил, под каким углом нужно направлять носик, чтобы чай попадал в рот. И еще сообразил, что впервые за многомесячное пребывание Наримана в доме сидит так близко к нему.

Поильничек маленький, но ушло немало времени, чтобы его опорожнить. Когда чаепитие закончилось, Нариман поднял трясущуюся руку и положил на руку Йезада. Две руки вместе держали поильник, вместе дрожали.

«Это он меня благодарит», — понял Йезад. Взглянул на руку с давно не стриженными ногтями — костяшки пальцев похожи на прибрежную гальку, открытую всем стихиям, кожа почти

просвечивает, обнажая плоды работы времени, прожитых лет.

— На здоровье, чиф, — с трудом прошептал Йезад.

Он отнес поильник на кухню. Роксана решила, что муж хочет напомнить ей о чае.

— Так он же пустой, — удивилась она, заглянув в поильник, но в тот же миг поняла, что Йезад сделал. У нее задрожали губы.

— Он все выпил, — сообщил Йезад и вышел из кухни.

В комнате он выдвинул ящик туалетного столика Роксаны, порылся в нем, нашел, что искал.

— О'кей, чиф, приведем в порядок ваши ногти.

Он хотел начать с большого пальца, но Наримановa рука ходила ходуном в его руке, и он никак не мог захватить ножницами ноготь.

— Попробуем другой способ.

Йезад сел на край топчана, закинув ногу за ногу, положил руку Наримана на колено, прижал его пальцы своей рукой и стал орудовать ножницами. Ножницы щелкали, по комнате разлетались твердые желтые полумесяцы.

— Вот так вот! Что скажете?

— Пре-пре-восходно.

Но сухие ногти не столько отстригались, сколь-

ко отламывались, оставляя неровные зубцы. Йезад выдвинул пилку и принялся опиливать ногти, чем вызвал улыбку на губах Наримана.

— Ну как, лучше? — спросил Йезад.

— Ли-лишен когтей… Б-безвреден.

— Только не вы, чиф, с вашим-то острым языком!

Оба засмеялись. Йезад собрал с пола обрезки ногтей на старую газету.

— Знаете что, чиф, давайте и ноги заодно приведем в порядок.

— Н-не утруж-ж-дайтесь.

— Никакого труда.

Йезад уселся в ногах Наримана. Ногти ног оказались совсем жесткими, они почти ороговели, загнулись, как птичьи клювы. Он посмотрел через плечо, увидел слезу на щеке Наримана и быстро отвернулся, сделав вид, что не заметил.

После завершения и этой процедуры, когда обрезки всех ногтей были завернуты в газету, Йезад предложил:

— Не заняться ли нам бритьем, чиф? Вы, кажется, захватили с собой бритву?

Бритва обнаружилась в чемодане вместе с кисточкой и мылом. Но лезвие затупилось и густую щетину взять не могло. Йезад достал новое лез-

вие из собственного запаса и пошел на кухню за горячей водой.

— Бриться? — спросила Роксана, глянув на пятичасовую тень на щеках мужа.

Он кивнул. Развернул полотенце на груди Наримана и хорошенько взбил пену, чтобы умягчить щетину. Нариман поджал губы, освобождая кисточке место под носом.

— Порядок, — сказал Йезад и окунул бритву в горячую воду.

Он начал от уха, стараясь натягивать обвисшую кожу щеки, что оказалось не так-то просто. Нариман помогал, как мог, надувая щеки, пытаясь отвести рот вбок.

Йезад работал над подбородком, когда вошла Роксана и застыла на пороге при виде мужа, склонившегося над отцом, — не случилось ли чего? Поняв же, чем он занят, она молча прикрыла рот ладонью.

Йезад закончил бритье, тщательно вытер остатки мыла с крыльев носа и мочек ушей. Собрав бритвенные принадлежности, он встал и только тут увидел жену, стоящую в дверях. Ее глаза светились такой благодарностью, что Йезад виновато потупил взгляд.

К вечеру пришел Джал с пакетом продуктов.

— Опять у меня излишки, — весело объявил он. — Надеюсь, вы не откажетесь.

— Нет, это очень кстати, — сказала Роксана, хоть и не была уверена в реакции Йезада.

Джал обратил внимание на опрятный вид Наримана, чуть не щеголеватый, если может выглядеть щеголевато больной.

— Хэлло, папа, неужели это действительно ты?

— Дядя, ты потрогай! — закричал Джехангир, стискивая подбородок деда, — гладкий и мягкий, как раньше был!

Джал заколебался.

— Потрогай, так приятно!

Джал наклонился и нежно погладил Наримана по лицу:

— Джехангир прав. Ты лучше выбрит, чем я.

Нариман улыбнулся:

— Это Йезад… пов-повинен в моем пре…

— Преображении? Да?

Джал обернулся к Йезаду. Тот смотрел в другую сторону.

Зато Роксана рассыпалась в восторгах:

— Маникюр, педикюр, уход за лицом, все! Йезад навел папе полную красоту!

Мурад спросил, не открыть ли папе салон красоты — *Salon de Beatu de Monsieur Chenoy*.

— Чуть-чуть выучил французский и уже болтает! — с гордостью сказал Йезад.

— Знаешь, папа, — раздумчиво сказал Джехангир, — если бы ты специализировался на стариках, у тебя было бы столько клиентов! Я думаю, есть много старых людей, которые…

Голос его оборвался.

Зато Джал вскочил со стула и пылко обнял Йезада:

— Какой же ты хороший человек. У меня просто слов нет!

— Да за что меня благодарить, — буркнул он и, изнывая от неловкости, высвободился из объятий Джала.

Роксана спросила, не съест ли отец пирожок с мясом из принесенного Джалом пакета. Нариман отрицательно покачал головой, но шепнул Роксане, что ему нужна утка.

Доставая утку, она заметила, как Йезад сжался на стуле, потом поднялся на ноги и незаметно двинулся к балкону. «Ну что ж, — улыбнулась она про себя, — здесь он нам не помощник».

Человек, который принес записку, уставился на стакан в руке открывшего дверь Йезада, на вставные челюсти, бултыхающиеся в воде. Он перевел взгляд на рот Йезада, будто стараясь

определить, остались ли там еще зубы.

Йезаду стало смешно.

— Это не мои, у меня собственные зубы. А эти принадлежат старику-отцу.

— А я удивился…

И он вручил Йезаду записку.

От миссис Капур. Прошло три недели после смерти ее мужа. Йезад поставил стакан и вскрыл конверт.

Слуга ждал.

— Мемсахиб велела принести ответ.

— Передай, что я буду завтра в десять, как она просит. Написать?

— Не надо. Это-то я могу запомнить.

Роксана обрадовалась, узнав, в чем дело, — приглашение могло означать лишь одно. И конечно, завтра Йезад получит деньги. Она надеется, что миссис Капур не вычтет за те дни, когда магазин не работал.

— Ты же предложил ей самостоятельно заниматься магазином. Максимум. Она может не заплатить за два дня, когда мы хоронили Куми.

— Увидим.

Роксану очень встревожила сдержанность ответа и нотка усталости, которую она уловила в голосе мужа.

— В чем дело? — спросила она.

— Ничего, — ответил он, хотя его страшила мысль о том, как он снова войдет в магазин. Но Роксану обременять этим он не мог. Теперь это касается только его самого и Бога.

Глава 20

Подойдя к «Бомбейскому спорту», Йезад увидел, что стальные жалюзи опущены, но дверь не заперта. В магазине его встретил тот же слуга, который приходил с запиской. Он молча указал на офис в глубине магазина.

Йезад зашел за прилавок, услышал завывание включенного кондиционера, в открытую дверь увидел миссис Капур в кресле мужа. Она расположилась в кресле так, будто всю жизнь занимала его… Прошла через испытание и вышла невредимой… Нет, так нельзя, дух человеческий могуч, и она заслуживает всяческого уважения… «Но только она выглядит несколько самодовольной за этим столом», — подумал Йезад и тут же позавидовал ее уверенности в себе.

— Доброе утро, мистер Ченой, присаживайтесь, пожалуйста.

— Спасибо.

«В прошлый раз я был для нее Йезад», — отметил он.

— Я сразу перехожу к делу. «Бомбейский спорт» не открывается.

Он не мог понять, отчего не испытывает ни шока, ни удивления. Скорее странное чувство облегчения.

— Вы продаете магазин? — услышал он собственный вопрос.

— А что? Хотели бы купить?

Любезная улыбка не затемнила смысл сказанного: не ваше дело.

Он глупо покачал головой. Она продолжила:

— Помимо задолженности по жалованью я плачу вам еще за один месяц.

Миссис Капур придвинула к нему тощий конверт. Он не прикоснулся к нему, решая в уме уравнение: пятнадцать лет беспорочной службы равняются месячному заработку.

— Прошу вас, возьмите, — сказала миссис Капур, принимая его молчание за отказ. — Я уверена, Викрам хотел бы, чтобы вы приняли эти деньги.

— Спасибо.

Он подвинул конверт к себе. Ну что, все? Теперь нужно встать и положить конверт в карман? Он приготовился идти.

— Кстати, мистер Ченой, вы знаете про чемоданчик, который здесь находился? — продолжила миссис Капур с той же улыбкой.

— Да.

— Всякий раз, как Викрам говорил о чемоданчике, он хвалил вас. Говорил, что ему незачем считать выручку от продажи за наличные. Вы каждый вечер вручали ему все до рупии.

— Как еще я мог поступать?

Она посмеялась отрывистым смехом.

— Могу привести вам уйму других примеров. Очень трудно найти честного работника. Уверена, что, если бы не вы, чемоданчик был бы гораздо меньше.

«И по этой причине ты меня награждаешь месячным заработком», — подумал он.

— Викрам называл эти деньги нашим личным пенсионным планом. Бедный мой муж не дожил до пенсии. — Она помолчала. — Вы знаете, что некоторое время назад ему пришла в голову безумная идея уйти в политику. Хотел истратить деньги из чемоданчика на свою избирательную кампанию. Но я решительно воспротивилась этому.

— Он был наверняка разочарован.

Она покачала головой:

— Мой Викрам во многих отношениях был большим ребенком, которому хотелось испытать себя в разных глупых затеях. Мне пришлось под-

черкнуть, что есть и проблемы. Иной раз я просто не могу понять, как он справлялся с бизнесом без меня.

— Он был прекрасным бизнесменом.

— Как любезно в вашей стороны — вы действительно лояльный служащий. Да, чтобы не забыть: вам известно, сколько в чемоданчике денег?

— Нет. И я не уверен, что мистер Капур вел точный подсчет.

— Не вел, — улыбнулась она, — но я вела. Возвращаясь вечером домой, он говорил мне, сколько отложил в чемоданчик. А у нас, у пенджабцев, есть поговорка: можешь хоть сто тысяч раздать на бакшиш, но считать надо каждую рупию.

«А насчет черного нала и сокрытия от налогообложения у вас тоже есть пословица?» — хотелось ему спросить.

— Вчера вечером я пересчитала деньги в чемоданчике. И возникла проблема — там на тридцать пять тысяч меньше, чем должно быть.

Так вот к чему она вела, улыбчивая паучиха пытается запутать его в свою паутину.

— Разве мистер Капур не говорил вам? — вежливо осведомился Йезад.

— Не говорил о чем?

— О Шив Сене. Вы знаете, что они ходят по деловым людям, вымогая так называемые добровольные взносы на…

— Нас они никогда не беспокоили, — резко прервала его миссис Капур.

— На сей раз побеспокоили.

Йезад рассказал о том, как мистер Капур согласился заплатить Шив Сене, чтобы сохранить «Бомбей» в названии магазина.

— На это он взял тридцать пять тысяч из чемоданчика.

— Вот как. А расписку в получении денег они дали?

— На Рождество все недоразумение возникло из-за того, что явились двое других шивсеновцев и сказали, что название необходимо изменить. А первые двое так и не вернулись за деньгами.

— Не вернулись. Куда же девались деньги?

— Так и лежат в моем столе. — Он сделал жест в сторону торгового зала. — Если их не украли во время налета.

Ее глаза сузились.

— Мистер Ченой, в тот день ничего не украли, Хусайн своим криком спугнул воров. Между прочим, я так и не нашла дубликат ключа от вашего стола. Посмотрим?

Он нащупал ключи в кармане, и они вместе вышли из офиса. У него дрожали руки, когда он отпирал стол. Медленно выдвинул ящик, думая об отце, о часах на кухне, о чести и о добром имени…

Конверт ей он вручил без всяких эмоций. Она заглянула в ящик, проверяя, что еще там есть.

— Лучше пересчитайте деньги, миссис Капур. Как вы сами сказали, считать надо каждую рупию.

— И все же я не понимаю, — теперь ее тон был откровенно подозрительным, враждебность — неприкрытой, — не понимаю, почему эти деньги находились в вашем столе?

— Мистер Капур хотел, чтобы деньги передал я. Он сказал, что его тошнит от разговоров с вымогателями.

— Все это весьма странно. Зачем Викраму понадобилось платить, почему просто не изменить название магазина? Новая вывеска обошлась бы куда дешевле, чем тридцать пять тысяч.

— Мистер Капур не все оценивал в деньгах. — Йезад старался говорить ровным тоном. — Как вы знаете, это название, слово «Бомбей», очень много значило для него.

Она покачала головой:

— Мой Викрам не был так сентиментален. Но, как бы там ни было, вам лучше взять личные вещи из стола, чтобы не пришлось еще раз приходить сюда.

«Как плохо она знала своего мужа», — думал Йезад, выдвигая один за другим ящики стола, осматривая их содержимое. Личных вещей было немного. Несколько журналов, благодарственные письма от клиентов, праздничные поздравления от деловых партнеров, накопившиеся за несколько лет.

Миссис Капур стояла рядом, наблюдая, следя за каждым предметом, который перекочевывал в его кейс, наклоняясь то в одну сторону, то в другую, чтобы ничего не упустить.

Йезад не спешил, притворяясь, будто внимательно просматривает папки и не замечает, что за ним следят. Но ум его был занят воспоминаниями детских лет, непрошеными воспоминаниями о слуге, которого заподозрили в воровстве… Генри было лет пятнадцать, он был года на четыре старше Йезада, и прогоняли его из-за какой-то мелочи. Отец Генри, сгорая со стыда, пришел забирать сына. Сундучок Генри, ржавый и помятый, стоял у двери рядом с его тощеньким скатанным матрасом. Но прежде чем они с отцом

покинули дом, их заставили открыть сундучок, развернуть потрепанный и залатанный матрас на обозрение хозяевам, показать, что ничего с собой не уносят. А отец Генри смотрел на это несчастными глазами…

Йезаду подумалось: не смотрит ли сейчас его отец на унижение сына? Он закончил разбор ящиков, задвинул их и отдал ключ.

— Благодарю вас, мистер Ченой. И от имени Викрама тоже. А теперь — может быть, вы хотели что-нибудь взять на память? Какую-нибудь мелочь на память о Викраме?

Может быть, ей хочется извиниться за свою подозрительность… Он хотел было отказаться от любезного предложения, как вдруг вспомнил…

— Вы знаете, мистер Капур сделал мне подарок на Рождество. Я забыл его в магазине из-за скандала с Шив Сеной. Три фотографии Хьюз-роуд — он их, должно быть, в свой стол спрятал для меня.

— Я знаю, где они, мистер Ченой, но это очень дорогие снимки.

Он посмотрел ей в глаза.

— Мистер Капур подарил их мне, — повторил он, изо всех сил стараясь говорить спокойно. — Утром. На Рождество.

— Не думаю, что это возможно. Это снимки из

коллекции Викрама — такое у него было хобби, в числе прочих. Но мне придется продать коллекцию, я овдовела и теперь вынуждена экономить. Может быть, что-нибудь другое? Хотите взять Санта-Клауса? Или футбольный мяч?

— Спасибо, нет.

— Вы уверены? О'кей, всего хорошего.

Йезад выходил из магазина в состоянии странной опустошенности. Нащупал в кармане ключи от входной двери — она забыла забрать их. Он оглянулся, затворяя за собой дверь. Нет, не забыла, заменила оба замка.

Шагая по кромке тротуара, он снова нащупал ключи, вынул их из кармана и уронил в сточную канаву. Пятнадцать лет. Он слышал, как они звякнули.

Мусорщик, неподалеку копавшийся в своем мешке, заметил ключи и бросился доставать их. Выудил из грязи и спрятал в мешок с металлическим хламом.

Проходя мимо книжного, Йезад услышал свое имя, но притворился, будто не слышит, и прибавил шагу. Он шел, не останавливаясь, до самого храма огня.

Йезад рылся в старой сумке со сломанной молнией, куда Роксана складывала важные до-

кументы: квитанции, медицинские справки, отчеты об успеваемости детей. Он отыскал свое свидетельство об окончании школы, диплом бакалавра, диплом школы торговли и менеджмента и свое резюме пятнадцатилетней давности.

Разложил бумаги на обеденном столе. Подновил резюме и переписал от руки. Роксана залюбовалась его почерком.

— Просто жемчужина к жемчужине! С таким почерком ничего перепечатывать не надо!

Он улыбнулся.

— Ты легко найдешь себе новую работу. Получше старой. — Она поцеловала его в макушку и ушла.

Йезад закончил резюме, собрал в папку благодарственные письма от клиентов, которые принес из «Бомбейского спорта», и понес снимать фотокопии.

На протяжении трех дней он обходил все магазины, торгующие спортивным инвентарем. Менеджеры и владельцы слышали о трагедии на его прежней работе, сочувственно брали документы и обещали дать знать, если откроется вакансия. Однако Йезад не мог не отметить некоторую неловкость в их поведении. Они даже руку ему пожимали с осторожностью, будто предпо-

чли бы не иметь контакта с человеком, столь тесно связанным с убийством.

На четвертый день Йезад вышел из дому в обычное время и зашагал в храм огня. Сезонный проездной истек. Он два часа молился в храме, потом пошел домой. Было около часа, когда он открыл дверь.

— Иездаа? Уже вернулся?

— Я уже все спортивные магазины обошел.

— А в другие не заглянешь?

— Что ты хочешь сказать? Что я лодырь, потому что сегодня рано вернулся домой?

— Я только хотела узнать о твоих планах.

— Не надо ничего узнавать. Всем, с кем я разговаривал, требуется время, чтобы мне что-то предложить. Бог решит, когда наступит моя очередь.

Роксана оставила его в покое, но во второй половине дня спросила, может ли она отлучиться, раз он дома.

— Джал попросил меня разобрать вещи Куми — ее одежду, обувь, мелочи всякие. Он решил отдать их в дом престарелых и в приют для вдов.

— Обязательно сходи. И чем скорее, тем лучше. Бедным пригодится.

Перед уходом она подала отцу утку, хотя он не

просил. Но помочился скудно — всего несколько капель.

— И все, папа? Попробуй еще, чтобы потом спокойно дождаться моего возвращения.

Нариман со стоном попробовал еще раз. Опять несколько капель. Роксана вылила утку в туалет, вымыла ее. Йезаду она сказала, что папа неплохо чувствует себя, похоже, у него спокойный день сегодня.

Йезад немного посидел в большой комнате. Он смотрел на трясущиеся руки Наримана, на неспокойные глаза, закрытые веками. Но печальней всего казалось Йезаду молчание Наримана, почти не нарушаемое им в последние недели.

Вышел на балкон. Опершись о перила, смотрел перед собой и вспоминал, какое детское чувство обиды вызывал у него Нариман, когда его привезли к ним четыре месяца назад. А ведь до этого ему нравилось общаться с Нариманом, он наслаждался его остроумием и остротой его интеллекта, его умением выразить мысль — в нескольких ли словах или в потоке убедительных аргументов. И осталась от всего этого еле сочащаяся, едва приметная струйка. Как вентилятор с переключателем на несколько скоростей, который стоит у них в маленькой комнате, еле вращая лопастя-

ми… Само по себе и это может радовать — могло бы, если бы не напоминало о приближении остановки. Конца всем движениям, всем словам…

Когда дети пришли из школы, Йезад поставил чайник. Их явно радовала новизна ситуации — отец дома в неурочное время и готовит им чай, вместо того чтобы быть на работе. Он посидел с ними, пока они пили чай.

— Теперь за учебники.

Они поплелись к письменному столу в маленькой комнате, он сел на кровать. Детские лица блестели от пота. «Господи, — подумал он, — еще январь не кончился, а уже начинается жара. Спросил, что задали на дом».

— Мне надо сделать французский traduction[9], — сказал Мурад.

— Я еще не совсем забыл французский, так что могу, если нужно, помочь.

— Merci, Papa[10].

— А ты, Джехангла?

— Арифметика. Только задачи какие-то глупые. Вот смотри: миссис Болакани отправилась на рынок, взяв с собой 100 рупий. Она истратила 22,

---

[9] Примечания: 9
Перевод (*фр.*).

[10] Примечания: 10
Спасибо, папа (*фр.*).

5 на яйца, 14 рупий на хлеб, 36, 75 на масло и 7 рупий на лук. Сколько у нее осталось денег?

Йезад поинтересовался, что глупого в этой задаче, и Джехангир сказал, что никто не станет покупать столько масла за один раз. Ясно же, что у миссис Болакани нет таких удобных конвертов, как у мамы.

Джехангир всех рассмешил. Мурад спросил, можно ли включить вентилятор.

Джехангир хмуро взглянул на брата:

— Мама же говорила тебе, что он много электричества потребляет, как его включишь, так счет сразу больше.

— Но мне жарко! Как запомнишь все эти французские глаголы, когда с тебя пот течет?

Йезад разрешил на десять минут включить вентилятор. Сам повернул переключатель на минимальную скорость — другие позиции все равно не работали, и воздух в комнате пришел в движение.

Из соседней комнаты стала доноситься невнятная речь Наримана.

— Как дела, чиф? — спросил он, подходя к дивану.

И почувствовал себя дураком.

— Рокси ненадолго вышла, но мы все здесь.

Нариман все силился что-то сказать, и Йезад позвал на помощь мальчиков.

— Дедушка пытается что-то сказать. Может быть, вы поймете?

Все трое выстроились у дивана в ожидании.

— Может, ему пи-пи нужно? — предположил Йезад.

— Нет, — уверенно возразил Джехангир, — когда ему нужно пи-пи, он говорит «утка». Можно разобрать. Ка-ка ему, наверное, нужно.

У Йезада сердце заныло.

— Уверен?

Наклоняясь к Нариману, он мягко спросил:

— Что? Номер два?

В ответном стоне слышалась нотка облегчения — его поняли.

— Я сбегаю за тетей Вили? — вызвался Мурад.

Отец вздохнул:

— Не надо. Она нам не нужна.

Дети были поражены ответом. Они твердо помнили абсолютный запрет касаться этих посудин, помнили многочисленные ссоры родителей по этому поводу. Но отцовский ответ восприняли одобрительно…

— Я только не знаю, как это делать, — сказал Джехангир, — это труднее, чем утка.

Мурад кивнул: он тоже не знает.

— Как-нибудь справимся, — решил Йезад. — Не может тут быть особых трудностей…

Он поднял простыню и сдвинул ее к ногам, чтоб не испачкалась. Сразу усилился старческий запах, всегда исходящий от Наримана. «И это при всех стараниях Роксаны содержать его в чистоте, при постоянных обтираниях губкой и посыпаниях тальком», — подумал Йезад.

— О'кей, Джехангла, мы с Мурадом приподнимаем дедушку, а ты подкладываешь судно. Готов?

— Подожди, я вспомнил, мама всегда клеенку подстилает!

Аккуратно сложенная клеенка лежала под матрасом в изножье дивана. Джехангир развернул ее.

— Готово? — спросил отец. — Давайте!

Джехангир быстро подостлал клеенку и подсунул судно.

— Отлично. — Йезад с Мурадом опустили Наримана на судно. — Нормально, чиф?

Нариман испустил вздох облегчения, и они отошли в сторонку.

Как же Роксана справляется с этим в одиночку, недоумевал Йезад, поднять, подстелить клеенку,

подсунуть судно — и так каждый день? А он? Вместо того чтобы хоть похвалить ее, только и знает что злиться и жаловаться на запах! Она так нуждалась в его помощи, а он разглагольствовал, изнывая от жалости к себе. По утрам, по вечерам, чуть не каждую ночь он изводил ее своим недовольством, она же терпеливо сносила.

Стыд так жег его, что он почти не замечал запаха, и его привередливый нос не протестовал.

Джехангир осторожно взял отца за руку:

— Папа, а ты скоро найдешь работу?

— Бог велик, если будет на то Его воля, значит, найду.

Дети оторопели. Они еще не привыкли к новой фразеологии отца. И что сказать, не знали. Тишина нарушалась только кряхтением и вздохами Наримана.

— Вот что, — сказал Йезад, — завтра же праздник. Почему бы вам обоим утром не пойти со мной в храм огня? Можете помолиться Богу. Попросить его, чтоб помог нам.

Они смущенно кивнули. Такие вещи тетя Куми говорила, но от отца они никогда не слышали ничего подобного.

— Кажется, дедушка закончил свои дела, — сказал Мурад.

— Д-д-да…

Они немного приподняли Наримана, Джехангир вытащил судно, быстро накрыл его крышкой, достал из-под дивана корзинку с лоскутками, выкроенными из старого белья, и объяснил:

— Дедушке попку вытереть. Мама говорит, туалетная бумага дорого стоит…

Йезад побелел, но взял корзинку. В эту минуту открылась входная дверь и в дом вошла Роксана.

— Ох, папа, нет! — вскрикнула она, уже в коридоре чуя запах. — Неужели ты перепачкал постель?

Она влетела в большую комнату, увидела их у дивана, а Йезада с тряпочками в руках и все поняла.

— Спасибо, спасибо, — шепнула она, отбирая у Йезада корзинку, — я сама все сделаю.

— Ты Мураду и Джехангиру спасибо скажи, без них я бы ничего не смог.

Роксана улыбнулась, стараясь не расплакаться.

— Не знаю, как ты управляешься в одиночку, — сказал Йезад.

— Это не трудно. Со временем привыкаешь.

«Не со временем, — думал он, — а с любовью и преданностью. Есть, наверное, истина в пословице о любви, которая способна сдвинуть горы. Вот

она и помогает Роксане поднимать отца».

— Разверни пакет, Иездаа, посмотри, что Джал прислал тебе.

Он развернул газетный кулек: в нем была маленькая серебряная курильница изысканной формы — точная копия огромного афаргана из храма Вадияджи. Округлая пластинка, на которой жгли благовония, потемнела от раскаленных углей.

Он поднял маленький афарган на ладони и вопросительно взглянул на Роксану.

— Мамина, — ответила она. — Не узнаешь? Куми носила ее из комнаты в комнату во время вечерней молитвы, окуривая дом.

— Да, помню.

— Джал подумал, что она тебе понравится. Даже пакетик ладана прислал.

Йезад распечатал целлофановый пакетик и понюхал ладан. Ему нравилось держать в руке этот афарган, нравилась его форма, его серебряное мерцание.

Наутро после завтрака Йезад напомнил мальчикам про храм огня. Мурад отказался, заявив, что сегодня не Новруз и не Кхордад сал.

— Чудно как-то — просто так пойти в храм. Если перед экзаменами сходить — еще понятно.

— Не нужен никакой особый повод. Бог готов тебя выслушивать триста шестьдесят пять дней в году.

— И триста шестьдесят шесть, если это високосный год, — уточнил Джехангир.

Отец давно никуда их не водил, и Джехангиру очень хотелось поскорей выйти из дому. Мурад с неохотой переоделся для выхода.

На улицах было пустовато: День республики. Магазины, лавки, офисы — все закрыто. Изредка проносились машины, полные людей, размахивающих бумажными флажками. Мальчики заговорили о том, что хорошо бы выйти вечером, когда стемнеет, посмотреть иллюминацию.

Джехангир взялся за отцовскую руку и попытался шагать в ногу с ним. Через каждые несколько шагов ему приходилось делать маленькую пробежку, чтобы не отставать. Мурад сначала шел впереди, независимо, потом чуть замедлил шаг, а когда поравнялся с отцом и братом, отец и его взял за руку и стал насвистывать.

Джехангир задрал голову, стараясь распознать мелодию, но отец насвистывал веселенькие обрывки — совсем как птица. Наконец остановился на песенке из репертуара Лорела и Харди, Мурад сразу зашагал выпятив живот, изображая весело-

го толстяка Харди.

Остановились у сандаловой лавки, и хозяин, который уже знал Йезада, поздоровался с ним и спросил:

— Сегодня три?

Йезад покачал головой и, скрывая смущение, шутливым тоном возразил:

— Нет, одна семья, один сукхад.

Лавочник улыбнулся:

— С сыновьями?

Йезад кивнул.

Надев молитвенные шапочки, отправились к веранде совершать омовение. Йезад поднял крышку хапдо и опустил в него серебряный карасио. Стукнувшись о стенку, карасио загудел, как колокол. Рука Йезада ушла вглубь почти до подмышки, прежде чем кувшин коснулся воды.

— Почти пустой, — шепнул он.

— Какой большой хандо! — поразился Мурад. — Джехангир мог бы плавать в нем.

— Не такой уж я маленький!

Йезад полил из кувшина на руки детям, потом вымыл руки сам. Вытирали руки его носовым платком.

— Так, когда начнете кусти, никакой болтовни, никаких шуток, о’кей?

— Почему? — спросил Мурад.

— Потому, что в молитве вы разговариваете с Богом. Прерывать разговор — грубо.

Мурад сделал гримасу за спиной отца, чтобы показать Джехангиру, что не верит он во все эти штучки, просто делает папе приятное. Они вытащили рубашки из штанов, подтянули подолы к подбородкам и стали развязывать кусти.

Йезад следил, чтобы ритуал выполнялся полностью. Дети тоже искоса посматривали на отца, восхищаясь его умением обращаться с кусти длиной в девять футов. Так красиво это у него получалось, так элегантно двигались его пальцы, завязывая узлы, даже те, что за спиной.

Оставив обувь под скамейкой, они прошли внутрь храма, в безмятежную тишину, где огонь мерцал в раскаленных углях. Йезад преклонил колена перед святилищем, мальчики последовали его примеру. Он достал из нагрудного кармана сандал, чуть поколебавшись, положил руку Мурада на приношение и то же сделал с Джехангиром. Три руки опустили приношение на серебряный поднос.

Не поднимаясь с колен, Йезад взял щепоть пепла, растер на лбах сыновей, потом и на своем. Взял сыновей за плечи и пригнул вниз, пока они не

коснулись лбами мраморного порога. Кланяясь огню, он шептал про себя: «О Дада Ормузд, благослови моих сыновей, пусть растут они здоровыми и честными, да будет воля твоя хранить всю нашу семью, и помоги мне исполнить волю твою…»

Он поднялся с колен, мальчики тоже. Пятясь в выходу, дети устроили гонку — кто быстрее пятится — и чуть не наткнулись на священника.

Это был все тот же старый дастурджи, рослый, худой, седобородый, который заговорил с Йезадом в его первый приход. Дастурджи придержал детей за руки и спросил:

— Хорошо молились, а? Не болтали?

Оба застенчиво кивнули.

Дастурджи засмеялся и обратился к Йезаду:

— Я всегда радуюсь юным лицам в храме.

И прошествовал дальше — служить огню.

Они вернулись на веранду и стали обуваться. Мурад заметил, что, если бы дастурджи был толстый и одет в красное, он вполне мог бы сойти за Санта-Клауса.

— А если бы Санта-Клаус сбросил вес и оделся в белое, он был бы похож на дастурджи, — сказал Йезад.

— Знаешь, папа, из-за чего я волновался?

— Из-за чего, Джехангла?

— Боялся, как бы не украли нашу обувь, пока мы в храме.

Йезад сказал, что в храме такое вряд ли может случиться, и спросил, понравилось ли им здесь.

— Да, — хором ответили они.

— Но было бы интересней, если бы подошли к большому афаргану и сами положили сандал в огонь, — сказал Мурад.

— Мне тоже приходило это в голову, когда я был в твоем возрасте.

Масло, джем, печенье, баночки чатни, ачара и других маринадов, два пакета сев-гантия. В отдельном пакете апельсины и большая кисть белого винограда. Мурад с Джехангиром нетерпеливо опустошали большую сумку, раскладывали упаковки на обеденном столе, с блеском в глазах читая этикетки.

Нескрываемая радость детей подлила масла в огонь отцовского раздражения. Йезад догадался, что Роксана рассказала Джалу о ситуации с «Бомбейским спортом». Вот он и явился демонстрировать щедрость.

— Мы пока не зарегистрировались как нуждающиеся в благотворительности.

Джал прижал палец к слуховому аппарату, и Роксана с надеждой подумала, что брат не

слышал.

Но он уловил конец фразы.

— Я принес это с любовью, — возразил он, настраивая приборчик. — Если же ты так воспринимаешь мой дар, то можно представить, как ты сурово судишь меня и Куми.

И покаянно добавил:

— Мы заслуживаем осуждения. За то, что перевезли папу к вам.

Эти слова он произнес тихо, чтобы не слышал Нариман.

— Ну, то был подарок с половинкой. Из тех даров, которые ломают людям жизнь.

— Не надо ссориться. — Роксана сделала жест в сторону дивана.

Джал сидел, сложив руки на коленях.

— Ты прав. Она… мы поступили ужасно.

— Она. Ты правильно сказал вначале — она.

— Но я позволил. Я позволил ей убедить меня. А должен был остановить ее.

— А ты мог?

Джал подумал.

— Нет, вряд ли. Она ведь была уверена, что папа несет ответственность за…

Он потряс головой, будто прогоняя воспоминания о тех злополучных годах.

— Насколько лучше было бы простить.

— Бедная, бедная Куми, — вздохнула Роксана. — Теперь уж не исправить.

Джал печально кивнул.

— Знаешь, я вчера разбирал кое-что в гостиной, убрал часть безделушек из горки. Мне вспомнился папин день рождения, и я подумал, что это был последний раз, когда мы всей семьей собрались там.

— И было хорошо, — сказал Йезад.

— По-моему, и Куми была довольна.

Его поддержали — конечно, она была довольна: и время провели хорошо, и обед она приготовила отличный.

— Она любила готовить. Я подумал вчера: а что нам мешало собираться чаще? Это было вполне возможно — и сейчас возможно, нам незачем жить, как мы жили прежде. Поверьте мне. А что касается папы…

Никто не сказал ни слова, пока Джал не продолжил:

— Поверьте мне, я сделаю так, что всем нам будет хорошо. Прошу вас, потерпите еще немного. Еще две недели.

Джал сдержал слово. Он вернулся через две недели и сказал, что у него хорошие новости. Все

терпеливо ждали, пока он распечатывал свежие батарейки, ставил в слуховой аппарат. Защелкнув крышку, он включил аппарат и выровнял громкость.

— Давай угадаю, — предложил Йезад. — Ты нашел доктора с чудо-лекарством для Наримана.

Сарказм ничуть не задел Джала, который только улыбнулся.

— Извини, Йезад, но пока не существует лекарства от болезни Паркинсона. У меня есть вполне практический план. При условии, что вы оба согласны, что он вам подходит и вы готовы сотрудничать.

— Нет, ты слышишь, Рокси? Он нуждается в нашем сотрудничестве.

Роксана поджала губы — хорошо бы Йезаду выслушать Джала, зачем он поддразнивает его…

Но Джал сохранял невозмутимость. Он заговорил вполголоса. Чтобы не беспокоить Наримана.

— Помните, как я однажды прибежал к вам, когда Куми вконец извела меня? А вы так тепло меня встретили и сказали, что, если бы была у вас большая квартира, вы приютили бы меня?

У Йезада сердце упало. Неужели Джал хочет… Он внутренне сжался, но кивнул: да, он помнит тот вечер.

— У меня есть идея. Я ведь живу в большой квартире! А у вас слишком тесно для такой семьи, даже без папы. Моя квартира чересчур велика для одного человека.

Йезад опять настороженно кивнул.

Джал предлагал решить проблему всей семьи, включая, конечно, папу — все они переезжают в «Шато Фелисити». Так будет лучше для всех. И так они почтят и память Куми — после стольких несчастливых лет квартира послужит их общему счастью. А Куми там, на небесах, познав мудрость, которая дается смертью, безусловно, одобрит это решение.

— Ну, что я говорил? — воскликнул Йезад. — Разве я не говорил, что мы можем положиться на Джала? Счастье для всех — на руинах.

Но Джал не обижался. Конечно, квартира в жутком состоянии, не ремонтировалась десятилетиями. И ни у него, ни у них нет денег, чтобы привести ее в жилой вид.

— Рад, что ты это понимаешь, — сухо сказал Йезад.

— Но здесь нам на помощь приходит эта квартира. Пусть она маленькая, но поскольку район прекрасный, она стоит хороших денег. За нее можно выручить не меньше четырех милли-

онов.

— Сладкие мечты.

— Нет, сейчас такие цены. Я разговаривал со знакомыми брокерами.

— Ты оцениваешь мою квартиру, не сказав мне ни слова?

— Извини, Йезад, у меня не было выхода. Я же должен был узнать, насколько реалистичен мой план. Я не хотел приходить к вам с недопеченными идеями.

Йезад изменил тон:

— Четыре миллиона, серьезно?

— Минимум.

— Почти вдесятеро больше, чем папа заплатил за нее, — ахнула потрясенная Роксана.

— Часть этой суммы можно потратить на ремонт, а остальное инвестировать. Даже если положить на срочный вклад, то на проценты и вы сможете жить, и на папины нужды хватит — на сиделку, лекарства, хорошую кровать больничного типа. Мне ничего не нужно. Я только хочу, чтобы вы переехали в ту квартиру.

— Воздушные замки. Рассуждаешь, будто наши проблемы исчезнут к завтрашнему дню. Даже если мы решим переселиться, месяцы уйдут на поиски хорошего покупателя.

Джал кашлянул.

— На самом деле у меня кое-кто есть.

На сей раз Йезад просто взбеленился:

— Что такое? Ушам своим не верю! Одно дело — получить представление о стоимости и совсем другое — найти покупателя, даже не спрашивая нас? Ты и с транспортной фирмой тоже договорился? Может быть, внизу уже стоит фургон — нашу мебель перевозить?

— Тише, — умоляла Роксана, — иначе папа услышит…

Джал сказал, что не надо так возбуждаться — просто один из брокеров, которого он встретил на бирже и решил навести справку о стоимости, упомянул о покупателе.

— И кто этот покупатель? — фыркнул Йезад.

— Оптовик из Сурата. Торгует бриллиантами. Он сына женит.

Йезад обдумал идею и выдвинул новое возражение:

— Допустим, что у твоего оптовика серьезные намерения. Но рассчитываться он будет черным налом, верно? А как можно доверять ему? Возьмет и не заплатит. А потом, где мы будем жить, пока идет ремонт в большой квартире?

И опять Джал оказался готов отвечать на во-

просы.

— Система там такая: половина авансом, половина по освобождении квартиры. Ты получаешь два миллиона вперед, потом мы берем месяц на ремонт, потом вы выезжаете.

Йезад усмехнулся:

— Знаешь, в чем самый большой дефект твоего плана? Ремонт. Он столько будет стоить, что инвестировать будет нечего. И мы придем к тому, с чего начали: нет денег для папы, я — безработный. На самом деле будет еще хуже, чем сейчас, нам придется содержать огромную квартиру.

Джал встал со стула и полез в карман брюк. Из кармана он извлек сложенный пополам конверт и передал его Йезаду.

Три машинописные странички с подробной сметой и нарядом на работу, обязательство выполнить заказ в течение шестидесяти дней, которое готова взять на себя весьма солидная фирма «Хафиз Лакдавала и сыновья». В смету было включено все, что требуется для превращения квартиры в комфортабельное жилье.

Читая документы, Йезад (Роксана заглядывала через его плечо) понял, что Джал прав — денег должно хватить. Учтено все: новые туалеты, новые ванные, газовая колонка для горячей воды,

облицовочная плитка, краны, электропроводка, покраска, пол и стенные шкафы на кухне, замена разбитых стекол и так далее, и так далее.

Йезад оспаривал, что мог. Даже зная ответы, все равно задавал вопросы. Джал терпеливо развеивал его сомнения.

— Как видишь, полное обновление квартиры обойдется примерно в миллион. Три миллиона можно инвестировать.

Йезад тем временем заподозрил подвох в последнем пункте сметы — означенная там сумма вызывала сомнения в достоверности всех расчетов.

— Полная чушь, это понятно даже мне, невежде в этих делах. Как можно выполнить такую большую работу за ничтожные деньги? При сгнившей балке и прочем?

Джал встал, чтобы прочитать строчку, в которую уткнулся палец Йезада.

— Ты имеешь в виду потолок? Здесь все просто — только оштукатурить.

— Глупости, ты как бедняга Эдуль заговорил! Перенял у него замашки «умелых рук»?

Джал бросил взгляд на отчима, лежащего на диване, опустил глаза на собственные руки, сложенные на коленях, и расправил плечи.

— Я знаю, что говорю, потому ответственность на мне.

— Послушай, Джал, — устало сказал Йезад. — Перестань винить себя за все беды.

— Это сделал я, — повторил Джал, — попросил у Эдуля молоток, влез на стул и сбил штукатурку.

У Роксаны и Йезада раскрылись рты. А Джал твердил свое — да, он своими руками сделал это.

— Но придумала Куми, так? — тупо спросил Йезад.

Джал игнорировал вопрос — это он влез на стул и стал колотить молотком.

— Но зачем ей это понадобилось? — спросила Роксана, в отчаянной надежде узнать причину, менее убийственную, чем правда.

— Чтобы не ухаживать за папой.

Они онемели от грубой честности ответа. Казалось, целые минуты прошли, прежде чем Джал опять заговорил:

— Теперь вы по крайней мере знаете, что потолок цел, Эдуль ошибся, балка не гниет.

К признанию было нечего добавить. Джал собрался уходить.

— Какое решение вы ни примете, я рад, что имел возможность… сказать.

Его проводили до двери, распрощались как в

тумане. Едва успели закрыть за ним, как раздался новый звонок. Это был Джал.

— Прошу прощения, забыл очень важную вещь, которую вам необходимо знать: если вы согласитесь с моим планом, мы сходим к домовладельцу и перепишем квартиру на вас. Я хочу, чтобы вы себя чувствовали хозяевами, а не гостями в «Шато фелисити».

Йезад был растроган предложением Джала так же глубоко, как был потрясен его исповедью. Он сумел выдавить из себя лишь несколько слов насчет того, что ему нужно бы денька два на обдумывание…

— Сколько хочешь. Если бриллиантовый оптовик подыщет себе другой вариант, найдутся другие покупатели. Район «Приятной виллы» пользуется большим спросом.

И Джал еще раз простился.

Йезад поставил на плиту жаровню и аккуратно расположил на ней три куска угля. Когда угли раскалились докрасна, он щипцами перенес их в чашку афаргана.

Роксана накрывала стол к ужину, на сердце у нее было легко. В тот день, когда она принесла афарган домой, она начистила его «Сильво» и поставила на видное место на полке перед

кухней. Теперь запах ладана скоро наполнит дом, по комнатам поплывет дымок, несущий с собой благословение Божье…

Возвратившись из кухни с четырьмя стаканами в руках, она услышала бормотание с дивана, уловила свое имя. Папа пытается ей что-то сказать?

— Что, папа? — подошла она поближе.

— Не надо, деточка, не надо…

— Что, папа? Что не надо?

— По-по-поскольку не надо…

Он силился привлечь ее внимание, но она решила, что будет лучше дать ему успокоиться. Однако Нариман не успокаивался, скорей наоборот.

Роксана опять подошла к отцу, погладила по руке.

— Джехангу, поди сюда, посиди немного с дедушкой.

Джехангир уселся на край дивана и начал читать из учебника истории: «Шиваджи родился в 1627 году, он был основателем маратхского царства. Он чтил религии всех общин и охранял священные места всех вер. Во времена религиозной жестокости Шиваджи проявлял подлинную религиозную терпимость».

Нариман все не успокаивался. Джехангир

наклонился к деду, взял его за щетинистый подбородок, но дед вместо обычного смешка издал раздраженное ворчание.

— Попробуй что-нибудь другое, — посоветовала Роксана.

— О'кей, о'кей.

Джехангир погладил деда по голове и запел: «Я чайничек, я чайничек, пузатенький и круглый». Потом поднес большие пальцы ко рту и гукнул, как сова.

— Ничего не действует! — пожаловался Джехангир. — И всегда ты зовешь меня, ты никогда не просишь, чтобы Мурад занимался с дедушкой!

— Потому что дедушке приятна твоя компания.

— Ничего, Джехангла, — сказал отец, внося афарган и пакетик с ладаном. — После кусти я покурю ладаном и почитаю молитвы. Это утишит его слух и избавит от разных плохих мыслей, которые его мучают.

Роксана усомнилась — напомнила мужу, что папа никогда не любил молитвы, он даже формально перестал соблюдать зороастрийские обычаи из-за отношения его родителей к Люси.

— Он же называл нашу веру религией слепого фанатизма. Он сорок лет не заглядывал в храм

огня.

— Не имеет значения. Никогда не поздно — посмотри на меня. Кроме того, вера не важна. Само звучание молитвы принесет ему мир и покой.

Роксана сдалась, опасаясь обескуражить мужа. Она не хотела рисковать той верой в молитву, которая снизошла как благодать на него и на их дом.

Йезад расположился у изножья постели и начал совершать кусти. Но вместо обычного повторения молитвы про себя он возглашал вслух: «Кем на мазда! Маваите паюм дадат, хият ма дрегвао!»

К концу молитвы Нариман затих. Бросив торжествующий взгляд на Роксану, Йезад взял в руки афарган, запустив пальцы в пакетик, извлек немного ладана и двинулся к двери. Роксана кинулась открывать ее. Йезад бросил чуточку ладана на угли, затрещало, и облачко душистого дыма заполнило дверной проем. Он поднял афарган повыше и, вспоминая, как делал отец, описал им дугу.

Затем он поднес афарган Роксане. Прикрыв голову покрывалом, она погрузила пальцы в дым, направляя его в лицо. Проведя руками по округлым бокам афаргана, она сложила ладони.

— Будто ангелы и фаришты парят в нашем

доме, — счастливым шепотом проговорила она.

Йезад понес афарган на балкон Джехангиру и Мураду. Те воззрились на отца с растерянными улыбками. Он не мог говорить, потому что не хотел оборвать нить молитвы, но издавал неясные звуки сквозь зубы, которые рассмешили детей. Отец явно рассердился, а мать стала показывать, как нужно поклоняться огню.

С балкона Йезад перешел в большую комнату, покадил в каждом углу, обнес афарган вокруг дивана. Нариман закашлялся от запаха и попытался трясущейся рукой отогнать дым от лица.

Йезад бросил на угли остаток ладана и придвинул стул поближе к дивану, чтобы прочитать Сарош Баадж. «Кхшнаотра Ахурахе Маздао! Ашем воху вашиштем асти», — завел он, стараясь попасть в тональность.

Нариман ответил скулящим звуком. Роксана заметила, что у него сильней затрепетали руки.

— Папе не нравится, — одними губами выговорила она.

Йезад отмахнулся и продолжил:

— «Па наме Яздан Ахурамазда Кходаи! Авазуни гордже кхорех авазаяд!» — пел он.

Но чем дольше он молился, стараясь подражать звучному распеву храмовых дастурдови,

тем сильнее становилось волнение на диване. Нариман твердил все те же неразборчивые слова, повторяя их снова и снова.

— Хоть бы папа чуточку успокоился, — опять обратилась Роксана к Йезаду. — Разве ты не видишь, что его это тревожит? Не можешь чуть потише, а?

— Ч-ш-ш, — прошипел Йезад сквозь стиснутые зубы.

Дети, стоя за отцовским стулом, ухмылялись, не осмеливаясь засмеяться вслух.

— «Фраваране Маздаяспо Заратустриш!»

— Нет, нет, нет, — умолял Нариман.

Роксана больше не могла вынести. Она поставила чайник на плиту и велела Джехангиру сходить за Дейзи. Он сказал, что не хочет никуда ходить. Ни к тете Дейзи, ни в дом дяди Джала, потому что там всегда уныло и мрачно.

— Дом не бывает унылым или мрачным, — ответила мать, — это зависит от тех, кто там живет. В любом случае мы еще не решили переезжать. — Но Джехангир продолжал дуться, и Роксана попросила Мурада позвать Дейзи.

Роксана не удержалась от косого взгляда на халат, который Дейзи впопыхах набросила на себя. Но, спохватившись, извинилась за беспокойство,

объясняя, что папа в ужасном состоянии.

— Никакого беспокойства. Он — самый верный мой слушатель.

— Ч-ш-ш-штопш-хм-м-хм-м, — яростно зашипел Йезад.

Роксана шепотом попросила Дейзи не обращать на него внимания, та согласно кивнула и, настроив скрипку, нежно заиграла «Серенаду» Шуберта. Йезад первые несколько тактов игнорировал конкуренцию, потом прибавил звук. — «Ахуием ваирим танум паити!»

Дейзи сильней нажала на смычок, и верхняя дека откликнулась нарастанием звука.

— «Яснемча вахмемча аоджсча заварена афринами», — громче запел Йезад.

Нариман заплакал.

Дейзи перешла к чаконе Баха; Йезад энергично приступил к Ахмаи Раесча.

— Что делается с папой — ему ничего не помогает, — мучилась Роксана.

Блистательный каскад скрипки на миг заглушил молитву, но тут же мощно прозвучало ответное:

— «Хазангрем баешазанам баеваре ваешазанам!»

Джехангир тихонько потянул Дейзи за халат.

Она вопросительно посмотрела на мальчика.

— Тетя, а вы знаете «Мы вспомним о нашей весне»? Дедушка очень любит эту песню.

Скрипка замолкла.

— Напеть можешь?

Джехангир попытался, как мог, но Дейзи сразу узнала тему из «Большого вальса» и бросила чакону.

Она играла с воодушевлением, не замечая, что развязался пояс ее халата. Роксана немного нахмурилась, бросила взгляд на мужа, проверяя, не смотрит ли он на нижнюю юбку Дейзи. Но глаза Йезада были закрыты — он допевал молитву:

— «Керфех мозд гуннах гузарешнра кунам!»

После нескольких повторов куплета и рефрена рыдания Наримана стали затихать. Роксана вытерла ему слезы, и он задремал.

Завершив молитву, Йезад открыл глаза. Он протянул обе руки к дивану, показывая, какой покой дарован вибрациями его молитв. Дейзи уложила скрипку в футляр и, отвернувшись от Йезада, туго завязала поясок халата.

* * *

Йезад долго лежал на спине, глядя в темный потолок.

— Роксана? Ты не спишь?

— Ум-м.

Он нашел под простыней ее руку и сказал, что принял решение: надо съезжаться с Джалом.

Сон вмиг оставил Роксану.

— Значит, ты считаешь, что его идея реальна?

Темнота скрывала выражение ее лица, но ее пальцы дали ему почувствовать, как она рада.

— Я предпочитаю думать об этом как о Божьем плане. Если Он пожелает поселить нас в «Шато фелисити», то идея окажется реальной.

Она теснее прижалась к нему, ее пальцы обняли его руку, крепко держась, будто она боялась, что рука ускользнет. Вздыхая, она сказала, что, вспоминая все события, которые привели их к этому вечеру, она почти видит в них доказательство божественной власти над вселенной, и сломанная папина нога послужила началом всему.

Бриллиантовый оптовик из Сурата, мистер Хиралал, пришел с Джалом в следующее воскресенье знакомиться с Йезадом и Роксаной. Он оказался немногословным человеком, скромно одетым, скромным в поведении — несмотря на богатство. Он выразил сочувствие в отношении Наримана, который спал, когда он пришел. Поку-

патель сразу понравился.

Осматривая квартиру, мистер Хиралал всем своим видом показывал, что его интересуют исключительно стены, потолки, кирпич и строительный раствор, а скудость обстановки, свидетельствующая о стесненных обстоятельствах жизни обитателей квартиры, остается невидимой глазу.

— Чудная квартира, — заверил он их, — совершенно такая, как ее описывал ваш уважаемый шурин. Именно то, что нужно для моего сына.

Когда Роксана предложила чаю, он с большой охотой принял приглашение. За чаем, который он похвалил, мистер Хиралал извинялся, что вынужден заключать сделку таким подпольным образом.

— Как было бы хорошо, если бы я мог выписать вам чек! Но нормы, установленные правительством, заставляют нас прибегнуть к другой процедуре. Черные деньги до такой степени стали частью нашей белой экономики, это просто опухоль в центре мозга, попытка удалить которую может погубить больного.

Перешли к обсуждению первого платежа в два миллиона рупий.

— Может быть, лучше выплатить вам эту сумму

в четыре приема по полмиллиона каждый?

— Зачем? — мгновенно насторожился Йезад и вопросительно посмотрел на Джала.

Джал был невозмутим.

— Предпочитаете всю сумму сразу? Вы представляете себе, как выглядят два миллиона наличными — купюрами в сто рупий?

— Куча денег, — ответил Йезад, с улыбкой бывалого человека широко расставив руки, показывая, как громадна эта куча.

Мистер Хиралал улыбнулся в ответ.

— Вы совершенно правы. Куча денег. Занимает VIP-чемодан в тридцать два дюйма.

Йезад нервно хихикнул, вспомнив Капура с его чемоданчиком.

— Может быть, колонну Ашоки следует заменить чемоданом в качестве национального символа. И чеканить на монетах.

Мистер Хиралал кивнул в знак того, что понял шутку.

— У нас великая страна, я ее очень люблю. Я могу принести вам чемодан наличности, но где вы будете ее хранить?

— Под кроватью.

Оптовик опять улыбнулся и сказал, обращаясь к Джалу:

— У вас, у парсов, замечательное чувство юмора. Когда я учился в колледже в Бароде, все мои лучшие друзья были парсы. Мы так веселились.

Он посоветовал Йезаду арендовать несколько банковских ячеек.

— В разных отделениях разных банков. На свое имя, на имя вашей уважаемой супруги, на имя ваших деток. А когда все будет готово, я передам вам первый взнос — в небольшом чемоданчике для ручной клади. И менее подозрительно, и легче управляться.

— Прямо как в шпионском фильме, — сказал Йезад.

— Нам приходится действовать лучше, чем показывают в кино. В налоговом управлении тоже видели все эти фильмы.

Отсмеявшись, решили, что каждый взнос будет вручаться в новом месте.

— Любая неприятность с вами будет неприятностью и для меня, — подчеркнул мистер Хиралал. — Я предлагаю на первый случай встретиться в Уиллингдон-клубе. Вполне безопасное место, я — член клуба. Потом можно встретиться в доме вашего уважаемого шурина, если он не возражает…

— За честь почту, — ответил Джал.

За третьим взносом Йезад придет в контору оптовика, а последний будет вручен здесь, в «Приятной вилле».

— Никому ни слова! — предостерег Йезад Роксану и мальчиков. — Ни соседям, ни приятелям в школе.

— Почему? — спросил Мурад. — Что мы, преступление совершаем?

— Наше правительство издает такие дикие законы, что люди вынуждены нарушать их, — без большой уверенности объяснил Йезад.

— Махатма Ганди говорил, что нарушать плохие законы — наш долг, — заявил Мурад. — Он говорил, что их нужно нарушать открыто.

— Мы хотим переехать в «Шато фелисити», о'кей? А не в тюрьму вместе с мистером Хиралалом. Так что держи язык за зубами.

Через четыре дня деньги были помещены в арендованные банковские ячейки, а «Хафиз Лакдавала и сыновья» были готовы приступить к работе в «Шато фелисити». Они с удовольствием согласились работать за наличные. Теперь нужно было определить порядок ремонтных работ, чтобы через тридцать дней семейство Ченой уже могло поселиться в новой квартире, освободив «Приятную виллу» для мистера Хиралала.

Роксана уже представляла себе, какой будет отремонтированная и заново обустроенная квартира. Она уже и комнаты распределила: в родительской комнате с примыкающей ванной они с Йезадом, в ее бывшей детской — Джехангу, в комнате Куми — Мурад, дети могут пользоваться ванной в коридоре. А Джал с радостью останется в своей комнате.

— Прекрасно придумала, — сказал Йезад, поглощенный своим списком необходимых ремонтных дел.

Нариман попытался что-то сказать, явно волнуясь из-за происходящего вокруг.

— Про-прошу… прошу вас… — бормотал он.

— Да, папа, не волнуйся, ты будешь жить в своей прежней комнате, — успокоила его Роксана.

Она все размышляла о своем: в какой цвет покрасить стены, как переставить мебель.

— Мебель тоже нужно подновить, — сказала она. — Особенно кровати.

Потом вспомнила, что в одном из гарнитурных светильников в гостиной треснул абажур. И в люстре, что висит в столовой, недостает хрустальных подвесок.

— Возможно, удастся что-нибудь найти в антикварном магазине на Чор-базаре.

— Рокси! У нас всего месяц на ремонт, а у тебя голова занята треснувшим абажуром?

— Ты прав, Иездаа, ты прав. Я в таком возбуждении…

Когда ремонт пошел полным ходом, они вдвоем отправились выбирать сантехнику для ванных и плитку. В «Сере» у них разбежались глаза от обилия ванн, унитазов, кранов и душевых головок.

— Как во сне, — повторяла Роксана. — Столько семей в Бомбее всю жизнь проводят в одной комнате с кухонькой. А мы действительно перебираемся в большую, отремонтированную квартиру. Я боюсь проснуться, боюсь, что кончится этот сон…

Йезад тоже был потрясен внезапной переменой в их судьбе, но ему оказалось легче принять ее, потому что он знал: все в твердой руке Бога. Возбуждение жены забавляло его, но в «Рестайл серамикс» ему пришлось одернуть ее, когда Роксана зашлась от восторга при виде остеклованных плиток для пола. Продавец затаился как хищник. «Он такую цену сейчас заломит», — шепотом отчитывал ее Йезад.

Потом стали выбирать бытовые приборы для кухни. Роксана настаивала на линии «Махараджа» — миксер, соковыжималка и тостер.

Йезад слышать не желал ни о каком другом холодильнике, кроме «Годредж»: почтенная фирма, владельцы — парсы. В отношении кондиционеров сошлись на том, что установят два оконных, один — в столовой, другой — в гостиной. Кондиционеры для спален можно будет приобрести позднее.

Во время ремонта у Йезада установился новый распорядок дня. С утра он посещал храм огня, оттуда отправлялся в «Шато фелисити». «Чтоб свой глаз был», — говорил он. Возвращался домой пообедать и вздремнуть и снова ехал в «Шато фелисити», где уже оставался до ухода рабочих. Потом — в храм огня Селаджи, где молился не меньше часа, раскрыв Авесту, хотя многие части знал на память.

Рабочие, завидев Йезада, подталкивали друг друга и шутили — инспектор явился! Дня не проходило без стычек с рабочими или с поставщиками: внутренние дрязги, травмы, несвоевременно доставленные материалы, ошибки в выполнении заказов. Йезад старался — далеко не всегда успешно — не выходить из себя.

К счастью, Джал почти всегда был на месте, и ему удавалось улаживать конфликты или по крайней мере сглаживать их. Чаще всего благо-

даря тому, что он отсылал Йезада по делам.

Бывало, что Йезад и домой возвращался в раздражении, ворча и жалуясь Роксане:

— Эти идиоты сами не знают, что делают. А Джал — тряпка, изображает из себя джентльмена с людьми, которые ничего, кроме ругани, не понимают!

— Успокойся, Иездаа. Если что не так, скажи мистеру Лакдавала, не ссорься с рабочими. Ты из-за стольких мелочей расстраиваешься!

— Когда не обращаешь внимания на мелочи, они вырастают в большие проблемы.

Раз в неделю Роксана ходила с ним посмотреть, как продвигается ремонт, когда в квартире бывал представитель фирмы, с которым можно было обсудить перемены в первоначальных планах. Она радовалась, видя, как за неделю похорошел их новый дом.

— Красиво, правда? — спрашивала она Йезада.

Он кивал, не отрывая глаз от рабочих, разгружающих кухонные шкафчики, готовый обругать их за малейшую небрежность.

— Ты доволен, Иездаа?

Он снова кивал.

Настало время, когда она приехала с детьми, чтобы они осмотрели свои комнаты и выбрали

цвет для стен. Йезад в тот день оставался дома присматривать за Нариманом.

Деловитая толкотня и разговоры рабочих заворожили Мурада. Он бродил по квартире, рассматривал стройматериалы, вертел в руках инструменты.

А Джехангир был удручен. Против обыкновения, он не побежал хвостиком за старшим братом — посматривал на него издалека.

— Что с тобой, Джехангу? — спросила мать, когда они вернулись к себе. — Ты почему печальный?

— Я не печальный, — быстро ответил Джехангир, но добавил, что не понимает, к чему столько хлопот ради переезда в другое место. — И почему нужно переезжать? У нас здесь так хорошо.

Родители засмеялись, будто он удачно пошутил.

Но Джехангир стоял на своем, приводил доводы против переезда, и Йезад понял, что сыну тяжело.

— Ты сам подумай, Джехангла, там прекрасная, большая квартира. Много места для каждого из нас.

— Тут достаточно места, мы все помещаемся.

— Но ты видишь, какая здесь теснота. Ни у тебя,

ни у Мурада нет нормальных кроватей, и бедный дедушка ютится на диване.

— Ему нравится на диване, а мне нравится спать около него. А Мураду нравится его навес на балконе.

Роксана попробовала другой заход.

— Ты помнишь ту комнату, которую я тебе показала? Она — твоя. У тебя будет свой шкаф, свой письменный стол и книжные полки. Сможешь развесить свои рисунки и картинки и вообще что захочешь. Будешь жить как «Знаменитая пятерка».

— Инид Блайтон — дура, — спокойно ответил Джехангир.

Наступило молчание. Йезад восхищенно посмотрел на сына.

— Правильно, Джехангла. Но все равно приятно иметь свою комнату. А теперь, молодой человек, пора решить, какого цвета стены ты хочешь.

Ему нравилось это «молодой человек». Раньше отец никогда так не называл его, и Джехангир сделал вид, что рассматривает образцы, которые они привезли с собой.

Мурад твердо знал, что выбрать: он хотел бледно-зеленые стены. А Джехангир точно растерялся перед ответственностью. Он пытался выбрать

цвет, рылся в бесконечном разнообразии образцов, разложенных на чайном столике, потом сдался:

— Выбери сама, мама.

Роксана остановилась на веселеньком желтом и спросила, одобряет ли он.

— Красивый цвет, — сказал он без всяких эмоций.

Была заказана нарядная новая бронзовая пластинка для входной двери, достаточно большая, чтоб разместить все фамилии. По совету Джала, фамилии были выгравированы в алфавитном порядке:

Мистер Нариман ВАКИЛЬ
Мистер Джал КОНТРАКТОР
Мистер и миссис ЧЕНОЙ

В день переезда, через четыре недели после начала ремонта, Джал вызвал санитарную машину отвезти отчима домой. Заранее нанятая больничная сиделка ожидала больного в «Шато фелисити». Роксана сказала, что у нее просто гора с плеч — папа в надежных руках в этот безумный день.

— А сиделка разве поймет, что хочет дедушка? — усомнился Джехангир. — Разве она поймет,

что он говорит?

— Научится. А поначалу мы будем объяснять ей.

Пока санитары готовили носилки, Дейзи пришла прощаться с Нариманом.

— Мне было очень приятно с вами, профессор. Благодарю вас за терпение и к моим занятиям, и к моим ошибкам.

Нариман улыбнулся и что-то пролепетал. Дейзи наклонилась над ним, прислушалась, засмеялась и пожала его руку.

— Что папа сказал? — спросила Роксана.

— Он хочет прощальный концерт.

Роксана и Йезад засмеялись и вышли с ней на лестничную площадку.

— Не знаю, что бы мы делали без вас, Дейзи, — сказала Роксана. — Теперь мы больше не сможем звать вас на помощь всякий раз, когда вы нужны папе.

Дейзи понимающе кивнула.

— Там есть отличный проигрыватель и уйма записей, — напомнил Йезад, — будем включать папе музыку.

— А если музыкальные записи не помогут, вы всегда можете прочитать молитвы, — лукаво заметила Дейзи.

Она дождалась на площадке санитаров с носилками и помахала Нариману.

Едва отъехала санитарная машина, как прибыл фургон для перевозки мебели. Грузчикам показали ящики с сервизом, вазами и фарфором, потом они принялись выносить мебель. Йезад занял позицию у фургона — любезный мистер Хиралал предупредил, что мелкие вещи частенько исчезают при погрузке.

Мурад остался наверху помогать матери укладывать последние вещи из ванной и кухни. Джехангир спустился вниз. Он апатично стоял рядом с отцом и смотрел, как поглощает их пожитки темное нутро фургона.

Фургон закончили загружать уже после обеда. Йезад распорядился не начинать разгрузку до его появления и вместе с Джехангиром поднимался наверх.

Роксана и Мурад стояли посередине опустелой большой комнаты.

— Я все проверила, — жалобно сказала Роксана. — Можем отправляться?

— Дай я еще раз взгляну. Ты со мной? — спросил он Джехангира.

Тот покачал головой и ушел на балкон. Йезад увидел, что сын плачет, опершись о перила.

— Что с тобой, Джехангла?

— Мне очень грустно.

Йезад обнял его за плечи.

— Всегда грустно, когда что-то кончается. Со мной тоже так было, когда пришлось покинуть Джехангир-палас. Но не расставшись со старым, нельзя начать новое.

— Не хочу новое. Мне старое нравится.

— Нет в этом смысла, Джехангла. Это как заявить, что ты не хочешь заканчивать пятый класс. А в шестой как ты перейдешь? Или хочешь на всю жизнь остаться с мисс Альварес?

Джехангир улыбнулся сквозь слезы — ему понравилась эта перспектива, но нельзя же говорить такое вслух отцу. Он продолжал смотреть на улицу.

Йезад ждал. Он понимал, что это нечестно, он сам не верил ни единому разумному слову, которое сказал. Он терзался той же дилеммой: хотел, чтобы сыновья стали мужчинами, но любил маленьких мальчиков, которых сажал себе на плечи; ему тоже хотелось одолеть время.

— Пошли, — взял он за руку Джехангира, — последний раз все осмотрим вместе.

Вошли в маленькую комнату, шаги гулко отдавались в пустоте. Джехангир смотрел вокруг

широко раскрытыми глазами, будто стараясь запечатлеть вечные образы. В кухне он погладил медный кран. Сходил в ванную и в сортир.

— А если я захочу еще раз прийти, мистер Хиралал меня пустит?

— Он вроде симпатичный человек, — ответил Йезад. — Наверняка пустит.

Вернулись на балкон. Джехангир посвистел попугаю через дорогу.

— Прощай, попугайчик!

Птица не ответила, поглощенная безумным скаканием из стороны в сторону. Джехангир свистнул еще раз, свистнул и Йезад. Попугай игнорировал обоих.

Когда они вышли из пустой квартиры, Вили ждала у своей двери. Она обняла мальчиков и протянула руку Йезаду. Он быстро и неохотно тряхнул ее руку и побежал вниз по лестнице, пока Вили целовалась с Роксаной.

Он слышал с нижней площадки, как они благодарили друг дружку за добрососедство, как Вили говорила, что будет очень скучать по ним, что на площадке третьего этажа станет слишком тихо…

— Поторопись, Роксана, — крикнул он через перила, — фургон ждет!

Взяли такси, Мурад заявил, что сядет с води-

телем. Таксист перегнулся через него, чтобы включить наружный счетчик, но Мурад сказал, что сам включит.

— Хорошо, малый, давай, — согласился таксист. Мурад наклонил счетчик сначала вперед, потом назад — прибор затикал.

— Молодец, — сказал таксист.

Оглянулись на дом. Роксана грустновато сказала, что квартира была очень хорошая, хоть и маленькая, и что им в ней хорошо жилось.

— Только не в последний год, — сказал Йезад.

— Да…

Роксана задумалась:

— Ничего, теперь все будет прекрасно в нашем новом большом доме.

— Для тебя он не новый, мама, — сказал Мурад, — ты-то возвращаешься в старый дом.

— Но теперь со мной семья. Это-то новое. И теперь тот дом станет счастливым жильем.

— Я сегодня лягу спать в отдельной комнате? — спросил Джехангир.

— Нет, — заверила Роксана, прочитав его мысли, — будешь спать в одной комнате с Мурадом, пока ремонт не закончится полностью.

Он улыбнулся, потянулся к переднему сиденью и ткнул брата в спину.

— Доволен, Джехангу? — спросила мать.

Он осторожно кивнул.

Таксист затормозил на углу, послышалась скрипичная музыка. Роксана, не отрываясь, смотрела на «Приятную виллу», балконы с коваными решетками, арку над парадным, на старые каменные ступеньки, исхоженные несчетное число раз. На окне первого этажа усердно щебетала птица.

«Доброе знамение», — подумала она.

Такси двинулось, Джехангир повернул голову, чтобы в последний раз увидеть дом. Из темноты парадного лениво выплыл мотылек. Джехангир видел, что он летит прямо в открытый клюв птицы.

Эпилог. Пять лет спустя

Отец и Мурад сегодня опять поссорились. Теперь они ссорятся чуть не каждый день. На сей раз началось, когда после обеда Мурад вернулся из парикмахерской с модной стрижкой en brosse — клочками.

— Обязательно так коротко стричься? — спросил отец. — Стал похож на одного из этих скинхедов.

Мама попыталась предотвратить скандал. Нервно смеясь, она сказала, как забавно, поколение назад родителей возмущало, что сыновья носят слишком длинные волосы.

— Как времена меняются! Помнишь фотографию на студенческом билете, Иездаа? С волосами до плеч!

— Не преувеличивай, я тогда просто немного оброс. Кстати, все святые пророки носили длинные волосы — Заратустра, Моисей, Иисус. Почему твой сын не может научиться походить на нормального человека?

Мурад только улыбался, превращая все это в обыкновенную шутку. Иногда такая тактика ока-

зывалась успешной: поворчав, отец возвращается в книге, которую читает, или к своим молитвам. Правда, это может отца и в бешенство привести — он не собака, которая лает, а ее никто замечает! Он требует, чтобы его слышали и слушали!

Однако проблема длинных и коротких волос была забыта, ссора пошла по другому пути. Мурад слишком приблизился к тому уголку гостиной, который отец с недавних пор считал пространством для молений.

Здесь стоит застекленная горка, на которой расставлены обрамленные изображения Заратустры и храма огня в Удваде, серебряная модель Ашо Фарохвара, фотографии древних памятников Персидской империи — развалин Персеполиса, дворцов и алтарей огня, царских усыпальниц Ахеменидов и Сасанидов. Реликвии расставлены полукругом, который постоянно расширяется. Последнее приобретение отца — миниатюрный афарган из пластмассы с крохотным электрическим огнем. Тонюсенькая нить накала день и ночь мигает в центре полукружия.

Это та самая горка, которая некогда была заполнена игрушками и безделушками. Среди них: пара заводных обезьянок, которая стала причиной ссоры, когда мы пришли на дедушкин день

рождения много лет назад, думаю, лет шесть или семь.

После смерти тети Куми дядя Джал пожертвовал коллекцию игрушек сиротскому приюту в Бандре. Горка долго пустовала, потом ее занял отец. Теперь на полках стоят его молитвенные книги и та часть коллекции священных предметов, которой не хватило места в полукружии.

— Стой! — крикнул отец, заметив, что Мурад рассеянно приближается к горке.

В голосе отца был такой испуг, что Мурад оцепенел.

— Что такое?

Из своей комнаты выглянул встревоженный дядя Джал. У него теперь ультрасовременный слуховой аппарат, такой миниатюрный, что его почти не видно в ухе. Он иногда пытается мирить отца и Мурада, но недавно отец обвинил его во вмешательстве в частную жизнь семьи, и теперь он редко раскрывает рот.

Маму это огорчает, она говорит отцу, что это несправедливо — сначала Куми не давала бедному Джалу слово сказать, теперь то же самое делает он. Отец не согласен — Джал вправе говорить на любую тему, за исключением только одной.

Дядя Джал постоял с несчастным видом у дверей в гостиную. По старой привычке подправлять свой допотопный слуховой аппарат он часто дотрагивался до уха, хоть новый прибор не требовал настройки. Постояв, он возвратился к себе, не дожидаясь дальнейшего.

— Сколько тебе объяснять? — сквозь зубы проговорил отец.

— Что объяснять? — Мурад действительно не понимал, в чем дело.

— Ты вступаешь в молитвенное пространство без очищения. После стрижки человек нечист, пока не примет душ и не вымоет голову.

— Идиотство. Я даже не прикоснулся к твоей священной горке.

— Пятнадцать футов, я тебе говорю! Это минимальное расстояние!

— Успокойся, Иездаа, — умоляюще сказала мама, — он в следующий раз будет помнить.

— Двадцать первый век, а ты все еще веришь в эту чушь. Прискорбно, — заявил Мурад.

— Хорошо, можешь скорбеть, — ответил отец.

— Нет, Йезад, прошу тебя, не говори так. Я не хочу, чтобы кто-то скорбел, — умоляла мама.

Когда отец взвинчивает себя до определенного состояния, Мурад начинает нарочно дразнить

его. Мурад больше не боится отцовского нрава, который так пугал нас в детстве.

— И откуда у тебя точная цифра? Зороастр на ухо шепнул?

— Твой сын — он остроумец с половинкой! И не говори «Зороастр» — это греческое извращение имени нашего пророка, надо говорить Заратустра. И прежде чем высмеивать меня, прочитай Священное Писание: «Вендидад», фаргард семнадцатый, в котором точно указано расстояние.

— Извини, папа, у меня нет свободного времени на чтение всей этой интересной литературы. Мне бы с учебой справиться.

Уже несколько лет, с тех пор как мы уехали из «Приятной виллы», отец ничего не читает, кроме религиозных книг, будто наверстывает потерянное время. Помимо священной горки, книгами завалена родительская спальня — томами по истории парсов и зороастризма, разными переводами «Зенд-Авесты», толкованиями «Гатов», комментариями, трудами Зеннера, Шпигеля, Дарукханавалы, Дабу, Бойс, Дхаллы, Хиннельса, Караки и многих, многих других. Некоторые книги попали к нам из книжного шкафа дедушкиного отца, на них есть его экслибрис: «Маразбан Вакиль». Но и наш отец накупил великое множе-

ство книг. Мама как-то попыталась сказать, что нет нужды покупать все книги, существуют же библиотеки, откуда их можно брать. Но вскоре мама сдалась, потому что отец жаловался, что его дух лишают хлеба и воды.

Но укол насчет свободного времени для чтения сильно задел отца. После «Бомбейского спорта» он нигде не работает. Магазин потом открылся под новым названием: «Спортивный инвентарь Шиваджи», но супруга хозяина не позвала отца обратно. Инвестиции денег от продажи «Приятной виллы» давали доход, которого хватало и на домашние расходы, и на уход за дедушкой. Мама завела новые конверты для новых расходов. Но после дедушкиной смерти мама выбросила их, она сказала, что теперь не нужно так строго экономить. Мама не возражала против того, чтобы отец не работал.

В общем и целом, она радовалась его религиозному пылу, соглашаясь, что вся цепь событий, начиная с дедушкиной травмы и кончая убийством мистера Капура, была предназначена Богом для того, чтобы возвратить отца к вере.

Однако отец, задетый язвительной ремаркой Мурада, обратился к ней — совсем как ребенок, которого шлепнули без предупреждения. А когда

она видит отца в таком состоянии, то начинает вести себя как наседка. Мама сделала попытку прогнать Мурада в душ.

Но Мурад завелся:

— Но я не понимаю, а где кончается священная территория?

— Я уже говорил тебе: у дивана.

— Но, отец, это приблизительная оценка. Так ты достигаешь лишь относительной чистоты. Я предлагаю произвести замер и нарисовать на полу линию, чтобы все мы знали, где проходит граница.

Отец снова воззвал к маме:

— Наша вера — предмет насмешек для твоего сына!

— А вдруг границу у дивана нарушит нечистая муха, москит или таракан? Как ты проверишь, принимали они душ или нет? Может, поместить твою горку под колпак?

— Хватит! — Отец оттащил Мурада к противоположной стене гостиной. — Я тебе ноги переломаю, если ты без омовения подойдешь туда!

— Начинается истерика, — засмеялся Мурад, и мне так захотелось, чтобы он замолчал.

— Иди в душ, — негромко сказала мама.

Мурад вышел из гостиной. Он и сейчас слушается маму, когда она переходит на тот тон, который в детстве предупреждал нас, что мы вот-вот нарушим предел допустимого.

Отец стал жаловаться на боль в груди и попросил лекарство от стенокардии. Он сердился на себя за то, что в гневе схватил за руку этого шайтана и в результате еще и осквернился. Теперь ему тоже придется принимать душ.

…Отец вышел из ванной и сейчас совершает кусти около горки. У него всегда значительное выражение лица, когда он молится. Кончает завязывать узлы и садится с молитвенником в деревянное кресло, которым больше никому не разрешается пользоваться, перед электрическим афарганом. Он сидит, будто изнемогая под тяжестью некоего тайного бремени. Хмурится, его лицо искажено страданием. Он не просто закрывает глаза, он зажмуривает их, щеки поднимаются, брови идут вниз, стараясь выдавить то, что его неотступно преследует. Его чтение из Авесты напоминает опровержение доказательств, протест. Он в яростной схватке.

Видя отца таким, я вспоминаю, каким он был раньше — веселым, общительным. Теперь он редко улыбается и никогда не смеется. И никогда

не насвистывает, не подпевает песням по радио. Последний раз я слышал его пение, когда он пел для дедушки, в ночь перед его смертью. У нас редко включается радио — только когда отца нет дома. Когда он дома, он или молится, или читает и говорит, что музыка отвлекает его.

Мама наблюдает за ним из коридора, удовлетворенно улыбаясь, потому что все пришло в норму после ссоры из-за стрижки. Она довольна, что видит мужа за молитвой, она с готовностью приспосабливает свою жизнь к его требованиям. Домашнее хозяйство, часы прихода и ухода прислуги — все вращается вокруг отцовских молитв.

Но по временам я замечаю, как она ломает руки, как мечется в тревоге, видя нескончаемость этих молитв. Должно быть, это минуты ее сомнений. Я уверен, что ей хочется, чтобы отец не доходил до крайностей, она даже иногда говорит об этом вслух при мне:

— Если бы Дада Ормузд помог мне понять! Почему молитвы и религия должны приводить к таким ссорам между отцом и сыном? В этом ли воля Его?

Я видел, как мама подходит к отцу, когда он сидит в одиночестве, глядя в окно или делая вид, что читает, и кладет руку на его плечо. Я слышал,

как мама нежно спрашивает отца:

— Что с тобой, Иездаа? Тебя что-то беспокоит?

Он всегда дает один и тот же ответ:

— Ничего, Рокси, со мной все хорошо.

Он гладит ее руку на своем плече, целует ее.

Она гладит его волосы.

— Ты счастлив, Иездаа?

Он улыбается грустной меланхолической улыбкой.

— Счастлив, насколько может быть счастливым солдат Дада Ормузда, сражающийся против Аримана.

Туманный ответ с привкусом духовности — его способ уйти от серьезного разговора. Но мама никогда не сумеет заставить себя попросить, чтобы он меньше молился. Для нее это святотатство. Поэтому она возлагает вину за его крайности, за его новые воззрения и образ жизни на новых друзей, которых он завел себе в обществах, куда вступил.

Лига ортодоксальных парсов и Ассоциация зороастрийского образования собираются раз в неделю. Он возвращается с заседаний и подробно рассказывает нам о повестке дня, о принятых мерах, о разосланных петициях, требованиях судебных запретов и кампаниях, проводимых

против фильмов или публикаций, которые наносят обиду парсам. И все это дает Мураду пищу для ехидства.

Вчера за ужином отец рассказывал, как Лига обсуждала дело парса-двоеженца — он женился на иноверке в Калькутте, потом перебрался в Бомбей и женился на девушке из парсов.

— За свое преступление он был отлучен Панчаятом от церкви. — Отец поднял руку, подчеркивая суровость кары. — И отцу было сказано, что и он будет отлучен от церкви, если не отречется от сына.

— Не очень-то справедливо, — сказал Мурад. — Отца-то за что отлучать?

— А как же? Мне бы не хотелось быть отцом такого мерзавца. Но двоеженец оскорбил верховных священнослужителей и Панчаят, и на него подали в суд. Дело приняло такой серьезный оборот, что негодяй струсил и заявил, что готов принести формальные извинения, чтобы положить всему этому конец. Был созван Совет, на котором он должен был признать свой проступок и в знак покаяния прилюдно опозорить себя: взять пару сандалий, по одному в каждую руку, и пять раз ударить себя по голове. При всех.

— Новенькие сандалии или старые и гряз-

ные? — осведомился Мурад.

— Это не указано в решении Панчаята. Но дело в другом — наш комитет единодушно решил бросить вызов реформистской пропаганде и начать кампанию за строгую политику отлучения. Парсы — мужчины и женщины, — имеющие связи с иноверцами, брачные или внебрачные, должны понести наказание. Отлучение может быть отменено в случае публичного покаяния в форме побиения сандалиями.

За столом воцарилось долгое молчание. Дядя Джал вертел свой слуховой аппарат, будто хотел, но не осмеливался высказаться. Он почти целый день в своей комнате, и только за стол садится со всеми. Он больше не ходит на биржу. Иногда, если отца нет дома, читает газеты в гостиной, но вообще старается поменьше попадаться на глаза.

Мы с ним рассмеялись, потому что Мурад нырнул под стол, снял туфли и стал бить себя по голове. Мама сжала губы, изо всех сил стараясь не прыснуть. Но хватило ее не надолго.

Для отца это было вершиной предательства.

— В вопросах чистоты и скверны нет ничего смешного. Твой сын ведет себя как осел, а ты его поощряешь.

— Я не над тобой смеюсь, Иездаа, — примирительно сказала мама, — а над этим клоуном.

— Я просто практикуюсь, отец, на случай, если когда-нибудь придется каяться.

Шутки Мурада очень похожи на отцовские, которые мы помнили с детства. Я помню, как давным-давно мы все ходили в храм огня на Кхордад-Саль, и потом, вернувшись домой, отец изображал увиденного в храме человека, который елозил по стенам большого зала, чмокая каждый портрет и каждую фотографию, до которой мог дотянуться губами. И помню разговоры, которые вели отец и дедушка, — о нелепости рабского следования обычаям и традициям.

Дедушка умер через год после нашего переезда в «Шато фелисити». Я думаю, ему было одиноко в его старой комнате. В «Приятной вилле», где он лежал в большой комнате, у его постели всегда кто-то был.

Сначала мы и здесь старались составить ему компанию: сидели с ним, разговаривали с ним или между собой. Иногда я готовил уроки в его комнате. Но это было уже не то. Особенно при больничной сиделке, которая все делала для дедушки. Когда дедушка услышал, что дядя Джал и мои родители обсуждают, не нанять ли сиделку

на полный день, он страшно разволновался. Даже плакал и говорил: «Не надо сиделку… не надо, прошу…» По-моему, они не поняли.

Ее звали Рекха. Мама объяснила Рекхе ее обязанности, показала, как именно она должна выполнять их, с соблюдением всех правил гигиены, к которым привыкли мама и дедушка. Рекха следовала маминым инструкциям, пока за ней наблюдали. Однако мама частенько ловила ее на отступлении от правил. Обычно это касалось утки — Рекха ополаскивала утку после употребления, а полагалось мыть. Я помню, как однажды мама увидела, что Рекха, опорожнив дедушкино судно, идет на кухню за супом для него, не удосужившись дважды вымыть руки с мылом.

— Идешь на кухню за едой с немытыми руками? — раскричалась мама. — Даже не дотронулась до мыла после туалета!

— Аре, баи! Ну, забыла в этот раз.

— Я уже сто раз замечала за тобой такие вещи!

С дедушкой Рекха обращалась почти грубо, когда переворачивала его, перестилала простыни или взбивала подушки. Мама вздрагивала от ее манеры резко тереть дедушку мокрой губкой. Она часто отбирала губку у Рекхи и мыла дедушку сама.

Чашу ее терпения переполнил горячий чай, которым Рекха обожгла рот дедушке. Мама ринулась на его крик. Я побежал за ней. Рекха уверяла маму, что дедушка закричал во сне, и все. Но мама заметила, что у дедушки странно раскрыт рот, заметила красноту и образующийся волдырь, уловила запах чая, а потом и горячий поильник обнаружила на столике за пузырьками с лекарствами.

Рекху выставили вон. Продержалась она у нас два месяца. В те несколько дней, которые ушли на поиски замены, за дедушкой опять ухаживали мы с мамой. Он казался спокойнее.

Рекху сменил санитар по имени Махеш, покладистый и тихий человек лет тридцати. Маме особенно нравилась деликатность, с какой он обрабатывал мазью два пролежня, которые появились на дедушкиной спине, по обе стороны позвоночника, на выступе большой кости, которую доктор Тарапоре называл подвздошной. Пролежни образовались при Рекхе, и мама ругала себя за то, что доверилась такой недобросовестной женщине.

Когда дедушка умирал, у него вся спина была в пролежнях. Некоторые были ужасны — большие, зияющие дыры. Всякий раз при виде этих

пролежней я чувствовал острую боль в спине. Комната пропахла гноем и сульфамидной мазью. Дедушка молча терпел боль. Мне хотелось, чтобы он закричал — невыносимо было смотреть, как он безмолвно страдает. Может быть, он ничего не чувствовал?

Махеш ухаживал за дедушкой несколько месяцев. Дедушка продолжал угасать. Когда доктор Тарапоре сказал, что неизбежное может произойти уже назавтра или, в лучшем случае, через день, я вспомнил обещание.

Я напомнил родителям. Мама не могла взять в толк, о чем я говорю. Она понимала, что доктор хорошо сделал, предупреждая семью, но приближение конца настолько угнетало ее, что она ни о чем другом не могла думать.

— Прошу тебя, Джехангу, спроси папу, я ничего не знаю.

Папа считал, что к обещанию нельзя относиться всерьез — это было нечто вроде шутки, дедушка и скрипачка пошутили, так что вряд ли уместно ожидать, что Дейзи выполнит его. Дядя Джал был того же мнения.

— А я думаю, что дедушка серьезно говорил. И тетя Дейзи тоже, — настаивал я. — Они даже скрепили обещание рукопожатием.

— Но, Джехангла, ты же видишь, в каком состоянии дедушка? Он почти без сознания. Придет она или не придет — какая теперь разница?

Я целый день не отставал от отца, потому что мне казалось, что это чрезвычайно важно. К вечеру отец не выдержал.

— Хорошо, если хочешь, иди и расскажи ей. Я сейчас не могу оставить маму и дедушку.

Я пошел пешком — так быстрее, чем дожидаться автобуса, который в этот час будет битком набит и водитель может не остановиться.

Я впервые после переезда навещал «Приятную виллу». Ступеньки парадного показались мне меньше. Я помню, какая меня охватила грусть, когда я вошел в парадное, думая о нашей старой квартире наверху — интересно, как она теперь выглядит, какую мебель мистер Хиралал расставил в наших комнатах?..

Я постучался в дверь тети Дейзи.

В квартире не слышно было музыки. Я постучал еще, потом еще, и уже хотел было уйти, как вдруг в парадное вошла тетя Вили со своей базарной кошелкой.

— Здравствуй, Джехангир-джи! Ты что тут делаешь?

— Я пришел за тетей Дейзи.

Я видел, что ей хочется узнать зачем, но она спросила не об этом:

— Как вы там живете?

— Спасибо, все хорошо, — быстро ответил я и снова постучал.

— Она ушла со своей скрипкой, — сообщила тетя Вили, — я с ней столкнулась, когда уходила на базар.

— А вы знаете, куда она пошла?

— Она сказала, «Макс Мюллер Бхаван». У нее там репетиция.

Я знал, где это — около кинотеатра «Ригал». Пойти туда? Папа разрешил только в «Приятную виллу» сходить. Но если отложить до завтра, дедушка может умереть, не дождавшись выполнения обещания.

Пешком туда было далеко, я поехал на автобусе. Втиснулся в 123-й и через полчаса соскочил там, где он делает круг за музеем.

Перейти дорогу было целой проблемой — машины шли сплошным потоком, на светофор никто не обращал внимания. Но потом образовалась пробка, и я пробрался на другую сторону к «Макс Мюллер Бхавану».

Но, очутившись в здании, я растерялся — было уже после шести, все разошлись, и спросить было

некого. Потом я услышал музыку — много скрипок вместе — и пошел на звук.

Так я попал туда, где шла репетиция. Приоткрыв дверь, я заглянул — большой зал, пустой и темный, но сцена освещена и тетя Дейзи сидит на сцене, на первом стуле рядом с дирижером. Все играют, меня никто не видит. Я не знал, что делать дальше.

И стал ждать. Вдруг все инструменты смолкли, кроме двух виолончелей, они так печально играли, что у меня сердце разрывалось. Неожиданно дирижер замахал палочкой из стороны в сторону — так «дворник» машет на ветровом стекле, — как будто говоря: стоп! Остановиться! Все затихли. Он начал что-то обсуждать с тетей Дейзи, та указала на листок на своем пюпитре. Дирижер заглянул в собственную книгу, прогудел себе под нос и смешно замахал руками.

— Molto sostenuto[11], — сказал он, и оркестр приготовился.

Это был мой шанс — пока опять не заиграли. Я побежал к сцене, наткнулся на стул, он упал. Люди на сцене вздрогнули, дирижер спросил:

— Да? В чем дело?

---

[11] Примечания: 11
Достаточно сдержанно (*итал.*).

И тут тетя Дейзи, которая вместе со всеми всматривалась в темный зал, встала и подошла в краю сцены.

— Джехангир? Это ты?

— Да, тетя, — тихо ответил я.

— Подойди поближе. Ты что, плачешь?

Я сам не знал, что плачу. Наверное, слезы потекли, когда я ждал в темноте. Я быстро вытер глаза. Она присела на корточки, приблизив лицо к моему: я был тогда совсем маленький, это теперь я выше ее ростом. Она взяла скрипку и смычок в левую руку, а правой схватила меня за плечо. Мне было приятно ощущать ее руку, мне сделалось легче от ее сильных пальцев.

— Что случилось, Джехангир? Родители знают, что ты здесь?

Я покачал головой и сказал ей, зачем отправился в «Приятную виллу». Когда я пересказывал, что говорил доктор Тарапоре, ее лицо сделалось печальным.

— Честно говоря, я забыла про обещание.

Я повернулся, чтобы уйти.

— Подожди, я рада, что ты пришел. Дай мне одну минутку.

Она поговорила с дирижером, потом исчезла в глубине сцены и вернулась со скрипкой в фу-

тляре. Я думал, не собирается ли она спрыгнуть со сцены — сцена высокая, а она на высоких каблуках. Но она прошла в угол, где оказались ступеньки, которых я не заметил. Она спустилась в зал и помахала дирижеру:

— До завтра!

Шагала она очень быстро, мне пришлось бежать трусцой, чтобы не отстать. Она остановила такси, а поскольку мне деньги дали только на автобус, я предупредил ее. Она улыбнулась, сказала, что у нее есть с собой деньги, и велела шоферу ехать в «Приятную виллу».

— Но, тетя Дейзи, мы там больше не живем!

Я решил, что она впопыхах забыла про это.

— Знаю. Но мне нужно переодеться.

Я потихоньку осмотрел ее наряд: светло-коричневые брюки и бледно-желтая блуза с длинными рукавами, которые она подвернула до локтей. Я испугался, что мы задержимся, нужно ведь скорее ехать к дедушке, и сказал, что она очень красиво одета, не нужно переодеваться.

— Спасибо. Но мне надо одеться соответственно.

Она попросила таксиста подождать, и мы пошли к ней. Я сидел в большой комнате, а она скрылась в другой. В комнате было полно нот,

целых три пюпитра разной высоты и еще две скрипки. В комнате было не прибрано, но я здесь успокоился.

Через несколько минут я услышал стук ее каблуков. Тик-ток, будто очень громко тикают часы. Я повернулся навстречу ей — я никогда не забуду, как она была одета. Длинная черная юбка, очень красивая, и черная блуза с длинными рукавами, сшитая из ткани, в которой что-то мерцало, как звездочки. И черные туфли. На шее у нее была нитка жемчуга.

Я узнал этот наряд — она так одевалась на важные концерты Бомбейского симфонического оркестра, а я смотрел с балкона, когда она выходила со скрипкой в футляре и садилась в такси. И всегда думал, что она великолепна, как журнальная картинка.

А теперь она так оделась ради дедушки. Она была самая потрясающая леди, которую я видел в жизни. У меня стоял комок в горле. Мы сели в такси, и она велела водителю побыстрей ехать в «Шато фелисити».

Дверь резко отворилась. Отец выглядел не на шутку встревоженным.

— Ты где был? Заставил нас волноваться в такое время!

Но тут отец заметил тетю Дейзи. Ее ослепительный туалет произвел впечатление.

— Прошу вас, входите. И извините нас. Он что, вытащил вас с важного выступления?

— Но это и есть мое важное выступление, — ответила она. — Вы проводите меня?

Мы пошли в дедушкину комнату, где все собрались. Мама сидела у дедушкиной постели, держа его за руку. Рука почти не дрожала. Дядя Джал и Мурад стояли позади маминого стула. Махеш ерзал на своей табуретке в углу, маясь оттого, что ничего не должен делать с больным.

Мама оглянулась и, увидев тетю Дейзи, стала, так же как папа, извиняться за мою настырность.

— Что вы, я же дала слово, — вот и все, что она сказала.

— О, Дейзи! Бедный папа, не думаю, что он даже видит вас.

— Не имеет значения.

Она отошла в сторонку, тихонько настраивая скрипку. Я видел, что дядя Джал смотрит на нее, хочет подойти, но стесняется.

Она подошла к изножью больнично-белой кровати, блистая своим черным туалетом. Я помню, как торжественно она поклонилась дедушке,

прежде чем начать. Махеш смотрел на нее во все глаза; у него наверняка никогда еще не было пациента, которому играла бы на скрипке роскошно одетая дама. Папа шепнул мне на ухо, что это «Серенада» Шуберта. Я знал эту вещь — тетя Дейзи много раз играла ее дедушке. Она закрыла глаза. Я же держал свои широко открытыми, я хотел видеть и слышать все вокруг.

Возможно, то было настроение в комнате, но, по-моему, она никогда еще не играла так прекрасно. Я смотрел на дедушку и чувствовал, что он слышит музыку, потому что видел удовольствие на его лице.

Потом тетя Дейзи стала играть «Колыбельную» Брамса, которую дедушка очень любил. Отец прошептал, что пел ее нам с Мурадом, когда мы были маленькими, что ее когда-то исполнял Бинг Кросби, и эту песню пел ему его отец. Он еле слышно напел слова: «Сладко спи и доброй ночи…»

Тетя Дейзи услышала и резко повернулась к нему. Я думал, она сердится, но она сказала:

— Громче.

Отец поднялся на ноги и запел; я видел, как по его лицу побежали слезы. Мама тоже плакала.

— Простите, — сказал отец, закончив песню, и достал носовой платок.

Тетя Дейзи играла больше часа, пока не пришел доктор Тарапоре, который утром обещал зайти. Тетя Дейзи закончила любимой дедушкиной «О как вас люблю я, — в то утро сказали вы мне». Сыграв ее, она помедлила минуту, снова поклонилась и уложила скрипку в футляр.

В комнате стояла тишина. Нарушил ее доктор, заявив, что хочет осмотреть дедушку. Доктор измерил ему давление; казалось, что доктору, как Махешу в углу, было необходимо чем-то занять себя. Манжетка на дедушкиной руке надулась, когда доктор накачал резиновую грушу. Ртутный столбик поднялся, поплясал вверх-вниз. Потом воздух был выпущен, и доктор сказал маме, что профессор весьма спокойно отдыхает.

Доктор немного посидел с нами, перебросился несколькими фразами с дядей Джалом и отцом, похлопал нас с Мурадом по спине, ободряюще улыбнулся. Затем он собрал свой чемоданчик и пожал руки всем, включая Махеша в углу. Последнее, что он сделал, — обеими руками взял дедушкину руку и прошептал:

— Доброй ночи, профессор.

После того как отец проводил доктора, тетя Дейзи сказала, что хочет поделиться хорошей новостью. Она обращалась к дедушке и держа-

лась так, будто беседует с ним, а он ее слушает. Он был прав, говорила Дейзи, ее желание исполняется — она будет играть концерт Бетховена с Бомбейским симфоническим оркестром в Национальном центре искусств.

Родители поздравили ее. Дядя Джал приблизился, будто желая пожать ей руку, но смутился и попятился.

Она сообщила нам дату и достала из сумочки пригласительные билеты. Пересчитав нас, протянула пять билетов. Тут Джал выдвинулся вперед, сказал, что придет непременно, взял билеты у нее из рук и спрятал их в карман.

Тетя Дейзи защелкнула сумочку, поцеловала дедушку в щеку и отбыла.

Рано утром отец пришел будить меня. Дедушка умер.

— Пойдем, — сказал отец.

Солнце только поднималось, когда мы проходили мимо окна. Я замедлил шаг, чтобы увидеть цвет рассветного неба. «Еще не лазурное», — подумал я. Отцовская рука потянула меня дальше. Мурад уже встал и был в дедушкиной комнате вместе с мамой.

Часы в коридоре пробили шесть. Я стоял в изножье кровати и смотрел на дедушку. На столике

у его головы зажгли маленький масляный светильник. Было странно видеть его руки и ноги абсолютно спокойными. Сколько я себя помнил, они всегда дрожали.

— Пойдем, — опять сказал отец и подвел меня к подушке.

Я старался не смотреть на дедушкино лицо. По другую сторону кровати сидела мама. Она безмолвно плакала, сложив ладони молитвенным жестом. Мурад и дядя Джал вышли. Отец велел мне поцеловать дедушку, потом, когда начнется похоронный ритуал, мне уже не разрешат коснуться его. Я спросил, поцеловал ли его Мурад.

Мама кивнула, подбадривая меня. Я боязливо наклонился и, не обнимая дедушку руками, как делал всегда, быстро приложил губы. Я не чувствовал, что целую дедушку.

Внезапно я понял, что такое смерть. Ничего никогда не будет прежним, дедушки больше нет. Я заплакал.

Отец за руку отвел меня от кровати. Мне хотелось вырваться из его рук и убежать, но только куда — я не знал. Мама протянула ко мне руки, и я бросился в ее объятия. Она сказала, что теперь дедушке хорошо, нет больше для него страданий и болезней.

Мама еле договорила, ее душили рыдания, и отец нежно провел рукой по ее спине. Он приподнял мою голову — я уткнулся лицом в мамино плечо — и обнял нас вместе, маму и меня.

Потом снова подвел меня совсем близко к дедушке. Сказал, чтобы я всмотрелся в его лицо, какое оно безмятежное.

Я посмотрел. Я не уверен в том, что увидел. Скоро прибыл катафалк из Башни безмолвия.

После похорон и четырехдневных ритуалов, после того как завершилось мамино бдение в Дунгервади и она вернулась домой, мама больше не плакала — будто для нее уже не имела значения дедушкина смерть. Я помню, как это сердило меня.

Потом отослали обратно арендованную больничную кровать, утку и судно тщательно отмыли и убрали в кладовку. Понемногу исчезали все дедушкины следы.

Мама говорила мне, что теперь я тоже должен перестать плакать, иначе дедушкина душа будет чувствовать себя несчастной.

— Думай о хорошем, Джехангу. Помнишь тот день, когда дедушка приехал к нам на «Скорой»?

Я кивнул.

— И ты кормил его обедом, изображая ложкой

самолет?

Я старательно улыбнулся.

— Ему так нравилось играть с тобой, помнишь? А как он смеялся, когда ты изображал рев мотора?

— Я суп пролил на его рубашку. И ты меня отругала.

— Пришлось. Я — твоя мать. Но я любовалась, глядя, как ты дедушку кормишь. Или как вы с Мурадом гладите его по лысине и тискаете за подбородок.

Мои пальцы все еще хранят память от ощущения дедушкиного подбородка. Удивительное сочетание — короткая щетинка и резиновая кожа, как плод ююбы.

Мама все старалась ободрить меня, я все кивал. Но на другой день, только я стал привыкать к отсутствию белой кровати в дедушкиной комнате, со столика исчезли все медицинские склянки и пузырьки.

Их убрали, чтобы отдать в благотворительную больницу.

— Почему нельзя оставить в покое дедушкины вещи? — негодовал я.

— Дедушка теперь на небесах, Джехангла, — объяснил отец, — и они ему больше не нужны.

Теперь о нем Дада Ормузд заботится, все дает ему: и одежду, и мороженое, и пудинг, и прочее.

Даже мама усмехнулась, но согласилась с этой мыслью о Боге как о поставщике обмундирования и продовольствия.

Кажется, я огрызнулся на них. Я понимал, что это они так шутят, желая развеселить меня, но я был не в том настроении.

В комнате остался дедушкин запах, хотя исчезли все его вещи. Я часто заходил туда. Через несколько дней исчезло и это.

Когда дядя Джал напомнил про выступление тети Дейзи с Бомбейским симфоническим оркестром, мама сказала, что прошло всего три месяца с дедушкиных похорон и, по ее мнению, еще рано выходить на люди. Отец согласился с мамой.

Не согласился я, говоря, что мне все время толкуют насчет воспоминаний о счастливых временах с дедушкой, а тут такой случай, когда можно порадоваться музыке, которую дедушка любил больше всего. Какой смысл упустить случай? И приглашения пропадут, которые нам дала тетя Дейзи.

Они пытались внушить мне, что существуют такие вещи, как траур, соблюдение приличий, условностей, правила поведения общины… Я

уперся.

Наконец мама сказала, что они с отцом не идут — это окончательно. А дядя Джал, Мурад и я можем пойти на концерт, уж если так хочется.

Как только ответственность за решения была переложена на мои плечи, я заколебался. И промучился целую неделю, размышляя над тем, как бы дедушка посоветовал мне поступить.

В пятницу утром, в день концерта, я решился. И, уходя в школу, сообщил дяде Джалу, что хочу на концерт.

Пошли мы вдвоем. Он надел свой лучший костюм, я выгладил себе рубашку с длинными рукавами и длинные брюки. Зал оказался огромным, куда больше «Макс Мюллер Бхавана», который я видел, когда там репетировал оркестр. Над входом красовалась надпись: «Национальный центр искусств». Это выглядело настолько солидно, что мне даже расхотелось входить.

Фойе было заполнено нарядными людьми, на некоторых женщинах были просто роскошные сари, лучше, чем мамино свадебное. Пахло духами, которые заставили меня вспомнить мисс Альварес, хотя ее духи были приятнее, от них не болела голова, как от этих. Мы с дядей Джалом чувствовали себя одиноко в этой оживленной

толпе. Казалось, будто все здесь знакомы друг с другом, кроме нас.

Но, как только прозвенел звонок, мы сели на свои места и погас свет, я перестал замечать окружающих, потому что на сцену вышли музыканты, потом вышла тетя Дейзи вместе с дирижером, а я знал: она здесь — главное лицо. На ней был тот же красивый черный туалет, который она надевала ради дедушки.

Она встала слева от дирижера, подняла скрипку к подбородку, настроила. Дирижер подал знак оркестру, и музыканты взяли одну ноту. Дирижер, видимо, остался доволен звучанием. Он поднял палочку и кивнул тете Дейзи. Концерт начался.

Я почувствовал огромную гордость, когда она стала играть свое соло. Для меня то был самый волнующий момент. Я уверен, что мы с дядей Джалом аплодировали громче всех остальных в зале.

После концерта, после бисирования дядя Джал предложил поздороваться с тетей Дейзи. Мы влились в общий поток людей, который нас вынес с фойе, а оттуда мы прошли по коридору за сцену.

Тетю Дейзи окружило множество людей, они наперебой говорили: поздравляем, великолепная интерпретация, такая свежая и энергичная. Ей

дарили цветы. Мы стояли в сторонке, ожидая своей очереди.

Она заметила нас, выбралась из кольца окружавших ее людей, пожала руку дяде Джалу, обняла меня.

— Вам понравилось? — спросила тетя Дейзи.

Я улыбнулся и кивнул, хотя хотел сказать ей что-нибудь, а не молчать, как маленький. Мне хотелось ей сказать, что впервые после смерти дедушки я чувствую себя счастливым.

Дядя Джал преодолел свою застенчивость настолько, что выразил восхищение концертом, но после этого замолчал опять и только смотрел на тетю Дейзи с нескрываемым восторгом.

— Очень мило, что вы пришли на концерт, — ответила она, собираясь вернуться к поклонникам.

Сейчас или никогда!

— Ничуть, — сказал я, — очень мило, что вы нас пригласили и доставили нам такое удовольствие.

Тетя Дейзи просияла; я видел, что мой ответ обрадовал ее. Она и дядя Джал немного поговорили. Она спросила, не хочет ли дядя Джал сходить на другой концерт — у нее есть пригласительные на что-то под названием «Большой балет». Дядя быстро сказал: «Да!»

Я был разочарован, что она не позвала меня, но я понимал, что будет лучше, если они будут на концерте вдвоем. И не сомневался, что это и маме понравится.

Уже уходя, она неожиданно остановилась.

— Вы знаете, сегодня перед выходом на сцену я думала о профессоре Вакиле. Я представила себе, что он сидит в зале.

Я хотел сказать, что я тоже думал о дедушке. Но подумал, что она знает.

Отец застукал Мурада, когда тот целовался с девушкой на лестнице. Он входит чернее тучи и объявляет новость маме, которая спешит выяснить, из нашего ли дома девушка и знаем ли мы ее.

— Она не из парсов, — обреченно отвечает отец и выходит из комнаты.

Мама бежит за ним, встревоженно спрашивая, был ли у него разговор с Мурадом, чем закончился и не нужно ли отцу его лекарство от стенокардии?

— Я не желаю доставлять парджатке, иноверке, удовольствие видеть, как я ссорюсь с сыном. У него хоть хватило совести уйти, когда он меня заметил. Но погоди, пусть он только домой вернется!

Угрожающий тон пугает маму перспективой грандиозного скандала. Следующий час она проводит на кухне, чистит и нарезает овощи, готовит обед, нервничает и качает головой, пока не раздается звонок в дверь. Мама быстро вытирает руки и бежит в гостиную, чтобы отец и сын не встретились один на один.

Она входит в гостиную, а дядя Джал складывает газету и уходит к себе. Я чувствую, как маме хочется сказать: «Не уходи, это же и твой дом!» Но она решает промолчать.

— Ну, так что скажешь? — начинает отец, когда Мурад входит.

— О чем? — невинно вопрошает Мурад.

— Та девушка. Кто она?

— О, ты про Анджали — она из нашего колледжа. Мы дожидались друзей.

— Ты всегда целуешься с девушками в ожидании друзей?

Тут, спохватившись, отец понижает голос. Он садится на диван, указывает Мураду на кресло напротив.

— Я не хочу, чтобы мы кричали друг на друга. Это очень серьезно, и я прошу внимательно слушать меня. Эта дружба…

Он откашливается, подыскивает слова.

— Твоя связь с этой девушкой невозможна.

— Какая связь? — Мурад смеется. — Я же сказал, мы просто дружим.

— Девушка, с которой так целуются, не может быть просто другом! Или у тебя с ней роман, что недопустимо, или ты с ней просто развлекаешься, что уже совершенно недопустимо.

— Она тоже развлекается.

Отец хватается за голову.

— Ребенок думает, что игра со спичками — это развлечение. Но мы-то не можем допустить этого. Твои отношения с ней ни к чему не приведут, счастливого конца не будет.

— Мы не думаем о таких вещах, о'кей?

— Видишь? — взывает отец к маме. — Он слышать ничего не желает! От мелочей до серьезнейших вопросов — он ни слова выслушать не хочет!

И снова принимается за Мурада.

— Я предупреждаю тебя: здесь не может быть компромисса. Нормы, законы нашей религии абсолютны, эта индуска не может быть твоей девушкой.

— Это просто предубеждение.

— Ничего подобного. Мой лучший друг был маратх, Вилас Ране, писец. Помнишь, он давал

мне книжки с картинками для тебя, когда ты был маленький? Дружить можно с кем нравится, с человеком любой расы или религии, но серьезные отношения, брак подчинены другим законам.

— Почему?

— Потому, что мы — чистая персидская раса, уникальное явление на этой планете, а смешанные браки разрушают ее.

— Ты считаешь, что ты выше других?

— Ниже или выше — вопрос не в этом. Чистота есть добродетель, которая заслуживает того, чтобы ее сохранять.

Теперь Мурад обращается к маме:

— Видишь? Доказательство того, что он фанатик. У Гитлера были те же идеи насчет чистоты, и смотри, что вышло.

Отец выходит из себя. Больше из-за обиды, чем из-за Мурадова упрямства. Отец кричит, стучит кулаком по чайному столику, жалуется на боли в загрудине и наконец в изнеможении откидывается на спинку дивана. Он жалобно бормочет:

— Как могут братья быть такими разными, посмотри на Джехангла: послушный, старательный, любящий, и посмотри на этого — тоже ведь мой сын, а ведет себя как законченный негодяй, кем это надо быть, чтобы родного отца обозвать

именем самого большого чудовища двадцатого века?

— Правда, Мурад, — говорит мама, — тебе должно быть стыдно! Нельзя называть отца Гитлером.

— Я и не называл. Вы что, не слушаете? Я сказал, что у него были те же самые идеи насчет чистоты.

Отца семантика не интересует.

— Просто чтобы ты понял разницу, я тебе советую подумать, что выделывала с тобой под лестницей эта иноверка. Девушка из парсов никогда не допустила бы ничего подобного.

— Как умилительно, — фыркает Мурад, уходя к себе. — Можешь разглагольствовать дальше.

Я остаюсь в гостиной, уткнувшись носом в книгу. Мне не хочется говорить отцу, что он ошибается. Фара Арджани с первого этажа — правнучка покойного мистера Арджа, того, кто когда-то враждовал с дедушкиным отцом. На прошлой неделе мы с ней оказались вдвоем в лифте. Мы с ней смеялись, я поддразнил ее, она меня толкнула, я толкнул ее — и скоро мы оказались в объятиях друг друга, прижимаясь и целуясь. Я схватил ее за грудь и, если бы не открылась дверца лифта, она дала бы мне залезть рукой под

ее футболку.

Мама пытается урезонить отца:

— То, что Мурад делает, — это совершенно естественно. Через неделю ему исполняется восемнадцать, девятнадцатый год пойдет. Сколько можно относиться к нему как к мальчику?

— Пока не будет вести себя как мужчина. Пока не поймет свои обязанности в качестве парса.

Мама стискивает руки и смотрит на горку со святынями, на мигающий огонек пластмассового афаргана, будто ожидая божественного вмешательства.

— Мне хорошая мысль пришла в голову, Иездаа. Относительно твоего друга-писца.

— Что за мысль?

— Вам с Мурадом трудно спокойно разговаривать. Он говорит глупости, ты сердишься, начинается ссора.

— Моя ли в этом вина?

— Нет, конечно, нет. Но почему бы тебе не написать Мураду хорошее длинное письмо? Все объяснить логически? Наш сын — разумный человек, а ты всегда говоришь, что у наших религиозных законов есть научная основа, — вот и покажи это ему. И можешь попросить своего друга помочь тебе написать его, раз он профес-

сионал.

— Ты спятила? — Отец глубоко оскорблен. — Во-первых, с той, старой жизнью покончено, я не хочу восстанавливать контакты с Виласом. Во-вторых, он писал письма для неграмотных. Для чернорабочих, которые понятия не имеют, что такое «а», «б», «в» или «ка», «кха», «га». Вилас тебе не Шекспир, способный сочинить письмо, которое растопит ледяное сердце твоего сына. И в-третьих, если отец не может говорить с сыном глаза в глаза, а вынужден писать письма, то он может вообще забыть, что у него есть сын.

Мама вздрагивает и снова смотрит на молитвенную горку.

Дядя Джал, стараясь держаться подальше от большого скандала, занялся разборкой шкафов в пустующей комнате. Он отбирает вещи для благотворительной акции, организованной Дейзи и Бомбейским симфоническим оркестром. Он входит в гостиную с полными руками, он хочет показать нам, что отобрал для пожертвований, а я догадываюсь, что это отвлекающая тактика, которую он придумал.

Но он так и трепещет от эмоций, предъявляя нам небольшую шкатулку.

— Смотрите, что я нашел!

Мы окружаем его.

В шкатулке лежат две пары запонок и две булавки для галстука. И записка: «Для Мурада и Джехангира, свадебные подарки».

— Почерк Куми! — ахает мама.

— Ее, — подтверждает дядя Джал. — Вы же знаете, какой она была методичной. А булавки — они принадлежали нашему отцу, Палонджи. Видимо, Куми решила сохранить их для мальчиков.

Мамины глаза полны слез, она быстро вытирает их платком. Меня шкатулка тети Куми сбивает с толку. Мне грустно. Что я теперь должен думать? Она так редко давала нам с Мурадом почувствовать, что мы что-то значим для нее.

— Спрячь в надежное место, Джал, — говорит мой отец. — Мы исполним желание Куми, когда наступит счастливый день. Что ты еще нашел?

Дядя Джал показывает стопку картинок, обнаружившихся в одном из шкафов. Саи Баба, Пресвятая Дева, сцена распятия, Хаджи Маланг, несколько изображений Заратустры, Богородица из Фатимы, Будда.

— Откуда они взялись? — спрашивает отец.

— Я их с детства помню, — говорит Джал, — они были развешаны по всему дому. Ты же знаешь, в те времена у парсов было принято держать сим-

волы всех религий. Папа снял их после смерти мамы и Люси.

Отец перебирает картинки — одни в рамках, другие без, пожелтевшие, с заворачивающимися краями. На некоторых стоят даты с обратной стороны, самая старая помечена 1869 годом.

— Кстати, — говорит Джал, — о портретах. — Он имеет в виду мрачные портреты дедушкиных предков, которые висят в длинном коридоре. — Я не испытываю особой привязанности к этим угрюмым лицам, — шутливо продолжает он. — Если ты хочешь использовать рамы для чего-то другого, я не возражаю.

— Нет, — отвечает отец, — это старейшины и преуспевшие члены нашей общины, ее опора. Если бы сегодня среди нас было побольше таких людей, община парсов не оказалась бы в столь угрожающем положении. Они должны остаться как источник вдохновения для всех нас. Особенно для молодых.

— А святые картинки?

Отец просит время на размышление.

Через две недели у нас отмечается восемнадцатилетие Мурада, и мама планирует нечто особое. Мама предлагает пригласить на чай, скажем, с пяти до семи, человек десять друзей Мурада по

колледжу. А торжественный обед ограничить восемью персонами: наша семья и трое друзей Мурада — отец не любит больших сборищ.

— Только смотри, чтобы эта девица не оказалась в числе троих, — говорит отец, услышав о мамином плане.

— Анджали обязательно будет, — немедленно откликается Мурад. — Она остается к обеду.

И начинается сражение.

Отец прибегает к тактике, которую освоил на собраниях и в дискуссиях своих религиозных обществ: цитирует Священное Писание, цитирует комментарии верховных священнослужителей. Я столько раз слышал эти цитаты, что знаю их наизусть.

— Ты делаешься все фанатичней и фанатичней, — отмечает Мурад. — Я не понимаю. Отчего ты так меняешься, отец?

— Поймешь, когда станешь старше. Это духовная эволюция. Ты тоже достигнешь фазы в своей жизни, когда у тебя появится жажда духовности.

На Мурада это не производит впечатления. Он полагает, что Лиге ортодоксальных парсов надо бы изобрести детектор чистоты по образцу детекторов металла в аэропортах, чтобы пищал при проходе осквернённого человека.

— Ты считаешь, что вопрос чистоты, жизни и смерти нашей общины — это тема для шуток?

— Я считаю, что фанатизм, безусловно, заслуживает осмеяния.

— Не играй словами. Современная манера — клеить ярлыки тем, с кем ты не согласен.

— Что ты имеешь против моей приятельницы?

— Мы это уже обсуждали. Я знаю, к чему ведет твоя дружба с этой девушкой, и не потерплю этого в моем доме. Меня стошнит, если она придет на обед. Меня просто вырвет на стол, я тебя предупреждаю.

Мурад сообщает отцу, что его тошнит от отцовских идей, так что вдвоем они вполне могут заблевать весь день рождения.

— Прекрати, Мурад! — кричит мама. — Не смей говорить гадости!

— Это он начал. Пользуется религией как оружием. Тебе известно, что помешательство на чистоте плодит психов в нашей общине? Никогда не приму этих безумных идей!

— Бесстыжий мерзавец! Отца психом называешь! Ну все, я ухожу, уйду в храм огня, видеть его больше не могу!

— Почему бы тебе палатку не поставить в глав-

ном зале? И жить в ней — ты столько времени проводишь в этом храме!

— Ты слышишь? Твой сын хочет меня из дома выгнать!

— Это просто неумная шутка, Иездаа. Правда, Мурад?

— Да нет, я серьезно. Схожу в «Приятную виллу» и попрошу у тети Вили ее скатерть для папы.

— Вили так помогла нам, а мы даже не отблагодарили ее как следует, — горестно вспоминает мама, — даже о переезде сообщили в последнюю минуту. Мне просто стыдно!

— Это ей должно быть стыдно, — говорит отец с неожиданным ожесточением, — она соблазнила меня лотереей, заставила играть, а я никогда в жизни этого не делал!

Тут даже мамино терпение лопается. Ни слова не говоря, она уходит из гостиной.

По зороастрийскому календарю, согласно которому мы молимся и совершаем религиозные обряды, родж Мурада приходится на четыре дня раньше его дня рождения. На родж мама заказала сладости в «Парси дайри фарм». Сунниту, которая по утрам приходит убирать у нас, послали за цветами для торунов — их полагается вешать на двери. Мама готовит к завтраку раво с карда-

моном, мускатным орехом, корицей и большим количеством изюма и миндаля. В это утро кухня просто благоухает.

— Почему ты дважды отмечаешь его день рождения? — спрашивает отец.

— Потому, что это восемнадцатилетие, сам знаешь.

— Два празднования для парня, который и одного-то не заслуживает, — сердито говорит отец.

Мама отвечает неодобрительным взглядом.

Когда я прихожу из школы, мама просит, чтобы я отнес сладости в дом напротив: одну коробку доктору Фиттеру, другую — инспектору Масалавале.

Я пытаюсь отбиться: я их почти не знаю, лучше бы она поручила Сунните утром отнести эти миттхаи. Я, конечно, знаю их по именам и знаю, что они нам помогали после того, что случилось с тетей Куми. Я слышал рассказы о помощи, оказанной доктором и отцом инспектора нашему дедушке, когда погибли Люси и наша бабушка.

— Если прислуга приносит — это совсем не то, — возражает мама, — подарок должен доставить член семьи, выказать уважение.

Делать нечего, ставлю коробку со сладкими, пропитанными сиропом шариками на поднос,

накрываю салфеткой с вышитыми павлинами по углам. Сначала иду к инспектору Масалавале. Слуга говорит, что его нет дома, и я, следуя маминым указаниям, спрашиваю миссис Масалавалу. Она откликается так быстро, будто под дверью подслушивала:

— Кто пришел?

— Джехангир, — представляюсь я, — сын Роксаны Ченой из «Шато фелисити». — Я даже пальцем показываю через плечо, чтоб ей легче было понять. — Внук Наримана Вакиля.

— Да-да, я тебя узнала, — говорит она, к моему большому облегчению.

— Мама посылает миттхаи для инспектора и для вас, по случаю роджа моего брата, ему исполняется восемнадцать.

— Да-да, как мило. Передай брату наши поздравления. И скажи маме спасибо от нас.

Она принимает коробку как должное и быстро выпроваживает меня.

Радуясь, что так быстро отделался, я перехожу к двери напротив, надеясь, что не задержусь и там. Но доктор Фиттер, открыв мне дверь, не дает мне представиться, а сразу расплывается в улыбке и тянет за руку в дом.

— Знаю, знаю, кто ты, молодой человек! Ну

зайди, зайди же на минутку! Техми, Техми!

Из глубины квартиры доносится голос:

— Ну что там еще, Шапурджи, как я могу вовремя подать тебе обед, если ты поминутно отрываешь меня?

Продолжая ворчать, она тяжелым шагом выходит на веранду с ножом в руках, которым, видно, крошила зелень, судя по налипшим зеленым крошкам.

— Боже мой, у нас внук Наримана, а ты мне ничего не говоришь?

Она кладет нож на чайный столик, вытирает о юбку руки и щиплет меня за щеку. От ее пальцев пахнет кориандром. Я снимаю салфетку и вручаю джалеби, повторяя мамины слова.

— Мураду уже восемнадцать, — она забирает у меня поднос, — подумать только! А сколько же тебе?

— Четырнадцать. Пятнадцатый пошел, — отвечаю я.

Доктор Фиттер улыбается:

— Новое поколение, готовое править миром. Надеюсь, вы сделаете его гораздо лучше, а? Садись, расскажи про школу.

Он беседует со мной, миссис Фиттер уносит сладости. Я немножко беспокоюсь из-за подноса

— не забыла бы вернуть! Доктор тем временем рассуждает о том, как хорошо, что наша семья живет в квартире профессора Вакиля.

— Слишком долго в том доме была пустота. Отсутствие… Очень тяжело сложилась жизнь твоего дедушки. Я до сих пор помню тот день, когда он спустился вниз поговорить со своей девушкой, — на нем тогда одно полотенце вокруг пояса было надето.

Он посмеивается при воспоминании. Я понимающе киваю и стараюсь вытянуть из него что-нибудь еще.

— Родители всегда говорят, что вы очень помогли дедушке.

Он мотает головой:

— Самое меньшее, что мы могли сделать, старший офицер Масалавала и я. Но даже без полицейского расследования сколько слухов пошло — что это было: двойное убийство, двойное самоубийство, просто несчастный случай?

Я чувствую, как кровь отливает от моего лица, и надеюсь, что доктор этого не замечает.

— Слухи — часть человеческой жизни, — щеголевато произношу я, довольный тем, что вовремя вспомнил фразу.

— Ты прямо как профессор Вакиль, — смеется

доктор, — он бы то же самое сказал. Конечно, люди не виноваты, обстоятельства выглядели подозрительно.

Миссис Фиттер возвращается за ножом и, услышав, о чем идет речь, укоряет мужа:

— Что с тобой, Шапурджи, зачем ребенку знать такие вещи?

— Какой он ребенок, ему пятнадцатый год пошел. А твоя бабушка — как ее звали?

— Ясмин.

— Вот-вот. Ее предсмертные слова еще больше осложнили дело.

Я затаил дыхание.

— Вы сами слышали?

— Конечно, слышал. И помню так, как будто это вчера было. Выбегаю на улицу, когда они обе упали, потом прибегает Масалавала… Эта девушка-католичка — как ее звали?

— Люси.

— Верно. Она сразу скончалась. А твоя бабушка была в сознании, даже сумела выговорить несколько слов. И все домыслы начались из-за одного слова — что она сказала: «он» или «мы»?

— А вы что думаете? — смиренно спросил я.

— Я-то знаю, что она сказала. Она сказала: «Что мы наделали!» Но вокруг столпились и другие.

Кому-то послышалось: «Что он наделал», — и отсюда пошли обвинения в адрес Наримана.

Доктор отмахивается в знак того, что не верит этому.

— Люди не дают себе труда подумать. Последняя жалоба, сожаление о неудачном браке, об их загубленных жизнях — вот что это было.

— А как получилось, что они упали? — спрашиваю я.

— Единственное, что я знаю: и Наримана, и Ясмин, и Люси — каждого вела своя судьба. Что каждому на роду написано. И больше ничего. И не бывает больше ничего.

Миссис Фиттер возвращается с подносом, на котором высится аккуратная горка сахара. Я благодарю ее и набрасываю на поднос салфетку с павлинами. Фиттеры вдвоем провожают меня до двери и берут слово, что я снова приду к ним.

На кухне я отдаю поднос маме, которая радуется, что ее дар принят с благодарностью: сахар прислали.

— Это, конечно, миссис Фиттер? — уточняет мама, и я кивком подтверждаю ее догадку.

Я ухожу в свою комнату и ложусь на кровать. Я обдумываю все, что понемногу узнавал про дедушку, Люси и бабушку. И все же картина

неполна. Нечто вроде странной головоломки неопределенного размера. Всякий раз, когда мне кажется, что я ее закончил, обнаруживаются новые фрагменты. И головоломка опять меняется, картинка приобретает чуть иные очертания.

Мои старые пазлы, в том числе и любимое озеро Комо, все еще сложены на полке. И книги Инид Блайтон, которые я не могу заставить себя раскрыть. Никак не пойму, что в них когда-то меня так увлекало. Пустая трата времени — вот что я думаю о них сейчас.

Я спрыгиваю с кровати, собираю все это барахло в большую коробку и тащу в коридор, где дядя Джал складывает старую одежду, обувь и посуду для благотворительной кампании тети Дейзи и БСО. Мой вклад в благотворительность — книги и пазлы — отправляется на самый верх.

Теперь есть только одна головоломка, над которой стоит ломать себе голову.

…Отец принял в конце концов решение насчет священных картинок. Наверняка посоветовался с друзьями из Ортодоксальной лиги. Пришел с собрания и объявил, что незороастрийским изображениям нет места в доме истинных парсов, ибо они мешают вибрациям авестийских молитв.

— Неудивительно, что в этом доме столько ссор

и споров. Как только изображения будут удалены, мои молитвы сделаются эффективней. К Мураду придет понимание.

Он сказал, что от картинок следует избавиться должным образом, в соответствии с зороастрийской традицией уважения всех религий, которая, как он мне объяснил, восходит к Киру Великому, основателю династии Ахеменидов. Когда он завоевал Вавилон, он освободил евреев, которые пребывали там в пленении, и даже помог им заново воздвигнуть их Храм, чем заслужил себе титул Помазанника Божия в еврейской Библии.

— Мы упакуем картины вместе с цветами и пожертвуем их морю, Аван Йязату, на вечное хранение.

Отец послал меня купить цветов — в виде гирлянды, уточнил он. Упаковал картинки в оберточную бумагу и обвязал пакет гирляндой, получилось вроде ленты из бархатцев.

Я пошел с ним на Чаупатти. Мы долго шли по пляжу, пока не нашли местечко с плотным песком и тихо набегающей волной, которая, чуть пенясь, ластилась к нашим ногам. Прилив закончился, волны устали. Зато громко кричали чайки, надеялись, что мы принесли нечто съедобное.

Отец приложил пакет ко лбу, протянул мне,

чтобы и я сделал так, и передал пакет в надежные объятия Аван Йязата.

Потом мы сидели на песке, смотрели на горизонт, где солнце медленно уходило в воду. Сидели молча, отец — с его тайным бременем, я — с бесчисленными вопросами, прочно замкнутыми в моей голове. Мне хотелось сказать отцу, что я его все еще люблю, но не могу понять того нового человека, которым он стал. Мне больше нравился отец, когда он шутил, мог быть и дурашливым, и саркастичным, мог разозлиться, а через минуту уже смеяться, умел быть нежным и упрямым, вполне мог отстоять свои взгляды, не хватаясь ежеминутно за религию. Мне хотелось расспросить отца о его детстве в «Джехангир-паласе», опять послушать его рассказы про соседей и друзей, с которыми он играл в крикет, про школу и учителей, особенно про учителя гуджератского языка, которого они звали Айо, и про другого, из Мадраса, прозванного Вада из-за его смешного акцента.

О многом я хотел спросить отца и многое сказать ему — о том, что заполняло мой ум, когда я бывал один. Но когда отец был рядом, слова не шли.

Мимо пробежали дети, песок полетел из-под их

ног. Разносчик сахарного тростника помедлил около нас, но отец покачал головой, и он побрел дальше по пляжу.

— Пошли? Солнце зашло — время для айви-срутхрем гех. Я должен прочитать ее до ужина.

Я посмотрел на отступающие волны, ища взглядом пакет с картинками и цветами. Его нигде не было. Мы зашагали через пляж к дороге, мне нравилось ощущение попеременного погружения ног в рыхлый песок и напряжения, с которым они высвобождались.

Отец принял менструальное законодательство. По крайней мере, так сформулировал этот шаг Мурад.

Закон гласит, что мама вообще не должна входить в гостиную в период месячных. В эти дни она будет спать в пустующей комнате и держаться подальше от кухни. Пищу ей будет носить повариха.

Суннита, приходящая к нам на полдня убирать, мыть посуду и наводить порядок в ванных, во время менструаций не будет появляться в доме. Следить за менструальными циклами Сунниты поручается маме, которой кажется, что это вообще-то неудобно.

— С ума съехал, — говорит Мурад, — и прямо в

бездну религии.

Отец не обращает на него внимания. Он дал все указания и теперь уходит к себе. Мама идет следом, пытаясь урезонить его.

— Ты же никогда не верил в эти вещи! Почему вдруг?

— Потому, что это правильный путь. Стандартная процедура в ортодоксальной семье.

— Насчет ортодоксальных семей можешь у меня спросить, Йезад, так было заведено в семье моей матери. Но ни тебе, ни мне это никогда и в голову не приходило.

— Прежде я был невежественен. А теперь я изучил нашу религию, я посещаю лекции ученых людей.

Они не подозревают, что я слышу их разговор. Я, как всегда, все вижу и слышу. И временами меня охватывает такая тоска, что хочется заткнуть уши.

Отец собирается вышвырнуть Мурада из дому, если тот не будет жить по его правилам. Мама советует не прибегать к угрозам, которые он не сможет привести в действие.

— А вот увидишь, — отвечает отец. — Если твой сын не перестанет безобразничать с этой девицей, то вы увидите, и ты, и он.

Она в слезах кричит, что ему легко говорить такие ужасные вещи.

— А я его мать, я девять месяцев носила его в утробе и в муках родила на свет. Можешь просто убить меня, если собираешься выгнать из дому мое дитя.

Вмешивается дядя Джал — и ситуация делается еще хуже. Дядя Джал предлагает поселить Мурада в его части квартиры — в его комнате, подальше от отца. Пусть поживет с дядей Джалом, пока все не утихнет, пока не разрешится кризис и Йезад с Мурадом не научатся ладить друг с другом.

— Так ты для этого уговаривал нас переехать сюда? — кричит отец. — Чтобы иметь возможность вторгаться в нашу жизнь? Чтобы получать удовольствие, вбивая клин между отцом и сыном?

Дядя Джал пытается указать отцу на нелогичность обвинений.

— Я же как раз обратное стараюсь сделать, Йезад. Ты хочешь выгнать сына, а я хочу сохранить его для тебя, до той поры, когда будете готовы восстановить дружеские отношения.

— Занимайся своими делами! — рявкает отец и уходит готовиться к вечернему курению ладана.

Мама в одиночестве терзается из-за нескончае-

мого раздора в семье. Мне она признается, что в последние дни нашей жизни в «Приятной вилле» дедушка пытался предостеречь ее от переезда в «Шато фелисити», в дом его бед. Теперь она не сомневается, что именно это дедушка пытался сказать ей, а она не слушала.

Отец отмахивается: дом — это всего-навсего кирпич и цемент, а счастливы мы в нем или нет, зависит от нас.

Но маму не переубедить.

— Пусть это будет тебе уроком, Джехангу. Слушайся советов старших. Когда мы становимся взрослыми, нам кажется, что мы все знаем. Мы полагаем, что у старых людей с головой не все в порядке. Слишком много гордыни мы в себе накапливаем с годами. Она-то и губит нас.

Мама без конца корит себя. Она говорит, что ее мучает совесть из-за того, что не все она сделала для дедушки…

Услышав это, отец приходит в раздражение: она помешана на мелодраме, она нарочно искажает события пятилетней давности, когда была в подлинном рабстве у отца.

— Если уж на то пошло, то я тебе скажу — ты всех нас забросила тогда из-за своего отца!

Обвинение ошеломило маму.

— Вот как ты думаешь?

Она обращается ко мне:

— Я забросила тебя?

Я отрицательно качаю головой, а отец говорит:

— Не спрашивай Джехангира, он тогда мал еще был, чтобы понимать, что происходит.

— Мне было девять лет, я все понимал.

— А как же! Ты половины даже не запомнил.

— Спроси, — бросаю я вызов, — спроси! Я все помню.

— А, да всем нам так кажется, — говорит отец.

Но мама убеждена, что дедушка и прожил бы дольше, и был бы счастливее, если бы она продолжала сама ухаживать за ним, а не нанимала чужих людей.

— Пролежни — вот доказательство. Я почти год мыла папу, он лежал чистый и сухой, и все было хорошо. Как только появились сиделки и санитары, появились и пролежни.

— Глупости, — не соглашается отец, — столько лежать в постели — пролежни обязательно будут, кто бы ни ухаживал за больным. Чистое совпадение.

— Ты же сам утверждаешь, что совпадений не существует, — спорит мама. — Ты говоришь, что нет совпадений, есть только перст Божий.

Он машет рукой. Тогда мама снова заступается за Мурада и Анджали, умоляет отца позволить Анджали прийти на праздничный обед, напоминает про дедушку и Люси, про их трагедию и горькую судьбу других.

Чем больше стараться разлучить их, тем сильней они будут противиться.

— Откуда ты знаешь? Найдут себе новых друзей, а этот роман тихо кончится.

— А если не кончится? — спрашивает отец. — А если дело примет серьезный оборот? Еще один гвоздь в гроб общины парсов. И на тебя ляжет ответственность за то, что он вбит.

Достигли компромисса. Отец соглашается позволить Анджали прийти на праздничный обед, но при условии особой перестановки мебели в гостиной. Из мебели сооружается нечто наподобие баррикады на соответствующем расстоянии от молитвенной горки.

Таким образом, снимается главное опасение отца — как бы не осквернили место его молитв. Завтра мы с Мурадом перетащим диван и кресла, передвинем стол — воздвигнем «санитарный кордон», как называет это Мурад.

Дядя Джал говорит мне:

— Было бы приятно и Дейзи пригласить к обе-

ду, правда?

Поняв намек, я бегу к маме, которая соглашается с ходу. Она, как я понимаю, надеется, что дядя Джал и Дейзи перейдут к роману, хотя пока что дядя Джал удовлетворен совместными посещениями концертов и дальнейших шагов не предпринимает.

Вчера мама заказала новые коробки со сладостями: джалеби, сутерфени, барфи, малаи-накхаджа. Их должны доставить завтра утром — ко дню рождения по английскому календарю. Мама хотела послать сладости тете Вили, но отец сказал, что со старой жизнью покончено и нет надобности поддерживать контакты с жильцами «Приятной виллы».

Мы собираемся перед молитвенной горкой. Мама с раннего утра готовила полы, украшая их меловыми рисунками. Она выбрала трафареты с рыбами, поскольку рыбы — символ благоденствия. Белые рыбы с красными глазами.

Дядя Джал сидит у проигрывателя, ожидая сигнала. Как только отец подаст сигнал, он включит «Счастливого дня рождения» в инструментальном варианте. Слова споем мы. Мама входит в гостиную с серебряным подносом, на котором разложены ритуальные предметы. Она ставит

поднос на стол и знаком подзывает Мурада.

— С правой ноги! — напоминает мама.

Мурад осторожно ступает среди меловых рисунков, аккуратно ставя ноги между рыб, и улыбается нам. И пока мы поем ему «счастливого дня рождения», он стоит в своей молитвенной шапочке, поддерживаемый спинами двух рыб, которые угождают ему — потому что сегодня день его рождения.

Мама берет с серебряного подноса гирлянду из роз, лилий и жасмина. Мурад наклоняет голову, чтобы мама надела на него гирлянду. Потом она начинает вручать Мураду символы удачи и процветания: листья и орехи арековой пальмы, финики, цветы и кокос. Она окунает палец в серебряную чашечку с киноварью и рисует пальцем длинную вертикальную черту на лбу Мурада — тило. И наконец, высыпав на ладонь немного риса, она прижимает рисинки к тило, чтобы они прилипли ко лбу. Потом осыпает сына рисом, ее руки совершают прелестные округлые движения, будто в танце.

Она долго держит его в объятиях, нашептывая ему в ухо то, чего я не могу услышать. Мы опять поем. Мама делает шаг назад, уступая место отцу.

Отец подходит к подносу, набирает в руку рис и осыпает им Мурада. На подносе лежат новенькие наручные часы — подарок Мураду ко дню рождения. Мама не стала вручать их, предоставив это отцу. Мы в ожидании, не зная, как поступит отец. Мама прикрыла рот рукой, скрывая тревогу.

Отец берется за коробочку, чуть помявшись, ставит ее на место, берет Мурада за левую кисть. Расстегивает ремешок старых часов, откладывает часы в сторону. На новых часах — металлический браслет. Отец осторожно продевает в него руку Мурада, циферблатом вверх, переворачивает руку, чтобы защелкнуть браслет.

Не выпуская руки Мурада из своей, отец поднимает голову и смотрит ему прямо в лицо. Отец и сын смотрят друг другу в глаза. Потом отец кладет правую руку на голову Мурада поверх молитвенной шапочки. Он, видимо, читает молитву. Мурад стоит, не закатывает глаза, не выказывает признаков нетерпения.

Отец забирает у него цветы и арековую листву вместе с орехами, обнимает сына. Мурад обнимает отца.

Мы с дядей Джалом больше не поем — и глупо без конца повторять одно и то же, да и запись кончилась. В тишине мы слышим, что шепчет

отец Мураду:

— С днем рождения, сын. Живи долго, будь здоров, богат и очень счастлив.

Мама начинает суетиться вокруг стола, чтоб никто не заметил, как она плачет. Она посылает меня поздравить брата, от которого только что отошел дядя Джал, вручивший ему конверт. В конверте сто и одна рупия. Я знаю, потому что вчера бегал по его поручению в банк за новенькими, хрустящими купюрами.

Я подхожу к Мураду, останавливаясь у меловой рыбы, неуверенный, что он пожелает, чтобы я его обнял. Я протягиваю руку.

— С днем рождения, Мурад.

Он пожимает мне руку и рывком дергает к себе. Я теряю равновесие. Но он вовремя подхватывает и обнимает меня. Мы хохочем.

— Садитесь, садитесь, — торопит нас мама, — сев готов, и его надо съесть свеженьким, чтоб не пристал ко дну кастрюли!

Мы переходим в столовую, Мурад показывает дяде Джалу новые часы, я плетусь позади и вижу, что отец сидит на диване в глубокой задумчивости. Мама задерживается около него. Отец поднимает голову и невесело улыбается.

— Иездаа? Что случилось?

Он качает головой и снова улыбается ей.

— Иездаа, кстати, кухонные часы пора заводить.

— Попозже, — отвечает отец. — Или попроси Мурада.

Дело к вечеру. Компания Мурада уже разошлась, а до обеда еще есть время.

Я сижу в гостиной и смотрю на молитвенную горку, отгороженную баррикадой из мебели. Я представляю себе горку, какой она прежде была, — заполненную безделушками и игрушками, печальными остатками несчастливого детства тети Куми и дяди Джала. Теперь она заполнена священными реликвиями отца. А он так же несчастлив.

Дядя Джал в своей комнате — одевается к обеду. Он с самого утра возбужден ожиданием Дейзи — она сразу приняла приглашение на обед, как только мама позвонила ей.

К моему изумлению, мама выставляет чашу с розами и фарфоровых пастушек. На обеденном столе расставлен фарфоровый сервиз, подаренный дедушкой им с папой на свадьбу. Мама входит с вазой в руках, поглаживает пастушек, проводит пальцем по фестончатому краю чаши.

— Это все дедушкины подарки, — улыбается

она. — До чего красивы!

Я согласно киваю. Они напоминают мне о далеких временах, когда дедушка впервые оказался с нами в «Приятной вилле». Когда мой мир внезапно вырос, вобрал в себя сложности и боль. Я думаю о дедушке, который спит на диване рядом со мной, успокаивающе держа меня за руку. Потом я буду держать его руку, когда ему снятся страшные сны. Я вспоминаю о том, как мы с ним слушали скрипку, и о словах, которым он меня научил, и о его рассказах, учивших меня видеть и понимать мир.

— Помнишь, что нам однажды сказал дедушка? — подхватывает мама. — Надо получать удовольствие от этих красивых вещей, чтобы побеждать жизненные скорби.

Я понимаю — ей хочется, чтобы я одобрил ее решение поставить фарфоровый сервиз на стол. Поэтому я снова киваю. И пытаюсь вспомнить еще более далекие времена, еще до приезда дедушки, времена, когда мир был такой надежный, маленький и послушный — им правили родители и не могло случиться ничего дурного.

— Ты не поможешь мне на кухне, Джехангу? — спрашивает мама, выходя из гостиной.

— Конечно, — говорю я, но не встаю со стула.

Я думаю: что ждет нашу семью в этом доме, в доме моего деда, в этом мире, который все менее понятен? Я думаю об отце, который заставляет меня подозревать, будто мой настоящий отец исчез, а его место занял незнакомец, который без передышки молится.

Моя мать, как всегда, спешит, она что-то несет из кухни. Должно быть, она видит отрешенность на моем лице, потому что приближается ко мне и тянется рукой к моему плечу. Колеблется, и жест ее не завершен. Я ощущаю мамины пальцы вблизи себя.

Они легко опускаются мне на руку.

— В чем дело, Джехангу? Ты несчастлив?

— Нет, — говорю я. — Я счастлив.

Что говорил Заратустра?

Сначала об авторе. Рохинтон Мистри — уроженец Индии, огнепоклонник по религии, добившийся литературного признания в Канаде, где он живет уже почти тридцать лет.

Постоянная тема произведений Мистри — это Индия, а в Индии — его родной Бомбей, а в Бомбее — жизнь той религиозной общины, с которой он связан по рождению. Исчезающей общины. Уходящей натуры…

Их на свете осталось около двухсот тысяч, единоверцев Рохинтона Мистри, последователей одной из самых древних религий мира, основанной в XV веке до н. э. пророком Заратустрой (Зороастром в греческом варианте). «Всегда жаль, когда что-то исчезает с лица земли — какой-то вид, растение или насекомое», — говорит Мистри в интервью канадскому журналисту Дирку Беннетту.

В Индии зороастрийцев называют парсами, и они сами так зовут себя. История их появления в этой стране такова. В X веке у полуострова Катхиавар в Аравийском море показались утлые

суденышки. Люди, приплывшие на них, растолковали, что они из Персии, бежали от гонений мусульман, и испросили у местного князька-раджи позволения поселиться на одном из семи островков, которыми он правил. Жители островов сами поклонялись круглоголовой богине Мумбе, но пришельцев с их странной верой приняли. Звать их стали парсами.

По преданию, парсы прожили среди рыбаков девятнадцать лет. Потом раджа разрешил им перебраться на материк, где они основали свое поселение, стали выращивать фрукты, разводить скот и прославились как превосходные ткачи и сукновалы. Постепенно парсы научились говорить на гуджерати как на родном языке, усвоили индийскую одежду — с небольшими отличиями. Женщины ходили в сари, но головы покрывали платком и дома, и на улице. Мужчины носили белые тюрбаны. Поселение процветало, расширялось, парсы расселялись по западному побережью. Жили тихо и чистоплотно, пользовались репутацией людей работящих и честных. Держались особняком, иноверцев к себе не допускали. Для кастовой Индии такое поведение было нормальным; со временем индусы начали рассматривать парсов как особую касту, а парсы,

превыше всего озабоченные сохранением своей общины и гордые иранским происхождением, стали утверждать, что принять их веру невозможно: зороастрийцем надо родиться — как и индусом.

Собственно, парсы только одним обращали на себя внимание окружающих: мертвых они не хоронили и не сжигали, а уносили в пустынное место и оставляли на растерзание хищным птицам…

Истоки зороастрийских верований уходят в почти непроглядную тьму тысячелетий. Пророк Заратустра жил так давно, что его последователи сами забыли, где и когда это было. Но современные исследователи утверждают, что предположительно жил он в азиатских степях к востоку от Волги между XV–XII веками до н. э., когда каменный век уступал место бронзовому. Однако Заратустра, сын Поурушаспы из рода Спитама, был жрецом-заотаром еще более древнего культа, который соединяет предков иранцев с индоариями, а зороастрийское священное писание, в совокупности известное как Авеста, с древнеиндийской Ригведой.

Когда Заратустра достиг тридцати лет, ему было дано откровение. Во время праздника весны

он на рассвете отправился за водой для приготовления хаомы — напитка из сока священного растения, необходимого для богослужения. Желая зачерпнуть чистую воду, он добрался до середины потока, а вернувшись на берег — омытый свежей водой, — увидел сияющую фигуру. Это был Воху-Мана — благой помысел, который привел Заратустру к Ахура-Мазде и пяти другим светоносным существам. Пророк «не увидел собственной тени на земле» из-за света, который они излучали.

После этого события он еще не раз видел Ахура-Мазду или слышал его слова, призывающие к служению.

Заратустра провозгласил Ахура-Мазду единственным несотворенным богом, который сотворил все сущее. Вначале он сотворил нематериальный мир, затем придал своим творениям материальную оболочку. В своем всеведении Ахура-Мазда знал, что созданный им мир должен стать ареной противоборства Добра и Зла. Согласно Божественному плану Ахура-Мазды, он выиграет великую битву, навсегда уничтожит Зло, и тогда мир станет навеки благим.

В одном из видений перед Заратустрой предстал и Ангра-Манью, антагонист Ахура-Мазды,

тоже изначальный, но воплощающий собой Зло. Когда творение стало материальным и уязвимым для Зла в образе Ангра-Манью, тот сразу набросился на материальный мир, причиняя ему всяческую порчу: благую воду сделал соленой, благую землю иссушил, превращая в пустыню, и даже священный огонь испортил дымом.

Священны все благие элементы мира, сотворенные Ахура-Маздой, но превыше всего огонь, ибо огонь пронизывает все остальные творения, через солнце он управляет сменой времен года, а это уже Аша-Вахишта, мировой порядок, Божественный план. Человек в мировом порядке есть глава творений и обязан заботиться о них, ибо все благие творения стремятся к единой цели — к окончательной победе над Злом. Но только человек сознательно стремится к выполнению Божественного плана, все прочие — по природному влечению.

Ответственность человека этим не ограничивается: он должен принимать участие в исполнении Божественного плана. Конечно, согласно этому плану, Добро обязательно восторжествует над Злом, но поскольку человек наделен способностью нравственного выбора, то от выбора каждого напрямую зависит либо приближение

победы Добра, либо ее отдаление.

По преданию, Заратустра прожил долгую жизнь и погиб от меча воина, даже не знавшего, кого он убивает. Заратустре принадлежит авторство «Гат» — семнадцати великих гимнов, которые его последователи благоговейно сохранили до наших дней. Это не заветы и не собрание наставлений, а скорее пылкие обращения провидца к Богу. Гимны сложены на древнем языке, в древней поэтической форме, поэтому смысл их часто не ясен. Однако проповедовал Заратустра, по всей видимости, языком простым и доступным, его изречения передавались из поколения в поколение, а впоследствии были записаны — через несколько столетий. Изречения сохранились благодаря тому, что они достаточно рано стали частью зороастрийского богослужения и каждый священнослужитель-дастур должен был заучивать их наизусть.

Заратустра дал своим последователям особый моральный закон — жить в строгом соответствии с триадой: благой помысел, благая речь, благое деяние. Напоминать об этом призван обряд кусти: последователь Заратустры должен пять раз в сутки обматывать вокруг поясницы в три витка священный шнур, завязанный узлами спереди

и сзади. Три витка символизируют триаду зороастрийской этики. Развязывая и вновь завязывая шнур, верующий повторяет: манашни, гавашни, кунашни — благой помысел, благая речь, благое деяние. Кусти повязывается поверх белой рубашки-судры, в ворот которой зашит крохотный кошелечек: человек должен всю жизнь наполнять его благими помыслами, словами и делами — они учтутся в загробной жизни.

После смерти человека судит Беспристрастный Судия и отправляет его в рай или в ад. Так будет продолжаться до той поры, пока не родится на свет Спаситель мира. Он родится чудесным образом, но будет человеком, ибо именно род человеческий призван сыграть решающую роль в окончательном искоренении Зла.

Заратустра создал учение, согласно которому человеку предназначается роль главного союзника Бога в выполнении космического Божественного плана: окончательной победы Добра над Злом.

Обитая в природно чистом и благом мире, который следует оберегать от зла и скверны, угрожающих всем благим творениям, маздаясна — верующий в Ахура-Мазду и следующий учению Заратустры — обязан прежде всего содержать

себя в духовной и физической чистоте. Но обязан он и заботиться о чистоте всего сотворенного: сохранять землю плодородной и незагрязненной, воздух — чистым, ухаживать за растениями и животными. Пищу следует готовить, тщательно соблюдая чистоту, а принимать ее с благоговением, ибо все употребляемое в пищу исходит от благих творений.

Больше всего страшит зороастрийца осквернение, ибо оно есть само Зло.

В особенности важна чистота воды и огня, их необходимо всячески оберегать от скверны. Ничто нечистое не должно соприкасаться с природным источником воды — озером, ручьем или колодцем. Огонь можно разводить только чистыми и сухими дровами, не сжигая в нем ничего нечистого. Недопустимо даже задуть огонь, потому что нельзя поручиться за чистоту человеческого дыхания.

Как только душа отлетает от тела, оно преисполняется скверны, поэтому соприкосновение с ним оскверняет благую землю, благие растения, благую воду, уже не говоря о священном огне. В древности зороастрийцы, соблюдая всяческие предосторожности, уносили трупы в удаленные места, предпочтительно возвышенные и

каменистые, где оставляли их на растерзание зверям и птицам. В Средние века начали строиться похоронные башни — дахмы, к которым могут приближаться лишь священнослужители и носильщики, проходящие затем особые очистительные обряды. Мертвое тело кладут на верхнюю площадку, а через несколько дней, когда солнце и ветер высушат кости, их сбрасывают в колодец, дно которого засыпано негашеной известью, древесным углем и другими минералами. Дахмы, более известные как Башни безмолвия, служат зримой приметой зороастрийских колоний, так как они возводятся везде, где поселяются зороастрийцы. При первой же возможности в домах зороастрийцев возжигается священный огонь, необходимый для богослужений, возводятся храмы огня. Священный огонь в храмах поддерживается столетиями. Один из трех великих древних огней Ирана горит беспрерывно уже более двух тысячелетий.

Учению Заратустры было суждено превратиться в государственную религию трех могущественных персидских империй, которые, сменяя одна другую, просуществовали с VI века до н. э. вплоть до VII века н. э. на большей части Ближнего и Среднего Востока. Зороастризм распространился

на огромной территории, оказал воздействие на формирование мировых религий, но сам так и остался религией иранских народов.

Начиная с Кира Великого, который помог иудеям вернуться из вавилонского плена и восстановить храм в Иерусалиме, персидские императоры проводили в своих владениях политику веротерпимости[12]. Зороастризм не навязывался покоренным народам — им позволялось поклоняться собственным богам наравне с Ахура-Маздой.

На Ближнем Востоке зороастризм повлиял на все три авраамические религии: иудаизм, христианство и ислам. Власть Ирана простиралась до Северной Индии, и там зороастризм повлиял на буддизм махаяны: вера в Майтрейю, грядущего Будду, частично восходит к зороастрийской идее Спасителя.

В VII веке Сасанидская империя персов пала под натиском арабов. Древняя религия не выдержала напора религии молодой и динамичной. Ислам, религия единого Бога, яростно обрушился на дуалистический зороастризм. Удар был страшен. Храмы огня превращались в мечети, зороастрий-

---

[12] Примечания: 12
См.: Ветхий Завет, Ис. 44: 28, 45: 1–6.

цы принуждены были делать выбор: принять ислам или погибнуть. Но Иран — огромная страна. В далеких и труднодоступных районах в нищете и безвестности выживала древняя вера и горел священный огонь. За арабским завоеванием последовали другие, еще более жестокие. Можно лишь поражаться тому, как разрозненные группки спасшихся сохраняли священный огонь и переписывали бесценные книги, которые затем оказались в руках парсов.

Обосновавшись в Индии, парсы искали возможности возжечь собственный священный огонь. Для этого по суше послали в Хорасан гонцов-мирян (священнослужители не могли рисковать своей ритуальной чистотой), и те привезли горящие угли от огня Аташ-Бахрам, который и был зажжен на новом месте. Но средневековый Гуджерат сотрясали то междоусобные войны, то вторжения мусульман, уже установивших свою власть в Дели, так что и парсам пришлось десятилетиями укрывать огонь в уединенной горной пещере.

Выстоять перед лицом неслыханных бедствий, пережить «тысячелетнее царствование демона Гнева» зороастрийцам помогала вера в пришествие Спасителя и в торжество справедливости.

Тип сознания, сформированный зороастризмом, был способен упорствовать в вере и противостоять кровавым преследованиям, но уже близилась другая эпоха, которой предстояло изменить самый способ существования зороастрийской общины…

Новая эпоха началась с «открытия» Индии европейцами.

В 1498 году Васко да Гама проложил морской путь в Индию. Вместе с солдатами Васко да Гамы на берег сошли католические священники. Португальцы были завоевателями торопливыми и жадными — Лиссабону не терпелось дождаться кораблей с грузом пряностей и других сокровищ баснословно богатой Индии. Португальцы двигались по морскому побережью, разрушая, грабя, возводя укрепления и католические церкви. Португальцы сильно радели о спасении душ несчастных дикарей — создателей и наследников древнейших культур мира.

В 1534 году португальцы отвоевали у мусульманских правителей Гуджерата их островное владение, которому они дали имя Bom Baia — Хорошая бухта.

В 1662 году, когда португальская принцесса Катерина Браганца вышла замуж за английского

короля Чарлза II, островное владение составило часть ее приданого. Шестью годами позднее король сдал ненужную ему территорию в аренду Ост-Индской компании за королевскую плату — за целых 10 фунтов золотом в год. Ост-Индская компания остро нуждалась в глубоководной гавани, которая могла бы принимать большие суда. Bom Baia идеально подходила для этой цели, и компания перенесла свою штаб-квартиру в Бомбей — так отныне будет назван этот город. Помимо названия «Бомбей», от португальцев на побережье остались развалины фортов и церквей, а также множество людей с фамилиями типа Да Суза, Да Сильва, Да Коста, Фернандес, Альварес и другие.

Англичанам требовалось как можно скорее преобразовать рыбачьи островки в крупный портовый город. Островки, первое официальное владение англичан в Индии, получили английского губернатора с широчайшими полномочиями. Отцом-основателем Бомбея по праву считается губернатор Джералд Онгьер. При нем — и во многом благодаря ему — Бомбей приобрел свой неповторимый характер и облик.

Прагматичных английских купцов ничуть не волновало спасение языческих душ. Ост-Индская

компания служила не Богу, а Маммоне; на территориях, которыми она владела, была запрещена деятельность христианских миссионеров. Не занимало компанию и «бремя белых». В Бомбее Ост-Индская компания отмахнулась даже от бремени управления пестрой и непонятной массой темнокожих разноязыких племен, поэтому различным «народностям» было предложено избирать собственных представителей и управлять своими внутренними делами. Советы представителей англичане назвали индийским словом «панчаят».

Англичане, непревзойденные мастера игры в «разделяй и властвуй», отказались от нее в Бомбее — этот город предназначался для торговли, политические интриги и военные действия велись из других центров, а сюда требовалось привлечь предприимчивых людей и создать условия, максимально благоприятствующие их функционированию.

И в Бомбей хлынули людские потоки: маратхи и гуджератцы, ремесленники и торговцы, строители мостов и дамб, соединивших острова, каменщики и кузнецы, резчики по дереву и ткачи, индусы, мусульмане, христиане…

После открытия Суэцкого канала в 1869 году

город неслыханно разбогател, стал еще космополитичней, еще ярче, появились арабы с берегов Персидского залива, евреи-сефарды, армяне, разнообразные искатели счастья изо всех стран Европы…

Бомбей — смешение рас и религий, Бомбей — главный порт Индии, Бомбей — мировой торговый и финансовый центр, где Восток сошелся с Западом.

Этот город с самого начала притягивал парсов как магнит, как Земля обетованная, где нет никакой дискриминации, где они смогут свободно исповедовать свою веру, самостоятельно управлять общиной и в полной мере проявить себя. Жизнь в Индии сильно изменила их. Иранские зороастрийцы оставались сельскими жителями, гонимым и презираемым меньшинством — парсы же все больше превращались в горожан, богатели и приобретали положение в обществе. Когда для индийцев открылась возможность получать образование европейского типа, то в дополнение к уже традиционным среди парсов занятиям коммерцией и финансами они освоили профессии юристов, врачей, учителей, журналистов. Парсы превращались во влиятельное меньшинство.

О Бомбее справедливо говорят, что он куда детальней и точнее запечатлел свою историю в городской топонимике, чем другие города. И неудивительно, ведь Бомбей в некотором смысле сродни Петербургу, он тоже возник «из топи блат», когда в том была необходимость. И нет у него истории, уходящей в сумрак тысячелетий, — все известно, все записано. Память о семи островах — в названиях городских районов, имена создателей города — англичан, парсов, евреев и прочих — в названиях улиц и площадей, колледжей и больниц, банков и театров. Новейшая история фиксируется в небоскребах Нариман-пойнта — делового центра города, в пригородном Научно-исследовательском атомном центре Хоми Бхабхи, в Институте фундаментальных исследований Таты. Все это имена парсов.

Бомбейские доки и судоверфи — памятник мастерству и предприимчивости семейства Вадия. Первого приехавшего в Бомбей так и звали: Вадия-Кораблестроитель; по его стопам пошли дети и внуки, за сотню лет спустившие на воду более 200 военных и торговых судов.

Джамшедджи Джиджибхой первым из парсов получил титул баронета — в числе прочих заслуг за филантропическую деятельность, которую

после его смерти продолжила его жена, леди Авабаи.

Знаменитые Висячие сады Бомбея — дело рук парса Фероза Мехты. Не менее знаменитый бомбейский Аквариум носит имя парса Тарапоревалы.

Парсы организовали бомбейскую биржу — первую в Азии. Она открылась в 1875 году — тремя годами раньше токийской. До этого сделки совершались под баньяновым деревом, которое растет и сейчас, а с 1995 года биржа размещается в 28-этажной башне, которой присвоено имя сэра Фироза Джиджибхоя — разумеется, парса.

Даже бомбейская кинопромышленность, давшая городу кличку «Болливуд», начиналась в двадцатые годы с киностудии «Мадан тиэтрс», основанной парсом.

Парсы принимали активное участие и в политической деятельности. Наороджи Дадабхаи был одним из основателей партии Национальный конгресс, которая в 1947 году привела Индию к независимости от почти двухсотлетнего британского владычества.

Кстати, парсом был и Фероз Ганди, за которого вышла замуж Индира Неру. И какой же скандал сопровождал их брак!

Разумеется, парсы проявили себя не в одном только Бомбее. Общины парсов процветали и в других больших городах Индии, но именно Бомбей сыграл роль стартовой площадки для выхода маленькой общины на общенациональный уровень.

Возникает естественный вопрос: как и почему это произошло, что сделало численно небольшую этноконфессиональную группу таким значительным компонентом в структуре Индии, страны не только огромной, но и чрезвычайно многообразной?

Начать с того, что парсы оказались в нужном месте в нужное время. Они оказались нужными городу в период его становления.

Кроме того, парсы доказали, что обладают качествами, способствующими их продвижению и развитию. Этика зороастризма воспитывает в людях активное отношение к жизни, стремление усовершенствовать ее, тягу к знанию, ибо невежество есть зло, трудолюбие, бережливость, ответственность и честность в делах. Более того, этику парсов поддерживает религиозная санкция, сообщающая ей глубинный смысл и особую устойчивость. История парсов научила их предприимчивости и наделила умением выживать в

трудных условиях — парсы настойчивы в достижении цели.

Еще одно: парсы рассматривают государственную службу и служение обществу как религиозный долг.

Далее: парсы привыкли жить общинами. Общинная спаянность и возлагает определенные обязанности на каждого, и развивает в каждом члене общины чувство локтя. Общину издавна традиционно возглавлял Совет старейшин-акабиров. Когда в 1728 году образовался орган самоуправления бомбейских парсов, их панчаят, он взял на себя функции Совета старейшин. Бомбейский панчаят всегда располагал весьма значительными средствами, и, по словам одного исследователя, «можно утверждать, что ни один достойный парс не умирает с голоду и не живет впроголодь, ни один маленький парс не растет без минимального образования и ни один больной парс не страдает без медицинской помощи».

Сфера деятельности панчаята постепенно расширяется, к началу XX века он уже занялся и созданием учебных программ для молодежи, и предоставлением жилья для нуждающихся, и противодействием «демону безработицы».

Что же, значит, своим уникальным положени-

ем в Индии парсы обязаны зороастризму? Ведь это их религия дала им тот потенциал, который так блистательно раскрылся в благоприятных условиях.

И религия стала ловушкой, в которую попала община в современном мире: зороастризм не сумел своевременно адаптироваться к переменам в мире. Тому были причины: тысячелетние гонения и угроза полного уничтожения заставляли зороастрийцев отчаянно цепляться за самые архаичные представления и ритуалы. Парсам в Индии угрожало не физическое уничтожение, а растворение в океане индийского многообразия, в котором их община представляла собой не более чем каплю. И они сохранили свою самобытность — ценой самоизоляции общины, консервации древних обычаев и строгих запретов на общение с иноверцами, уже не говоря о смешанных браках. Кара за смешанные браки — отлучение от общины и недопущение в нее детей от таких браков.

Но уже в XIX веке среди парсов зародилось реформаторское движение; реформаторы пытались сочетать свои традиционные убеждения с научными представлениями Запада и ставили под сомнение роль обрядовости. Однако надо ска-

зать, что пылкие споры между реформаторами и традиционалистами повлияли на общину куда меньше, чем требования повседневной жизни.

Миграция парсов в большие и быстро растущие города неизбежно приводила их в тесное соприкосновение с иноверцами. Если раньше парсы могли селиться в отдельных кварталах, вести дела преимущественно в своей среде, обучать детей в своих школах и прочее, то в перенаселенном многомиллионном Бомбее этому быстро пришел конец. Сегодня парсы живут, работают и учатся вместе с другими — иначе не может и быть. В условиях большого города практически невозможно соблюдать ритуальную чистоту, трудно даже соблюдать запрет на принятие пищи вместе с иноверцами. Девушки получают образование, идут работать наравне с мужчинами, и обычай изолировать женщин на время менструаций выглядит диким архаизмом.

Но при этом, каких бы вольнодумных взглядов ни придерживался парс, он все равно выполняет традиционные обряды бракосочетания, посвящения детей в общину и совершения заупокойных служб. Он посещает храм огня по большим праздникам, а если больше нет семейных богослужений, то просто по причине отсутствия огня

в домах: его заменили электричество и газ.

На практике это означает распространение формального отношения к устоям зороастризма, тысячелетиями формировавшего и духовный облик, и поведение парсов, а поскольку этика без религиозной санкции сильнее подвержена коррозии, то можно задаться вопросом и о том, сумеют ли парсы сберечь те зороастрийские ценности, которые сделали их тем, что они собой представляют. Да и важны эти ценности отнюдь не для одних огнепоклонников.

Похоже, что нынешняя ситуация представляет для зороастризма большую опасность, чем кровавые преследования прошлого.

Парсов, однако, все больше тревожит другой вопрос: выживут ли они вообще?

Уже не говоря о том, что община парсов страдает болезнями вырождения, и это неизбежный результат родственных браков, в общине неуклонно снижается рождаемость. Конечно, снижение рождаемости в среднем классе больших городов — явление повсеместное и общеизвестное, однако для маленькой общины, почти тысячелетие сохранявшей свою самобытность в инокультурной среде, это реальная угроза вымирания, а значит, и исчезновения живого зороастризма.

К тому же парсов страшит и рост индусского фундаментализма и межконфессиональной напряженности в Индии, традиционно известной своей веротерпимостью.

1947 год — на месте Британской Индии образуются два государства; секулярная республика Индийский Союз и исламская республика Пакистан. В основу раздела положена концепция «двух наций»: мусульман и индусов. Раздел выливается в чудовищное кровопролитие. Из Пакистана в Индию движется поток индусских и сикхских беженцев, навстречу ему — поток мусульман, бегущих из Индии.

Бомбей пополняется новой волной мигрантов — людей, потерявших в Пакистане родных и имущество и утративших веру в возможность сосуществования с мусульманами.

Парсов среди беженцев почти нет — большая часть парсов уезжает из Пакистана на Запад, преимущественно в Канаду, Англию и США. Остаются лишь Башни безмолвия.

В освободившейся Индии, получившей в соседи враждебно настроенный Пакистан, усиливается деятельность шовинистических организаций индусов, их много, и они выступают под разными лозунгами, но смысл их намерений сводится к

простенькой формуле: Индия — для индусов.

В 1948 году маратхский брахмин Натхурам Годсе во время молитвы в упор расстреливает Махатму Ганди. Убийство Ганди и последовавший за этим роспуск наиболее одиозных, самых праворадикальных индусских организаций как будто отрезвляет страну, но ненадолго. Раз посеянные, зубы дракона дают все новые всходы.

К концу пятидесятых разгорается битва за Бомбей. В Индии вводится новое административное деление. Вместо существовавшего при англичанах Бомбейского президентства на его территории появляются два языковых штата: Махараштра и Гуджерат. Нетрудно представить себе, какие страсти вскипают вокруг Бомбея, как рвутся оба штата заполучить Бомбей в свои столицы. Побеждает Махараштра, в переводе — «великое государство», населенное маратхами, потомками воителей, отважно сражавшихся и против Великих Моголов, и против англичан. Жизнь Бомбея приобретает маратхский акцент. Переименовываются улицы и площади, город активно заселяется конными статуями Шиваджи, национального героя маратхов.

К этому времени индусский шовинизм — не без влияния мировых тенденций — приобретает

все более воинственный характер. В 1964 году на политическую арену выходит ВХП — Вишва хинди паришад, или Всемирный совет индусов, с чрезвычайно агрессивным молодежным крылом Баджранг дал, или Отряд сильных.

Двумя годами позже в Бомбее дает о себе знать Шив-Сена, или Армия Шиваджи, которая организует свои ячейки-шакхи и приступает к силовым методам разъяснения, что соответствует индусской системе ценностей, а что противоречит ей. Впоследствии она захватит власть в муниципалитете города, и тут произойдет кульминация переименований — в 1997 году Бомбей будет переименован в Мумбай. Полузабытая рыбацкая богиня восстановлена в правах.

Тем временем Вишва хинди паришад (ВХП) ищет и находит способ громко заявить о себе и продемонстрировать свою силу.

Провинциальный городок Айодхья издавна ассоциируется с земным пребыванием бога Рамы, точнее, с местом его рождения. На месте рождения Рамы был некогда воздвигнут величественный храм, который в XVI веке был разрушен по велению Бабура, основателя империи Великих Моголов, приказавшего построить на его месте мечеть, которая получила название Бабри

масджид (Бабурова мечеть). Рядом с мечетью был оставлен узкий проход, по которому паломники-индусы могли проходить к священной для них точке. Тяжба индусов и мусульман за святыню не утихала веками, бывали и вспышки насилия, но их пресекала британская колониальная администрация, а позднее силы правопорядка независимой Индии. В декабре 1992 года после умело проведенной кампании по мобилизации масс хорошо организованные толпы разгромили Бабри масджид. По стране прокатилась волна кровавых столкновений индусов с мусульманами, которая захлестнула и Бомбей. Такой страшной резни мусульман космополитический город никогда раньше не знал и не мог себе представить.

Прошло десять лет. Полиция охраняет то, что осталось от разрушенной мечети, а Вишва хинди паришад продолжает готовиться к восстановлению храма Рамы. В феврале 2002 года мусульмане подожгли поезд, в котором ехали в Айодхью активисты ВХП требовать восстановления храма. Последовали новые столкновения между индусами и мусульманами, погибло свыше тысячи человек…

Хотелось бы верить в Божественный план Ахура-Мазды и разделять надежды приверженцев древнего учения Заратустры на непременное торжество справедливости и добра. Но уходит, уходит, уходит натура…

М. Салганик